

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2014

№ 6 (32)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии.

Полный «Перечень...» (редакция: 26 марта 2010 г.)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Могильницкий Борис Георгиевич**, д-р ист. наук, проф. Томского государственного университета; **Мерлин Од**, доктор политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбаев Жарас Акишевич**, д.и.н. проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, к.и.н., гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминных Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой востоковедения; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Mogilnitsky Boris G.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History, Tomsk State University; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbaev Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Sheve-lyov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И ЕС: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ
НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ. ЕС И РОССИЯ
НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ:
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.
ТОМСК, 19–21 МАЯ 2014 г.

Баев О.В. Футбольные фанаты в европейских странах	5
Корнеев О.В., Леонов А.С. Инструменты влияния Европейского союза в сфере противодействия торговле людьми на постсоветском пространстве	12
Костромина Н.Г. Тоталитаризм в оценке французской исторической и политической мысли: особенности дискуссии 1990-х гг.	17
Михайленко В.И. Проект «Новый пакт для Европы» как инициатива экспертных сообществ Европейского союза	24
Фоминих А.Е. Российские университеты на образовательных рынках Центральной Азии: публичная дипломатия, сотрудничество и конкуренция	28
Хахалкина Е.В. Динамика общеевропейской идентичности Британии по материалам Евробарометра (1990–2000-е гг.)	32
Мирошников С.Н. Россия и «восточное» расширение Европейского союза в 1991–2004 гг.	38
Игумнова Л.О. Имперская идентичность Европейского союза и России	45
Громова Д.В. Рамочные программы как инструмент взаимодействия Европейского союза и Российской Федерации в области научно-технологического сотрудничества	56
Дериглазова Л.В. Результаты формирования гражданской идентичности в Европейском союзе в 1997–2014 гг.	60
Гончарова Д.С. Реформа высшего образования и введение платы за обучение в Великобритании в 1998–2010 гг.	67
Морозова А.Е. Перспективы нового референдума о членстве Великобритании в Европейском союзе	75
Кутейников А.Е. Вопросы семьи в «семье» ООН (20-летие Международного года семьи)	80

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Щавинская Л.Б. Классификация и профессиональная компетенция строительных инженерно-технических кадров Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	85
Кондратьева Т.Н. Обучение студентов на общественно- педагогическом отделении факультета общественных наук МГУ (1921–1925 гг.)	89
Казиев С.Ш. «Золотой век» советского интернационализма и проблемы межэтнических отношений в Казахстане (1964–1985 гг.)	95
Усачева О.Т. История участия Русской православной церкви диаконии Всемирного совета церквей	102

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Андронов И.Е. Вальденсы в «Каталоге свидетелей истины» Матиаса Флация	110
Гаевой Г.Е. Обсуждение соглашения о трансатлантической зоне свободной торговли в американо-германских отношениях (1994–2014 гг.)	115

CONTENTS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
«RUSSIA AND THE EU: COOPERATION IN
SCIENCE AND EDUCATION. RUSSIA AND THE EU
IN EURASIA», MAY 19–21, 2014 TOMSK STATE
UNIVERSITY, WAS ORGANIZED BY THE
EUROPEAN UNION CENTRE IN SIBERIA, TOMSK

Baev O.V. Football fans in European countries	5
Korneev O.V., Leonov A.S. Instruments of EU influence in the fight against human trafficking in the post-Soviet space	12
Kostromina N.G. Totalitarianism in the evaluation of the French historical and political thought: features discussions 90s of the twentieth century	17
Mikhaylenko V.I. Project "New Pact for Europe" as an initiative of the European Union expert communities	24
Fominykh A.E. Russian Universities In the Educational Markets of Central Asia: Public Diplomacy, Cooperation and Competition	28
Khakhalkina E.V. Dynamics of European identity in Britain based on the Eurobarometer (1990–2000s)	32
Miroshnikov S.N. Russia and EU's «Eastern» enlargement, 1991–2004	38
Igumnova L.O. Imperial identity of the European Union and Russia	45
Gromova D.V. Framework programs as an instrument of the European Union and the Russian Federation cooperation in the sphere of research and technology cooperation	56
Deriglazova L.V. Results of the formation of European union citizenship identity, 1997–2014	60
Goncharova D.S. Introduction of tuition fees for higher education in the United Kingdom, 1998–2010	67
Morozova A.E. The prospects of new referendum on British membership in the EU	75
Kuteynikov A.E. Questions on family in the family of UN (the twentieth anniversary of the International year of the family)	80

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Shchavinskaya L.B. Classification and professional competence of construction engineering and technical personnel of Tomsk province in the second half of XIX – early XX century	85
Kondratieva T.N. Teaching Students at the Social-Pedagogical Department of the Social Science Faculty of the Moscow State University (1921–1925)	89
Kaziev S.S. "Golden age" of soviet internationalism and problems of interethnic relations in Kazakhstan (1964–1985)	95
Usacheva O.T. The history of the Russian Orthodox Church's participation in diakonia of the World Council of Churches	102

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Andronov I.E. Waldensians in the Flacius' Catalogus testium veritatis	110
Gaevoy G.E. Discussion of the Transatlantic Free Trade Zone agreement in the US- German relations (1994–2014)	115

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Кулемзин В.М., Колесникова С.Ю. Устойчивость, изменчивость и прочие факторы деформации традиционной культуры (к постановке вопроса)	118
Бейсенов А.З. Серьги сакской эпохи	121
Полякова Е.А. Развитие музея как образовательной формы культуры	129
Коновалова Л.В. Трансформация традиций вероисповедания иммигрантов еврейского происхождения в США (1880–1914 гг.)	137

РЕЦЕНЗИИ

Демина Р.И., Петрова Г.И. Рецензия: Славься, университет! Иллюстрированные страницы истории ТГУ / сост. Н.М. Дмитриенко; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 320 с. : ил.	141
Кулемзин В.М., Колесникова С.Ю. Рецензия: Орлов Д.С. Сельское хозяйство Томской области во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг.: от мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г. к Продовольственной программе 1982 г. Бийск : Алтайская гос. академия образования им. В.М. Шукшина, 2014. 279 с. 500 экз.	145
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	148

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY & CULTURELOGY

Kulemzin V.M., Kolesnikova S.Ju. Stability, variability and other factors of deformation of traditional culture (to statement of the question)	118
Beisenov A.Z. Earrings of the Sak epoch	121
Poljakova E.A. Development of museum as an educational form of culture	129
Konovvalova L.V. Transformation of traditional confessions among Jewish immigrants in USA (1880–1914)	137

REVIEWS

Demina R.I., Petrova G.I. Review. Glory to the University! Illustrated pages of TSU' history / comp. N.M. Dmitrienko; science ed. E.I. Chernyak. Tomsk : Publishing House of Tomsk University, 2014. 320 p. : il.	141
Kulemzin V.M., Kolesnikova S.Ju. Review. D.S. Orlov. Agriculture of the Tomsk region in the second half of the 1960th – the beginning of the 1980th: from March plenum of the Central Committee of CPSU of 1965 to the Food programme of 1982. Biysk, 2014. 279 p.	145
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	148

РОССИЯ И ЕС: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ. ЕС И РОССИЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ : МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. ТОМСК, 19–21 МАЯ 2014 г.

Конференция организована Центром Европейского союза в Сибири. Статьи опубликованы на средства гранта Европейского союза №2010/257–459. Статьи подготовлены на основе оригинальных материалов, представленных авторами. Европейский союз не несет ответственности за выводы и мнения, высказанные авторами.

УДК 796.332+314.93 (4)

О.В. Баев

ФУТБОЛЬНЫЕ ФАНАТЫ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Анализируются различные аспекты взаимоотношений европейских футбольных фанатов. Исследуются процессы приобщения европейцев к футболному болеванию, история становления данного феномена социальной жизни, анализируются социальные практики футбольных болельщиков и их взаимоотношения с правоохранительными органами. Делается вывод о значительной роли футбольного боления в различных сферах жизнедеятельности современного европейского общества.

Ключевые слова: футбол; Европа; фанаты; социальные связи.

Согласно опубликованному в апреле 2104 г. докладу Союза европейских футбольных ассоциаций, 82% взрослых европейцев интересуются футболом «в той или иной степени», а 25% – «очень интересуются» [1. С. 2]. «Футбольная социализация» начинается достаточно рано. В одних из яслей в Висбадене (Германия) накануне финала чемпионата мира по футболу 2014 г. в шкафчик каждого ребенка загодя положили по раскрашенному в цвета германского флага барабану и свистку [2. С. 5]. В результате в современной Европе футбольные фанаты являются достаточно многочисленной и активной социальной группой, нуждающейся во всестороннем изучении, так как «культура фанатов и все её проявления отличаются большим многообразием и большой противоречивостью» [3. С. 114].

Большинство футбольных болельщиков идентифицировало и идентифицирует себя с определённым футбольным клубом, который в их глазах обладает особым кредитом доверия. В Англии достаточно скоро сформировалась соответствующая футбольная традиция – «поддержи свою местную команду» (support your local team) [4. С. 5]. При этом уровень демонстрируемой игры напрямую не связан с посещаемостью футбольных матчей. В 2013/2014 гг. «Глазго Рейнджерс», выступая в третьем по рангу дивизионе чемпионата Шотландии и занимая 97-е место в клубном рейтинге Союза европейских футбольных ассоциаций, занял 25-е место в Европе по посещаемости своих матчей [5. С. 6].

Д. Бримсон так объясняет поведенческий стереотип данного явления: «Как поклонник клуба, не входящего в большую шестерку, я болею не из-за красивой игры, а из-за чувства преданности, долга и привычки. Довольно часто команда, за которую болеешь, вообще не является твоим выбором. Более того, в большинстве слу-

чаев не мы выбираем, за какую команду болеть. Она достаётся нам по наследству, передаётся от отцов (или вопреки им) вместе с лысиной. Как известно каждому, лишь только команда проникла в твою душу, она навсегда там и останется» [6. С. 347]. Когда хозяин «Оксфорд Юнайтед» Роберт Максвелл захотел объединить свой клуб с «Редингом», чтобы у нового клуба была большая территория охвата, болельщики обеих команд не захотели объединяться со своими злейшими врагами и Максвелл отказался от претворения своего плана [7. С. 306].

Однако постоянный рост социальной мобильности (в том числе территориальной) всё более размывал идентификацию болельщиков с командами, базирующимися в месте их проживания. Например, в годы Второй мировой войны многих лондонцев эвакуировали за пределы столицы, но они продолжали болеть за свои прежние команды. Впоследствии они передавали свою любовь детям, в результате чего складывалась ситуация, при которой болельщики поддерживали команду не из региона постоянного проживания, а с родины своих отцов/дедов [6. С. 9. Прим. 1]. При этом несколько тысяч жителей Северной Ирландии поддерживает «Селтик» из Глазго, основанный в 1888 г. ирландскими эмигрантами [8. С. 36, 49].

Кроме того, часть болельщиков (особенно из регионов, где нет собственных футбольных команд или их уровень безнадежно низок) всё-таки идентифицирует себя с ведущими футбольными клубами. Распространение телевидения позволило постоянно наблюдать игры клуба, за который болел человек, и не проживая в месте его базирования. Например, в Англии уже в 60-е гг. XX в. больше всего болельщиков было у «Манчестер Юнайтед». «Уже в те времена у них было нема-

ло фанатов на юге, и все игры этого клуба в Лондоне вызывали огромный зрительский интерес» [9. С. 113].

В результате на сегодняшний день в среднем 23% европейских болельщиков поддерживают самый популярный клуб своей страны. Лидируют лиссабонская «Бенфика», за которую болеет 47% поклонников футбола в Португалии, и бухарестская «Стяуа», которую поддерживает 45% румын. Наиболее же размыты симпатии во Франции и Англии (14 и 15% соответственно у «Пари Сен-Жермен» и «Манчестер Юнайтед»). При этом в начале XXI в. даже национальная принадлежность уже не играет решающей роли при определении симпатий. В частности, английский «Манчестер Юнайтед» лидирует по популярности в Ирландии, Норвегии и Швеции, а испанская «Барселона» – в Словении (28%), Словакии, Польше, Израиле, Македонии, Венгрии, Боснии, Швейцарии, Казахстане и Финляндии [1. С. 2].

Аналогичные процессы происходят и на уровне национальных сборных. С одной стороны, жители Европы поддерживают команды из стран своего постоянного местопребывания, особенно когда те добиваются значительных успехов. Так, на чемпионате мира 2014 г. за «бундестим» болели не только немцы, но и проживающие в Германии турки, итальянцы, русские, португальцы, сербы, хорваты... [2. С. 5] С другой стороны, эмигранты продолжают поддерживать футболистов и из стран своего происхождения. «Иностранцы оседают здесь, называют себя британцами, но, когда сборная страны, откуда они родом, приезжает на “Уэмбли”, они размахивают её флагами и поют её песни. Вот почему Великобритания никогда не станет единой» [7. С. 117]. В Италии же местные болельщики иногда освистывают национальный гимн [Там же. С. 239]. Братья Бримсоны считают, что это связано с тем, что в отличие от клубов сборная не принадлежит болельщикам. В то же время игроки поддерживаемого клуба, играя за сборную, представляют и его болельщиков [Там же. С. 23–25].

Начало же формирования феномена футбольного боления можно отнести к середине XIX в. К этому времени футбол оформился в известном нам виде и стал завоевывать популярность. По мнению заслуженного тренера СССР М. Угрюмова, феномен боления заключался и заключается в том, что «ты самозабвенно хочешь только одного: чтобы те, кто в зеленом, уделали вот этих – полосатых» [10. С. 8]. Тем самым команда противников автоматически превращалась в неприятелей, которых надлежит разбить и победить любой ценой [3. С. 118]. Однако собственно болельщическая субкультура представляла собой мало общего с современностью. Ездить на матчи в другие города было очень сложно даже игрокам, не говоря уже о болельщиках, так что «в большинстве случаев «приезжих» фанатов на матчах не было, если только не встречались команды из недалеко расположенных друг от друга городов» [9. С. 103].

При этом уже применительно к концу XIX в. можно говорить о попытках болельщиков играть активную

роль в ходе матчей и связанных с ними проблемах. Так, в 1887 г. некоторые зрители, посещавшие матчи лондонского клуба «Тоттенхэм Хотспурс» (они проводились в парке, где поле огораживалось натянутой по периметру веревкой, но собирали до четырех тысяч зрителей), начали воровать овощи с прилегающих к парку участков и бросать их в соперников «Хотспурс» [9. С. 104].

Таким образом, болельщики постепенно стали превращаться в своеобразных участников матчей. В результате в Великобритании уже до начала Первой мировой войны «профессиональный футбол ассоциировался в первую очередь с беспорядками, которые устраивали зрители. Зачастую жестокие противостояния между болельщиками двух местных команд становились нормой, равно как и ситуации, когда зрители выбегали на поле, – эта тактика применялась ими для того, чтобы остановить игру, если их команда проигрывала. Иногда люди просто выходили на поле во время перерыва и отказывались покинуть его, так что игру приходилось прекращать. Еще одной проблемой стали участвовавшие случаи нападения на игроков и судей – и это печальное обстоятельство сильнее других беспокоило Футбольную ассоциацию». Согласно имеющимся у Д. Бримсона данным, за период между 1894 и 1914 гг. судьи представили в Футбольную ассоциацию 238 отчетов о серьезных беспорядках во время матчей» [9. С. 104, 105]. В Ирландии, начиная с 1913 г., на футбольных матчах произошло несколько беспорядков, вызванных религиозными разногласиями [7. С. 47].

Однако данные проблемы носили пока еще локальный характер. Футбол как важный элемент европейской культуры продолжал развиваться, и эпоха после Второй мировой войны ознаменовалась расцветом футбольного боления как социального явления. «В послевоенный период Англия переживала футбольный бум. Посещаемость матчей достигла пика в 1948–1949 гг. – тогда она составила более 41 млн человек. На трибунах появлялось все больше и больше женщин, а порядок обеспечивали немногочисленные полицейские. Время от времени, конечно, случались стычки между фанатами, и иногда весьма жестокие, но таких ярких болельщиков было очень немного, а сама драка оставалась большой редкостью. В целом основные проблемы были связаны с игроками, судьями и выпивкой» [9. С. 105].

По мнению Д. Бримсона, послевоенный период, включая вторую половину 1960-х гг., стал золотым веком прежде всего британского футбола. «Это было время, когда футбол еще не знал дельцов от спорта, а матчи, которые проходили без каких-либо серьезных беспорядков, посещало огромное количество зрителей» [11. С. 101]. При этом огромные массы болельщиков на стадионах не создавали неразрешимых проблем ни для организаторов матчей, ни для правоохранительных органов. «До поры до времени болельщиков на стадионах не разделяли, так как их поведение пока не потребовало такой меры» [9. С. 115].

Однако уже в начале 60-х гг. появляются первые предпосылки к трансформации социальных практик в среде футбольных болельщиков. Трансляция матчей чемпионата мира 1962 г. в Чили впервые показала фанатам, как именно ведут себя их коллеги в других странах. «Все были потрясены, узнав, что на стадионе можно распевать песни, и стало ясно, что фанаты способны сыграть гораздо более активную роль. Не прошло и нескольких недель, как разрозненные болельщики организовались во множество небольших объединений. Начался еще один важный процесс: отдельные группы собирались на определенных участках местного стадиона и объявляли их “своими”. Почти всегда это были трибуны за воротами. Именно там собирались наиболее активные болельщики в день матча. Не только для того, чтобы распевать песни, но и для того, чтобы создавать общее настроение на стадионе... Фанатов тогда практически не разделяли, в этом просто не было серьезной необходимости, но у “поющих” групп стали появляться лидеры» [9. С. 108, 109]. В результате часть зрителей шла на стадионы не только (а иногда и не столько) для того, чтобы посмотреть, но и чтобы стать важной частью футбольного матча [3. С. 119]. Таким образом, в среде футбольных болельщиков формируются своеобразные «малые группы», претендующие на особый статус по сравнению с рядовыми болельщиками.

Однако именно эти более активные болельщики стали представлять для клубов определённую опасность. И очень скоро в среде футбольных болельщиков произошёл раскол. В середине 1960-х гг. трибуны английских стадионов примерно на 70% состояли из тех, кто отождествлял себя с футбольным насилием [12]. В связи с этим ливерпульский «Эвертон» стал первым клубом, чье руководство в ноябре 1963 г. приняло решение поставить за воротами специальные заграждения [9. С. 109]. «В середине 60-х... некоторые районы британских городов на время матчей превращались в запретные зоны, телевидение стало идеальной альтернативой для законопослушных футбольных фанатов. Просмотр матчей на малом экране был не только проще и дешевле, но и, в большей степени, безопаснее» [11. С. 17]. Вместе с тем развитие телетрансляций расширило социальный состав футбольных болельщиков за счёт сельских жителей, стариков, детей и женщин. Вслед за этим произошёл и рост женской аудитории на трибунах стадионов [13. С. 265]. «Феномен чисто мужских трибун начал уходить в прошлое, и этот процесс продолжается по сей день» [7. С. 155].

Одновременно с этим произошла политизация групп футбольных болельщиков. Для многих жителей Европы футбол стал едва ли не единственной сферой, где они могли продемонстрировать свой патриотизм [7. С. 111]. При Франко только на стадионах клубов «Атлетик» из Бильбао и «Реал» из Сосьедада баски могли выражать свою национальную гордость, не опасаясь угодить в тюрьму [8. С. XIV]. В Италии в конце 60-х гг. XX в. зародилось и на

волне политического протеста окрепло движение «ультрас». «Политика занимала центральное место в движении ультрас с самого его зарождения в конце 1960-х гг. Основной причиной такого положения дел в послевоенной Италии стало довольно быстрое распространение политического конфликта на все сферы жизни общества, включая спорт. В футболе же политические разногласия привели к тому, что одни команды стали считаться левыми, а другие – правыми, в зависимости от социального статуса их сторонников» [11. С. 199]. Например, среди болельщиков «Милана» преобладают представители левой части политического спектра, тогда как среди фанатов миланского «Интера» больше консерваторов и сторонников правых взглядов [14].

Владелец «Милана» Сильвио Берлускони использовал футбол в политической борьбе. Фан-клубы «Милана» превратились в партийные ячейки его партии «Вперёд, Италия!» [8. С. 173]. При этом политические институты иногда используются для решения болельщиками своих проблем. Так, в 1990 г. группа болельщиков лондонского «Чарльтона» создала политическую партию «Вэлли» (с единственной целью – возвращение на одноименный родной стадион), в 1991 г. набрала на местных выборах более 14 000 голосов и добилась своего [7. С. 307].

Пожалуй, именно политизация движения футбольных болельщиков способствовала изменению характера социальных связей в их среде. «Еще одним политическим аспектом в деятельности ультрас с самых первых дней их существования стала организация членства. Это позволяло группировкам развиваться в нечто большее, чем в простое объединение фанатов. Они становились настоящими общественными организациями, основной целью которых была поддержка любимой команды» [11. С. 200, 201]. «Ультрас во всех интервью описывали своё фанатское существование как вовлечённость и увлечённость, как работу, на которой они будут сосредоточены» [3. С. 124].

Усиление степени организованности футбольных болельщиков влекло за собой и трансформацию их социальных практик. «Фанаты “Торино” первыми оставили свой след в истории итальянского футбола, устраивая практически на каждом матче пестрые театрализованные представления. Следствием этого почина стало появление групп ультрас при всех крупных клубах, и, с учетом опыта английских фанатов и итальянской трибунной культуры, начал быстро формироваться новый стиль поддержки любимых команд» [11. С. 210].

Это предполагало большую дисциплинированность болельщиков в процессе поддержки своих команд. «Подготовка к матчу начинается за неделю. Члены группировок встречаются и решают, какие и когда будут петь песни, каких игроков поддерживать, а каких поносить. Они распределяют роли и репетируют своё поведение на стадионе» [7. С. 236]. «Буквально каждый фанат знал, с чем ему следует прийти на стадион – с

барабаном, дудкой, флагом или транспарантом. Этот военный стиль нашел свое отражение в названиях и символике групп, которые выбирались с целью навести ужас на противников, возможно еще не привыкших к такому милитаристскому стилю поддержки» [11. С. 211]. Подобные процессы привели к необходимости большей степени идентификации «активных болельщиков» – у различных групп ультрас появилась своеобразная униформа: камуфляжные военные куртки и брюки, кепки с банданами, повязанными вокруг шеи так, чтобы их легко можно было в случае стычки натянуть на лицо [11. С. 200]. С середины 1970-х гг. понятие «болельщик» всё более вытесняется понятием «футбольный фанат» [3. С. 119].

Однако подобная нацеленность на конфликт не устраивала руководителей европейского футбола. Так, Федерация футбола Италии провозгласила день 21 декабря 1975 г. «днем дружбы» с тем, чтобы фанаты забыли о прежних конфликтах и начали заново строить свои отношения. «Можно сказать, что в некоторой степени эта акция увенчалась успехом, который во многом был обусловлен спадом в деятельности различных политических движений в середине 70-х» [11. С. 204].

При этом численность футбольных болельщиков постоянно росла. «По мере роста популярности самого футбола появлялись все новые футбольные клубы, в которые вступали новые люди. Практически в каждом городе было место, где болельщики могли пообщаться, удовлетворить своё любопытство, реализовать потребность поспорить. Особую активность фанаты проявляют после крупных футбольных матчей, причем такие дебоши случаются как в случае проигрыша, так и в случае победы своей команды» [15].

Всё более массовый характер стала приобретать и активная поддержка своей команды на выездных матчах. У фанатов были деньги, поездки по стране не требовали больших затрат времени и средств, что привело к резкому увеличению числа болельщиков, следовавших за своим клубом в другие города [9. С. 109].

Судя по всему, явление массовой поддержки своей команды на выездных матчах напрямую связано с общим уровнем жизни в стране. Например, в относительно небогатой Испании массовые поездки болельщиков на выездные матчи не стали постоянным явлением. Единственное исключение делается раз в год для финала Кубка короля. «Если любимая команда туда пробивается, то в путешествие на решающую игру отправляются все, кто может, включая школьников младших классов и бабушек с солидным пенсионным стажем» [16. С. 5].

Общий уровень интереса к футболу в той же Испании является очень высоким. По мнению М. Угрюмова, «там невозможно жить, не интересуясь футболом. Если, допустим, ты пришел к руководству с какой-то своей проблемой, но не смог ответить на заданный тебе футбольный вопрос или просто поддерживать тему, к тебе никогда не будут относиться всерьез. Футболом в Испании пронизано все. Это – религия,

причем значительно более популярная, чем католицизм» [10. С. 8]. Аналогичные явления присутствуют и в других европейских странах. «Если ходишь на матчи правильной команды или носишь правильный галстук, ты можешь заключить выгодную сделку» [7. С. 126].

Футбольные клубы не могли более игнорировать столь массовое явление, которое сулило им дополнительные доходы, и стали участвовать в процессе организации боления не только на домашних, но и на выездных матчах. С увеличением количества людей, которых нужно было довести до места проведения матча, клубы стали арендовать вагоны в поездах, а потом, когда количество болельщиков еще более увеличилось, и целые составы. «Изначально «футбольные поезда» были средством передвижения, но за годы их существования они превратились в явление, рассматриваемое многими фанатами как неотъемлемая часть их жизни. Билеты стоили сравнительно дешево и даже старый поезд все-таки довозил до места назначения – а именно это болельщикам и было нужно. По иронии судьбы, «футбольные поезда» поначалу считались настоящим подарком для полиции, поскольку таким образом значительно упрощался контроль за передвижением фанатов по стране» [9. С. 115]. По мнению Г.А. Пильца, посещение выездных матчей превратилось в род регулярного туризма, а игра становится поводом для еще одной поездки всем футбольным братством [3. С. 116].

Массовая поддержка команды на выездных матчах и неумелые действия полиции трансформировали и социальные практики футбольных болельщиков. «Любители перемещаться поездами и электричками также зачастую ведут себя в пути неадекватно. Причем как по дороге туда, так и обратно, вне зависимости от того, победила или проиграла любимая команда. Поэтому их притормаживают уже на перроне, не поясняя, в чем дело и надолго ли их задержали. Иногда их просто не выпускают из поезда, который отводят на запасные пути... В итоге запертых в вагоне людей охватывал легкий приступ клаустрофобии, и они начинали громить что попало. Впрочем, этим они занимались и без помощи полиции, ведь, как известно, громить электрички – любимое развлечение фанатов, позволяющее скоротать дальнюю дорогу к стадиону» [6. С. 229].

Правоохранительные органы не могли не реагировать на подобные действия. «В семидесятые-восемидесятые самым ярким примером использования новых технологий стало применение “эскорта” для беспрепятственного доставления болельщиков на стадион и последующей их отправки на вокзал или автостоянку по завершении матча... Полисмены предусмотрительно блокировали их, закрывая дорогу собственными телами, собаками, лошадьми, и заботливо провожали фанатов от самого вокзала – автобусного или железнодорожного – до стадиона. Затем то же самое повторялось в обратном направлении. Весь этот процесс сопровождало невероятное напряжение, так как фанаты стояли буквально на голове во время поездок. Маршируя по

чужим улицам, точно армия захватчиков, особенно в таких городках, как Сток или Дербь, где местные всегда откровенно враждебны и уже заранее настроены на драку, они чувствовали себя самыми крутыми, и мощный приток адреналина был им обеспечен» [6. С. 199]. В результате для многих болельщиков чужими становились не только команда соперников и её болельщики, но и городская среда, которая подвергалась вандализму [16. С. 205]. Например, поражение Англии от Германии в полуфинале чемпионата мира 1990 г. привело к погрому автомобилей немецкого производства в Уортингге (Западный Сассекс) [7. С. 76].

Для большинства же законопослушных граждан поход на футбол стал превращаться в небезопасное мероприятие, что категорически не устраивало руководство футбольных клубов. «Когда клубы столкнулись с перспективой играть при полупустых трибунах, они осознали, что надо принимать меры. Первым клубом, решившим огородить отдельные сектора, стал «Ноттингем Форест». Это произошло в 1973 г., когда он вылетел во второй дивизион [покинул высшую лигу. – *О.Б.*], а средняя посещаемость в сезоне 1972/73 составила около десяти тысяч человек, хотя еще в предыдущем равнялась двадцати. С помощью двухметровых стальных заграждений, вмонтированных в бетонные блоки, трибуна «Трент Энд» была разделена на четыре секции, на которые можно было пройти только через специальные входы, тщательно охраняемые полицией» [9. С. 130]. Таким образом, футбольные болельщики оказались разделёнными на группы в зависимости от социальных практик, которые они считали для себя допустимыми.

Правоохранительные органы поддерживали подобную дифференциацию болельщиков. «Однако самым важным шагом было разделение фанатов не на самом стадионе, а за его пределами. Теперь стало нормой, что полицейские сопровождали приезжих фанатов от вокзала до стадиона и обратно, а после матча их не выпускали со стадиона, пока окончательно не разойдется местная публика» [9. С. 134]. Кроме того, пабы после матча закрывались лишь ради того, чтобы гости того или иного города поскорее покинули его [6. С. 230].

В конце 1970-х гг. «болельщики разных команд уже были предусмотрительно разделены проволочной сеткой, растянувшейся паутиной по всему стадиону... и счет стычек, произошедших непосредственно на стадионах, пошел на убыль. Вспыхивавшие на трибунах инциденты удавалось гасить в огороженных секторах, а там, где не помогали перемычки, в борьбу вступали вспомогательные, вооруженные дубинками части. Главное – конфликт удавалось подавлять на относительно небольшом пространстве, обнесенном барьером» [6. С. 200].

Подобное развитие событий вполне устраивало и «активных болельщиков». «Семидесятые-восьмидесятые были просто невероятными временами для тех из нас, кому футбол imponировал своей чисто спортивной стороной и сплоченностью игроков. Фактически слова «футбол», «коллектив», «сообщество» всегда были подозна-

тельными синонимами, подразумевающими возможность совместно путешествовать, доказывать свою силу и сплоченность при первом удобном случае, демонстрируя ее кому угодно. Так появились веселые компании, путешествующие за любимой командой и при малейшей возможности ищущие приключений себе на голову... Вот так и появилась эта отдушина или возможность добавить к нашему субботнему опыту некое инобытие, пребывание в новом и доселе невиданном мире в совершенно иной роли, отличной от всего, что довелось ощущать прежде. Внезапно мы обзавелись своей формой, знаками различия, отделявшими нас от остального, реального и будничного мира. Появились лейблы определенных фирм, «своя» музыка и даже прически...» [6. С. 146, 147].

Всё это сопровождалось жестким противостоянием большинства болельщиков с правоохранительными органами. «Любой фанат, ездивший в то время по стране, понимал, что его злейшим врагом стала полиция. В ее глазах любой болельщик был потенциальным хулиганом, и полицейские могли спокойно оскорбить или ударить любого фаната, выступая при этом от имени закона» [9. С. 140].

Различные группы болельщиков выбрали разную тактику противостояния с полицией. Казуалы «стали выезжать на гостевые игры на обычных поездах, чтобы не сразу попадать на стадион, а иметь возможность погулять по городу и покрасоваться перед местной молодежью. Такой подход оказался довольно эффективным и в плане введения в заблуждение полицейских. Они по старинке отслеживали прибытие автобусов и специальных составов, выделенных под болельщиков, но только не обычных поездов. Внимание властей по традиции привлекали скинхеды, разукрашенные в цвета своих клубов, тогда как казуалы, никогда не являвшиеся сторонниками традиционной фан-культуры, не носили ничего такого, что выдавало бы их клубные пристрастия. Это привело к возникновению определенных проблем в клубах с уже устоявшимся стилем поведения их фанатов, так как нежелание носить цвета своей команды до поры до времени считалось малодушием» [11. С. 116, 117].

В результате самым заметным социальным явлением стали именно те болельщики, которые допускали для себя противоправную деятельность. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. довольно успешная игра английских клубов в еврокубковых турнирах привлекала все большее количество британцев, желавших посмотреть игру своих земляков на выезде. Флагманами английского выездного движения стали фанаты «Ливерпуля», которые постепенно стали прививать европейцам свой стиль поддержки клуба, включая побоища и погромы во всех городах, где волей жребия выпадало играть их клубу [18]. «Моб» болельщиков «Chelsea Headhunters» численностью 30–50 человек даже организовал свой «общак», чтобы без проблем ездить на выездах. «Если простые болельщики приезжают максимум за несколькими часами до игры, то мобы появляются в чужом городе

достаточно рано – иногда за сутки, и занимают позиции – пабы и кафе, в которых обычно собираются фанаты команды соперника. Они курсируют по всему городу, вселяя нотку страха в своих соперников» [19]. Голландские фанаты, став непосредственными свидетелями совершенно новых форм поддержки, стали копировать своих английских коллег [11. С. 20].

Однако после трагических событий, произошедших в 1985 г. на бельгийском стадионе «Эйзель», где на финальном матче Кубка европейских чемпионов между клубами «Ювентус» и «Ливерпуль» в результате футбольных беспорядков погибли 39 болельщиков, ФИФА предписала ограничивать вместимость стадиона исключительно сидячими местами, ввести жёсткий контроль за продажей билетов и проходом зрителей на трибуны [13. С. 120].

Английские власти провели ряд успешных полицейских операций, в результате которых некоторые хулиганские группы прекратили свое существование. Другие фанаты, уже принимавшие активное участие в массовых беспорядках, возвращались к нормальной жизни, придя в шок от увиденного на экранах своих телевизоров [11. С. 39].

Определённую роль сыграл и разброс игр в промежутке с пятницы по понедельник. «Раньше они собирались в дорогу в пятницу, в субботу смотрели игру и вечером гуляли по кабакам, а в воскресенье, счастливые и довольные, возвращались по домам» [3. С. 127]. Дробление же игрового дня привело к расколу в традиционных фанатских группировках. «Но самым важным последствием стало осознание и обществом, и полицией, что не все футбольные фанаты – хулиганы, что большинство из них – обычные люди. В результате отношение к ярым болельщикам существенно изменилось и полиция стала менее агрессивно обращаться с ними» [9. С. 169].

При этом футбольные клубы не всегда довольны снижением градуса поддержки. Например, лондонский «Арсенал» выпустил плакаты с просьбой самым шумным болельщикам собираться в определённой части стадиона, а «Тоттенхэм» и «Манчестер Юнайтед» – кричать как можно громче [7. С. 30].

Однако в других европейских странах, особенно оказавшихся в ситуации социально-политического кризиса, события развивались по иному сценарию. В частности, политизация футбольного боления произошла в Югославии. «В конце 1989 г. загребское “Динамо” отправилось в гости в Бая Луку, где впервые в истории Югославии болельщики были атакованы полицией и изгнаны со стадиона из-за демонстрации хорватской национальной атрибутики» [11. С. 343]. В свою очередь болельщики белградской «Црвены Звезды» во время матчей размахивали плакатами с изображениями сербских православных святынь и ультранационалиста Вука Драшковича под лозун-

гом «Сербия, а не Югославия». Во время матчей между сербскими и хорватскими командами болельщики пели песни о военных преступлениях противника, а первое за 50 лет столкновение югославских этнических групп произошло в ходе матча между «Динамо» и «Црвеной Звездой» [8. С. 10, 13]. «Аркан, известный лидер Сербской добровольческой гвардии, в довоенное время долгие годы возглавлял хулиганское движение на матчах белградской «Црвены Звезды», а с началом военных действий сформировал собственный отряд, состоявший исключительно из участников его фирмы «Делие». Говорят, что во время войны отряды обеих сторон устроили настоящую охоту за лидерами хулиганских группировок соперников с одной лишь целью – свести старые счеты» [11. С. 338]. При этом болельщики принесли на фронт и свои песни, лишь слегка изменив слова. «Делие» сыграло значительную роль и в свержении в 2000 г. С. Милошевича [8. С. 16, 22].

В результате на сегодняшний день футбольные фанаты в европейских странах представляют собой достаточно многочисленную социальную группу, состоящую из разнообразных «подгрупп» со своими критериями членства, маркерами идентичности и социальными практиками. Футбольное боление как явление современного европейского общества преодолело национальные границы и достаточно успешно функционирует в качестве как минимум общеевропейского явления.

Рынок товаров и услуг, связанный с футболом, образует солидный экономический сегмент, заставляющий футбольные клубы считаться с болельщиками как с весомым источником пополнения клубного бюджета. При этом снижение уровня насилия на стадионах позволяет найти свой товар (услугу) на этом рынке людям разных потребностей и доходов.

Футбольные болельщики обладают и значительным политическим потенциалом, который пока использует только некоторыми партийными лидерами. Однако на сегодняшний день это явление развито относительно мало из-за слабой управляемости фанатами со стороны официальных структур.

Социальные связи внутри данной группы представляются достаточно устойчивыми и в значительной мере определяющими положение человека в социальной структуре общества. Можно говорить о важности данного элемента социального статуса человека как для определения его положения в обществе, так и для перспектив его социальной мобильности.

Для футбольных фанатов характерно и своё особое мировоззрение, отличающее их от других категорий населения современной Европы. Стереотипы поведения футбольных болельщиков во многом определяют их деятельность не только непосредственно в ходе матчей, но и в период между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цифры // Спорт-экспресс. 19.04.2014.
2. Шаинский Е. За Швайни и Клозе болели даже в яслях // Спорт-экспресс. 15.07.2014.
3. Пильц Г.А. Футбол – это наша жизнь: перемены и процессы дифференциации культуры футбольных фанатов // Логос. 2009. № 6.

4. Гирин Д. В котле традиций // Спорт-экспресс. 08.05.2013.
5. «Боруссия» – № 1 в Европе по посещаемости // Спорт-экспресс. 21.07.2014.
6. Бримсон Д. Убийцы футбола. СПб., 2007.
7. Бримсон Д., Бримсон Э. Англия, моя Англия. СПб., 2007.
8. Фюрер Ф. Как футбол объясняет мир. М., 2006.
9. Бримсон Д. Бешеная армия. Облик футбольного насилия. СПб., 2009.
10. Угрюмов М. «И тогда сэр Алекс пригласил меня в Манчестер» // Спорт-экспресс. 09.06.2014.
11. Бримсон Д. Фанаты. СПб., 2005.
12. Социальная сеть фанатов России. URL: <http://rusfan.ru/posts/47813>, свободный (дата обращения: 04.04.2014).
13. FIFA 100 лет. Век футбола. М., 2005.
14. Сайт болельщиков футбольного клуба «Милан». URL: http://fanacmilan.com/index/milanskoe_derbi/0-61, свободный (дата обращения: 25.05.2014).
15. Футбольные болельщики – субкультура и фотографии. URL: <http://alt-sector.net/2903-futbolnye-bolelshhiki-subkultura-i-fotografii.html>, свободный (дата обращения: 04.04.2014).
16. Вишневецкий А. «Барса»: потеряно всё, кроме Кубка. «Реал»: потерял только Криштиану // Спорт-экспресс. 16.04.2014.
17. Богданова М.А. Институт спорта: социокультурная динамика. Ростов-на-Дону, 2013.
18. Футбольные хулиганы // Википедия – свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Футбольные_хулиганы, свободный (дата обращения: 25.05.2014).
19. Сайт болельщиков ФК «Челси». URL: <http://chelseablues.ru/index/menedzhment/0-13>, свободный (дата обращения: 04.04.2014).

Baev Oleg V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: baev-ov@rambler.ru

FOOTBALL FANS IN EUROPEAN COUNTRIES.

Keywords: football; Europe; fans; social connection.

82% of adult Europeans are «somehow» interested in football, and 25% show «greater interest» in it. As a result, in contemporary Europe football fans represent a numerous enough company and an active social group which needs a detailed analysis. Most football fans are identified and identify themselves with a football club which has gained their confidence. In England a certain football tradition was formed – «to support your local team». However, the intensity of social mobility diluted the uncertainty of fans' identification with the teams which were within their area of residence. However, constant social mobility growth (including territory mobility) made football fans identification with the local teams less possible. For example, during World War II many Londoners were evacuated outside of the capital but they continued to support their local teams. Later fans passed their love and support for the team to their children. As a result, there were fans supporting the team from the region they did not live in; they supported the team from the location their parents and grandparents had lived in. Besides, some football fans (especially those from the regions without football teams or teams with low rating) identify themselves with the leading football clubs. This can also be explained by the spread of television that allowed fans to watch the game being far from the team location. Therefore, football fans from European countries now represent a numerous social group consisting of diverse subgroups with their own member criteria, identity markers and social practice. Support for the football team as a contemporary European society phenomenon crossed the national borders and functions as a phenomenon of the at least the whole of Europe. The market of trade articles and services concerning football forms a considerable economic segment making football clubs think of football fans as of a significant money enrolling resource. Violation level decrease allows people of different income to find target goods and service. Football fans have a certain political power which is used by certain political party leaders. Nowadays it has not yet been widely spread because of low control over the fans on the part of the officials. Social connections within the given group are thought of as stable enough and they largely define the status of a person in the society structure. One can speak of this as a very important element for social status identification and social mobility perspectives. Besides, football fans are characterized by a specific world view making them different from other modern European population categories. Football fans behavior stereotypes largely define their activity during matches and in the intervals between the matches.

REFERENCES

1. Tsifry [Numbers]. *Sport-ekspress*, 2014, 19th April.
2. Shainskiy E. Za Shvayni i Klose boledi dazhe v yaslyakh [Schweini's and Klose's fans from the manger]. *Sport-ekspress*, 2014, 15th July.
3. Pil'ts G.A. Futbol – eto nasha zhizn': peremeny i protsessy differentsiatsii kul'tury futbol'nykh fanatov [Football – is our life: changes and processes of differentiation of football fans' culture]. *Logos – Logos*, 2009, no. 6.
4. Girin D. V kotle traditsiy [In the cauldron of traditions]. *Sport-ekspress*, 2013, 8th May.
5. «Borussiya» – № 1 v Evrope po poseshchaemosti [“Borussia” – № 1 in Europe for attendance]. *Sport-ekspress*, 2014, 21st July.
6. Brimson D. *Ubiytsty futbol* [Kicking Off: Why Hooliganism and Racism are Killing Football]. Translated from English by A. Dunaevskiy. St. Petersburg: Amfora Publ., 2007.
7. Brimson D., Brimson E. *Angliya, moya Angliya* [England, my England]. Translated from English by K. Atarova. St. Petersburg: Amfora Publ., 2007. 329 p.
8. Foer F. *Kak futbol ob'yasnyayet mir* [How soccer explains the world: An unlikely theory of globalization]. Translated from English by G. Sakhatskiy. Moscow: Olimp-business Publ., 2006. 272 p.
9. Brimson D. *Beshenaya armiya. Oblik futbol'nogo nasiliya* [Barmy Army. The Changing Face of Football Violence]. Translated from English by A. Stepanov. St. Petersburg: Amfora Publ., 2009. 304 p.
10. Ugryumov M. “I togda ser Aleks priglasil menya v Manchester” [“And then Sir Alex invited me to Manchester”]. *Sport-ekspress*, 2014, 9th June.
11. Brimson D. Fanaty [Eurotrash: The Rise and Rise of Europe's Football Hooligans]. Translated from English by S. Varlamov. St. Petersburg: Amfora Publ., 2005. 384 p.
12. *The social network of Russian fans*. Available at: <http://rusfan.ru/posts/47813>. (Accessed: 4th April 2014). (In Russian).
13. *FIFA 100 let. Vek futbola* [100 years of FIFA. The century of football]. Moscow: Makhaon Publ., 2005. 311 p.
14. *The website of “Milan” football fans*. Available at: http://fanacmilan.com/index/milanskoe_derbi/0-61. (Accessed: 25th April 2014).
15. *Futbol'nye bolel'shchiki – subkul'tura i fotografii* [Football fans – subculture and photos]. Available at: <http://alt-sector.net/2903-futbolnye-bolelshhiki-subkultura-i-fotografii.html>. (Accessed: 4th April 2014).
16. Vishnevskiy A. “Barsa”: poteryano vse, krome Kubka. “Real”: poteryan tol'ko Krishtianu [“Barsa”: lost everything except the Cup. “Real”: only lost Cristiano]. *Sport-ekspress*, 2014, 16th April.
17. Bogdanova M.A. *Institut sporta: sotsiokul'turnaya dinamika* [The institute of sports: sociocultural dynamics]. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publ., 2013. 341 p.
18. *Futbol'nye khuligany* [Football hooligans]. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Futbol'nye_khuligany. (Accessed: 25th May 2014).
19. *The website of FC “Chelsea” fans*. Available at: <http://chelseablues.ru/index/menedzhment/0-13>. (Available at: 4th April 2014).

ИНСТРУМЕНТЫ ВЛИЯНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматриваются вопросы международного противодействия торговле людьми на постсоветском пространстве. Особое внимание уделяется определению инструментов, которые использует Европейский союз (ЕС) для того, чтобы утвердиться в качестве заметного, влиятельного и, возможно, координирующего игрока в данной сфере, которая характеризуется участием значительного числа других международных регуляторов и явным доминированием США. Делается вывод о том, что в качестве таких инструментов ЕС использует, прежде всего, экспертные знания и тактические партнерства с ключевыми международными регуляторами.

Ключевые слова: торговля людьми; Европейский союз; постсоветский регион; экспертные знания; тактические партнерства.

Торговля людьми уже долгое время считается одним из наиболее острых вопросов внутренней безопасности в государствах на постсоветском пространстве [1]. В то же время эксперты неоднократно убедительно демонстрировали сложность определения точного числа так называемых «жертв торговли людьми»¹ в отдельном государстве или регионе в силу ряда факторов, высвечивающих или, наоборот, скрывающих определенную динамику [2, 3]. Различные акторы, как внутренние (такие, как министерства внутренних дел или комитеты по статистике), так и внешние (такие, как Международная организация по миграции – МОМ, Фонд ООН в области народонаселения – ЮНФПА, Управление ООН по наркотикам и преступности – УНП ООН, Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе – ОБСЕ, Госдепартамент США или Агентство США по международному развитию), производят многообразные и подчас противоречащие друг другу информационные и аналитические материалы о масштабе и характере этого явления. Кроме того, в большинстве случаев источником данных о масштабах торговли людьми по всему миру являются доклады о торговле людьми, публикуемые Госдепартаментом США, или аналитика МОМ, которая, в свою очередь, также ссылается на доклады Госдепартамента США.

В этой связи влияние очень ограниченного набора источников на формирование представления о торговле людьми может быть предметом отдельного исследования. В нашей работе мы не будем детально касаться вопроса сбора и анализа данных о торговле людьми. Однако стоит отметить, что итоговые цифры и категории зачастую оспариваются различными акторами – представителями научного сообщества, различного рода экспертами из международных организаций и местных НПО. Это обстоятельство затрудняет оценку серьезности проблемы торговли людьми на национальном и региональном уровнях, а также ее значимость как для внутренних, так и для внешних акторов.

В данной статье мы попытались представить некоторые соображения касательно ситуации, связанной с торговлей людьми на постсоветском пространстве в целях последующего анализа политики Европейского союза в этом регионе. Основной вопрос заключается в

том, какие инструменты использует ЕС для того, чтобы утвердиться в качестве заметного, влиятельного и активного (координирующего) игрока в сфере противодействия торговле людьми, которая характеризуется участием значительного числа других международных регуляторов и явным доминированием США. Наш основной аргумент заключается в том, что в качестве таких инструментов ЕС использует прежде всего экспертные знания и тактические партнерства с ключевыми акторами. Для демонстрации логики данного аргумента в представленной статье мы не рассматриваем непосредственное двустороннее сотрудничество ЕС с ключевыми странами исхода или транзита жертв торговли людьми в этом регионе (подробный анализ см. [4]), а анализируем партнерства с другими международными регуляторами [5], которые ЕС выстраивает в процессе решения вопросов, связанных с торговлей людьми на постсоветском пространстве.

Противодействие торговле людьми: международный режим и роль США. Несмотря на сложность определения достоверности данных по торговле людьми в постсоветском регионе, большинство экспертов сходятся во мнении, что на страны данного региона приходится значительная часть этого общемирового феномена [6]. Отмечается также, что торговля людьми осуществляется как внутри самих стран, так и между ними, а также за пределами границ региона. Зачастую, будучи недооценённой местными властями, проблема торговли людьми некоторое время назад стала привлекать внимание международных акторов: государств (США, Россия, Великобритания, Швеция, или Япония) и межправительственных организаций (УНП ООН, МОМ, ОБСЕ, ЕС и др.) [7]. Большинство инициатив и проектов по противодействию торговле людьми, реализуемых этими международными регуляторами, позиционируются как часть механизма регионального миграционного регулирования и управления, развиваемого различными международными структурами [8].

Однако в отличие от международного миграционного регулирования, которое функционирует в отсутствие глобального миграционного режима, международное противодействие торговле людьми основывается на определенном международном режиме универсального

(Конвенция и Протокол ООН) и регионального (Юго-Восточная Азия или Европа (Конвенция Совета Европы) уровня. С конца 1990-х гг. торговля людьми становится объектом регулирования двух главных правовых инструментов: одного – универсального (Палермский Протокол, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности), и второго – регионального европейского (Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми).

При этом нельзя не отметить существование отличающихся друг от друга подходов различных международных акторов, каждый из которых стремится быть активным регулятором в этой сфере. Это касается как международных организаций, так и отдельных государств. Достаточно представить, сколько учреждений ООН стремятся охватить своей деятельностью вопрос противодействия торговле людьми, не говоря уже о таких международных организациях, как МОМ, или отдельно взятых государствах, среди которых самым ярким примером выступают США. В этой связи важнейшую роль в развитии международного режима играет активная позиция США.

Более того, можно утверждать, что политика США представляет собой исключительный случай влияния отдельного государства на развитие международного режима по противодействию торговле людьми. США своей активной позицией по борьбе с торговлей людьми сформировали как международный контекст для этой борьбы, так и основные стандарты, традиционно обозначаемые как «три П»²: предотвращение (преступлений), защита (жертв) и уголовное преследование (преступников). Эта триада воспринимается многими как нечто, вытекающее из Палермского протокола. Однако юристы-международники указывают на то, что принцип «трех П» не имеет прямого отношения к данному международному инструменту, а основывается на структуре Докладов по торговле людьми, ежегодно публикуемых Государственным департаментом США [9]. Эти доклады являются инструментом реализации «Акта о защите жертв торговли людьми», принятого в США в 2000 г. Этот внутренний законодательный акт имеет значительные международные последствия, поскольку в соответствии с ним ежегодные Доклады о торговле людьми выстраивают своеобразные рейтинги государств по всему миру в зависимости от оценки их деятельности по противодействию торговле людьми в соответствии с индикаторами, разработанными США. Категории (буквенные коды), которые присваиваются государствам по результатам ежегодных оценок, важны не только для того, чтобы «назвать и пристыдить». Попадание в проблемные категории означает, что оцениваемые государства рискуют оказаться объектом экономических санкций со стороны США.

Экспертные знания и тактические партнерства в сфере противодействия торговле людьми. Принятие, подписание и ратификация Палермского протокола

бывшими странами-участницами СССР открыли двери для отдельных государств и международных организаций, желающих предоставить свои ресурсы и поделиться опытом в целях борьбы с торговлей людьми в регионе. С начала 2000-х гг. многие международные организации, в том числе и неправительственные, стали обращать свое внимание на проблему торговли людьми в постсоветском регионе.

Кроме этих структурных изменений, особую роль в резком росте внимания международных акторов к проявлениям этой проблемы в постсоветском регионе также сыграли США, прежде всего в рамках своей деятельности по укреплению региональной безопасности и стабильности в Центральной Азии на фоне интервенции в Афганистане. США финансировали ряд проектов по противодействию торговле людьми, направленных как на повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и помощь жертвам торговли людьми, так и на стимулирование законодательных изменений, отвечающих современным стандартам, а также на их внедрение в практику соответствующих органов в наиболее проблемных странах региона. При этом в качестве основного инструмента воздействия на правительства этих стран США использовали и продолжают использовать ежегодные доклады о торговле людьми. Экспертные знания в виде информации и ее аналитической обработки используются США в виде своеобразного «кнута» в отношении тех государств, к которым у США есть претензии в данной сфере. Они не только ставят правительства данных стран под угрозу экономических санкций со стороны самих США. За сравнительно короткий период после начала интервенции в Афганистан США удалось сформировать крайне негативный имидж ряда стран региона в том, что касается их деятельности по противодействию торговле людьми, опираясь именно на публикации данных докладов. По этой причине ежегодные доклады Госдепартамента США воспринимаются правительствами стран постсоветского региона крайне болезненно. Тем не менее, по оценкам различных экспертов и международных организаций, это не привело к радикальным изменениям ситуации в сфере противодействия торговле людьми в этом регионе в лучшую сторону.

В отличие от США, ЕС не имеет в своем арсенале инструментов, которые можно было бы однозначно отнести к «кнуту» в сфере противодействия торговле людьми. Речь, скорее, можно вести о «прянике». ЕС является одним из крупнейших доноров по проектам, направленным на борьбу с торговлей людьми на постсоветском пространстве. В частности, ЕС был основным донором самого масштабного проекта по противодействию торговле людьми с внешним финансированием (около 4 млн евро на три года), реализованным в России МОМ в период с 2006 по 2009 г. Вопросы противодействия торговле людьми были также включены и в другие проекты ЕС в постсоветском регионе, в частности в такие комплексные программы, как Про-

грамма ЕС по содействию управлению границами в Центральной Азии (BOMCA) и Программа по предотвращению распространения наркотиков в Центральной Азии (CADAP), которые реализуются в Центральной Азии ПРООН (Программой развития ООН) совместно с МОМ, Международным центром по развитию миграционной политики (ICMPD) и Германским обществом по международному сотрудничеству (GIZ) начиная с 2003 г. К ним же можно отнести и проекты «по разработке всеобъемлющего ответа торговле людьми в Армении, Азербайджане и Грузии», реализованные Международной организацией труда (МОТ) с 2006 по 2009 г.

Европейская комиссия также внимательно наблюдала и за другими подобными инициативами в Центральной Азии, где благодаря финансированию Агентства США по международному развитию (USAID) в июне 2010 г. МОМ был запущен трехгодичный региональный проект по противодействию торговле людьми, охватывающий пять республик Центральной Азии. В Таджикистане и Узбекистане проект начался в июне 2010 г., в Казахстане и Туркменистане – в октябре 2010 г., в Кыргызстане – в октябре 2011 г. Почти одновременно с запуском этого проекта ЕС стал ключевым донором (при частичном финансировании США) трехгодичного проекта «Защита жертв торговли людьми и незаконно ввезенных мигрантов в Центральной Азии», который реализуется с ноября 2011 г. совместно ЮНФПА и УНП ООН. Финансирование мероприятий по борьбе с торговлей людьми в постсоветском регионе со стороны ЕС обычно происходит под брендом политики ЕС по помощи развитию или мероприятий по обеспечению человеческой безопасности, включая «упорядоченную миграцию», хотя есть указания на то, что инициативы ЕС по борьбе с торговлей людьми на постсоветском пространстве также являются частью попыток ЕС продвигать ценности широко понимаемой региональной безопасности и стабильности [4].

Наиболее важным обстоятельством для понимания специфики международной активности ЕС в этой сфере является то, что повестка политики ЕС по противодействию торговле людьми прекрасно вписывается во все более популярную идеологию партнерства между различными (международными)³ акторами в целях наиболее эффективного противодействия торговле людьми. Во-первых, начиная с 2004 г., ЕС стал активным сторонником всякого рода «партнерств» в борьбе с торговлей людьми и миграционной политике в Восточной Европе в рамках программы Европейской политики соседства. Позднее, с принятием Стратегии ЕС в Центральной Азии в 2007 г., та же тенденция проявилась в политике ЕС в отношении бывших советских республик Центральной Азии. Основными «традиционными» партнерами ЕС в его стремлении к ведущей роли в регулировании борьбы с торговлей людьми являются международные организации с признанной

юрисдикцией в данной области: УНП ООН и ПРООН, а также МОМ с постоянно расширяющимся де-факто мандатом. Эти международные организации выполняют функции имплементирующих партнеров многих финансируемых ЕС проектов в данной области. Существует также целый ряд международных организаций, среди которых, кроме упомянутых выше, можно назвать ЮНИСЕФ, ООН Женщины, УВКБ ООН, ОБСЕ, задачей которых также является реализация политики по противодействию торговле людьми в различных странах и регионах мира. Продвигая свои программы по борьбе с торговлей людьми, разные международные регуляторы опираются на экспертные знания и используют потенциал партнерства с другими акторами [10]. Комбинации этих и других механизмов, таких как, например, установление стандартов, варьируются.

ЕС активно взаимодействует с такими организациями, как ОБСЕ и Международный центр развития миграционной политики (МЦРМП) по линии противодействия торговле людьми. Тактические партнерства с этими организациями призваны прежде всего продвигать подходы ЕС в сфере противодействия торговле людьми посредством включения различных региональных акторов на постсоветском пространстве в процессы регулярного обмена экспертными знаниями как о самом феномене торговли людьми, так и о мерах и «лучших практиках» по борьбе с ним. Особую роль в этом контексте играют «мягкие» формы взаимодействия в рамках так называемых Региональных консультационных процессов по миграции [11]. В рамках постсоветского региона это, прежде всего, Будапештский и Пражский процессы, координируемые МЦРМП, а также более молодой Алма-Атинский процесс, координируемый совместно МОМ и Управлением Верховного Комиссара по делам беженцев (УВКБ ООН). Так, в середине 2000-х гг. в рамках инициативы по расширению Будапештского процесса на восток (внимание уделялось прежде всего государствам постсоветского региона) ОБСЕ и МЦРМП не только совместно организовали изучение и анализ текущей ситуации в сферах регулирования миграции и противодействия торговле людьми на постсоветском пространстве, но также провели серию мероприятий, призванных интегрировать чиновников из государств региона в работу данного консультационного процесса. На одной из этих встреч особое внимание уделялось необходимости развития исследовательской базы, сбора информации и усиления аналитической составляющей в работе правоохранительных органов в сфере противодействия нелегальной миграции и торговле людьми [12]. Европейский союз (представители Европейской комиссии) не только активно участвовал в данных мероприятиях, но также выступал их частичным спонсором благодаря финансированию, которое МЦРМП как Секретариат Будапештского процесса получал от государств-членов ЕС и Европейской Комиссии.

Вообще, тандем ЕС-МЦРМП представляет собой один из самых интересных случаев тактического (а, возможно, и стратегического) партнерства ЕС с международной организацией в рамках противодействия торговле людьми. Это именно тот случай партнерства, который предоставляет ЕС возможность непосредственного влияния на процесс производства и использования экспертных знаний о данном феномене благодаря тому, что МЦРМП – это межправительственная организация, которая позиционирует себя как источник экспертизы. Роль МЦРМП как одного из наиболее влиятельных международных регуляторов в сфере миграционной политики постепенно позволила ему также начать заниматься расширением компетенций гражданских служащих в сфере противодействия торговле людьми. Более двадцати лет – с момента своего образования – МЦРМП не только развивал сотрудничество с ведущими экспертами в этих сферах, но и создавал свое собственное исследовательское подразделение, опирающееся на значительные информационные и финансовые ресурсы. Признанная роль МЦРМП как носителя знаний и практической экспертизы в сфере миграционного регулирования позволили ему заслужить доверие чиновников во многих странах Европы и постсоветского пространства. Опираясь на эти компетенции и репутацию МЦРМП, ЕС может продвигать свои подходы и стандарты по борьбе с торговлей людьми в этом регионе.

Существует еще немало подобных примеров попыток ЕС осуществлять не только спонсорскую, но также и координирующую функцию в контексте развития тактических партнерств различных международных регуляторов в сфере противодействия торговле людьми. Однако, реализуя проекты в этой сфере, в некоторых случаях ЕС стремится не привлекать к себе внимание в том, что касается его вклада в финансирование и

содержание таких проектов; в других, напротив, поддержка со стороны ЕС и его вовлеченность всячески подчеркиваются. Являясь относительно новым регулятором и не располагая собственными механизмами контроля за соблюдением тех или иных норм в данной сфере, ЕС, вместо того чтобы действовать от собственного имени, зачастую вынужден прибегать к уже существующим механизмам, стандартам и практикам. А они, в свою очередь, в основном определяются США, которые являются пионером в части финансирования и имплементации проектов по борьбе с торговлей людьми по всему миру благодаря тем инструментам, которые находятся в их распоряжении.

Анализ деятельности ЕС показывает, что в своей политике по противодействию торговле людьми на постсоветском пространстве, в отличие от США, в основном прибегающих к «кнуту» (тактика «назвать и пристыдить», санкции или их угроза), связанному с системой разработанных и пропагандируемых США индикаторов, ЕС тяготеет к более мягким подходам, включающим создание и использование знаний для политического влияния посредством тактических партнерств с другими международными регуляторами. ЕС использует знания и партнерства в своей политике по борьбе с торговлей людьми в постсоветском регионе, и это, в свою очередь, имеет важные последствия как для самой политики по противодействию торговле людьми, так и для более широкой повестки дня по международному регулированию. Использование тактических партнерств с другими международными регуляторами и, как следствие, создание и обмен экспертными знаниями приводят к обоюдному усилению функций международных регуляторов, которыми ЕС и его партнеры обладают в сфере противодействия торговле людьми, а также в других смежных сферах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот термин, появившийся благодаря Международной организации по миграции, является неоднозначным и часто критикуется, в частности неправительственными организациями с феминистской направленностью.

² От английских терминов prevention, protection, prosecution.

³ Первоначально понятие партнёрства в качестве важной составляющей борьбы с торговлей людьми сводилось к необходимости партнерства между различными акторами на национальном уровне, в частности к взаимодействию между государством и гражданским обществом. По мере вовлечения (финансового) в этот процесс международных акторов партнерство стало также подразумевать расширение взаимодействия последних между собой и с национальными акторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. UNDP. Trafficking in Human Beings: A Guidance Note. Bratislava : UNDP Regional Bureau for Europe and CIS, 2004. 33 p.
2. Papanicolaou G. Transnational Policing and Sex Trafficking in Southeast Europe: Policing the Imperialist Chain. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011. 256 p.
3. Spencer J., Broad R. Lifting the veil on SOCA and the UKHTC: Policymaking responses to organised crime / Petrus C. van Duyne, A. Maljevic, M. van Dijk, K. von Lampe, and J. Harvey (eds.) Cross-border crime inroads on integrity in Europe. Nijmegen : Wolf Legal publishers, 2010. 391 p.
4. O'Neill M. Trafficking in Human Beings and the European Neighbourhood Policy: New Challenges for the EU Justice and Law Enforcement Framework / O'Neill M., Swinton K. and A. Winter (eds.) New Challenges for the EU Internal Security Strategy. Cambridge Scholars Publishing, 2013. 305 p.
5. Avant D.D., Finnemore M., S.K. Sell (eds.) Who governs the globe? Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 456 p.
6. Ryazantsev S. Trafficking in Human Beings for Labour Exploitation and Irregular Labour Migration in the Russian Federation: Forms, Trends and Countermeasures. Moscow/Stockholm : The Council of the Baltic Sea States Secretariat, 2014. 87 p.
7. Jackson N. J. International Organisations, Security Dichotomies and the Trafficking of Persons and Narcotics in Post-Soviet Central Asia: a Critique of the Securitization Framework // Security Dialogue. 2006. № 37. P. 299–317.
8. Korneev O. EU Migration Governance in Central Asia: Everybody's Business – Nobody's Business? // European Journal of Migration and Law. 2013. Vol. 15, is. 3. P. 301–318.

9. Gallagher A., Chuang J. The Use of Indicators to Measure Government Responses to Human Trafficking / Davis, K., Fisher, A., Kingsbury, B. and S. Merry (eds.) *Governance by Indicators: Global Power through Quantification and Rankings*. Oxford : Oxford University Press, 2012. 580 p.
10. UNODC. *Partnership Opportunities: Trafficking in Persons and Smuggling of Migrants*. Vienna : United Nations, 2010. 57 p.
11. Thouez C., Channac F. Shaping international migration policy: The role of regional consultative processes // *West European Politics*. 2006. No. 29, is. 2. P. 370–387.
12. OSCE. OSCE/ICMPD joint workshop on labour migration in Central Asia (January 31 – February 1, 2006). Consolidated summary. Vienna : Office of the Coordinator of OSCE economic and environmental activities, 2006. 30 p.

Korneev Oleg V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andrei_leonov@yahoo.fr. Leonov Andrey S. Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: o.korneev@sheffield.ac.uk

INSTRUMENTS OF EU INFLUENCE IN THE FIGHT AGAINST HUMAN TRAFFICKING IN THE POST-SOVIET SPACE.

Keywords: Human trafficking; European Union; post-Soviet region; expert knowledge; tactical partnerships.

Trafficking in human beings has long been defined as one of the most salient issues for post-Soviet countries' internal security. However disputable the accuracy of the data on human trafficking in the post-Soviet space, most experts agree that massive human trafficking is taking place both within and between the countries of the post-Soviet region, extending beyond regional borders as well. Often being underestimated by the local governments, these problems have attracted attention of international actors – both states (such as the USA, Russia, the UK, Sweden or Japan) and intergovernmental organisations (the EU, OSCE, UNODC, IOM, etc.). Most projects, in one way or another, are positioned as part of regional migration governance and management mechanisms that are being developed by various international bodies. But unlike international migration governance that unfolds in the absence of a global migration regime, international action against human trafficking relies on international regime layers both at global level (provided by the UN Convention and Protocol) and at regional levels – for example in South East Asia or in Europe (the Council of Europe Convention). This said, one still observes divergent approaches of multiple international actors that attempt to be active governors in the field. This concerns both IOs – one may only be surprised to see how various UN bodies try to preserve the anti-human trafficking agenda within their domain, to say nothing about such IOs as IOM – and individual states, with the USA being the most prominent example. This paper asks what instruments the EU deploys in order to establish itself as a noticeable, influential and potentially coordinating actor in this complex environment involving a significant number of other international governors. We do not look at direct bilateral cooperation of the EU with targeted recipient countries that have been identified as key countries of origin and/or transit for human trafficking in the region. Instead, the paper focuses on partnerships that the EU has been building with other international governors tackling this problem in the post-Soviet space. We argue that, contrary to the USA mostly using a “stick” in the form of “naming and shaming” as well as sanctions/threat of sanctions linked to a system of indicators, the EU opts for softer approaches involving production and use of knowledge for policy influence through tactical partnerships with other international governors. This has important implications both for its anti-trafficking action and for its wider international governance agenda. Relying on partnerships with other international governors resulting in production and exchange of (perceived as solid and legitimate) expert knowledge leads to mutual reinforcement of the governor function that the EU and its partners have in the field of anti-human trafficking, as well as in other overlapping policy fields.

REFERENCES

1. UNDP. *Trafficking in Human Beings: A Guidance Note*. Bratislava: UNDP Regional Bureau for Europe and CIS, 2004. 33 p.
2. Papanicolaou G. *Transnational Policing and Sex Trafficking in Southeast Europe: Policing the Imperialist Chain*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 256 p.
3. Spencer J., Broad R. *Lifting the veil on SOCA and the UKHTC: Policymaking responses to organised crime*. In: Duyne P., Maljevic A., Dijck M., Lampe K., Harvey J. (eds.) *Cross-border crime inroads on integrity in Europe*. Nijmegen: Wolf Legal publishers, 2010. 391 p.
4. O'Neill M. *Trafficking in Human Beings and the European Neighbourhood Policy: New Challenges for the EU Justice and Law Enforcement Framework*. In: O'Neill M., Swinton K., Winter A. (eds.) *New Challenges for the EU Internal Security Strategy*. Cambridge Scholars Publishing, 2013. 305 p.
5. Avant D.D., Finnemore M., S.K. Sell (eds.) *Who governs the globe?* Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 456 p.
6. Ryazantsev S. *Trafficking in Human Beings for Labour Exploitation and Irregular Labour Migration in the Russian Federation: Forms, Trends and Countermeasures*. Moscow/Stockholm: The Council of the Baltic Sea States Secretariat, 2014. 87 p.
7. Jackson N. J. International Organisations, Security Dichotomies and the Trafficking of Persons and Narcotics in Post-Soviet Central Asia: a Critique of the Securitization Framework. *Security Dialogue*, 2006, no. 37, pp. 299–317.
8. Korneev O. EU Migration Governance in Central Asia: Everybody's Business – Nobody's Business? *European Journal of Migration and Law*, 2013, vol.15. Issue 3, pp. 301–318.
9. Gallagher A., Chuang J. *The Use of Indicators to Measure Government Responses to Human Trafficking*. In: Davis, K., Fisher, A., Kingsbury, B. and S. Merry (eds.) *Governance by Indicators: Global Power through Quantification and Rankings*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 580 p.
10. UNODC. *Partnership Opportunities: Trafficking in Persons and Smuggling of Migrants*. Vienna: United Nations, 2010. 57 p.
11. Thouez C., Channac F. Shaping international migration policy: The role of regional consultative processes. *West European Politics*, 2006, no. 29, Issue 2, pp. 370–387. DOI: 10.1080/01402380500512783
12. OSCE. OSCE/ICMPD joint workshop on labour migration in Central Asia (January 31 – February 1, 2006). Vienna: Office of the Coordinator of OSCE economic and environmental activities, 2006. 30p.

ТОТАЛИТАРИЗМ В ОЦЕНКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ОСОБЕННОСТИ ДИСКУССИИ 1990-х гг.

Рассматриваются проблемы перехода от тоталитаризма к демократии. Автор отмечает, что критика теории тоталитаризма во французской исторической и политической мысли в 1990-е гг. достигла наибольшего распространения. Французские учёные в этот период существенно обогатили и углубили не только само понятие тоталитаризма, но и предложили новые концепции исследования данного феномена XX в. В центре внимания позиции французских историков в отношении проблем и путей преодоления тоталитарного прошлого.

Ключевые слова: тоталитаризм; демократия; французская историография тоталитаризма; дискуссии 1990-х гг. при преодолении тоталитарного прошлого.

Тоталитаризм, бесспорно, является феноменом XX в. Ни одно из явлений не вызывало такого количества споров и противоречивых оценок. Примечательно, что его изучение во французской исторической и политической мысли началось сразу же с момента его появления. Каждый этап его исследования сопровождался появлением новых подходов и интерпретаций и, соответственно, имел свои характерные особенности. В 1960–1980-е гг., казалось, были исследованы все аспекты данного феномена. Но реальность внесла свои коррективы: Перестройка в СССР и сопровождающие ее проблемы всколыхнули общественное мнение и породили бурные дискуссии как в нашей стране, так и во французской исторической и политической мысли. Проблема тоталитаризма приобрела ещё большую актуальность. Самыми дискуссионными оказались вопросы, связанные с проблемами перехода от тоталитаризма к демократии. «Гласность» также принесла свои плоды: новые свидетельства из «тоталитарного» прошлого вызвали и новые вопросы у исследователей тоталитаризма, на которые предстояло ответить. Исторический опыт и практика показывают, что тоталитарную систему нельзя изменить, реконструировать, её можно только разрушить. Вслед за конструктивным преодолением тоталитаризма общество неизбежно должно прийти к демократизации всех сфер общественной жизни.

Подобная попытка осмыслить с историко-философских позиций истоки и сущность тоталитарных режимов Ф. Лаку-Лабартом привела к написанию ими в 1991 г. книги «Нацистский миф» [1]. Своё исследование авторы проводят в рамках «известного антитоталитаризма», который, по их мнению, представляет собой «своего рода стиль демократической мысли» [Там же. С. 9]. Само происхождение и существование «нацистского мифа» французские философы возводят к демократии, точнее, кризису западной демократии начала XX в. [Там же. С. 6]. Поэтому нацизм, считают они, призван «показать, как современному миру не удалось идентифицировать себя в «демократии» или же идентифицировать пресловутую демократию» [Там же. С. 11]. Возникновение тоталитаризма, по их мнению, неотде-

ливо от проблемы идентификации. Авторы по-своему продолжили исследование В. Райха, который рассматривал идентификацию человека с фашистским государством и мифотворчество как средство достижения цели. Французские учёные, на наш взгляд, пошли дальше – исследовали истоки и причины появления как нацистского государства, так и «нацистского мифа». «Миф» является главным ориентиром и механизмом. Для Германии – это «нацистский миф», для России – «революционный миф», которые не только играют роль идеологии, но и являются обоснованием целей и методов этих режимов. Авторы подробно останавливаются на характеристике «нацистского мифа». Причины его появления, считают исследователи, кроются в германской историко-культурной традиции. Именно поиск образца для идентификации Германии явился, по мнению учёных, причиной «копирования» существовавших ранее примеров (мифа, выступавшего в роли образца), а затем формирования и создания своего собственного «мифа». Решающую роль в учреждении мифа философы отводят идеологии в том смысле, в каком определила этот термин Х. Арендт в своем эссе «Истоки тоталитаризма» [1. С. 17]. В том виде, в каком идеология, с одной стороны, всегда представляет себя как политическое объяснение мира, т.е. как объяснение истории, исходя из единственного концепта – концепта расы, к примеру, или концепта класса, или даже «все-человечества»; притом, с другой стороны, это объяснение или мировоззрение всегда мнит себя всеохватным объяснением или тотальной концепцией [Там же. С. 18].

В то же время Лаку-Лабарт и Нанси критикуют Арендт и тех исследователей тоталитаризма, которые настаивают на том, что главная черта нацистского режима – это осуществляющаяся логика идеи или субъекта – логика Террора. Авторы доказывают, что сама по себе она не является ни собственно фашистской, ни тоталитарной [Там же. С. 20, 21]. Фашизм французские философы определяют через идеологию субъекта, только такая дефиниция «не теряет своей ценности и сегодня», считают они. Выступая против обвинений фашизма в иррациональности, авторы доказывают, что существует логика фашизма, так же как и определенная

логика является фашистской [1. С. 21]. Нацизм, как и всякий тоталитаризм, апеллировал к науке, т.е. посредством тотализации и политизации всего, к науке вообще. Одним из главных элементов фашизма, считают они, является эмоция, массовая, коллективная, которая всегда состыкуется с некоторыми концептами. В подтверждение своей позиции авторы приводят определение В. Райха из «Психологии масс и фашизма»: «Фашистская ментальность возникает, когда реакционные концепты накладываются на революционную эмоцию» [1. С. 23]. Авторы выделяют специфическое отличие нацизма от других тоталитарных идеологий, которое состоит из двух положений: 1) нацизм – это специфически немецкий феномен; 2) идеология нацизма – это расистская идеология. При этом авторы не приуменьшают вклад французских и английских авторов в создание расистской идеологии.

Обосновывая специфичность нацизма, учёные пришли к выводу: 1) именно потому, что немецкая проблема является, в сущности, проблемой своей идентичности, немецкой «фигурой» тоталитаризма и стал расизм; 2) именно потому, что миф можно определить как аппарат идентификации, расистская идеология слилась со строительством мифа (под ним подразумевается миф Арийца постольку, поскольку он был обдуманно, целенаправленно и технически разработан как таковой) [1. С. 43, 44]. Поэтому, справедливо подчеркивают авторы, миф осуществляется наистрожайшим образом как «национал-социализм». В заключение они предлагают несколько дополнительных определений:

1) Насущная теперь уже схватка – это прежде всего схватка идейная или «философская» (Гитлер не говорит о мифе, он говорит на языке современной рациональности). «Грубая сила» ни на что не способна, если она не опирается на великую идею. Но беда и зло современного мира как раз и заключаются в этой абстрактной, развоплощённой, бессильной двоякой идее индивида и человечества, иначе говоря, в демократии и марксизме. Следовательно, «краеугольный камень программы национал-социализма в том, чтобы упразднить либеральное понятие индивида, равно как и марксистское понятие человечества, и поставить на их место понятие народного сообщества, укоренённого в почве и соединённого узами одной крови» (Гитлер, речь в Рейхстаге, 1937 г.). Схватка должна быть схваткой за действительное воплощение этого понятия, каковое есть не что иное, как концепт мифа [1. С. 59].

2) Нацизм – это прежде всего «формирование и осуществление его weltanschaulich (мировоззренческого) образа», т.е. строительство и формирование мира согласно зрению, образу формотворца, арийца. Арийский мир должен быть много больше, нежели мир, который арийцы завоевали и который они эксплуатируют; он должен быть миром, ставшим арийским (вот почему необходимо исключить из него не-тип *par excellence*, еврея, равно как и несколько других вырождавшихся типов) [1. С. 60].

3) Вот почему *Weltanschauung* (мировоззрение) является абсолютно нетерпимым и не может фигурировать как «какая-нибудь партия наряду с другими партиями». Это не просто философский или политический выбор, это сама необходимость творения, крови творца. Вот почему это мировоззрение должно быть объектом верования и функционировать как религия. Верование не возникает само по себе, оно должно быть возбуждено и мобилизовано в массах [Там же. С. 61].

Таким образом, проведённое исследование французских философов подтверждает выдвинутое ранее во французской исторической и политической мысли положение о том, что тоталитарные режимы противостоят не только либеральной демократии, но и друг другу. Также они подтвердили и то, что главные причины появления тоталитарных режимов кроются в западной демократии, точнее в её кризисе в начале XX в. Главная заслуга Лаку-Лабарта и Нанси состоит в том, что на примере Германии они доказали, что своеобразие конкретного тоталитарного режима напрямую зависит от историко-культурных традиций той страны, в которой он утверждается, более того, целиком зависит от «мифа», несущего в себе все функции официальной идеологии от обоснования её целей до оправдания её методов. «Миф» также должен быть внушён массам, только в этом случае он может быть реализован.

Попытка суммировать взгляды французских исследований по правовым формам тоталитаризма нашла свое отражение в работе историков Сержа Берштейна и Пьера Милзы «Исторический словарь фашизма и нацизма» [2]. Отмечая, что используемый для характеристики режимов нового типа, появившихся в XX в., термин «тоталитаризм» стал объектом теоретических исследований, Берштейн и Милза ссылаются на Х. Арндт, которая провела его глубокое исследование, увидев в нём новую форму обеспечения руководства обществом, осуществляемого авторитарным государством в обществах, деструктурированных отчасти индустриальной революцией и её последствиями. В то же время авторы «Словаря» подчеркивают спорность некоторых положений схемы Арндт. С появлением же трудов К. Фридриха и З. Бжезинского, по мнению Берштейна и Милзы, понятие «тоталитаризм» стало инструментом холодной войны, ибо это понятие, применяемое не столько к фашистской Италии, где термин родился, сколько к гитлеровской Германии и к сталинскому СССР, позволяет смешивать оба этих режима и возлагать на сталинский коммунизм часть позора, который связывается после Второй мировой войны с немецким нацизмом [2. С. 11]. Поскольку тоталитаризм в равной мере практиковался и нацистской Германией, и фашистской Италией, и сталинской Россией, из этого родства в годы холодной войны родилась концепция, склонная смешивать фашизм и коммунизм внутри тоталитаризма, сводя, таким образом, фашизм к его практике, сглаживая идеологические корни, социальные концепции, политические цели, составляющие оригина-

нальность каждого из тоталитарных режимов первой половины XX в. [2. С. 669]. В связи с этим Берштейн и Милза считают историческим нонсенсом под прикрытием концепта тоталитаризма полностью отождествлять фашизм (или нацизм), с одной стороны, и сталинизм – с другой, ибо и социальная эволюция стран, где властвовали эти режимы, и их экономический уровень, и политическая культура, и силы, которые поддерживали тот или иной режим, и цели, ими преследуемые, глубоко различны и даже антагонистичны между собой. Однако, исходя из этого, авторы не считают нужным и правильным отказываться от использования концепта, который оказывается исторически плодотворным, так как позволяет лучше понять условия возникновения и эволюции диктатур нового типа, появившихся после Первой мировой войны. При этом Берштейн и Милза пытаются определить, что же понимается под тоталитаризмом, так как в этой сфере расплывчатость определений способствует спорам, столь же резким, сколь и неразрешимым [2. С. 11, 12]. По их мнению, тоталитаризм не есть некая доктрина, это практика, которая может служить тотально разным целям. Причём подобная практика направлена на удержание людей в новых структурах, чтобы дать им единое и однородное устремление.

Берштейн и Милза настаивают на принципиальной новизне тоталитарного феномена, характерного именно для XX в. В центре тоталитаризма находится прежде всего стремление распространить на всё население властный контроль для достижения желаемого результата, новым в тоталитаризме – в отличие от традиционных диктатур – является осуществление надзора и давления на правящие элиты. В этом отношении тоталитаризм представляет собой форму современной диктатуры, использующей всё обилие техники и средств современной коммуникации. Не менее важно и то, что тоталитаризм не ограничивает поле своего действия только социально-политической сферой, а предполагает, что человек в его тотальности будет подвержен переделке, которая фиксируется тоталитарным режимом как задача. Поэтому профессиональная жизнь, досуг, семья, вера, этика, даже эстетика не могут ускользнуть от засилья тоталитарного государства, которое рассматривает эти аспекты человеческой жизни как подведомственное поле своей деятельности [2. С. 12, 13]. Согласно авторам, особенность тоталитаризма состоит в попытке включить сферу частной жизни в поле деятельности власти, имеющей целью создать «нового человека», в стремлении уничтожить гражданское общество, которое классические диктатуры сохраняли, если оно не угрожало их власти.

Делая вывод из вышесказанного, Берштейн и Милза полагают, что существование понятия «тоталитаризм» вполне обоснованно, оно характеризует формы режимов и идеологий, довольно ощутимо отличающихся в своей практике, в своих задачах от традиционных идеологий и режимов. Авторы ещё раз акцентируют внимание на

том, что тогда как сталинизм представляет тоталитарный вариант левых идеологий, а фашизм воплощает тоталитарную форму правой авторитарной семьи, все это ни в коем случае не означает, что использование общей (или близкой) тотальной практики позволяет смешивать сталинизм с фашизмом (нацизмом).

Исследования фашизма как правой формы тоталитаризма пополнились основательными трудами французских историков Р. Ремона, П. Милзы, Н. Пулантаса, З. Стернхелла, Ф. Лаку-Лабарта и Ж.-Л. Нанси и др. Актуальность изучения фашизма с конца 1960-х гг. французскими учёными была обусловлена отсутствием качественного определения для характеристики фашизма и прежде всего опасностью его возрождения во французском «неофашизме». Именно поэтому на первый план вышла проблема интерпретации как самого явления фашизма, так и французского фашизма. Учёные предложили несколько интерпретаций фашизма и фашистских движений. Они отметили относительную слабость фашизма в сравнении с коммунизмом.

Ф. Фюре в одной из своих последних работ «Прошлое одной иллюзии» [3] акцентирует внимание на интеллектуальной и психологической истории коммунизма в XX в. Главная цель, которую преследует автор в своей книге, – понять «одну вещь, ограниченную и центральную в одно и то же время, а именно роль, которую сыграли в нашем веке идеологические страсти, в особенности коммунистическая страсть. Именно эта черта специфична для XX в.» [3. С. 19]. Фюре также рассматривает фашистские режимы и сравнивает их между собой. Учёный отмечает, что именно идеологии придали огромную притягательную силу этим режимам, «привлекшую к ним в послевоенной Европе не только народные массы, но и образованные слои общества, несмотря на всю примитивность идей и аргументов, которыми эти режимы оперировали» [3. С. 20].

Хронология для Ф. Фюре служит отправной точкой для анализа: и большевизм, и фашизм – дети Первой мировой войны. Автор отмечает, что явная и программная цель русской революции и её идеологии – интернациональная и универсальная. Что же касается фашизма, то, по мнению историка, он родился «как реакция частного против универсального, народа – против класса, национального – против интернационального. У своих истоков он неотделим от коммунизма, цели которого он отвергает, а методы заимствует» [3. С. 21]. Таким образом, считает он, сравнительный анализ коммунизма и фашизма необходим не только по причине их одновременного и весьма краткого по историческим меркам существования, но и по причине их взаимозависимости. «Фашизм родился как реакция на коммунизм. Коммунизм продлил свои дни благодаря победе над фашизмом» [3. С. 41]. Получается, что их нельзя изучать отдельно друг от друга, поэтому автор предлагает использовать для их сравнения «генеалогический» подход в противовес «историко-генеалогическому», предложенному Э. Нольте.

По мнению автора, применение такого понятия, как «тоталитаризм», может быть полезно, «если пользоваться им осмотрительно», так как «оно может служить для характеристики определённого состояния, достигнутого указанными режимами (не обязательно всеми) в различные моменты их эволюции. Но оно не говорит ничего ни о соотношении между их природой и условиями их развития, ни об их скрытом взаимотяготении и взаимооплодотворении» [3. С. 191]. Война 1914 г. сыграла по отношению к истории XX в. такую же роль матрицы, как Французская революция по отношению к истории XIX в. Именно она породила события и движения, приведшие к возникновению трех «тираний», о которых говорил Э. Алев.

Таким образом, считает Фюре, перед историком открывается новый путь для сопоставления диктаторских режимов. Речь идет о том, «чтобы рассматривать их не в концептуальном плане, в тот момент, когда каждый из них достигает пика своего развития, а в процессе их зарождения и формирования, чтобы понять как специфичность каждого из них, так и то, что всех их объединяет» [3. С. 191].

При этом автор предостерегает, что при таком подходе существует риск упрощённого толкования (пример тому – дискуссия между немецкими историками по этому вопросу в 1987 г.). Так, на тезис немецкого историка Э. Нольте, считающего фашизм и нацизм ответом на большевистский Октябрь, он заявил, что «подобный подход имеет тот недостаток, что он сглаживает особенности каждого из фашистских режимов (не говоря уже о большевизме), приводя их к общему знаменателю, только теперь не в виде общего определения, а в виде общего врага» [3. С. 192]. Если фашистские движения являются всего лишь реакцией на большевизм, то получается, что они «запрограммированы по одной модели, а это не позволяет как следует понять ни их особенности, ни их автономию, ни те истоки и страсти, которые объединяют их с врагами» [Там же]. Ф. Фюре, так же как и другие французские учёные, считает более плодотворным рассматривать каждый фашистский режим в отдельности, обращая внимание на их особенности и различия.

Существует довольно устойчивое мнение, согласно которому появление советской системы в России и нацистского рейха в Германии объясняется национально-историческими традициями этих стран, и, в сущности, это лишь продолжение их истории в новых условиях. Такое мнение, согласно Фюре, верно лишь отчасти, так как в Германии и России традиционно были сильны тенденции централизма и культ сильного государства. Однако, говорит автор, для такого феномена, как тоталитаризм, необходима особая социально-экономическая ситуация, которая стала бы благоприятной почвой для его возникновения. «Почва», по признанию французских учёных, появилась в начале XX в. «Порождённые войной большевизм и фашизм унаследовали от неё свою элементарность. Они переносят в

политику то, чему научились в траншеях: привычку к насилию, силу примитивных страстей, подчинение индивида коллективу и, наконец, горечь бесполезных жертв и совершённого по отношению к ним предательства. Именно в странах, побеждённых на поле боя или обделённых при заключении мира, подобные чувства находят наиболее благоприятную почву» [Там же].

Сравнивая фашистские движения в Европе с большевизмом, Фюре отмечает их определённую похожесть. Идеологический успех, изначально сопутствовавший большевизму в Европе, окружён такой же тайной, как и бурное развитие фашистских идей в эти же годы. Ф. Фюре полагает, что взаимосвязь и взаимодействие этих двух направлений позволяет высказать гипотезу: эффективность обеих идеологий связана с тем, что они основаны на упрощениях и преувеличениях. «И та и другая гиперболизируют и доводят до карикатуры коллективные представления, служащие им знаменем. Разжигая фанатизм своих сторонников, они не только не смягчились, придя к власти, но пустились в новые преступления и злодеяния» [3. С. 46].

Книга «Прошлое одной иллюзии» – это история коммунизма XX в. с момента его появления и до момента его краха. Автор подробно останавливается на всех судьбоносных для этой идеологии моментах её эволюции. Национальный момент является подчинённым и как таковой вообще отрицается: согласно революционной идеологии, захват власти оправдан и законен лишь ввиду перспективы мировой революции. Даже впоследствии, когда мировой революции не произошло, Россия оставалась аванпостом, плацдармом этой революции, её лабораторией и генеральным штабом. Таким образом, подчеркивает Ф. Фюре, после 1917 г. Россия стала частью истории мирового коммунизма в гораздо большей степени, чем коммунизм – частью русской истории [3. С. 12].

Ф. Фюре пишет, что «коммунизм-строй» в России превратился в «коммунизм-иллюзию». Это заключение он строит на том факте, что «коммунистический мир распался, люди этого мира, не будучи никем побеждены, сами перешли в другую систему, стали сторонниками рынка и свободных выборов либо переквалифицировались в националистов». Но от их предшествующего опыта не сохранилось никакой идеи. «Коммунизм заканчивается в какой-то пустоте. Он не открывает пути – как многие надеялись и предвидели еще со времен Хрущёва – для нового, лучшего коммунизма, свободного от пороков старого и сохранившего его достоинства» [3. С. 12, 13].

Переход от Советского Союза к Российской Федерации, совершившийся не в результате военного краха, как в Германии и Италии, а вследствие идеологического крушения, произошёл менее катастрофически, но повлёк за собой многочисленные глобальные последствия, одно из которых – наличие в «новом» «старого», а также парадоксальное рождение фашистских сил. Таким образом, по мнению Ф. Фюре, советский опыт

обнаруживает «свою нерасторжимую связь с некой фундаментальной иллюзией, которую, как казалось, он долгое время поддерживал, чтобы, в конечном счёте, её окончательно развеять» [3. С. 14]. Эта иллюзия дает человеку, затерянному в истории, не только смысл жизни, но и непоколебимую уверенность. Она не была чем-то вроде ошибочного суждения, которое можно исправить, опираясь на опыт, но имела больше общего с религиозной верой, хотя предмет её обожествления лежал в области истории. Иллюзия не просто «сопровождает» коммунизм, она его созидает: она не зависит от развития, ибо предшествует опыту, и в то же время разделяет с ним риск этого опыта, так как им проверяет истинность пророчества.

Идея коммунистического строя (коммунизма) вынашивалась значительно дольше, чем идеи фашизма и национал-социализма. Она близка многим до сих пор, несмотря на крах советского режима и тоталитарного ужаса в прошлом.

Книга «Прошлое одной иллюзии» – повествование о процессе «очарования» коммунистической идеей в XX столетии, идейная история тоталитарного искушения, в течение короткого времени стала бестселлером (было продано более 100 000 экз.) и была переведена на многие языки. Она снова открыла спор о сопоставимости фашизма, национал-социализма и коммунизма, о взаимодействиях и условных соглашениях тоталитарных идеологий и их политических последствиях. Фюре видит в коммунизме и национал-социализме два враждебно-родственных плода Первой мировой войны и гражданской самоненависти. В молодости он сам был увлечён коммунизмом и даже вступил в партию, но в 1954 г. вышел из неё.

Размышления о крахе «коммунистической империи» нашли своё продолжение в «Чёрной книге коммунизма» под редакцией С. Куртуа и Н. Верта [4]. Группа французских историков создала этот коллективный документированный труд, преследуя двоякую цель. С одной стороны, авторы подвели итоги восьмидесяти лет существования «коммунизма» в мире. С другой стороны, они попытались показать масштабы преступлений, совершённых коммунизмом или во имя коммунизма. В итоге содержание книги, основанное на многочисленном документальном материале, представляет собой чудовищную историю преступлений коммунистического мира с октября 1917 г. до середины 1990-х гг. Попытки понять, почему коммунизм, провозглашавший «сияющее будущее», стал самым кровавым, привели авторов к довольно спорному выводу: «мировая война и русская привычка к насилию» объясняют насильственный захват власти большевиками. Дальнейшее насилие «навязал революции тот человек, который навязал своей партии захват власти, – Ленин» [5. С. 672]. Его сменил Сталин, и... следуя дальнейшим размышлениям французских историков, террор стал всеобъемлющим, и даже после его осуждения на XX съезде КПСС, «покончившего с самыми

откровенными формами террора, сам принцип террора остался на вооружении и сохранил свою эффективность» [5. С. 688].

Авторы анализируют не только историю сталинского СССР, но и период гражданской войны в Испании («тень НКВД над Испанией»), а также Восточной Европы как «жертвы коммунизма». Не остались без внимания и страны (коммунистические режимы) Азии и третьего мира. Итог – 95 млн жертв коммунистических режимов по всему миру. Такой вывод сделали французские историки, авторы книги, в ходе проведённой ими огромной научно-исследовательской работы. Выход книги во Франции и других странах не мог остаться незамеченным ни собранным уникальным фактологическим материалом, ни прозвучавшими на её страницах высказываниями. Масштабы учинённого государственным коммунизмом зла в СССР, Китае, Северной Корее, Камбодже и других странах позволили авторам книги утверждать: коммунизм так же преступен, как и нацизм.

Книга носит научный характер, богата фактами, документами и свидетельствами и, безусловно, имеет большое значение для изучения тоталитаризма. Но не все выводы французских историков, на наш взгляд, так однозначны и правильны. Главная ошибка «Чёрной книги» в том, что нельзя ставить в один ряд все преступления, совершённые в рамках коммунистических диктатур, ведь среди них были преступления не только политического или идеологического характера, но и уголовные... Более того, в истории любой даже демократической страны найдутся страницы преступлений и террора, например для Франции – это война за независимость в Алжире 1957 г., а что касается США, то число их жертв за последние восемьдесят лет XX в., на наш взгляд, слишком велико для демократической страны.

«Чёрная книга» была переведена на все европейские языки, включая русский (в 1999 г., 5 тыс. экз.). Содержание книги было воспринято неоднозначно. Исследование получило огромный резонанс в общественном мнении всех стран, где оно появилось. Картина была приблизительно одинаковой во всех странах: правые партии выступали за необходимость изучения содержания книги в школах, коммунисты выступали против распространения этой книги и пытались доказать, что это чей-то «политический заказ», направленный на их дискредитацию. Другие рассуждали о том, правомерно или нет вообще вести такой счёт [6, 7].

Публикация этой книги ещё раз показала, что противостояние между правыми и левыми продолжается, как продолжают и дискуссии на тему тоталитаризма. Поэтому эта тема будет оставаться актуальной ещё долгое время. Выход книги образовал своего рода теоретический рубеж в изучении и сравнении двух форм тоталитарного господства. С этого момента дискуссия о тоталитаризме во французской исторической и политической мысли ещё больше усиливается. На первый план выдвигается вопрос о правомерности сопоставле-

ния тоталитарных режимов по размерам их преступности или кровожадности, о возможности привлечь их к одинаковой ответственности.

Своего рода ответом на этот вопрос стал труд известного французского исследователя российской (в том числе советской) истории Алена Безансона «Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность катастрофы» (1998) [8]. Автор отметил, что «скандал (вызванный «Чёрной книгой». – Н.К.) продолжался недолго, и гроб уже закрывается, хотя цифры не подверглись серьёзному опровержению» [8. С. 5]. Безансон ставит перед собой сложную задачу – подвести итоги практики коммунизма и нацизма в XX в. В своём исследовании он сопоставляет коммунизм и нацизм «под углом разрушений, которые они произвели в физическом, нравственном, политическом порядке» [8. С. 7].

Учёный считает, что можно «долго развивать сравнение между коммунизмом и нацизмом, отмечать различия и сходства, не выходя из рамок исторического и политического анализа», но с «Катастрофой же, наоборот, мы выходим из них немедленно» [8. С. 6]. Тем не менее он утверждает, что два вопроса – сравнительное историческое сознание двух смертоносных идеологий и сознание Катастрофы – тесно связаны. При этом А. Безансон вслед за Раймоном Ароном приходит к выводу, что «идеология не является продуктом тоталитаризма, но, наоборот, тоталитаризм представляет собой политический результат и воплощение в общественную жизнь идеологии, которая хронологически и исторически является первопричиной» [9. С. 85].

Именно идеология стала сутью и конечной целью советского режима, тоталитаризм же был её орудием. Коммунистический вариант тоталитарной идеологии, как считает Безансон, не менее (и даже более) опасен, нежели нацистский. Преступления нацистов очевидны и осуждены международным трибуналом; преступления коммунистов признаны и осуждены частично, причём обвиняется, как правило, не сама идеология, а экстремальные варианты её реализации (сталинизм, чистки в Китае, Пол Пот...).

Дело в том, что коммунизм апеллирует к идеалам социальной справедливости, которые сами по себе вовсе не плохи; преступно же то, что во имя достижения этих идеалов оказывается возможным злостное нарушение естественных этических заповедей. Как отметил Безансон, в действительности и нацизм, и коммунизм предложили некий «высокий идеал», способный «порождать вдохновенный энтузиазм и героические действия». Оба склонили на свою сторону выдающихся личностей и знаменитых учёных. Оба подвигли на редкие примеры самопожертвования. Немцы поддерживали своего фюрера до самого конца, несмотря на разрушения и смерть, а развал Советского Союза привёл к его дискредитации среди населения. Но коммунизм дал надежду миллионам людей по всему миру. Он часто вдохновлял их на справедливую и необходимую борьбу. Фундаментальная общность двух идеологий, считает автор, состоит в том, что как нацисты, так и коммунисты проповедовали

установление «правильного» земного порядка, достичь которого можно было, лишь сокрушив (а лучше – уничтожив) всех врагов. Различие же основывалось на принципах определения того, кто попадает в число врагов: для нацистов ими были все неарийские расы (и в первую очередь – евреи), а для коммунистов – те, кто заражен буржуазной идеологией, «духом капитализма».

Интересно также сопоставление А. Безансоном тоталитарных идеологий с христианскими ересями. Коммунизму соответствует чистый вариант гностицизма: Бога Творца заменяет естественная история человечества, а Бога Спасителя – волевая деятельность партии; нацизм же опирался на неоязычество, обогащённое эзотеризмом и оккультизмом [8. С. 66–71]. Особо Безансон рассматривает различные богословские интерпретации самого страшного преступления нацизма – массового уничтожения евреев, утверждая, что «вопрос об уникальности Катастрофы не может найти решения полного и общепринятого» [8. С. 93].

Автор, подводя итог своему исследованию, излагает своё мнение по проблеме «Памяти и забвения», ставшей особенно популярной и дискуссионной во французской исторической и политической мысли в конце 1990-х гг. XX в. Он отмечает: «У меня и мысли нет о том, чтобы исчерпать эту проблему. Но все же я могу перечислить некоторые факторы» [8. С. 96]. Смысл их таков:

1. Нацизм известен лучше коммунизму потому, что союзные силы широко открыли двери «тайников с трупами», и потому, что многие западноевропейские народы пережили его на собственном опыте.

2. Еврейский народ взял на себя ответственность за память о Катастрофе, о Шоах, так как для него это был «нравственный долг».

3. Нацизм и коммунизм попадают в магнитное поле, поляризуемое понятиями правых и левых.

4. Война, связав в военный союз демократические страны и Советский Союз, ослабила западный иммунитет к коммунистической идее, который всё же был ещё очень силен в момент пакта Гитлера и Сталина, и спровоцировала некоторый интеллектуальный ступор.

5. Одно из главных достижений советского режима состоит в том, что он смог распространить и малопомалу навязать свою собственную идеологическую классификацию современных политических режимов (социализм – капитализм, затем социализм – буржуазные демократии – фашизм).

6. Незначительность групп, способных хранить память о коммунизме. Нацизм длился 12 лет, европейский коммунизм – от 50 до 70 лет в разных странах. Длительность производит эффект автоматической амнистии.

7. Забвение коммунизма толкает к сверхпамяти о нацизме, и наоборот, хотя простой, верной памяти хватило бы, чтобы осудить и тот и другой. Тут многовековая черта западной нечистой совести: очаг абсолютно-го зла должен обретаться на Западе [8. С. 96–100].

Мысль о типологическом сходстве двух самых зловещих тоталитарных режимов XX в. – нацистской Герма-

нии и коммунистического СССР – уже давно не удивляет оригинальностью. Значение книги известного французского специалиста по российской истории Алена Безансона в том, что он не ограничивается констатацией общеизвестных фактов, а пытается найти и исследовать их корни и определить первопричины. Важность его работы заключается также в том, что он показал необходимость не только изучать и помнить прошлое, но и задуматься о будущем: «Пусть нацизм остался в XX в., а у коммунизма практически нет шансов на глобальное возрождение, но дело ведь не в именуемых идеологии словах – тоталитарные структуры тем и опасны, что способны возрождаться в новых обликах и под новыми знаменами».

Критика теории тоталитаризма во французской исторической и политической мысли в конце 1990-х гг. до-

стигла наибольшего распространения. Французские учёные в этот период существенно обогатили и углубили не только само понятие тоталитаризма, но и предложили новые концепции исследования данного феномена XX в. Предлагаемые французскими учёными классификации весьма разнообразны. Но отношение к правомерности использования понятия «тоталитаризм» в целом одинаковое: применение такого понятия, как «тоталитаризм», может быть полезно, «если пользоваться им осмыслительно», для характеристики определённого состояния, достигнутого указанными режимами (не обязательно всеми) в различные моменты их эволюции. Но оно «не говорит ничего ни о соотношении между их природой и условиями их развития, ни об их скрытом взаимоотяготении и взаимооплодотворении».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф / пер., послесл. С.Л. Фокина. СПб.: Владимир Даль, 2002.
2. Berstein S., Milza P. Dictionnaire historique de fascismes et du nazisme. Bruxelles, 1992.
3. Furet F. Le passe d'une illusion. P., 1995 / пер. на рус. яз. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.
4. Courtois S.; Werth N. Le Livre noir du communisme. Crime, terreur et répression. Paris, Editions Robert Laffont, S. A., 1997.
5. Чёрная книга коммунизма. Преступления, террор и репрессии. М., 1999.
6. Pannetier J.-L. Livre rouge centre Livre noir // Historia. Paris. 1998. № 614. P. 80–88.
7. Matvejevitch P. Le [(Livre noire)] lu a l'Est // Revue des deux mondes. 1998. № 6. P. 130–142.
8. Безансон А. Бедствие века: Коммунизм, нацизм и уникальность Катастрофы. М.: МИК; Париж: Русская мысль, 2000.
9. Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое: сб. ст. М.: МИК, 1998.

Kostromina Nadezda G. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Klio73@mail.ru

TOTALITARIANISM IN THE EVALUATION OF THE FRENCH HISTORICAL AND POLITICAL THOUGHT: FEATURES DISCUSSIONS 90S OF THE TWENTIETH CENTURY.

Keywords: totalitarianism; democracy; the French historiography of totalitarianism; the discussion of 90th of XX century on overcoming the totalitarian past.

The article deals with the discussion of French scientists on the problems of the study of totalitarianism in the 1990s and on the problems of transition from totalitarianism to democracy. The author notes that the criticism of the theory of totalitarianism in the French historical and political thought in this period reached the highest point. In the Soviet Union began the "Perestroika", the process of transition to democracy which revealed all the problems of society. In the pages of French newspapers and magazines plenty of "evidence of the totalitarian past" appeared. Under these conditions, the problem of the study of totalitarianism in the French historiography became even more important. Most of the discussion issues were related to the problems of transition from totalitarianism to democracy. The study and understanding of totalitarianism was carried out from different positions. In the scientific discussion researchers of different directions took part, for example, F. Lacoue-Labarthe and J.-L. Nancy who considered the origins and essence of totalitarian regimes from historical and philosophical positions and concluded that the emergence of totalitarian ideologies and movements was caused by the crisis of Western democracy of the early twentieth century. Bershtein and Milza insist on the fundamental novelty of the totalitarian phenomenon characteristic for the twentieth century. The totalitarianism is a form of modern dictatorship that uses all of the abundance of techniques and tools of modern communication. F. Furet in one of his last works, "The Past Is an Illusion", focuses on the intellectual and psychological history of communism in the twentieth century. He notes that the war of 1914 has played in relation to the history of the twentieth century the same role matrix as the French revolution in relation to the history of the XIXth century. It caused events and movements that led to the emergence of three "tyrannies" E. Halevi spoke of. At this time, French scholars not only significantly enriched and deepened the concept of totalitarianism, but also proposed a new concept for the study of the phenomenon of the twentieth century. The focus of the present work is the positions of French historians in relation to the problems and ways of overcoming the totalitarian past. It is noted that French scientists believed that communism was as criminal as Nazism. Totalitarianism, in their opinion, is not gone. Despite the fact that the advantages of the democratic form were fully substantiated and proved both in theory and in practice, the danger of the revival of this phenomenon is high due to the lack of mechanisms to counter it.

REFERENCES

1. Lacoue-Labarthe P., Nancy J.-L. *Natsistskiy mif* [The Nazi myth]. Translated from French by S.L. Fokin. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2002.
2. Berstein S., Milza P. *Dictionnaire historique de fascismes et du nazisme*. Bruxelles, 1992.
3. Furet F. *Proshloe odnoy illyuzii* [The past of one illusion]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem Publ., 1998. 639 p.
4. Courtois S., Werth N. *Le Livre noir du communisme. Crime, terreur et répression*. Paris, Editions Robert Laffont, S. A., 1997.
5. Courtois S. *Chernaya kniga kommunizma. Prestupleniya, terror i repressii* [The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression. Crime, terror and repression]. Moscow: Tri veka istorii Publ., 1999. 766 p.
6. Pannetier J.-L. Livre rouge centre Livre noir. *Historia*. Paris, 1998, no. 614, pp. 80–88.
7. Matvejevitch P. Le [(Livre noire)] lu a l'Est. *Revue des deux mondes*, 1998, no. 6, pp. 130–142.
8. Besançon A. *Bedstvie veka: Kommunizm, natsizm i unikal'nost' Katastrofy* [The disaster of the century: Communism, Nazism, and the uniqueness of the Holocaust]. Translated from French by Ya. Gorbanevsky. Moscow: MIK; Paris: Russkaya mysl' Publ., 2000. 103 p.
9. Besançon A. (ed.) *Sovetskoe nastoyashchee i russkoe proshloe* [Soviet present and Russian past]. Translated from French by A. Babich. Moscow: MIK Publ., 1998.

ПРОЕКТ «НОВЫЙ ПАКТ ДЛЯ ЕВРОПЫ» КАК ИНИЦИАТИВА ЭКСПЕРТНЫХ СООБЩЕСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Анализируются проект «Новый пакт для Европы», разработанный группой экспертных сообществ из стран Европейского союза (ЕС), направленный на инициирование дискуссии относительно механизмов улучшения функционирования институтов ЕС, а также количественный и качественный состав группы экспертов, программа мероприятий в рамках реализации проекта. Основное внимание уделяется анализу первого доклада, представленного разработчиками проекта на обсуждение. Доклад дает представление о серьезности внешних и внутренних вызовов, с которыми сталкивается Европейский союз, и о предлагаемых экспертным сообществом вариантах ответов на эти вызовы. В статье делается вывод о том, что инициированная консорциумом экспертов дискуссия выполняет роль «предохранительного клапана», позволяющего ослаблять избыточное общественное давление, направлять его в конструктивное русло и ставить под общественный контроль институциональные процессы в ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз; проект «Новый пакт для Европы»; институты ЕС; политика ЕС.

Разработка проекта «Новый пакт для Европы» была вызвана несколькими обстоятельствами. Прежде всего, сам факт появления данной темы отражает определенное недовольство, которое существует в общественной среде и экспертном сообществе, деятельностью ряда институтов и политикой ЕС. Речь идет не только о «евроскептиках», радикальная часть которых ведет постоянную борьбу против самого факта существования институтов объединенной Европы, но и об умеренных «евроскептиках» и сторонниках реформирования ЕС, которые в открытой дискуссии разрабатывают предложения и включают в их обсуждение как общественность, так и чиновников, бюрократию ЕС. Только за последние двадцать лет несогласие с институциональными реформами выразили датчане в 1992 г. против Маастрихтского договора, Ирландия заблокировала принятия Договора в Ницце в 2001 г., Голландия и Франция высказались в 2005 г. против Конституционного договора, и, наконец, Ирландия первоначально выступила против Лиссабонского договора о реформе в 2008 г.

Начиная с 2009 г. ЕС переживает затянувшийся финансовый, экономический и политический кризис. Чрезвычайные антикризисные программы были приняты так называемой «тройкой» – Европейской комиссией, Международным валютным фондом, Европейским центральным банком – по спасению Греции, Ирландии и Португалии. В 2010–2013 гг. были созданы два постоянно действующих стабилизационных института – Европейский фонд финансовой стабильности (European Financial Stability Facility – EFSF) и Европейский стабилизационный механизм (European Stability Mechanism – ESM) – для предоставления кредитов и других видов финансовой помощи странам еврозоны. ЕС учредил систему ежегодного мониторинга макроэкономических рисков. В 2012 г. был подписан Договор о стабильности, координации и управлении в экономическом и валютном союзе (Treaty on Stability, Coordination and Governance – TSCG). Великобритания и Чехия воздержались от подписания договора.

Тем не менее над ЕС висит угроза распада или выхода из него отдельных стран. В июне 2014 г. премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон заявил, что если председателем Еврокомиссии станет Жан-Клод Юнкер, то Великобритания, скорее всего, покинет ЕС [1]. Ж.-К. Юнкер стал председателем Еврокомиссии, и следующий ход оставлен за Великобританией.

Инициированная консорциумом экспертов дискуссия выполняет роль «предохранительного клапана», позволяющего ослаблять избыточное общественное давление, направлять его в конструктивное русло и ставить под общественный контроль институциональные процессы в ЕС.

В данной статье речь идет о недавней инициативе, исходящей от бельгийского общественного фонда (King Baudouin Foundation). Бельгийский фонд предложил создать европейское экспертное сообщество для разработки предложений в виде Пакта (The New Pact for Europe). Эта инициатива привела к созданию транснационального консорциума, в который вошли несколько европейских общественных фондов и экспертных групп из Германии, Португалии, Нидерландов, Бельгии, Испании, Финляндии [2]. Проект был начат в ноябре 2013 г., а его завершение запланировано на конец 2015 г. Изучение работы над проектом представляет интерес с точки зрения изучения планирования и организации общественного обсуждения, подготовки предложений с привлечением политиков, аналитиков и окончательного оформления экспертных заключений в целостный пакет.

В консорциуме были созданы аналитическая группа и группа советников, которые представляют собой форму связи между политиками и гражданами стран, входящих в ЕС.

Аналитическая группа состоит из пятнадцати представителей различных стран, известных исследователей Европейского союза, руководителей аналитических центров из Бельгии, Словакии, Испании, Франции, Великобритании, Финляндии, Греции, Польши [2].

Группа советников представлена двадцатью пятью авторитетными политическими деятелями, представителями неправительственных организаций, депутатами Европарламента, видными учеными и общественными деятелями. Среди них бывший глава правительства Италии Дж. Амато, бывший премьер-министр Венгрии Г. Байнаи, бывший ирландский премьер-министр Дж. Братон, посол Дании в Брюсселе П.С. Кристофферсен, глава Еврокомиссии Ж.М. Баррозу, депутаты Европарламента М. Маковей (Румыния), Р. Трзасковский (Польша), Г. Верхофштадт (Дания) и др. [2].

Подбор участников консорциума осуществлен исходя из принципов привлечения специалистов, которые заинтересованы в европейской интеграции, являются людьми прагматичными, в силу своей статусности обладают возможностями взаимодействия с общественностью своих стран через средства массовой информации. Проект нацелен на содействие общеевропейской дискуссии по реформированию ЕС в качестве ответа на многомерный кризис (финансовый, экономический, политический, социальный и институциональный), с которым столкнулись европейцы в последние годы, и генерирование новых идей.

В центре дискуссии консорциум ставит следующие вопросы: Какие перспективы ожидают Европу, если она не сможет решить вопросы, с которыми сталкивается сегодня? Какой вид сотрудничества на европейском уровне необходим для преодоления кризиса? В чем заключаются сегодняшние нужды Европы? Каким образом можно перевести ответы на эти вопросы в эффективные действия, которые могут иметь широкую общественную поддержку? Как это можно реализовать?

Реализация проекта в 2013–2015 гг. поделена на четыре фазы. *Первая фаза* (март – октябрь 2013 г.). В этот период аналитическая группа должна разработать комплексный анализ «состояния ЕС», чтобы выявить и оценить различные стратегические варианты для будущего европейской интеграции. Выводы, подготовленные совместно с группой советников, опубликованы в октябре 2013 г.

В рамках *второй фазы* (ноябрь 2013 г. – май 2014 г.) запланировано распространение подготовленного доклада с целью организации широких дебатов с политиками и общественностью о будущем ЕС.

Третья фаза (февраль – июль 2014 г.) отведена на подготовку второго доклада по итогам общеевропейских консультаций, организованных обеими группами. Этот доклад должен обобщить конкретные рекомендации. Проект должен подпитывать постоянную дискуссию в среде новоизбранного руководства ЕС относительно поиска наилучших вариантов движения вперед.

В рамках *четвертой фазы* (конец 2014–2015 гг.) предусматривается вынесение «Нового пакта для Европы» на самое широкое обсуждение с политиками, экспертами, гражданами во всех странах, входящих в ЕС.

С декабря 2013 г. по апрель 2014 г. было организовано свыше 50 общественных обсуждений в странах

ЕС. Кроме того, «Новый Пакт для Европы» был вынесен на обсуждение в молодежных проектах (FutureLab-Europe, Friday Group, 40 under 40 – European Young Leaders).

Рассмотрим основные итоги первого обобщающего доклада, подготовленного консорциумом «Новый пакт для Европы» [2]. В докладе выделены четыре взаимосвязанных измерения: социально-экономическое, политико-институциональное, общественное и внешнее глобальное.

Социально-экономический аспект связан с наличием угроз социальному миру в странах ЕС в результате нарастания возмущения и отчаяния, вызванных кризисом, высоким уровнем безработицы, растущим давлением на государства всеобщего благоденствия. Это ведет к усилению экономического неравенства между странами ЕС. В Европе имеет место фрагментация отдельных регионов, где нет общей с другими и адекватной бюджетной, финансовой и экономической интеграции.

Если обратиться к политико-институциональной стороне евроинтеграции, то можно обнаружить в ряде случаев отсутствие общественной поддержки ЕС, кризис лидерства на национальном и европейском уровнях. На общественном и политическом уровнях проявляются упрощенные стереотипы о национальном суверенитете в современном глобализирующемся мире. Присутствует страх перед возможной маргинализацией ЕС, утратой ее мирового лидерства.

Эксперты выделяют пять стратегических вариантов ответов на современные вызовы ЕС, а именно: 1) возвращение на исходную позицию евроинтеграции, как бы перемотав историю в обратном направлении, а затем начало нового движения, освободившись от ошибок; 2) консолидация всех прошлых достижений и отсеменение ошибочных решений; 3) амбициозное движение вперед, не обращая внимания на ошибки; 4) «большой скачок» (экономический и политический союз является единственным ответом); 5) фундаментальный пересмотр логики интеграции.

Представляет интерес построение самого доклада. Эксперты разбивают его на пять разделов, совпадающих по названию и смыслу с пятью вышеупомянутыми стратегическими разделами, и в каждом из них подвергают сравнению основные преимущества и недостатки сквозь призму четырех измерений (социально-экономическое, политико-институциональное, общественное и внешнее глобальное измерения).

Для того чтобы понять принципы работы экспертов, рассмотрим социально-экономическое измерение во всех пяти стратегических разделах.

Итак, в первом случае социально-экономическое измерение подвергается экспертизе в рамках стратегии «возвращения на исходную позицию евроинтеграции». Экспертизе подвергается вариант с «демонтированием евро». Сторонники такой точки зрения полагают, что это приведет не к краху ЕС, а скорее может стать началом

более прагматичного и эффективного подхода к европейской интеграции. Напротив, противники считают, что отмена или сворачивание евро не решит, а скорее усилит экономические и социальные проблемы в ЕС, поскольку издержки «демонтажа» намного перевесят выгоды как на европейском, так и на национальном уровне, и это может оказать сильное негативное влияние на другие области политики, в том числе на единый рынок [2. С. VII].

Подвергнем следующую стратегическую опцию – «консолидация всех прошлых достижений и отсеечение ошибочных решений» – социально-экономическому измерению. Сторонники этого варианта утверждают, что в то время как ЕС никак не может полностью выйти из темного леса кризиса, усилия, направленные одновременно на европейском и национальном уровне, могут принести свои положительные плоды в борьбе с социальными и экономическими проблемами. Окончательный успех в преодолении кризиса будет зависеть от способности и готовности отдельных государств – членов ЕС навести прежде всего порядок в собственных домах. Противники этого варианта, напротив, полагают, что минималистский подход будет недостаточным для решения экономических и социальных проблем Европы, поскольку ситуация на местах остается весьма нестабильной и еще многое предстоит сделать, чтобы устранить коренные причины кризиса. Сохранившийся структурный дефицит может вновь подорвать доверие к институтам ЕС и усилить настроения против ЕС [2. С. X].

Рассмотрим следующую стратегическую опцию – «амбициозное движение вперед, не обращая внимания на ошибки». Сторонники использования этой стратегии считают, что более амбициозные меры, включая создание автоматических стабилизаторов, форм совместной финансовой ответственности и сильного банковского союза, необходимы для стабилизации и постепенного улучшения экономического положения, тем самым стимулируя рост, уменьшая угрозы для социального мира и сокращая экономический разрыв между субъектами ЕС [2. С. XII]. У данного подхода имеются свои противники. Одни считают, что не следует заходить так далеко, достаточно оказать поддержку тем, кто страдает от кризиса или направить усилия на восстановление репутации ЕС. Другие полагают, что такие действия ослабят желания национальных правительств осуществить необходимые структурные реформы в странах ЕС. Третьи утверждают, что попытки договориться о внесении изменений в договорах на уровне ЕС заведут реформы в очередной тупик и спровоцируют еще более глубокий кризис, чем тот, что Европа уже прошла.

Рассмотрим под таким же углом четвертую опцию – «большой скачок» (экономический и политический союз является единственным ответом) [2. С. XIV]. Сторонники такой стратегической линии утверждают, что ставка на первоочередное удовлетворение социально-

экономических запросов приведет к восстановлению доверия к евро и к полному экономическому и политическому союзу, сделает всех акторов Европейского Союза настолько сильными и достаточно независимыми, что стимулирует их к политике компромиссов во имя общеевропейских интересов. В свою очередь противники такого подхода полагают, что движение Европы в направлении «экономического федерализма» принесет больше вреда, чем пользы, повредит конкурентоспособности европейской экономики. Создание «двухурвневой Европы», в которой сильные страны будут субсидировать более слабые, подорвет единую экономику.

Наконец, обратимся к пятой стратегической опции – «фундаментальный пересмотр логики интеграции». Появление столь радикальной стратегической опции вызвано тем, что традиционные дебаты относительно улучшения деятельности Европейского союза не сопровождаются выработкой конструктивных предложений, которые могли бы привести к кардинальным улучшениям в его деятельности.

Суть предложений сводится к тому, чтобы создать общественный надзорный орган, наделенный полномочиями мониторинга, аудита и контроля за финансовыми расходами в Европейском союзе, а также и привлечения к уголовной ответственности лиц и организаций, совершающих уголовные преступления в финансовой области. Разработка политики и создание инструментов повышения активности граждан на региональном и общеевропейском уровнях прежде всего в областях обеспечения гражданских прав и основных свобод, защиты социальных прав на образование и медицинское обслуживание, устойчивого экономического развития, поощрение сетей неправительственных организаций (NGO), различных общественных экспертных сообществ. Организационно выше рассмотренные предложения должны найти свое оформление в «Хартии Европейского гражданства» (Charter of European Citizenship).

Сторонники такого подхода считают, что данная стратегия способствует вовлеченности граждан ЕС в разработку и реализацию политики ЕС, повышают чувства собственного достоинства и ответственности граждан ЕС за политику, снимают социальную напряженность.

Напротив, противники такого подхода считают, что предлагаемые меры не решат коренных причин социально-экономических вызовов и будут только отвлекать от создания подлинного экономического и валютного союза [2. С. XVIII].

В завершение своего первого доклада группа экспертов приходит к выводу о том, что нет одного-единственного ответа на вызовы современности и даже невозможно сформулировать четкую иерархию действий. Существует ряд взаимных переплетений внутренних и внешних факторов, которые предстоит решать в будущем Европейском союзе. Они подразделяются на четыре достаточно обширные измерения: социально-

экономическое, политико-институциональное, социальное и внешнее глобальное [2].

После публикации первого доклада экспертная группа планирует провести свыше пятидесяти слушаний в странах ЕС на самом разном уровне, чтобы выяснить мнение участников обсуждения по следующим вопросам. Сможет ли, в конечном счете, Европейский союз преодолеть нынешний кризис? Станет ли проект интеграции сильнее после выхода из этого кризиса, как это было ранее в истории? Каковы наиболее значительные внутренние и внешние вызовы, с которыми сталкивается Европа? В какой мере ЕС и государства-члены готовы к решению возникающих проблем? [2. С. 49].

Особую остроту дебатам по вопросам европейского строительства придали состоявшиеся в мае 2014 г. выборы в Европарламент. На выборах абсолютное большинство голосов получили демократические партии, придерживающиеся в целом центристских позиций и традиционно выступающие за европейскую интеграцию. Консерваторы, получившие 28% голосов, сформировали самую большую фракцию под названием

Европейская народная партия. Ее представитель, бывший премьер-министр Люксембурга Жан-Клод Юнкер, возглавил Европейскую комиссию. Вместе с тем было отмечено, что в ряде стран резко усилили свои позиции евроскептики, популисты, а также правые и левые радикалы. Они заняли примерно пятую часть депутатских мест в Европарламенте. Особенно оглушительным оказался успех праворадикальной партии Национальный фронт во Франции, за которую проголосовал каждый четвертый француз.

В современном глобальном мире объединенная Европа является одним из важнейших акторов мировой политики. Однако европейцы на властном и общественном уровнях хорошо понимают, что это место не навсегда зарезервировано за ними. Угроза маргинализации висит над «старым» континентом. «Мозговые» атаки экспертов, вовлечение широкой общественности в обсуждение насущных проблем ЕС позволяют поддерживать высокую мобилизационную готовность ЕС к поиску новых вариантов развития, реформированию и модернизации не оправдавших себя институтов во имя устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кэмерон угрожает выходом Великобритании из ЕС, если главой ЕК станет Юнкер. URL: <http://www.eer.ru/a/article/u156/01-06-2014/21416>, свободный.
2. *New Pact for Europe. Strategic Options for Europe's Future*. First Report. December 2013. 91 p.

Mikhaýlenko Valery I. Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Valermik@gmail.com

PROJECT "NEW PACT FOR EUROPE" AS AN INITIATIVE OF THE EUROPEAN UNION EXPERT COMMUNITIES.

Keywords: European Union; the project "New Pact for Europe"; the EU institutions; EU policies.

The threat of the collapse of the European Union or the exit of individual countries is one of the constant factors of the European integration. The article is devoted to an initiative of a consortium of European experts whose task is constant monitoring of the situation in the European Union and the weakening of excessive public pressure through organization of public hearings on the problems within the EU. The article considers the initiative of a Belgian public fund (King Baudouin Foundation). The Belgian fund proposed the creation of a European community of experts to develop proposals in the form of New Pact for Europe. This initiative led to the creation of a transnational consortium which included several European public funds and expert groups from Germany, Portugal, the Netherlands, Belgium, Spain, Finland. The project was started in November 2013 and its planned completion is in late 2015. In the consortium an analytic group and a group of advisers were set up which are a form of communication between politicians and citizens of countries outside the EU. The analytical group consists of fifteen representatives of various countries, well-known researchers of the European Union, the heads of analytical centers from Belgium, Slovakia, Spain, France, Great Britain, Finland, Greece and Poland. Advisors Group consists of twenty five influential political figures, representatives of non-governmental organizations, European parliamentarians, prominent scholars and public figures. Among them are former Italian Prime Minister, former Prime Minister of Hungary, former Irish Prime Minister, Ambassador of Denmark in Brussels, the European Commission President, MEPs. From December 2013 to April 2014 more than 50 public hearings in the EU were organized. The main result is the first synthesis report prepared by a consortium, the "New Pact for Europe." Experts have identified five strategic answers to modern challenges of the EU, namely: (1) Return to the starting position of European integration, as if rewinding the story in reverse, and then start a new movement, free from errors; (2) consolidation of past achievements and clipping the wrong decisions; (3) an ambitious move forward, with errors ignored; (4) "Great Leap Forward" (economic and political union is the only answer); and finally, (5) a fundamental revision of the logic of integration. In the first report, the group of experts came to the conclusion that there is no single answer to the challenges of the present and it is even impossible to formulate a clear hierarchy of actions. There is a considerable intertwining of internal and external factors that must be addressed in the future European Union. Expert "think tanks" and the involving of the general public in the discussion of the pressing problems of the EU contribute to sustain EU's high readiness to look for new options for the development, reforms and modernization of the EU institutions in the name of sustainable development.

REFERENCES

1. *Kameron ugrozhaet vykhodom Velikobritanii iz ES, esli glavoy EK stanet Yunker* [Cameron threatens to exit the UK from the EU, if the head of the EC will be Juncker]. Available at: <http://www.eer.ru/a/article/u156/01-06-2014/21416>.
2. *New Pact for Europe. Strategic Options for Europe's Future*. 2013, December. 91 p.

РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЫНКАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ, СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНКУРЕНЦИЯ

Анализируется роль университетов в продвижении информационно-культурного влияния («мягкой силы») России в странах Центральной Азии. Следуя общемировой практике привлечения иностранных абитуриентов, российские вузы не только решают собственные проблемы, связанные с повышением своей международной репутации и доходности от образовательной деятельности, но и активно вовлекаются в правительственные программы публичной дипломатии.

Ключевые слова: публичная дипломатия; высшее образование; иностранные студенты; Центральная Азия.

Во многих российских и иностранных публикациях рост российской «мягкой силы» в 2000-х гг. связывается с появлением новых вещательных каналов (RT, ранее Russia Today) и учреждением институтов публичной дипломатии – фонда «Русский Мир» (2007), Россотрудничества (2008), Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (2010) и др. Однако основное внимание исследователей привлекают имиджевые проекты по ребрендингу России и ее лидеров, ориентированные на западную аудиторию [1–4]. Современный кризис вокруг Украины создает благодатную почву для исследований в области информационных войн и пропаганды. Некоторые западные авторы вообще склонны характеризовать всю российскую публичную дипломатию как аппарат пропаганды и секретных подрывных операций (covert operations) с использованием ресурса неправительственных организаций российских соотечественников – в основном на территории Украины, Молдовы и балтийских государств Евросоюза [5].

В то же время деятельность по укреплению российского влияния в азиатских странах Содружества остается в тени. Между тем основные усилия в проецировании «мягкой силы» Российской Федерации направлены именно на страны Центральной Азии и Закавказья. Здесь Россия придерживается общемировых практик конкуренции на образовательных рынках, где ключевую роль в продвижении российских интересов играют образовательные программы.

Активное возвращение России в информационно-культурное и образовательное пространство «ближнего зарубежья» в середине 2000-х гг. было связано с переориентацией вектора внешнеполитических усилий России на страны СНГ. В послании Федеральному Собранию 25 апреля 2005 г. Президент В.В. Путин, наряду с поддержкой прав российских соотечественников за рубежом, подчеркнул необходимость продолжения «цивилизаторской миссии российской нации на евразийском континенте» [6]. Ослабление культурного влияния России, падение интереса к русскому языку и российскому образованию в странах СНГ стало подаваться в контексте угроз национальной безопасности России. Такая «секьюритизация» неизбежно сопровождалась поиском геополитического соперника, которым

были названы Соединенные Штаты, к тому моменту увязавшие в афганской войне и вызывавшие явное недовольство России своими попытками искусственного построения региона «Большой Центральной Азии».

Действительно, в 1990-х гг. к рынку образовательных услуг Центральной Азии получили доступ многие иностранные акторы, которые открывали стипендиальные программы для обучения граждан Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана и учреждали собственные или совместные высшие учебные заведения, ориентированные на образовательные стандарты и модели стран-грантодателей. Так, Турция оказала большое влияние на процессы перехода Туркменистана и Узбекистана на латинский алфавит. Помимо выделения значительных квот на обучение студентов из тюркоязычных стран в Турции, турецкое правительство и частные фонды содействовали открытию Университета им. Сулеймана Демиреля в Алматы и Международного казахско-турецкого университета им. Х.А. Яссави в г. Туркестан, Международного университета Ататюрк-Алатоо и Кыргызско-Турецкого университета «Манас» в Бишкеке, Международного туркмено-турецкого университета в Ашхабаде.

Соединенные Штаты также уделяли большое внимание популяризации американского образования через сеть «Американских уголков», информационно-образовательные центры EducationUSA, сообщества выпускников стипендиальных программ Фулбрайта, IREX и др. Падение интереса к изучению и искусственное вытеснение русского языка из общественно-политической сферы в странах Центральной Азии происходило параллельно с ростом популярности английского языка. По американской модели были организованы Американский университет Центральной Азии в Бишкеке, Международный университет Кыргызстана (основанный совместно с Университетом Сан-Франциско), алматинский Университет КИМЭП или новый престижный Назарбаев Университет в Астане. Английский язык активно используется в трех кампусах спонсируемого Ага-ханом Университета Центральной Азии: в Хороге (Таджикистан), Нарыне (Киргизия) и Текели (Казахстан). Казахстанское руководство заявляло, что к 2020 г. до 20% населения страны будет владеть английским языком [7. С. 1098, 1099].

Среди других стран, осваивающих образовательные рынки стран Центральной Азии, можно назвать Великобританию, поддерживающую Казахско-Британский технический университет в Алматы или Вестминстерский международный университет в Ташкенте. В Ташкенте также действует Сингапурский институт развития менеджмента. Примером германского присутствия в образовательном и научном пространстве региона, помимо популярных стипендиальных программ DAAD, может служить деятельность Казахско-Немецкого университета в Алматы, а также региональных представительств фонда им. Фридриха Эберта, фонда им. Конрада Аденауэра, исследовательские программы Фонда Фольксваген. К образовательным рынкам региона проявляют интерес страны Центральной и Восточной Европы, в частности Венгрия, где «туризм» и ориентация на развитие связей со странами Азии (в противовес углублению евроинтеграции) стали одной из ключевых внешнеполитических идей правительственной партии ФИДЕС. В 2014 г. Венгрия открыла грантовую программу *Stipendium Hungaricum* для граждан Казахстана; проведенный в марте 2014 г. в Алматы «Центрально-Азиатский и Центрально-Европейский форум высшего образования» был частично спонсирован агентством *Campus Hungary* и фондом «Новый план Сечени»; а венгерская делегация в составе 13 вузов была наиболее представительной [8].

Появление новых акторов положило конец монополии национальных образовательных систем, сохранивших многие черты советской университетской модели и поэтому связанных с российской академической традицией – со всеми ее достоинствами и недостатками. Таким образом, продвижение российского высшего образования в странах Центральной Азии в 2000-х гг. происходило в принципиально иных условиях активной международной конкуренции и неоднозначного восприятия российских инициатив в области публичной дипломатии со стороны местных правящих элит.

Принятая в 2008 г. Концепция внешней политики Российской Федерации впервые упоминает публичную дипломатию как средство достижения «объективного восприятия в мире и информационного влияния на общественное мнение за рубежом» [9]. В августе 2008 г. квота приема иностранных граждан в российские вузы была увеличена с 7 до 10 тыс. человек в год [10]. При этом большинство новых бюджетных мест было перераспределено в пользу абитуриентов из стран СНГ, прежде всего Центральной Азии и Закавказья.

За пределами России деятельность по набору иностранных абитуриентов постепенно сосредоточилась в Российских центрах науки и культуры (РЦНК), причем большинство РЦНК в странах Центральной Азии было открыто именно в 2000-х гг. Первый директор Россотрудничества Ф. Мухаметшин (что примечательно, ранее занимавший пост посла России в Узбекистане) заявлял, что его агентство ставит целью создание все-

мирной сети из ста и более российских центров, а само имя Россотрудничества должно стать всемирно узнаваемым брендом наряду с Британским Советом, испанским Институтом Сервантеса, германским Институтом Гёте, «Альянс Франсез» или китайским Институтом Конфуция [11].

С 2008 г. российские университеты выработали несколько основных форматов взаимодействия с РЦНК в странах СНГ по продвижению своих образовательных программ и набору иностранных студентов.

Во-первых, РЦНК представляют собственные площади, кадры и технические средства для проведения презентаций российских университетов. Многие вузы практикуют проведение на базе РЦНК выездных вступительных испытаний и олимпиад. Сами российские центры выступают в роли ресурсных центров, куда вузы направляют свою рекламную информацию для распространения среди целевой аудитории. Во многих странах проведение подобных презентаций за пределами РЦНК (например, в русских школах или классах) затруднено или вообще невозможно (как в Туркменистане).

Во-вторых, региональные представительства Россотрудничества зачастую организуют коллективные экспозиции российских университетов в рамках коммерческих образовательных выставок («Международное образование», «Образование и карьера» и т.п.), проводимых в Астане, Алматы, Бишкеке, Ташкенте и других городах. Это оказывается выгодно и удобно для многих небогатых региональных университетов России, для которых участие в таких выставках наравне с более сильными игроками является сложной задачей.

В-третьих, РЦНК содействуют контактам университетов с представителями неправительственных организаций российских соотечественников. В некоторых случаях работа по набору абитуриентов возможна только через контакт с русскими обществами, клубами и ассоциациями.

В-четвертых, российские университеты наравне с их западными коллегами активно осваивают центральноазиатский рынок образовательных услуг, учреждают филиалы в странах региона. МГУ им. М.В. Ломоносова открыл филиалы в Астане (2000 г.), Ташкенте (2006 г.) и Душанбе (2009 г.). Российский университет нефти и газа им. И.М. Губкина в 2007 г. открыл филиал в Ташкенте, а с 2008 по 2012 г. имел филиал в Ашхабаде. Совместные Российские (Славянские) университеты действуют в Бишкеке (Российско-Киргизский) и Душанбе (Российско-Таджикский). При этом все вузы с преподаванием на русском языке имеют высокую репутацию среди местного населения. Русский язык остается важнейшим инструментом образовательного маркетинга в странах Центральной Азии. Многие национальные университеты сохраняют обучение на русском языке в рамках соответствующих «потоков» (параллельно с обучением групп на основном государственном языке), а в национальной высшей школе в странах

Центральной Азии по-прежнему в ходу русскоязычные учебные материалы и пособия [7. С. 1085].

Переориентация публичной дипломатии на работу с аудиторией в странах СНГ имела следствием значительное повышение доли студентов из стран Содружества в российских вузах. В 2008 г. она составляла около 36%, а к 2013 г. возросла до 47%.

Таким образом, в настоящее время страны СНГ являются основным «поставщиком» иностранных студентов в российские университеты, потеснив с данной позиции регион Восточной и Южной Азии [12. С. 24; 13. С. 22]. Данная тенденция будет продолжена, учитывая недавнее (октябрь 2013 г.) увеличение квоты бюджетных мест для иностранных студентов до 15 тыс. человек в год [14]. Для многих сравнительно небольших региональных вузов России приток иностранных (по большей части – русскоговорящих) абитуриентов из республик Центральной Азии стал началом интернационализации студенческого корпуса. Так, в Поволжском государственном технологическом университете в г. Йошкар-Оле (около 12 тыс. обучающихся) в 2009 г. иностранных студентов не было вовсе, а в 2014 г. их насчитывалось уже около 300, что стало следствием активной маркетинговой политики (так называемых «профориентационных мероприятий») в странах СНГ. В апреле 2014 г. университет подписал соглашение о партнерстве с Россотрудничеством, войдя в число полусотни российских вузов, получивших «официальное» добро на представление своих образовательных программ в российских дипломатических представительствах за рубежом [15].

Политическая обстановка в регионе Центральной Азии (или шире – «Большой Центральной Азии») оказывает серьезное влияние на публичную дипломатию ведущих мировых акторов. Благодаря планомерным усилиям по активизации стипендиальных и языковых

программ, активному позиционированию университетов позиции России в информационно-культурном пространстве стран Центральной Азии постепенно усиливаются. Помимо Россотрудничества, проекты образовательного взаимодействия в странах региона реализуют также ОДКБ и ШОС. В то же время США в связи с выводом своего военного контингента из Афганистана в 2014 г. постепенно сворачивают государственные программы поддержки гуманитарных исследований Центральной Азии, о чем с тревогой свидетельствуют представители американского университетского сообщества [16]. Нишу западного представительства могут некоторым образом восполнить европейские партнеры США, прежде всего Германия. Однако эффективность европейских инициатив публичной дипломатии в Центральной Азии во многом будет зависеть от внешнеполитических предпочтений местных элит, которые, как показывает история, склонны к колебаниям.

Участие российских университетов в реализации внешнеполитических задач в регионе Центральной Азии представляет собой интересный пример симбиоза государственных дипломатических и образовательных структур. Если Россотрудничество и МИД мобилизуют ресурсы публичной дипломатии для продвижения российского информационно-культурного и политического влияния в этом стратегическом регионе, то университеты используют возможности РЦНК и организаций соотечественников в целях выхода на целевую аудиторию и маркетинга образовательных программ среди иностранных абитуриентов. Этот интерес вполне объясним, поскольку количество и разнообразие стран происхождения иностранных студентов напрямую влияют на доходы от образовательной деятельности и рейтинговые позиции государственных вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинский А.В. Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии // Фонд «Русский Мир». 16.03.2010. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0004.html>, свободный.
2. Avgerinos K. Russia's Public Diplomacy Effort: What the Kremlin is Doing and Why it's Not Working // Journal of Public and International Affairs Vol. 20 (Spring). P. 115–132.
3. Simons G. Attempting to Re-brand the Branded: Russia's International Image in the 21st Century // Russian Journal of Communication. Vol. 4. No. 3/4 (Summer/Fall): 322–350.
4. Osipova Y. Selective Processing: A Strategic Challenge for Public Diplomacy An Alternative Approach to Russian Public Diplomacy in the United States // *gnovis*, Georgetown University's peer-reviewed journal of Communication, Culture and Technology (CCT). Vol. XII, is. II (Spring). URL: <http://gnovisjournal.org/2012/04/26/selective-processing-a-strategic-challenge-for-public-diplomacy-an-alternative-approach-to-russian-public-diplomacy-in-the-united-states>, свободный.
5. Saari S. Russia's Post-Orange revolution Strategies to Increase its Influence in Former Soviet Republics: Public Diplomacy *po russkii* // Europe-Asia Studies. Vol. 66, No. 1. January 2014. P. 50–66.
6. Президент России. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. Москва, Кремль. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtm, свободный.
7. Fierman W. Russian in the Post-Soviet Central Asia: a Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012, 64:6. P. 1077–1100.
8. В Алматы состоится международный семинар «Центрально-Азиатский и Центрально-Европейский Форум по высшему образованию / Ecce Mundus» // CA News. 14 марта 2014 г. URL: <http://ca-news.org/news:1102997>, свободный.
9. Президент России. Концепция внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008 г. URL: <http://kremlin.ru/acts/785>, свободный.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 638 г. Москва «О сотрудничестве с зарубежными странами в области образования» // Российская Газета. 3 сентября 2008 г. URL: <http://www.rg.ru/2008/09/03/sotrudnichestvo-dok.html>, свободный.
11. Евгенийев Е. На очереди Лондон, Тегеран, Сингапур: Российские центры науки и культуры будут работать более чем в 100 странах // Российская Газета. 28.12.2011 г. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/27/muhametshin-poln.html>, свободный.

12. Арефьев А.Л., Шереги А.Ф. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации : стат. сб. / Министерство образования и науки Российской Федерации. М. : ЦСПИМ, 2011. Вып. 8. 176 с.
13. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации : стат. сб. Вып. 10 [электрон. изд.] / Министерство образования и науки Российской Федерации. М. : Центр социол. исследований, 2013. 139 с. 1 CD ROM.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 октября 2013 г. № 891 г. Москва «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Российская Газета. 10 октября 2013 г. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/10/obuchenie-site-dok.html>, свободный.
15. Соглашение ПГТУ и Россотрудничества // Сайт Поволжского государственного технологического университета. URL: http://www.volgatech.net/international-cooperation-department/detail.php?ELEMENT_ID=74150&backurl=/international-cooperation-department, свободный.
16. Adams L. Threats to the funding of research on Central Eurasia. *The CESS Blog*, November 8, 2013. URL: <http://centraleurasia.org/theceessblog/2013/11/08/threats-to-the-funding-of-research-on-central-eurasia>, свободный.

Fominykh Alexey E. Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: alexfom@volgatech.net

RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE EDUCATIONAL MARKETS OF CENTRAL ASIA: PUBLIC DIPLOMACY, COOPERATION AND COMPETITION.

Keywords: Public diplomacy; higher education; international students; Central Asia.

The article analyses the role of universities in the promotion of Russian soft power in the post-Soviet republics of Central Asia. The universities in Russia need to enroll more students from abroad to increase revenue and raise their public status by the diversification of their campuses. At the same time, being state-owned entities they have to follow the government's educational policies, which, in their international aspect, are much dependent on the foreign policy guidelines. The promotion of higher education programmes with Russian as the primary language of instruction and the international student recruitment in the Commonwealth of Independent States is the area where the interests of the Russian government and those of the universities overlap. The article briefly reviews the development of Russian state-run scholarship programmes for international students and shows the growing role of the Rossotrudnichestvo (Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation under the jurisdiction of the Russian Ministry of Foreign Affairs), now the leading Russian public diplomacy agency in charge of networking between universities and their target groups of international public. Dealing with populations that still share close cultural values and political habits, Russia is maintaining its political influence in Central Asia and the Caucasus by placing public diplomacy, including education exchanges and scholarship programmes, in the context of assistance development and economic integration. The CIS countries now represent the biggest and closest transboundary market for Russian universities, due to geographic proximity, economic interdependence and the wide dissemination of the Russian language as the medium of communication. Besides, the Russian government perceives the competitive environment of international education in the post-Soviet countries in terms of geopolitical rivalry and securitization and therefore encourages state-owned universities to recruit students and establish partnerships in this strategic region to oppose competitors like the US, EU member states, China, or Turkey. Thus, dealing with Central Asia and the Caucasus, Russian universities do not only work for their own economic interest and reputation, but also act as public diplomats, supplementing and substituting for the activities of official institutions.

REFERENCES

1. Dolinskiy A.V. *Prakticheskie voprosy optimizatsii rossiyskoy publichnoy diplomatii* [Practical issues of Russia's public diplomacy optimization]. Available at: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/analytics/article/news0004.html>.
2. Avgerinos K. Russia's public diplomacy effort: What the Kremlin is doing and Why it's not working. *Journal of Public and International Affairs*, 2009, Vol. 20, pp. 115-132.
3. Simons G. Attempting to re-brand the branded: Russia's international image in the 21st century. *Russian Journal of Communication*, 2013, Vol. 4, pp. 322-350. DOI: 10.1080/19409419.2011.10756816Greg Simons
4. Osipova Y. Selective processing: A strategic challenge for public diplomacy. An alternative approach to Russian public diplomacy in the United States. *Gnovis - Georgetown University's peer-reviewed journal of Communication, Culture and Technology (CCT)*, 2012, Vol. XII. Available at: <http://gnovisjournal.org/2012/04/26/selective-processing-a-strategic-challenge-for-public-diplomacy-an-alternative-approach-to-russian-public-diplomacy-in-the-united-states>.
5. Saari S. Russia's post-orange revolution strategies to increase its influence in former Soviet Republics: Public Diplomacy 'po russkii'. *Europe-Asia Studies*, 2014, Vol. 66, no. 1, pp. 50-66. DOI: 10.1080/09668136.2013.864109.
6. *The President of Russia. The Address to the Federal Assembly of the Russian Federation*. 25th April 2005. Moscow, Kremlin. Available at: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtm. (In Russian).
7. Fierman W. Russian in the post-Soviet Central Asia. A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus. *Europe-Asia Studies*, 2012, no. 64, pp. 1077-1100. DOI: 10.1080/09668136.2012.691722William Fierman
8. *Almaty to host the International Seminar "Central Asian and Central European Forum on Higher Education"*. *CA News*, 2014, 14th March. Available at: <http://ca-news.org/news:1102997>. (In Russian).
9. *The President of Russia. The foreign policy concept of the Russian Federation*. 15th July 2008. Available at: <http://kremlin.ru/acts/785>. (In Russian).
10. Resolution of the Government of the Russian Federation dated August 25, 2008 no. 638 Moscow "On cooperation with foreign countries in the field of education". *Rossiyskaya Gazeta*, 3th September 2008. Available at: <http://www.rg.ru/2008/09/03/sotrudnichestvo-dok.html>. (In Russian).
11. Evgen'ev E. Na ocheredi London, Tegeran, Singapur: Rossiyskie tsentry nauki i kul'tury budut rabotat' bolee chem v 100 stranakh [Next come London, Tehran, Singapore. Russian Centres for Science and Culture to work in more than 100 countries]. *Rossiyskaya Gazeta*, 28th December 2011. Available at: <http://www.rg.ru/2011/12/27/muhametshin-polk.html>.
12. Arefev A.L., Sheregi A.F. *Obuchenie inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Rossiyskoy Federatsii* [Foreign students in higher educational institutions of the Russian Federation]. Moscow: Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy Publ., 2011. 176 p.
13. *Obuchenie inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Rossiyskoy Federatsii* [Training of foreign citizens in higher education institutions of the Russian Federation]. Moscow: Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy Publ., 2013. 139 p.
14. Resolution of the Government of the Russian Federation dated October 8, 2013 N 891 Moscow "On establishing quotas for the education of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation". *Rossiyskaya Gazeta*, 2013, 10 October. Available at: <http://www.rg.ru/2013/10/10/obuchenie-site-dok.html>. (In Russian).
15. *Soglasenie PGTU i Rossotrudnichestva* [Agreement between PGTU and Rossotrudnichestvo]. Available at: http://www.volgatech.net/international-cooperation-department/detail.php?ELEMENT_ID=74150&backurl=/international-cooperation-department.
16. Adams L. Threats to the funding of research on Central Eurasia. *The CESS Blog*, 2013, 8th November. Available at: <http://centraleurasia.org/theceessblog/2013/11/08/threats-to-the-funding-of-research-on-central-eurasia>.

ДИНАМИКА ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БРИТАНИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОБАРОМЕТРА (1990–2000-е гг.)

*Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»
(грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).*

Проблемы складывания общеевропейского самосознания находятся в фокусе внимания исследователей уже не первое десятилетие. Их значимость усиливается на фоне продолжающегося экономического спада и внешнеполитических вызовов, с которыми сталкивается Евросоюз. В статье на примере Великобритании, известной своей евроскептической позицией в ЕС, прослеживается динамика отношения населения к формированию общеевропейской идентичности на основании данных социологической службы Евробарометра.

Ключевые слова: Соединённое Королевство; общеевропейская идентичность; Евробарометр; европейская интеграция; Европейский союз.

Проблемы формирования идентичности ЕС находятся на повестке дня организации уже не первое десятилетие. Осознание себя гражданами Евросоюза как его неотъемлемой части важно с точки зрения укрепления как внутреннего единства организации, так и внешнеполитической сплоченности. Продолжающаяся экономическая депрессия, противостояние с Россией в связи с гражданской войной на Украине, взаимные санкции и другие проявления ухудшения отношений угрожают Европейскому союзу разобщением и углублением кризисных явлений.

В этой ситуации объективно повышается роль общеевропейского самосознания. Важно учитывать, что идентичность ЕС – одна из самых тонких материй организации. Исследователи уже не первый год говорят о том, что измерить или искусственно создать общеевропейскую идентичность – сложная (и подчас невыполнимая) задача, требующая как немалых усилий, так и большой осторожности. Все, что связано с самосознанием человека, ощущением его причастности к кому-то или чему-то, с трудом поддается измерению и вычленению в этой категории устойчивых и динамичных элементов. Тем не менее за последнее десятилетие Европейская комиссия разработала гибкий перечень составляющих идентичности ЕС, сочетающий как подвижные, так и статичные элементы.

Проводимые службой Евробарометра с начала 1970-х гг. опросы общественного мнения позволяют сделать срез настроений в странах Европейских сообществ/союза по отношению к разным направлениям политики ЕС, в том числе к общеевропейской идентичности. Данные этой социологической организации (с поправкой на их предсказуемую социологическую погрешность) дают возможность проследить динамику отношения жителей той или иной страны к усилиям Европейской комиссии по формированию идентичности ЕС.

К «проблемным», с точки зрения причастности к составляющим идентичности ЕС, уже долгие годы от-

носится Британия. Длительное неприятие Лондоном многих инициатив Евросоюза даже породило подозрения в отсутствии какой-либо динамики в этом вопросе. Казалось бы, за Британией уже так давно и надолго закрепились характеристика «неудобного партнера» (по названию одноименной книги Стефена Джорджа [1]), что опровергнуть ее не представляется возможным. Но это лишь на первый взгляд. Отсутствие заметной динамики можно уловить только в характеристике роли Лондона в ЕС, обозначаемой как «особая позиция». С этим определением сложно спорить, как и сложно признать полное отсутствие подвижности в позиции Британии по ряду важных направлений политики союза, к которым, несомненно, относится проблема формирования идентичности ЕС.

Присоединившись к Общему рынку в 1973 г., когда уже были созданы основные институты наднациональных организаций и определились роли стран-основателей – прежде всего, Франции и ФРГ, Британии было нелегко найти свое место в сложившейся структуре отношений.

Поиск такого места, как представляется, продолжается до сих пор, сопровождаясь ревностной реакцией Лондона на любые нововведения, ограничивающие роль национального государства и ослабляющие значимость национальных традиций. В 1998 г. «британские интеллектуалы» отметили, что Лондону для выстраивания позиции по ключевым аспектам развития Евросоюза (к таким тогда прежде всего относилась проблема вступления в валютный союз и введения евро) следует определиться с национальной идентичностью, одним из контекстов которой выступал Европейский союз [2. С. 21].

На протяжении всего пребывания в наднациональных структурах Великобритания уверенно занимает лидерство среди стран-евроскептиков ЕС. Историки уже давно озвучили причины такой позиции: это и островное положение страны, мышление которой никогда не было привязано только к европейскому континенту,

а ко всему миру посредством империи, «над которой никогда не заходило солнце» и, по сути, несвоевременное (совпавшее с «нефтяным шоком» начала 1970-х гг.) вступление в Европейские сообщества.

Указанные причины, тем не менее, вряд ли являются основными при объяснении роста евроскептических и националистических настроений в современной Британии. Скорее они носят вспомогательный характер. Богатое наследие имперского прошлого, осознаваемое населением и постулируемое на уровне правящей элиты как неотъемлемая часть национального самосознания, позволяет Соединенному Королевству ощущать культурную, политическую и финансовую самодостаточность страны.

Даже при поправке на явную преувеличенность такой самодостаточности в глобальном и взаимно интегрированном мире население Британии и в относительно стабильные годы взаимоотношений с континентальными партнерами по Общему рынку оставалось сдержанным в своей оценке выгод от членства страны в ЕЭС/ЕС.

Этот вопрос – выяснение мнений населения о выгоде (или невыгоде) участия их страны в наднациональных структурах – один из традиционных вопросов в отчетах Евробарометра. Так, если в 1983 г. 26% населения считали, что пребывание страны в наднациональных структурах невыгодно и 44% придерживались обратной позиции, то и в 2000 г. показатели оказались почти такими же – 25 и 44% соответственно. Такие цифры вряд ли выдают евроскептицизм страны, большинство населения которой на протяжении двух десятилетий все-таки считало членство страны в ЕЭС/ЕС необходимым. Причем второй показатель – поддержка членства страны – был близок к общеевропейскому – 47% в 2000 г. [3. С. 25].

Более чем десятилетие спустя ситуация значительно изменилась. По данным за 2013 г. уже 50% респондентов считали, что членство в Евросоюзе невыгодно для их страны, 41% – придерживался противоположной точки зрения и 9% ответили, что не могут дать однозначный ответ на этот вопрос [4. С. 2]. Средние показатели по Европейскому союзу следующие: 54% выражали уверенность в выгоде членства в организации, 37% считали его невыгодным и 9% затруднились с ответом.

Экономический спад, обозначившийся в европейских странах осенью 2008 г., сначала был воспринят в Великобритании как отзвук долгового кризиса в зоне евро, что не вызывало дополнительного доверия к Евросоюзу. Более того, экономические проблемы только нарастали с течением времени, выявив структурный характер кризиса и обозначив кризисные явления в других сферах политики ЕС. Д. Кэмерон, как известно, неоднократно обещал (или угрожал – в зависимости от адресата) провести референдум о выходе страны из ЕС. Это обещание, с осуществлением которого премьер-министр не спешит, обусловлено внутривнутриполитическими задачами – с одной стороны, желанием переложить

часть ответственности за экономические трудности на ЕС, с другой – сыграть на настроениях потенциальных избирателей.

На этом фоне примечательной выглядит терпимость жителей Британии к темпам интеграции. Так, по данным того же отчета, 51% респондентов считали необходимым ждать, когда все страны ЕС будут готовы к углублению «общей европейской политики в наиболее важных сферах», в то время как средний показатель по Евросоюзу – только 46% [4. С. 2].

Интерпретация таких результатов может лежать в двух плоскостях – с одной стороны, с самого начала вступления в Европейские сообщества Британия не была сторонницей спешки в деле интеграционного строительства. Неслучайно страна никогда не примыкала к так называемым федералистам, отстаивающим еще с середины 1970-х гг. концепцию «Европы разных скоростей». С другой стороны, противники данной концепции, включая Лондон, доказывают, что, только двигаясь вперед совместными усилиями, можно поддерживать единое экономическое, социально-политическое и культурное пространство Евросоюза.

В 1993 г. 4% населения ЕС осознавали свою сопричастность *только* [курсив мой. – Е.Х.] с Европейским союзом [5. С. 83], а жители Соединенного Королевства – 60% – *только* [курсив мой. – Е.Х.] гражданами страны [Там же. С. 83, 84]. Этот показатель оказался самым высоким среди стран ЕС, на втором месте оказалась Дания (50%) и на третьем – Ирландия (48%).

Два года спустя картина изменилась. Незначительно, но давая пищу для размышлений. По Британии статистика оказалась следующей: 7% опрошенных заявили, что они соотносят себя только с ЕС, еще 7% – с ЕС и страной проживания, 34% – со страной проживания и ЕС, 49% – вновь самый высокий показатель – только со страной гражданства. Примечательно, что первый показатель – сопричастности с Евросоюзом, оказался не самым низким среди других государств, в Греции, например, он составил 2%, в Ирландии, Португалии, Дании – по 3%. Эти же страны – среди лидеров по осознанию гражданами своей принадлежности к национальному государству: Греция – 46%, Ирландия – 38%, Португалия – 41% и Дания – 48% [6. С. 66].

В отчете за 2000 г. было зафиксировано падение доли респондентов из Великобритании, отождествляющих себя только с ЕС – 2%, и, наоборот, отмечен рост идентифицирующих себя только с государством – 64% [4. С. 82]. В этом вопросе жители Великобритании проявляют завидное постоянство.

В то же время ряд претензий можно было предъявить к методике составления вопросов: в выборе одного из вариантов самоидентификации – либо отождествление с ЕС, либо с национальным государством, по сути, уже заложена конфликтная ситуация противопоставления разных уровней идентичности. Такой конфликт будет снят в последующих отчетах посредством новых формулировок и вычленением разных

уровней самосознания, которые предлагалось не брать, а распределить по степени приоритетности.

Так, в отчете Евробарометра за 2009–2010 гг. вопрос был сформулирован следующим образом: в какой степени Вы ощущаете себя гражданином своего государства, жителем своего региона, европейцем или человеком мира? [7. С. 34].

В том же отчете фигурируют и качественно новые вопросы, а именно определение наиболее важных, с точки зрения идентичности, компонентов: например, гражданство человека или факт его рождения в стране проживания. Для жителей Соединенного Королевства более значимым и весомым оказалось второе – 46% ответили, что «быть рожденным в этой стране» важнее гражданства (29%) [Там же. С. 45]. Надо заметить, что термин «гражданство» (nationality) представляет некоторые «трудности перевода»: в русском языке возможен и его перевод как «национальность». Это может привести к путанице, потому как речь в данном случае не идет о том, как человек себя идентифицирует по национальному признаку, а о его гражданстве. Это важно иметь в виду при работе с данными Евробарометра.

Среди других ответов, раскрывающих понятие гражданства, были следующие: «ощущать себя гражданином страны», «быть рожденным/быть воспитанным в ней», «разделять ее культурные традиции», «владеть хотя бы одним из официальных языков страны», «осуществлять гражданские права (например, право голоса)», «иметь родителей (или хотя бы одного родителя), рожденных в стране гражданства», «быть христианином», «состоять в организации или ассоциации в стране гражданства» [7. С. 42].

В том же отчете всего 22% британских респондентов – самый низкий показатель среди стран ЕС (на тот момент – 27 участников без Хорватии) – считали, что быть европейцем значит чувствовать себя таковым. Самый высокий показатель – у Венгрии (60%), Швеции (56%), Словакии (54%), Люксембурга (53%) [Там же. С. 48]. Вероятно, сама формулировка – чувствовать себя европейцем – оказалась не вполне убедительна для жителей Туманного Альбиона, в отличие от других – более конкретных – характеристик, и отражает уже упомянутое ощущение национальной самодостаточности, в рамках которой европейская идентичность – одна из многих.

В целом опросы Евробарометра показывают, что на сегодняшний день подавляющее большинство жителей стран Евросоюза прежде всего соотносят себя со страной проживания или гражданства. В отчетах признается, что национальная идентичность – категория в целом постоянная, а значит, ожидать радикального взлета наднационального самосознания не приходится.

По уровню доверия к институтам ЕС Британия уже давно на одном из самых последних мест. В 2013 г. только 28% респондентов ответили, что их голос может влиять на политику Евросоюза против 69% голо-

сов. И наоборот, 57% против 42% считают, что их голос на выборах в *своей стране* (курсив мой. – Е.Х.) будет иметь значимость [4. С. 2]. Эти результаты говорят о доверии национальному государству в противовес наднациональному уровню. И такое доверие, как известно, только повышается в ситуации экономического кризиса.

Такие данные соцопросов вызывают определенные опасения в связи с результатами недавно прошедших выборов в Европарламент. Сенсационной (несмотря на прогнозы экспертов) была названа победа Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК), набравшей даже больше голосов, чем ей предрекали, – 26,7% голосов избирателей (против 16,5% в 2009 г.), и получившей 24 из 73 мест, предоставленных Великобритании в Европейском парламенте. При этом явка британских избирателей оказалась на одном из самых низких мест среди других стран Евросоюза и за весь период участия страны в евровыборах – 36% (в 2009 г. – 38,5%) [8].

Такое поправление взглядов избирателей отмечается не только в Великобритании, но и по всему Евросоюзу. Эксперты фиксируют недовольство и даже апатию населения в отношении национальных правительств, считая их неспособными справиться с экономической депрессией, безработицей – прежде всего среди молодежи – и миграционными проблемами. Евровыборы 2014 г. стали «посланием» национальным правительствам, Европейской комиссии, Совету ЕС и ведущим политическим партиям, возмущающим о разочаровании населения их политикой.

В марте 2014 г. шесть европейских федераций трудюнионов, объединяющих 30 млн человек, создали движение «Хватит их кризиса – назад к нашему будущему» («Enough of their crisis – back to our future»). В совместном заявлении они выразили «сожаление победой ультраправых партий и неспособностью ведущих политических партий мобилизовать свой электорат, призвав к более, но не менее, социальной Европе с целью повышения сплоченности и возвращения перспективы каждому молодому работнику найти справедливо оплачиваемую работу и достойные условия труда в своей стране» [9]. Снижение безработицы среди молодежи до 60% участники движения назвали «ключевым моментом для обеспечения конкурентоспособности Европы и инновационного развития», подчеркнув, что «защита социальной безопасности и системы здравоохранения находится в сердце европейской социальной модели» [Там же]. После выборов шесть федераций их молодежные организации встретились с новыми членами европарламента для обсуждения своей программы действий.

Таким образом, само участие в выборах и голосование за крайне правые партии можно рассматривать не столько как желание повлиять своим голосом на выработку политики ЕС, а как желание выразить давно назревший протест. Притом сами избиратели призна-

вались, что вряд ли стали бы так радикально голосовать на выборах национального масштаба.

Как показывает методика выстраивания системы опросов, ключевым элементом общеевропейского самосознания в последние годы стала европейская валюта – евро. При ответе на вопрос, какие компоненты респонденты считают важными для формирования идентичности ЕС, ответы были разбиты на две группы – стран вне и входящих в зону евро. Жители государств вне зоны евро называют объединяющими Евросоюз чертами общую историю, географию и культуру – ценности универсального порядка – и менее значимыми считают другие составляющие, например гармонизацию социальной политики, экономические достижения (в том числе улучшение транспортной инфраструктуры и пр.), ценности демократии и свободы передвижения.

Последнее – свобода передвижения – неслучайно отмечено среди менее важных элементов общеевропейской идентичности. Свобода передвижения – привилегия стран Шенгенской зоны, в которую не входит Великобритания. Отказ присоединиться к Шенгенскому соглашению кроме прочих причин связан с миграционной политикой Евросоюза, говорить о которой можно только с определенной долей условности – регулирование миграционных потоков происходит главным образом на уровне национальных государств. Выработка этой политики на наднациональном уровне затруднена возникнувшей лакуной между идеологической базой этой политики – признанием гражданских прав и свобод мигрантов и необходимости оказания помощи беженцам – и реальной ситуацией – огромными потоками беженцев и проблемами интеграции иммигрантов внутри стран ЕС. Исследователи указывают на взаимосвязь между продолжающимся экономическим спадом и кризисом мультикультурализма, выступающими формами «одного явления – кризиса европейской интеграционной модели» [10. С. 110, 111].

Реформирование модели государства всеобщего благоденствия, инициированное при коалиционном кабинете в 2010 г. уже в условиях развернувшегося экономического кризиса, напрямую затрагивает миграционную проблематику. На уровне национального государства реализация гуманистических принципов, которой придерживается ЕС, в ряде случаев наталкивается на неприятие населения и властей. Так, глава кабинета Д. Кэмерон неоднократно заявлял о необходимости сокращения численности иммигрантов. В 2013 г. он в очередной раз заявил о сокращении saldo миграции до 100 тыс. чел. к следующим выборам 2015 г. [11]. Несмотря на эти заявления и незначительное сокращение иммиграции с лета 2013 г., saldo миграции осталось положительным [12], составив за год 212 тыс. чел [13. С. 4].

Правительство консерваторов и либерал-демократов призвало население «затянуть пояса» и провозгласило сокращение социальных расходов на государственном уровне и их частичную передачу на

плечи благотворительных организаций. В 2013 г. были подведены первые итоги изменений в системе социального обеспечения, в том числе пенсионной и образовательной реформ.

Кабинету Д. Кэмерона удалось достигнуть существенной экономии бюджета путем «изменения структуры, частичной приватизации и разделения услуг государственного сектора» [14. С. 61]. Однако не вполне ясными остаются инструменты, посредством которых будет достигнута конечная цель реформ – модернизированное и – главное – эффективное общество социального благосостояния. Экономия социальных трат, в том числе (если не прежде всего) расходов на мигрантов, например предоставление жилищных пособий въехавшим иностранцам только при наличии у них работы, и другие меры, вероятно, оправданы с точки зрения бюджетной политики, но с точки зрения политики социального сплочения, интеграции иммигрантов возникает ряд сложных и неоднозначных вопросов. Под ударом может оказаться уже достигнутое в этих сферах ради привлечения голосов избирателей на следующих парламентских выборах 2015 г.

В отчете за 2013 г. было зафиксировано чувство принадлежности жителей Британии даже не к государству в целом, а к региону – 84%, один из самых высоких показателей среди стран ЕС. Наибольшая сопричастность к региону рождения и проживания была зафиксирована в Чешской республике (99%), Республике Кипр, Болгарии и Словакии – 97% [7. С. 34, 37]. Такая значимость «регионального измерения» идентичности не случайна, особенно в условиях центробежных тенденций в разных частях королевства.

Так, кульминацией роста сепаратистских настроений в Шотландии стал проведенный 18 сентября 2014 г. референдум о выходе из состава Великобритании. Само его проведение – результат деволуции, осуществленной кабинетом Блэра в 1998 г. Данные опросов, проведенные накануне, заставили премьер-министра поволноваться: половина населения была готова проголосовать за выход из состава королевства. Угроза потери Шотландии, оказавшаяся вполне реальной (45% проголосовали на референдуме за независимость, 55% – против), вынудила Д. Кэмерона пойти на ряд уступок, но эхо этого события, вероятно, будет доноситься до Лондона еще долгое время. Премьер-министр пообещал к январю 2015 г. разработать и вынести на голосование законопроекты, расширяющие права Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии и Англии. Эти события подтверждают мнение Ал.А. Громыко: «Деволуция – не единовременный акт, а процесс, который должен иметь свое продолжение» [15. С. 62].

В таких обстоятельствах вопрос об общеевропейской идентичности отходит на третий или четвертый план. Можно констатировать, что подобранные Европейской комиссией «ингредиенты» самосознания ЕС в ряде случаев только облегчают сопротивление им насе-

лением Соединённого Королевства. Так происходит не только потому, что ряд составляющих по определению не применимы к Британии, например евро или некоторые аспекты социальной политики, но и потому, что внешнеполитическое мышление Лондона по-прежнему остается глобальным по своему характеру, в отличие от его реальных возможностей. Отсюда и постоянная оглядка на США, и «вечная» дилемма в ЕС – между приверженностью трансатлантическим отношениям и обязательствам по Европейскому союзу.

Ежегодно вопросы, содержание и терминология отчетов Евробарометра пересматриваются. Многостраничный отчет этой службы, изданный весной 2013 г., отражает почти революционное изменение: его авторы отказались от использования термина «идентичность ЕС». Опросы, так или иначе связанные с выяснением настроений населения в отношении ЕС, включены в раздел под названием «Европейский союз и его граждане».

На один из вопросов этого раздела – «как Вы считаете, лучшее будущее ждет вашу страну в или вне Евросоюза?» – 53% британских респондентов ответили, что лучшее будущее ждет их страну вне Евросоюза [16. С. 70]. Это самый высокий показатель среди стран ЕС. И наоборот, действия национального государства по решению экономических проблем респонденты оценили позитивно: 61% против 30% считают, что экономическая ситуация в стране лучше, чем в целом по ЕС, хотя и отмечают значительный рост стоимости жизни [16. С. 23, 33].

Не вызвали большого интереса у жителей Соединенного Королевства и «компоненты Европейского союза» – так они теперь обозначены в отчете – это свобода передвижения, учебы, работы, возможность расходования денег, евро, мир и другие, ранее именовавшиеся элементами идентичности ЕС [Там же. С. 64–66]. Объективно эти элементы не имеют отношения к стране, остающейся вне зоны евро и Шенгенского соглашения. Такой же компонент, как «мир», сегодня, вероятно, вызывает определенные сомнения не только у жителей Великобритании, но и остальных стран Евросоюза.

В отчете Евробарометра, представленном в августе 2013 г., появился термин «идентичность европейцев» (в прежних отчетах – «европейская идентичность»). Отдельный раздел посвящен выяснению отношения населения стран ЕС к мерам по укреплению этого чувства. Среди них в основном меры социального плана – улучшение системы социального страхования, пенсионная реформа и ряд других, заинтересованность в которых у британских респондентов вновь оказалась на самом низком уровне [17. С. 59].

Таким образом, по ряду позиций опросов Великобритания остается неизменно евроскептической, и динамика почти отсутствует, и наоборот, изменения заметны в отношении как составляющих идентичности ЕС, так и вопроса о выгоде для страны членства в этой организации. При нынешнем коалиционном правительстве консерваторов и либерал-демократов позиции евроскептиков заметно усилились. Такое усиление – не сугубо британское, а общеевропейское явление, что наталкивает на мысль о том, что состояние дел в области идентичности ЕС – лакмусовая бумажка, отражающая «здоровье» самого ЕС. Отчеты Евробарометра ставят далеко не праздные вопросы об эффективности предпринимаемых по формированию идентичности ЕС усилий и их направленности. Формирование общеевропейской идентичности – процесс, требующий усилий двух сторон – тех, кто формирует, и тех, кто воспринимает эти усилия. Вопрос об адресности – насколько эта политика учитывает национальную специфику конкретной страны – пока остается без ответа.

Не только Соединенное Королевство, но и Европейский союз в целом оказался на перепутье: как внутри, так и внешнеполитическая стратегии развития нуждаются в пересмотре и уточнении роли на международной арене. Когда этот поиск будет завершен, Еврокомиссия, возможно, вернется к вопросам общеевропейской идентичности и ее насыщения новыми элементами в новой конфигурации сил как внутри союза, так и за его пределами.

ЛИТЕРАТУРА

1. George S. An Awkward Partner: Britain in the European Community. N.Y. ; L. 1998.
2. George S. The Intellectual Debate on Britain on the European Union. Groupement D'Etude et de Recherchers. Notre Europe. Research and Policy Paper № 5. October 1998. URL: <http://www.notre-europe.eu/media/etud5-sgeorge-prsidbritannique-en.pdf?pdf=ok>, free.
3. European Commission. Public Opinion in the European Union. Eurobarometer. Report Number 53. October 2000. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb53/eb53_en.pdf, free.
4. EP Eurobarometer 2013. URL: <http://www.europarl.europa.eu/pdf/eurobarometre/2013/election/EB79.5%20EP%20EUROBAROMETER%20UK%20%28EN%29.pdf>, free.
5. Eurobarometer 71. Future of Europe. 2009–2010. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf, free.
6. European Commission. Public Opinion in the European Union. Eurobarometer 40. December 1993. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb40/eb40_en.pdf, free.
7. European Commission. Public Opinion in the European Union. Eurobarometer 42. Spring 1995. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb42/eb42_en.pdf, free.
8. Швейцер В.Я. Итоги выборов в Европейский парламент 2014 г.: общее и особенное. URL: <http://www.ieras.ru/pub/analitika/5.pdf>, free.
9. European Elections show Youth Dissatisfaction. URL: <http://www.effat.org/en/node/11201>, free.
10. Большова Н.Н. Кризис мультикультурализма в Европе и кризис европейской интеграционной модели: есть ли связь? // Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения. М., 2013.
11. Net migration to UK increases – Office for National Statistics. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-23878689>, free.
12. Net migration to UK increases – Office for National Statistics. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-25135418>, free.
13. Migration Statistics Quarterly Report, May 2014. URL: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171778_362934.pdf, free.

14. Еремина М.Ю. Д. Кэмерон. Социальная политика коалиционного правительства (2010–2013 гг.) // Современная Европа. 2014. № 3.
15. «Дилеммы Британии: поиск путей развития / под ред. Ал.А. Громыко (отв. ред.), Е.В. Ананьева. М., 2014.
16. *Standard Eurobarometer* 79. Spring 2013. Public Opinion in the European Union. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb79/eb79_publ_en.pdf, free.
17. *European Parliament Eurobarometer* (EB79.5). One year to go to the 2014 European Elections. Institutional Part. Socio-Demographic Annex. 21 August 2013. Brussels. URL: http://www.europarl.europa.eu/pdf/eurobarometre/2013/election/eb79_5_annexe_sociodemographique_en.pdf, free.

Khakhalkina Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

DYNAMICS OF EUROPEAN IDENTITY IN BRITAIN BASED ON THE EUROBAROMETER (1990–2000S).

Keywords: United Kingdom; the common European identity; Eurobarometer; the European Union; European integration.

It is not for the first decade that problems of the formation of the EU identity are on the agenda of the organization. Awareness of themselves as of the citizens of the European Union and its integral part is important in terms of strengthening both the unity of the organization and its foreign policy cohesion. The continuing economic depression, the confrontation with Russia in connection with the civil war in the Ukraine, mutual sanctions, and other manifestations of deteriorating relations threaten the European Union with fragmentation and the deepening of the crisis. In this situation the role of the common European identity is very important. It is necessary to take into account that the identity of the EU is one of the most delicate matters of the organization. Researchers argue for caution when identity categories are applied. The formation of the European identity is a difficult (and sometimes impossible) task, requiring a lot of effort and great care. Everything connected with the consciousness of man, his or her sense of belonging to someone or something is difficult to be measured and to be dissected into stable and dynamic elements. However, over the last decade, the European Commission has developed a flexible list of components of the EU identity, combining both mobile and static elements. Public opinion polls conducted by the Eurobarometer service since the beginning of the 1970s make it possible to determine sentiments in the European Community / Union in relation to different areas of the EU policy, including the common European identity. The data from this sociological organization enable us to trace the dynamics of the attitude of residents of this or that country to the efforts of the European Commission aimed at the formation of the EU identity. Britain has a reputation of an awkward partner in the European Union and its population is Eurosceptic towards common European identity. London's long-standing rejection of many of the initiatives of the European Union has given rise to suspicions even in the absence of any dynamics in this matter. But it is only at first glance. The absence of appreciable dynamics can be captured only in the characterization of the role of London in the EU, referred to as a "special position". It is difficult to disagree with this definition, but it is also difficult to claim that there is a complete lack of mobility in Britain's position on a number of important Union policies, to which, of course, the problem of the formation of the EU identity belongs. Eurobarometer reports show a commitment to the national identity in the UK, and this commitment is not so much an evidence of the country's Euroscepticism as of posing questions about the properties of national memory and spirit of its domestic – and foreign – consciousness. Not only the United Kingdom, but also the European Union as a whole is on the crossroads: its internal and foreign policy strategies need to be revised and its role and future path in the international arena need to be defined. When the search is completed the Commission may return to the term identity and to the problem of its saturation with new elements in the new configuration of forces within and beyond the Union.

REFERENCES

1. George S. *An awkward partner: Britain in the European Community*. N.Y. and L. 1998.
2. George S. *The intellectual debate on Britain on the European Union*. Groupement D'Etude et de Recherchers. Notre Europe. Research and Policy Paper N5. October 1998. Available at: <http://www.notre-europe.eu/media/etud5-sgeorge-prsidbritannique-en.pdf?pdf=ok>.
3. European Commission. Public Opinion in the European Union. *Eurobarometer*, 2000, no.53. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb53/eb53_en.pdf.
4. *EP Eurobarometer* 2013. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/pdf/eurobarometre/2013/election/EB79.5%20EP%20EUROBAROMETER%20UK%20%28EN%29.pdf>.
5. *Eurobarometer* 71. Future of Europe. 2009–2010. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf.
6. European Commission. Public Opinion in the European Union. *Eurobarometer*, 1993, no. 40. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb40/eb40_en.pdf.
7. European Commission. Public Opinion in the European Union. *Eurobarometer*, 1995, 42. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb42/eb42_en.pdf.
8. Shveytser V.Ya. *Itogi vyborov v Evropeyskiy parlament 2014 g.: obshchee i osobennoe* [Results of elections to the European Parliament 2014: general and special issues]. Available at: <http://www.ieras.ru/pub/analitika/5.pdf>.
9. *European Elections show Youth Dissatisfaction*. Available at: <http://www.effat.org/en/node/11201>.
10. Bol'shova N.N. *Krizis mul'tikul'turalizma v Evrope i krizis evropeyskoy integratsionnoy modeli: est' li svyaz?* [The crisis of multiculturalism in Europe and the crisis of the European integration model: is there a connection?]. In: Gromyko A.I.A. (ed.) *Bol'shaya Evropa v global'nom mire: novye vyzovy – novye resheniya* [Wider Europe in the global world: new challenges – new solutions]. Moscow: IE RAS, Nestor-Istoriya Publ., 2013. 144 p.
11. *Net migration to UK increases – Office for National Statistics*. Available at: <http://www.bbc.com/news/uk-23878689>.
12. *Net migration to UK increases – Office for National Statistics*. Available at: <http://www.bbc.com/news/uk-25135418>, free.
13. *Migration Statistics Quarterly Report, May 2014*. Available at: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171778_362934.pdf.
14. Eremina M.Yu. D. Kameron. *Sotsial'naya politika koalitsionnogo pravitel'stva (2010–2013 gg.)* [D. Cameron. Social policy of the coalition government (2010–2013)]. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*, 2014, no. 3.
15. Gromyko A.I.A., Anan'eva E.V. (ed.) *"Dilemma Britanii": poisk putey razvitiya* [British dilemmas: the search for ways of development]. Moscow: Ves' mir Publ., 2014.
16. *Standard Eurobarometer*, 2013, no. 79. Public Opinion in the European Union. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb79/eb79_publ_en.pdf.
17. One year to go to the 2014 European Elections. *Eurobarometer* (EB79.5). Institutional Part. Socio-Demographic Annex. 21 August 2013. Available at: http://www.europarl.europa.eu/pdf/eurobarometre/2013/election/eb79_5_annexe_sociodemographique_en.pdf.

РОССИЯ И «ВОСТОЧНОЕ» РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В 1991–2004 гг.

Рассматриваются взаимодействие России и Европейского союза в процессе включения в интеграционное объединение Европы стран бывшего «советского блока» в Восточной Европе в 1992–2004 гг. Анализируются основные документы сотрудничества Брюсселя и Москвы в этот период и те факторы во взаимоотношениях, которые, в конечном итоге, привели к росту конфронтации между сторонами.

Ключевые слова: внешняя политика России; «восточное» расширение ЕС; международные отношения.

Взаимоотношения между ЕС и Российской Федерацией с момента своего возникновения были похожи на катание на американских горках со своими взлетами и падениями. В данной статье предпринята попытка осмыслить те факторы, которые привели к росту конфронтации между ЕС и Россией во второй половине 2000-х гг. Автор попытался показать, что истоки данного кризиса лежат по большей части в нежелании ЕС изменить тон и характер взаимоотношений с РФ в новой политической и экономической ситуации, в которой оказалась Россия после стабилизации внутривнутриполитической ситуации и беспрецедентного экономического роста в 2000-х гг.

Официально отношения между СССР и ЕС были установлены после подписания «Совместной декларации» между СЭВ и ЕЭС 25 июня 1988 г. и «Соглашения о торговле и сотрудничестве» между ЕЭС и СССР 19 декабря 1989 г. Соглашение предусматривало сокращение количественных ограничений на импорт советских товаров (кроме угля, стали и текстиля) и меры по дальнейшему расширению взаимной торговли на краткосрочную и среднесрочную перспективы [1. Р. 1–20]. Однако начало «бархатных революций» в Восточной Европе в 1989 г. и ответные действия советского руководства, в первую очередь решение о выходе советской стороны из системы расчетов в переходных рублях со странами Восточной Европы с 1 января 1991 г., фактически похоронили СЭВ и привели к необходимости выстраивать отношения исходя из новых реалий [2. Р. 346].

В этих условиях ЕС предпринимает конкретные шаги, направленные на вывод стран Восточной Европы из сферы влияния СССР и «встраивание» их в собственное экономическое пространство. С 1989 по 1992 г. ЕС выстраивает целую систему взаимоотношений со странами Центральной и Восточной Европы, которые должны были способствовать переходу данных стран на рельсы рыночных отношений и демократических реформ. Данная система, основу которой составляли «Соглашения об ассоциации» ЕС с государствами Восточной и Центральной Европы, предполагала программу глубокой социально-экономической трансформации восточноевропейских государств при технической и финансовой поддержке ЕС [3. Р. 23–26]. Проведенные реформы за очень короткое время привели к изменению условий

взаимоотношений Советского Союза и восточноевропейских государств не только в экономической, но и в политической сфере. В восточноевропейских государствах возросло негативное отношение к СССР, который обвиняли в бедственном положении стран региона. Такая точка зрения проецировала негативное отношение к Кремлю на внешнюю политику практически всех восточноевропейских государств. Скорейшее вхождение в НАТО и ЕС страны данного региона считали гарантией своей безопасности и процветания [4. Р. 79].

В начале 1990-х гг. Брюссель решил серьезнейшую задачу реформирования интеграционного объединения, связанную с завершением формирования «общего рынка» и началом нового этапа интеграции. Итогом стали создание Европейского Союза в результате подписания «Маастрихтского договора» и выработка решений по началу перехода к единой европейской валюте [3. Р. 28]. Кроме того, к 1993 г. ЕС окончательно решил вопрос о «лидерстве» в Западной Европе, подписав соглашение о создании Единого экономического пространства с ЕАСТ и начав переговоры о вступлении в ЕС Швеции, Австрии и Финляндии, которые составляли экономическую основу этого интеграционного объединения [5].

Распад СССР в декабре 1991 г. и решение ЕС своих внутренних проблем сняли последние преграды для более активной политики ЕС на восточном и северном направлениях. В 1992 г. ЕС принимает решение о начале новых волн расширения, которые включают в себя скандинавские страны, Австрию и страны Центральной и Восточной Европы [3. Р. 28]. Если спорные вопросы во взаимоотношениях ЕС со Швецией, Австрией и Финляндией были по большей части урегулированы в рамках переговоров о создании Единого экономического пространства между ЕС и ЕАСТ, то вопрос о вхождении стран Восточной Европы представлял новый шаг в политике ЕС, так как в подписанных ранее «Европейских соглашениях» не говорилось о том, что они являются первым шагом на пути в Союз, хотя и упоминалось стремление этих стран вступить в интеграционное объединение [3. Р. 28]. Этот поворот в политике Брюсселя для России означал, что те страны, с которыми было налажено серьезное экономическое сотрудничество, переходят на новые правила и стандарты и начинают переориентацию своей экономики на сотрудничество с Западной Европой. Для Российской Федерации

такой поворот событий означал необходимость искать меры по минимизации возможных убытков от разрыва связей с традиционными торговыми партнерами. Пример вступления в ЕС Финляндии, одного из традиционных торговых партнеров СССР и России, только от изменений условий торговли в результате ее вступления в Союз составили, по мнению академика И.Д. Иванова, более 300 млн долл. [6].

Каков же был ответ нового российского руководства на те тектонические изменения, которые происходили на ее западных рубежах?

После распада Советского Союза новая Россия оказалась в состоянии тяжелейшего экономического и политического кризиса. Экономические реформы, начатые правительством Т. Гайдара, не дали быстрого эффекта. Страна вступила в период болезненных экономических преобразований, которые серьезно отразились на уровне жизни большинства населения страны. В 1997 г. уровень реальной заработной платы, по сравнению с 1990 г., упал в три раза [7]. Такой переход привел к ослаблению поддержки населением проводимых рыночных реформ и усилению радикальных настроений в обществе [8]. В политической сфере падение КПСС привело к политическому вакууму. Строительство новых политических партий находилось в зачаточном состоянии и, соответственно, они не могли оказать заметного влияния на процессы, происходившие в стране. В такой ситуации, как это часто происходило в истории России, ведущую роль в разрешении кризисов взяло на себя государство, что при отсутствии исторически сложившихся ограничений и сложности стоящих перед государством проблем объективно вело к усилению влияния субъективного фактора на процесс принятия и имплементации решений. Однако отсутствие государственных институтов, отвечающих реалиям переходного периода, вело к дезориентации и ослаблению влияния государства на все процессы, происходившие в обществе. К тому же новые условия требовали новых подготовленных управленцев, которых, естественно, не было. Такой вакуум управления еще более усиливал негативные тенденции переходного периода и усиливал негативные черты советской системы, оставшиеся в наследство новой власти, которые при коммунистическом управлении находились в жестких рамках действующего режима, а в начале девяностых годов постепенно вырывались наружу – коррупция, пренебрежение законом и вседозволенность чиновников и бандитов при слабости и неэффективности госаппарата. Политический кризис 1993 г. и принятие новой Конституции частично решили проблему, связанную с формированием новых государственных институтов [9]. В такой непростой ситуации Россия вынуждена была выстраивать новые отношения с внешним миром. Важнейшим направлением внешней политики в это время следует считать обеспечение безопасности государства и насущных потребностей российского народа при проведении реформ. Неудивительно, что и первое посла-

ние федеральному собранию в 1994 г. первый президент РФ назвал «Об укреплении российского государства» [10]. Хотя Б.Н. Ельцин и обозначил в качестве одной из задач отстаивание национальных интересов Российской Федерации, реальных рычагов и механизмов оказания хоть какого-нибудь значимого влияния на процессы, происходящие в мире, новая Россия оказать не могла, так как сама отчаянно нуждалась в помощи [10]. В этих условиях решение Европейского Союза начать процесс расширения на Восток, который был выражен в решении копенгагенского саммита ЕС 1993 г., определившего критерии для новых государств, которые хотят стать новыми членами ЕС, воспринималась в России в целом положительно. Российское руководство, после начала процесса объединения Германии, видело в ЕС стабилизирующий фактор в Европе и определенный противовес США. Процесс расширения воспринимался как фактор сохранения стабильности и сдерживания антирусских настроений восточноевропейских государств на западных границах России [11]. В общественном мнении ЕС воспринимался нейтрально, так как в массовом информационном пространстве Европейский союз практически не присутствовал. ЕС воспринимался скорее как «что-то относящееся к Западу» как единому целому, в массовом сознании как нечто «далекое и прекрасное», к чему нужно стремиться. Собственно говоря, отношение к Западу в данный период можно охарактеризовать как процесс идеализации в массовом сознании объекта рассмотрения¹.

В такой ситуации российское правительство приняло предложение Европейского союза о заключении «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве» (СПС), которое позволило бы урегулировать отношения между новой Россией и ЕС. Такое соглашение было подписано в 1994 г., а ратифицировано в 1997 г. Фактически СПС было видоизмененной копией «Соглашения о торговле и сотрудничестве» между ЕЭС и СССР от 19 декабря 1989 г. с некоторыми существенными добавлениями [12]. Одним из таких добавлений была ст. 2 раздела I «Общие принципы», в которой утверждалось, что «уважение демократических принципов и прав человека... лежит в основе внутренней и внешней политики сторон и составляет существенный элемент партнерства». Стороны по данному соглашению в случае нарушения данных принципов могли приостановить функционирование данного Соглашения [12]. В условиях 1994 г. появление данного пункта означало, что новая Россия стремится стать полноправным членом процветающих демократических наций, в которых уважаются права человека. И первоначальная трактовка данного положения как ситуация «ведомый» (Россия) и «ведущий» (ЕС) так же воспринималась российским обществом, хотя и без особого восторга, и не сильно афишировалось, но в целом положительно². И это понятно, так как в России не существовало ни законов, ни правоприменительной практики, ни институтов, которые могли бы способствовать созданию демократиче-

ского общества, в котором уважаются права человека. Все это нужно было строить с нуля. И поддержка Запада была как нельзя кстати. Понимание политической обусловленности любых аспектов взаимоотношений ЕС и России, которое было заложено в этом положении договора, тогда не считалось отрицательным фактором данного договора.

Еще одним немаловажным новшеством СПС было признание в нем того факта, что Россия и ЕС будут стремиться к «единому экономическому пространству через движение к гармонизации стандартов и законодательства». Причем данная статья СПС (ст. 55) в момент разработки «Соглашения» считалась уступкой со стороны ЕС России, которая настаивала на ней, чтобы усилить свои позиции на внутренней арене. Обе стороны считали, что, как и подобное соглашение, заключенное ЕС с ЕАСТ, оно будет больше опираться на стандарты и законодательство ЕС, так как собственного развитого рыночного законодательства в 1994 г. в России еще не существовало [13. Р. 76].

Однако вступление в силу СПС в 1997 г., ввиду долгой ратификации данного соглашения всеми государствами – членами ЕС, произошло тогда, когда в России была уже другая политическая обстановка. Экономические реформы, проводимые в России, медленно изменяли страну. Но экономический потенциал страны, который резко снизился в период реформ, не позволял России играть какую-либо существенную роль в мировой экономике³. Трудности, с которыми пришлось столкнуться населению, слабость государства в борьбе с коррупцией и организованной преступностью и отсутствие серьезной экономической помощи со стороны Запада серьезно изменили вектор общественного мнения. Понятия «демократия» и «либерализм» стали ассоциироваться в массовом сознании с преступностью и вседозволенностью чиновников, обнищанием значительной части населения и изменением привычного образа жизни. Стало меняться отношение и к политике ЕС в отношении России. По данным ВЦИОМ за 1999 г., число респондентов, которые считали, что Россия должна придерживаться своего собственного исторического пути развития и не следовать западным лекалам, в этом году составило более 81% среди опрошенных, что резко контрастировало с данными предыдущих опросов [14].

Кроме того, изменение статуса России, которая из сверхдержавы, «управляющей половиной мира», превратилась в страну, которая выбивает очередные займы от МВФ, Всемирного Банка и «следует рекомендациям западных экспертов», вызвало рост ностальгии по «былым временам» и рост национализма. Отражением этих тенденций стал рост популярности В. Жириновского, успех ЛДПР на парламентских выборах в 90-х гг. XX в., рост влияния коммунистов [15] и падение популярности Б. Ельцина, с чьим именем ассоциировались перемены [16]. Кроме того, существенной помощи от западных партнеров Россия так и не дождалась. Из мно-

жества программ полноценно работал только ТЕМПУС/ТАСИС, который был нацелен на формирование институтов гражданского общества и переориентацию российского образования на новые запросы общества и экономики [13. Р. 80]. Продолжали существовать серьезные разногласия в вопросах допуска на европейский рынок российской стали и текстиля, которые серьезно осложняли отношения между ЕС и Россией, что в условиях тяжелой экономической ситуации в России подливало воды на жернова усиливающихся антизападных настроений российского общества. Только в начале 1997 г. было заключено временное соглашение о допуске российской стали на европейский рынок, предусматривающее постепенную либерализацию взаимной торговли и снятие всех квот Евросоюзом к 2001 г. Однако одновременно с этим Европейская комиссия объявила о введении предварительных антидемпинговых квот на некоторые виды стальных труб, импортируемых из России, и увеличении дополнительной пошлины на 32,9% от объявленной цены [17]. Соглашение по текстилю удалось заключить только после фактического демарша России, которая ввела запретительные пошлины на бельгийские ковры. После этого сторонам в 1998 г. удалось прийти к компромиссному решению [18].

Все эти факторы, вместе взятые, привели к нарастанию напряженности и охлаждению в отношениях между Брюсселем и Москвой. Россия постепенно уходила с первых мест в повестке внешней политики ЕС. Во второй половине 90-х гг. прерогативами ЕС были процессы, связанные с принятием единой европейской валюты, югославским кризисом и расширением ЕС. Россия рассматривалась как важный, но второстепенный фактор. Однако наличие ядерного оружия и зависимость от бесперебойной поставки энергоносителей выделяли ее из ряда других стран – партнеров ЕС.

Открытие переговоров о вступлении стран Центральной и Восточной Европы в ЕС в 1998 г. поставило ЕС перед выбором дальнейшего пути взаимоотношения с Россией, так как было совершенно очевидно, что предстоящее расширение затронет интересы Кремля. Поэтому Брюссель предпринимает ряд шагов, направленных как на снятие напряженности в наиболее болезненных вопросах, так и определение более четкой собственной позиции в отношении России. Во-первых, в 1998 г. Россию (как и Китай) исключили из списка стран с «государственной торговлей», и ЕС распространил на них тот же порядок применения антидемпинговых процедур, который применяется к странам с рыночной экономикой, что улучшило позиции российских предприятий на европейском рынке и сняло элемент озабоченности со стороны России [19]. Во-вторых, в 1999 г. на саммите ЕС в Кёльне принимается первая общая внешнеполитическая стратегия ЕС в отношении России. Эта была первая «общая стратегия» ЕС после вступления в силу положений «Амстердамского договора» о создании «общей внешней полити-

ки» ЕС. В данной стратегии значительное место уделяется вопросам бесперебойного обеспечения стран – членов ЕС российскими энергоресурсами, необходимости продолжения рыночных реформ путем приближения российского законодательства к европейскому *acquis communautaire* и укрепления демократических институтов на основе фактически мониторинга со стороны ЕС [20]. То есть Брюссель продолжил проводить ту же самую линию «ведомый – ведущий» в отношении РФ, как и в СПС, даже сделав ее более акцентированной.

Однако, несмотря на ратификацию СПС и предпринятым ЕС шагам навстречу России, ситуация в двусторонних отношениях скорее даже ухудшилась. И этому есть свое объяснение. Во-первых, в 1998 г. Россия объявила дефолт по внешним обязательствам в результате серьезного экономического кризиса, что привело к резкому снижению товарооборота между двумя странами и усилению напряженности со странами ЕС в связи с неопределенностью относительно судьбы европейских кредитов и займов, выданных России. Во-вторых, после отставки правительства Виктора Черномырдина, в России обозначилась неопределенность относительно кресла премьер-министра, что вело к невозможности оперативно решать вопросы со стороны правительства РФ и тем более выстраивать долгосрочную стратегию отношений. В-третьих, после серии террористических актов и начала «второй чеченской войны» ЕС на саммите в Хельсинки в декабре 1999 г. заморозил отношения с Россией [21].

Только после окончания активной фазы «чеченской войны» и утверждения Владимира Путина в качестве сначала премьер-министра, а затем, после выборов, и Президента России стали возможными определение и реализация долгосрочной стратегии РФ в отношении ЕС. В 1999 г. правительство В. Путина принимает первый осмысленный и проработанный документ, определяющий цели России в отношении ЕС – «Стратегия развития Российской Федерации отношений с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010)». В данном документе Кремль впервые формулирует необходимость отхода от ситуации «ведущий – ведомый» и ориентацию на общие ценности в их трактовке представителями ЕС. Главной задачей «Стратегии» является развитие *равноправных и взаимовыгодных* отношений России с ЕС в рамках стратегического партнерства [22]. Такая постановка проблемы, которая была воспроизведена и в новой «Стратегии национальной безопасности России», принятой в 2000 г., постулировала изменение позиции России на переговорах⁴.

Определенное оживление отношений между ЕС и Россией начинается с парижского саммита 2000 г., в результате которого интенсифицировались переговоры в области энергетического взаимодействия и, наконец, была создана специальная рабочая группа для решения наиболее сложных вопросов взаимоотношений между ЕС и Россией, связанных с процессом расширения ЕС

на Восток [23]. Таких вопросов было много. Наиболее серьезные касались в первую очередь статуса Калининградской области, тарифных ограничений, вопросов антидемпингового расследования, судьбы ранее заключенных соглашений со странами, вступающими в ЕС, отмены безвизового режима [6]. В то же время, создавая данную рабочую группу, Брюссель официально подчеркнул, что «возражает против любого формата переговоров, который был бы воспринят как вмешательство России в процесс расширения ЕС, что является исключительно вопросом взаимоотношений между ним и государствами-кандидатами» [24].

В деятельности рабочей группы, собственно говоря, и начали отчетливо вырисовываться те методологические противоречия в подходах к переговорам, которые в конечном итоге привели к серьезному осложнению отношений между Москвой и Брюсселем. Очень четко и образно их выразил ведущий эксперт в области российско-европейских отношений Ю.А. Борко: «Как только партнёры переходят от долговременных целей и проектов к насущным задачам, требующим решений в самое ближайшее время, объятия сменяются боевой стойкой» [25. С. 39]. В наиболее концентрированном виде они проявились в вопросе о статусе Калининградской области. Все предложения Кремля, которые исходили из равноправных отношений сторон, в первую очередь предложение о безвизовом передвижении российских граждан из Калининграда в Россию и обратно, фактически торпедировались со стороны ЕС, так как это решение вынуждало к отходу от принятых в ЕС правил и требовало политического решения. Собственно говоря, руководство ЕС должно было решить, доверяет ли оно Москве или нет. Принятие предложений российского руководства фактически означало бы, что Брюссель рассматривает РФ в качестве *ответственного и равноправного* партнера, который может выполнять взятые на себя обязательства. Однако отсутствие политической воли со стороны ЕС очень быстро привело к параличу весь переговорный процесс между РФ и ЕС в специальной рабочей группе, что со всей наглядностью проявилось в ходе визита председателя правительства РФ М. Касьянова в Брюссель 24 марта 2002 г. и саммита ЕС–РФ в Москве 29 мая 2002 г. [26].

Попытки реанимировать переговорный процесс путем начала переговоров о создании «Единого экономического пространства» между ЕС и Россией, принятый на саммите 17 июня 2001 г. в Москве [27], и разработке четырех «дорожных карт», о которых договорились на саммите в Санкт-Петербурге в 2003 г. [28], очень быстро этот тупик воспроизвели, только в другой плоскости, подтверждением чему стал практически провальный саммит в Гааге в ноябре 2004 г. [29. С. 64]. Принятие Россией предложения ЕС о ЕЭП и разработке четырех «дорожных карт» наглядно показали, что Брюссель и Москва четко понимают, чего они хотят достичь в итоге. Об этом же говорит и заявленная еще в 1990 гг. цель на стратегическое партнерство. Однако ЕС и РФ

все более расходились в едином понимании методов движения к поставленной цели. ЕС, опираясь на опыт расширения интеграционного объединения и взаимоотношений со странами-соседями, продолжало строить свои взаимоотношения с Кремлем на основе распространения на нашу страну не просто общих демократических и рыночных принципов, но существующего в ЕС *acquis communautaire*. Причем Россия к разработке данных стандартов не допускалась, так как это являлось внутренним делом ЕС [30. С. 26]. И если в начале 1990-х гг. такой подход воспринимался в России в основном положительно, то, экономически окрепнув и создав дееспособное государство, Москва потребовала учета ее законных интересов, на что Брюссель не готов был пойти.

Таким образом к 1 мая 2004 г., когда были подписаны договоры о присоединении 15 новых членов к ЕС, Москва и Брюссель смогли решить только самые неотложные вопросы, связанные с расширением Союза (в первую очередь – проблему калининградского транзита на брюссельском саммите 2002 г.), однако не сумели выработать новый подход, который бы удовлетворял обе стороны. Такая незавершенность была чревата дальнейшими серьезными трудностями в двусторонних отношениях, связанных не только с позицией новых восточно-европейских членов ЕС, которые могли решать проблемы взаимоотношения с ЕС за счет России, что и произошло в отношении открытия переговоров о новом до-

говоре между ЕС и Россией, но и в дальнейшем взаимоотношении двух сторон. Все большее взаимодействие вело ко все большему накоплению проблем, которые решались очень медленно или вовсе не решались из-за разницы в подходах. Без изменения парадигмы развития такая ситуация неминуема вела к кризису.

Тем самым «восточное расширение» произошло фактически без учета интересов России. В 1990-х гг. Россия остро нуждалась в помощи и переживала серьезные структурные преобразования, которые формировали новый вектор развития страны. В такой ситуации ориентация и следование советам европейских партнеров представлялись важным и подчас единственным способом создать новые институты и выработать новую систему ценностных ориентиров. Однако такой период романтизации европейской политики закончился довольно быстро, тем более что, несмотря на риторику об общих ценностях, преследование своих национальных или бизнес-интересов никто не отменял и они очень часто шли вразрез с интересами России. ЕС, взяв на себя роль «ведущего» во взаимоотношениях с Россией, не почувствовал тот момент, когда Москва экономически окрепла и смогла сама сформулировать свои экономические и национальные интересы. Эти интересы, в первую очередь экономические, объективно сталкивались Россией с ЕС. Наступала пора не только прислушиваться, но и слышать друг друга. Однако этого не произошло.

ПРИЛОЖЕНИЯ

¹ По данным ВЦИОМ, даже в 1999 г. к ЕС положительно относилось более 89% россиян. (http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=380&q_id=30862&date=15.06.1999) По мнению директора ВЦИОМ Федорова, которое он озвучил в эфире телеканала ТВЦ 31 октября 2014 г., опираясь на данные ВЦИОМ, в первой половине 1990-х гг. большинство россиян верило, что «в Европе найден философский камень и все, что нужно России, – это перенимать западные законы и жить по западным лекалам». URL: <http://wciom.ru/video/?new=0>, свободный).

² 13 мая 1996 г. Совет по общим вопросам ЕС принял «План действий для России» с целью реализации концепции партнерства и конкретных положений Соглашения. Министр иностранных дел РФ Е. Примаков положительно оценил инициативу ЕС, но вместе с тем отметил слишком общий характер этого документа и выразил сожаление по поводу того, что он был подготовлен без консультаций с Россией (Европейский Союз: факты и комментарии. Вып. 4, апрель – июнь 1996 г., Москва, июль 1996. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_4, свободный).

³ По уровню ВВП Россия отставала в начале 2000 гг. от США и стран Западной Европы в 8 раз, по ВВП на душу населения: от США – в 4 раза, от стран Западной Европы – в 3, по уровню производительности труда: от США – в 5 раз, от стран Западной Европы – в 4 раза (Косолапов А.Н. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7).

⁴ Россия стала более жестко отстаивать свою позицию, что привело к возникновению новых конфликтов. Так, после московского саммита 2001 г. Москва объявила о своем намерении ввести дополнительную квоту на импорт мяса домашней птицы из ЕС; в свою очередь, Совет ЕС принял решение ввести антидемпинговые пошлины на импорт из России алюминиевой фольги и мочевины. В начале июля 2001 г. аналогичное решение было принято в отношении импортируемых из России стальных канатов и тросов (Европейский Союз: факты и комментарии. Вып. 24–25, март–август 2001 г., Москва, сентябрь 2001. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_24-25, свободный).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Official Journal of the European Union*. L. 68. Vol. 33, 15 March 1990.
2. *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века*. М.: Наука, 2002. Т. 3: Трансформации 90-х годов. Ч. 1.
3. *Восточное направление процесса расширения ЕС: проблемы и перспективы*. Томск: Изд-во ТГУ, 2014. 329 с.
4. Усиевич М.А. Венгрия: 10 лет реформ // *Свободная Европа*. 2000. № 4. С. 70–82.
5. *The 1995 Enlargement of the European Union* / ed. by Redmond John. Aldershot: Ashgate, 1997. 184 p.
6. Иванов И.Д. Расширение ЕС и интересы России. URL: <http://www.ieras.ru/journal/journal3.2001/10.htm>, свободный.
7. *Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001*. URL: http://www.situation.ru/app/rs/books/whitebook/whitebook13.htm#hdr_16, свободный.
8. Пастухов В.Б. Шаг назад, два шага вперед. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // *Полис*. 2005. № 6.
9. Ясин Е. Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005. С. 77–105.
10. *Послание Президента Российской Федерации Бориса Ельцина Федеральному собранию «Об укреплении Российского государства»*, 1994. URL: <http://www.intelros.org/lib/elzin/1994.htm>, свободный.
11. *Послание Президента Российской Федерации Бориса Ельцина Федеральному собранию «Об укреплении Российского государства»*, 1995. URL: <http://www.intelros.org/lib/elzin/1995.htm>, свободный.

12. «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны». URL: http://www.russianmission.eu/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf, свободный.
13. Webber M. Russia and Europe: Conflict or Cooperation? New York : Macmillan, 2000. 226 p.
14. Опрос ВЦИОМ от 15.08.1999: Существуют два противоположных мнения о том, благодаря чему Россия может достичь высокого уровня благосостояния, стать процветающей страной. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=384&q_id=31255&date=15.08.1999, свободный.
15. Результаты выборов депутатов Госдумы. URL: <http://www.rg.ru/2003/12/09/rezultaty.html>, свободный.
16. Рейтинг Ельцина Б.Н. 1995. Фонд Общественного Мнения. 1995 г. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/eltzin/_rating_eltsin/of19950902, свободный.
17. Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 8, январь – март 1997 г., Москва, апрель 1997. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_8, свободный.
18. Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 12, январь – март 1998 г., Москва, апрель 1998. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_12, свободный.
19. Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 13–14, апрель–сентябрь 1998 г., Москва, октябрь 1998. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_13-14, свободный.
20. Коллективная стратегия Европейского союза в отношении России. Кельн, 1999, 3–4 июня. Европейский совет. Российский центр документации ЕС. URL: <http://edu.usu.ru/content/63>, свободный.
21. Presidency Conclusion. Helsinki European Council, 10 and 11 December 1999. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/ACFA4C.htm, свободный.
22. Стратегия развития Российской Федерации отношений с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010). URL: http://www.mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/4.4.strategy_russia_relations_eu.htm, свободный.
23. Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 22, сентябрь – ноябрь 2000 г., Москва, январь 2001. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_22, свободный.
24. Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 21, июнь – август 2000 г., Москва, сентябрь 2000. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_21, свободный.
25. Борко Ю.А. Экономические отношения: от сотрудничества к общему экономическому пространству // Борко Ю.А., Данилов Д.А. Россия – Европейский союз: стратегия стратегического партнёрства. Доклады ИЕ РАН, № 157. М.: ИЕ РАН; ОГНИ ТД, 2005.
26. Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 28, март – май 2002 г., Москва, июнь 2002. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_28, свободный.
27. Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 24–25, март – август 2001 г., Москва, сентябрь 2001. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_24-25, свободный.
28. Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 32, июнь – август 2003 г., Москва, сентябрь 2003. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_32, свободный.
29. Иноземцев В. Л. Кузнецова Е. Россия: почему «дорожные карты» не ведут в Европу? // Современная Европа. 2005. № 4. С. 64–79.
30. Потёмкина О., Кавешников Н. Россия и Европейский союз: «холодное лето» 2007 года // Современная Европа. 2007. № 3. С. 24–39.

Miroshnikov Sergey N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Smiroshnikov64@mail.ru

RUSSIA AND EU'S "EASTERN" ENLARGEMENT, 1991–2004.

Keywords: Russian foreign policy; EU's "Eastern" enlargement; international relations.

After the fall of the Soviet Union new Russian state found itself in the acute economic and political crisis. Economic reforms started by E. Gaidar's government failed to yield quick result. Country has entered the period of economic transformations that had a strong impact on the quality of life of the most Russians. In such difficult circumstances Russia had to build new relations with the outer world. The most important foreign policy direction at the time was provision of state security and meeting the basic requirements of Russian people during the conduct of reforms. Therefore the EU's decision to start the enlargement process in the Eastern Europe was viewed mostly positively in Russia. After the beginning of the German unification process Russian leadership saw in European Union a stabilizing factor in Europe, a counterbalance to the USA. In 1994 Russian government accepted the proposal made by the EU to sign the "Partnership and cooperation agreement" (PCA), which could allow regulating relations between new Russia and the EU. In the conditions of 1994 the provisions of the agreement showed the determination of new Russia to join the society of prosperous democratic nations. Initial interpretation of this agreement postulating that Russia is "guided" and the EU is "guide" also was mainly positively perceived in Russian society (although it wasn't much advertised). Publication of the joint EU strategy towards Russian in 1999, start of the Eastern enlargement process, crisis in Yugoslavia and attempts of the USA to solve it, as well as the experience gained during interaction with the EU in the framework of PCA led to the publication in 1999 first comprehensive and elaborated Strategy of development of the relations between Russian Federation and the European Union in the midterm (2000-2010). The main task of the strategy was to develop equal and mutually beneficial relations between Russia and the EU in the framework of strategic partnership. "Eastern enlargement" was conducted basically without regard to Russian interests. In 1990-s Russian was itself in dire need of help and was going through serious structural reforms that formed new vector of country's development. In such conditions it seemed vital to follow the advices and lead of European partners in order to build new institutions and develop a new value system. But this period of romanticization of European politics ended quite soon, all the more because despite the prevailing rhetoric about common values national and business interests were often put ahead of everything else and they were very often at odds with Russian interests. European Union having taken the leading role in the relations with Russia failed to understand at what moment Moscow was already economically strong enough to formulate its own economic and national interests. These interests, mostly economic, objectively put Russia into confrontation with EU. It was a time not only to listen, but to hear each other. Unfortunately that did not happen in the years to come.

REFERENCES

1. Official Journal of the European Union, 1990, no. 68, vol. 33.
2. Tsentral'no-Vostochnaya Evropa vo vtoroy polovine XX veka [Central and Eastern Europe in the second half of the twentieth century]. Moscow: Nauka Publ., 2002, vol. 3, Pt. 1.
3. Vostochnoe napravlenie protsessa rasshireniya ES: problemy i perspektivy [The EU goes East: problems and prospects]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2014. 329 p.
4. Usievich M.A. Vengriya: 10 let reform [Hungary. A decade of reforms]. Svobodnaya Evropa, 2000, no 4, pp. 70-82
5. Redmond J. (ed.) The 1995 Enlargement of the European Union. Aldershot: Ashgate, 1997. 184 p.

6. Ivanov I.D. *Rasshirenie ES i interesy Rossii* [The EU growth and interests of Russia]. Available at: <http://www.ieras.ru/journal/journal3.2001/10.html>.
7. *Belaya kniga. Ekonomicheskie reformy v Rossii 1991–2001* [The White Book. Economic reforms in Russia in 1991 – 2001]. Available at: http://www.situation.ru/app/rs/books/whitebook/whitebook13.htm#hdr_16.
8. Pastukhov V.B. Shag nazad, dva shaga vpered. Russkoe obshchestvo i gosudarstvo v mezhkul'turnom prostranstve [A step back, two steps forward. Russian society and the state in intercultural space]. *Polis*, 2005, no. 6.
9. Yasin E. *Prizhivetsya li demokratiya v Rossii* [Will Democracy Survive in Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 77–105.
10. Address by President of the Russian Federation Boris Yeltsin to the Federal Assembly on “Strengthening of the Russian state”, 1994. Available at: <http://www.intelros.org/lib/elzin/1994.htm>. (In Russian).
11. Address by President of the Russian Federation Boris Yeltsin to the Federal Assembly on “Strengthening of the Russian state”, 1995. Available at: <http://www.intelros.org/lib/elzin/1995.htm>. (In Russian).
12. Agreement on Partnership and Cooperation Agreement establishing a partnership between the Russian Federation, on the one hand, and the European Communities and their Member States, on the other hand. Available at: http://www.russianmission.eu/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf. (In Russian).
13. Webber M. *Russia and Europe: Conflict or Cooperation?* New York: Macmillan, 2000. 226 p.
14. The opinion poll on 15/08/1999: There are two opposing views on, so Russia can achieve a high level of well-being to become a prosperous country. Available at: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=384&q_id=31255&date=15.08.1999. (In Russian).
15. The results of the elections of deputies of the State Duma. Available at: <http://www.rg.ru/2003/12/09/rezultaty.html>. (In Russian).
16. The rating of B.N. Yeltsin, 1995. Public Opinion Foundation. 1995. Available at: http://bd.fom.ru/report/cat/eltzin/_rating_eltsin/of19950902. (In Russian).
17. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii* [The European Union: facts and comments], 1997, vol.8. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_8.
18. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii* [The European Union: facts and comments], 1998, vol.12. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_12.
19. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii* [The European Union: facts and comments], 1998, vols. 13 – 14. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_13-14.
20. Common Strategy of the European Union on Russia. Cologne, 1999, June 3–4. The European Council. The Russian EU documentation center. Available at: <http://edu.usu.ru/content/63>. (In Russian).
21. *Presidency Conclusion. Helsinki European Council, 10 and 11 December 1999*. Available at: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/ACFA4C.htm.
22. The development strategy of the Russian Federation relations with the European Union in the medium term (2000–2010). Available at: http://www.mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/4.4.strategy_russia_relations_eu.htm. (In Russian).
23. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii* [The European Union: facts and comments], 2000, vol. 22. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_22.
24. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii* [The European Union: facts and comments], 2000, vol. 21. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_21.
25. Borko Yu.A. *Ekonomicheskie otnosheniya: ot sotrudnichestva k obshchemu ekonomicheskomu prostranstvu* [The economic relations: from cooperation to the common economic environment]. In: Borko Yu.A., Danilov D.A. (eds.) *Rossiya – Evropeyskiy Soyuz: strategiya strategicheskogo partnerstva* [Russia – the EU: strategy of partnership]. Moscow: OGNI TD Publ., 2005.
26. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii* [The European Union: facts and comments], 2002, vol. 28. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_28.
27. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii* [The European Union: facts and comments], 2001, vols. 24–25. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_24-25.
28. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii* [The European Union: facts and comments], 2003, vol. 32. Available at: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_32.
29. Inozemtsev V.L., Kuznetsova E. Rossiya: pochemu “dorozhnye karty” ne vedut v Evropu? [Russia: why “road maps” are not in Europe?]. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*, 2005, no. 4, pp. 64–79.
30. Potiomkina O., Kaveshnikov N. Russia and the European Union: the “cool summer” of 2007. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*, 2007, no. 3, pp. 24–39. (In Russian).

ИМПЕРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ

Следуя логике концепции империи, автор статьи предпринимает попытку сравнительного анализа имперской идентичности Европейского Союза и России. Анализируются общие и особенные черты имперских моделей ЕС и России. По мнению автора, Брюссель и Москва руководствуются в своей политике имперской логикой, однако практикуют различные виды имперской политики, противоположные друг другу во многих отношениях. В заключении рассматриваются имперские перспективы ЕС и России.

Ключевые слова: концепция империи; имперская идентичность; Европейский союз; Россия; российско-европейские отношения.

В последнее время заметный акцент в научной литературе был сделан на возвращении империй в современные международные отношения. Ряд европейских исследователей предприняли попытки выявить имперские характеристики Евросоюза и других международных акторов [1–7 и др.]. С их точки зрения, завершение колониальной эпохи отнюдь не означало уход империй в прошлое. Определенные акторы сегодня обладают явными характеристиками имперской идентичности и руководствуются имперской логикой. При этом сторонники рассматриваемой концепции настаивают: имперскую политику не стоит ассоциировать лишь с угнетением и эксплуатацией. Наличие имперской идентичности не должно автоматически наносить ущерба имиджу и престижу отдельных государств и организаций [4. С. 507]. Некоторые из империй смогли создать либеральные порядки и стать символами мира и процветания. На сегодняшний день, по мнению профессора Оксфордского университета Яна Зеленки, в мире доминируют четыре обширные по территории империи: США, ЕС, Китай и Россия [1–4].

В связи с тем что термин «империя» получил негативную историческую коннотацию, в академическом сообществе не сложилось однозначного мнения о том, насколько приемлемо его применение по отношению к современным международным акторам. Сами империи, как правило, не видят себя таковыми. Как следствие, все современные империи характеризуются как «империи в отрицании» [4. С. 508].

Мы разделяем точку зрения о том, что концепция империи является новой оригинальной исследовательской парадигмой, которая способна изменить устоявшееся историческое, не всегда объективное восприятие термина «империя» и способствовать более позитивному пониманию имперского наследия. Концепция позволяет по-новому взглянуть на суть и содержание внешней политики отдельных стран и организаций. В настоящей статье предпринята попытка компаративного анализа имперской идентичности Европейского союза и России. Исходя из предложенных в научной литературе критериев империй, автор статьи анализирует общие черты и особенности имперских моделей Брюсселя и Москвы, рассматривает имперские перспективы ЕС и России.

Критерии современных империй. Принимая точку зрения сторонников рассматриваемой научной парадигмы, следует прежде всего обозначить критерии современных империй, прояснить, какой именно актор может быть классифицирован как империя, указать, чем он отличается от других участников международных отношений, например так называемых великих держав. По мнению Яна Зеленки, империи – это особые по природе акторы [Там же. С. 519]. Это обширные территориальные единицы, в разной степени вовлеченные в глобальную политику, обладающие широким военным, экономическим, дипломатическим и идеологическим влиянием. Среди основных критериев империй Я. Зеленка называет следующие: 1) отсутствие четких границ; 2) зависимость по линии центр – периферия; 3) наличие цивилизаторской миссии [1–4].

Отсутствие четких границ. Характер границ оказывает большое влияние на имперскую политику, во многом формируя ее. Границы определяют территорию империи и отделяют метрополию от периферии. Они могут быть относительно стабильными и изменчивыми [3. С. 292]. В отличие от обычных государств, империи, как правило, не имеют фиксированных границ [4. С. 506]. Для них характерны «мягкие границы в движении» [1. С. 475]. Как следствие, в рамках империй нет четкой дифференциации между инсайдерами и аутсайдерами, а также между внутренней и внешней политикой [4. С. 513].

При рассмотрении границ современных империй, помимо правовых аспектов, особенно важно понимать их многогранные исторические, культурные и идейные составляющие. Границы – это «часть политических убеждений и мифов о единстве и разнообразии людей, живущих на определенной территории» [3. Р. 292].

Зависимость по линии центр – периферия. Имперская политика предполагает установление контроля метрополией над периферией посредством ее присоединения/аннексии или различных форм военного, экономического, политического или культурного доминирования [Там же. С. 297]. В первом случае аннексированная территория переходит в разряд внутренней периферии. Во втором случае империи вмешиваются во внутренние дела формально независимых государств, т.е. внешней периферии. Объем, формы и характер

вмешательства, доминирования и контроля метрополии над периферией зависят от системы управления метрополии, типа границ, разделяющих метрополию и периферию, и цивилизаторской миссии метрополии [4. С. 519]. Контроль может основываться на принуждении или побуждении, или сочетании того и другого [Там же. С. 508]. Он может осуществляться военными, экономическими и культурными средствами, быть формальным или неформальным [3. С. 294]. Этот контроль, как правило, оправдывается имперской цивилизаторской миссией. Таким образом, имперская политика противоречит основным принципам межгосударственных отношений, таким как суверенитет, территориальная неприкосновенность, невмешательство во внутренние дела.

Взаимоотношения центра и периферии характеризуются материальными и нормативными асимметриями, при этом статус периферии все же может быть различным [Там же. С. 294]. Некоторым периферийным акторам предоставляются инвестиции, протекция, доступ к ресурсам и процессу принятия решений в рамках метрополии. Тогда отношения между центром и периферией характеризуются взаимозависимостью и являются более гармоничными и менее конфликтными. В других случаях периферия может быть лишена такого доступа и даже стать объектом открытой дискриминации и эксплуатации.

Наличие цивилизаторской миссии. Империи должны обладать некой цивилизаторской миссией по отношению к внешней среде. Цивилизаторские миссии и нормативные системы империй играют большую роль в формировании внешней политики. Их суть и содержание зависят не столько от материальных возможностей метрополии и ее рациональных расчетов, сколько являются следствием исторических, культурных, идеологических и моральных факторов [4. С. 519]. Миссии демонстрируют самовосприятие империй, видение ими себя и окружающего мира. Они определяют цели и приоритеты имперской политики, среди которых, к примеру, наиболее часто может упоминаться необходимость обеспечения мира и стабильности, борьбы с терроризмом, распространения просвещения, защиты прав и свобод и т.д. Миссией большинства империй, по мнению Я. Зеленки, следует признать борьбу с «варварством» на своем заднем дворе, обращение «варваров» в «добропорядочных» граждан [Там же. С. 508], а также «цивилизацию» и «институционализацию» своей периферии.

Миссии выполняют важную мотивационную, легитимизирующую и интегрирующую функции [Там же. Р. 503, 504]. Они оправдывают цели и методы имперской политики и даже жертвы, принесенные ради достижения имперских целей, придают политике моральную значимость, какой бы жестокой она ни была, генерируют имперскую гордость и славу. Цивилизаторские миссии направлены на упрочение связей между различными частями империи, культивирование лояльно-

сти и преданности периферии по отношению к центру, предотвращение периферийных бунтов. В рамках цивилизаторской миссии метрополия должна предложить периферии обоснованную версию интеграции или ассимиляции в духе свободы и взаимного процветания [Там же. С. 504].

Таким образом, по мнению Я. Зеленки, наличие вышеперечисленных критериев позволяет квалифицировать некоторых международных акторов в качестве империй. При этом, несмотря на общие качества, империи все же не являются идентичными [Там же. С. 510]. Исторический опыт во многом определяет их индивидуальный характер. Империи относятся к различным типам государств (и не только государств), имеют разные формы правления и государственного устройства в своих метрополиях и на периферии, опираются на различные формы силы и т.д. Евросоюз и Россия отвечают всем трем критериям, при этом их имперские модели противоположны друг другу по многим параметрам. Эти факторы делают ЕС и Россию интересными объектами исследования и сравнения с точки зрения концепции империи.

Границы ЕС и России. Территория и границы Евросоюза и России размыты и неопределенны, так же как и их представления об инсайдерах и аутсайдерах. Границы ЕС не лимитированы и меняются в результате постоянных расширений посредством вступления в Союз новых государств-членов. Став эффективной и привлекательной моделью, Евросоюз притягивает другие страны, которые в обмен на членство в нем готовы принимать общие для Союза ценности и принципы. Таким образом, территориальные приобретения осуществляются Брюсселем без завоеваний и аннексий. При отсутствии каких-либо притязаний ЕС присоединяет все новые страны через приглашение вступить. Каждое расширение приводит к тому, что у ЕС появляются новые соседи, которые, в свою очередь, могут стремиться к получению статуса кандидатов. Расширение рассматривается в качестве значимого элемента развития Европы как империи [1. С. 476]. Более того, процесс расширения сопровождается постоянным обновлением интеграционных процессов в Европе.

Отсутствие четкой дифференциации между инсайдерами и аутсайдерами демонстрирует европейская концепция доместикации международных отношений. Под доместикацией понимается следование одним и тем же принципам во внутренней и внешней политике: «отношение к загранице, как к дому» [8. С. 102]. Еще Франсуа Дюшен, французский политический деятель и мыслитель, отмечал, что смысл существования (*raison d'être*) ЕЭС состоит в доместикации отношений между государствами. С его точки зрения, доместикация предполагает привнесение в международные отношения сознания общей ответственности, усиление договорных основ политики, разрешение внешних, некогда «чужих» вопросов, как своих собственных, внутренних проблем [9].

Еще одна особенность Европы – несовпадение географических, административных, правовых, экономических и культурных границ. Так, границы ЕС, валютного союза и Шенгенской зоны не идентичны: членство в Евросоюзе не обязательно влечет за собой участие в Шенгенском соглашении или в зоне евро. Культурные границы Европы, безусловно, выходят за пределы Европейского союза.

Современные границы России обозначились после внезапного распада СССР. В стране сложились представления об «искусственности» новых государственных границ [10]. Нынешнее российское руководство не может смириться с геополитическими потерями, ставшими следствием коллапса советской империи, и не готово согласиться с суверенным статусом бывших республик Советского Союза. Это обстоятельство ведет к неопределенности российских границ и является причиной экспансивности российской внешней политики. Некоторые российские территории и территории соседей России спорны. Один из главных территориальных вызовов, как известно, представляет Чечня.

Необходимо обозначить проблему несовпадения государственных и этнических границ России. Проживание значительной части русскоязычного населения за рубежом является еще одним важным фактором, способствующим размыванию представлений россиян о границах. В этом смысле дополнительный свет на восприятие Москвой проблемы границ проливают понятие русского мира, концепция «разделенного народа» и идея защиты соотечественников за рубежом, введенные в современный российский общественно-политический дискурс (см. подробнее: [10]).

Русский мир выходит за государственные границы России. Под ним понимается единство всех русских людей независимо от места их проживания. Дискурс о «разделенном народе», в свою очередь, имеет более националистическую окраску [Там же]. Его сторонники делают акцент на том, что после распада СССР многие этнические русские были разделены границами и оказались гражданами других государств. Тем самым обосновывается тезис о праве русского народа на воссоединение. Данный дискурс был поддержан президентом В. Путиным, который в своем Обращении 18 марта 2014 г. заявил, что «русский народ стал одним из самых больших, если не сказать самым большим, разделенным народом в мире» [11]. Из вышеперечисленных концепций проистекает идея о необходимости защиты сограждан, оказавшихся за рубежом. Первым примером, когда Россия использовала этот тезис, были действия Москвы в августе 2008 г. в Южной Осетии и Абхазии. Затем данная аргументация была применена в связи с проблемой Крыма. В итоге в Кремле сформировалось представление о том, что суверенитет России распространяется на всех русских, где бы они ни проживали [10]. Сложившийся общественно-политический дискурс, как отмечает З. Бжезинский, приобрел особое значение для

государств, которые граничат с Россией и на территории которых проживают этнические русские [12].

Размытость границ, как в случае с ЕС, так и в случае с Россией, приводит к тому, что оба актора поглощены политикой в отношении своих ближайших соседей. Внешняя политика Брюсселя и Москвы имеет ярко выраженный региональный фокус.

Периферия ЕС и России. Определить, какие именно страны/территории принадлежат к периферии современных империй, не всегда просто. К внутренней периферии ЕС можно отнести страны Восточной Европы, особенно поздно вступившие в союз [3. С. 295]. В результате каждого расширения присоединившиеся страны из внешней периферии переходили в разряд внутренней окраины ЕС. Евросоюз, в свою очередь, импортировал разнообразие и затем направлял немало усилий на осуществление правовой и экономической конвергенции, формирование общей культурной идентичности и реформирование институтов для поддержания эффективности ЕС.

К внешней периферии принадлежат как страны-кандидаты к вступлению в Союз (Албания, Исландия, Македония, Сербия, Турция и Черногория, а также Босния и Герцеговина и Косово, которые входят в официальную программу расширения), так и те, которые на данный момент не имеют такой перспективы. В целом имперская политика ЕС наиболее очевидна в отношении Восточной Европы, Балкан и Северной Африки. Проецируя свое влияние на данные регионы, Евросоюз видит свою роль в реализации экономического, правового и институционального сближения периферии с имперским центром.

Отношения по линии центр – периферия в рамках ЕС характеризуются одновременно и асимметрией, и взаимозависимостью [Там же. С. 298]. Брюссель устанавливает экономический, политический и идеологический контроль над периферийными акторами, тем самым существенно ограничивая их суверенитет. При этом европейская модель отношений центра и периферии все же предполагает существование разделенного суверенитета [Там же. С. 296]: по мере принятия стандартов ЕС периферия получает доступ к ресурсам метрополии и процессу принятия решений. Евросоюз выступает для периферийных акторов в роли донора, оказывает им помощь в создании институтов и разработке правовых норм и, в конечном итоге, страны периферии, ставшие членами ЕС, получают почти такие же права, что и его старые участники [4. С. 514].

Статус периферии ЕС могут приобретать и географически отдаленные от Евросоюза страны, так как помимо активной региональной политики в отношении соседей у Брюсселя имеется глобальная имперская повестка дня. ЕС имеет возможности оказывать влияние на третьи страны в различных уголках мира, формировать их политику и ограничивать их суверенитет [1. С. 478].

Российскую периферию можно также подразделить на внутреннюю и внешнюю. К внутренней периферии

России, с точки зрения Я. Зеленки, относятся Дагестан и Чечня – мятежные территории в составе страны, населенные в основном неэтническими русскими [3. С. 295]. Россия отвергает право на суверенитет своей внутренней периферии, используя жесткие инструменты для ее удержания в рамках своей территории. Нам хотелось бы расширить границы внутренней периферии России, предложенные Я. Зеленкой. Российские реалии таковы, что самые разные субъекты РФ, в том числе населенные этническими русскими, чувствуют себя чем-то вроде колоний. На наш взгляд, их также можно отнести к разряду внутренней периферии.

К внешней периферии принадлежат страны постсоветского пространства. В связи с тем что современная российская империя – это преемник советской империи, ее целью является восстановление влияния и контроля над большей частью бывших территорий СССР. Москва считает себя вправе ограничивать суверенитет государств своей внешней периферии и вмешиваться в их внутренние дела на том основании, что раньше они входили в состав Российской империи, а позже – СССР. Проживание русскоязычного населения в странах ближнего зарубежья, в глазах российского руководства, также превращает их в периферию РФ. Под давлением России страны внешней периферии могут даже терять часть своей территории. Так, Грузии пришлось смириться с отделением Абхазии и Южной Осетии. Позже в состав России перешел Крым.

Ситуация в зоне внешней периферии России характеризуется все более острой конкуренцией со стороны других держав [4. С. 516]. Сами бывшие республики СССР пытаются реализовывать свои суверенные права и утверждать политическую независимость от России, развивая дружественные отношения со странами Запада и Азиатско-Тихоокеанского региона. Некоторые из них стремятся к членству в ЕС. Этот факт усиливает обеспокоенность и озабоченность России делами своего ближнего зарубежья и ведет к секьюритизации российского подхода в отношении внешней периферии. С целью контроля над периферией Россия инициировала процесс региональной интеграции, создавая Евразийский союз.

Цивилизаторские миссии ЕС и России. Имперские миссии имеют целью представить Россию и ЕС особенными, уникальными акторами, играющими позитивную роль на своей периферии и в мире в целом. Брюссель имеет четкие представления о своей цивилизаторской миссии с выраженным акцентом на моральном абсолютизме. Миссия ЕС состоит в формировании представлений о норме, экспорте европейских норм и системы управления в различные части мира, в приближении третьих стран к европейским правовым, экономическим и торговым стандартам. В ее основе лежит идея универсальности европейских ценностей.

Договоры ЕС определяют 9 фундаментальных внутренних ценностей Союза, ставших одновременно и его внешнеполитическими принципами, – это устойчивый мир, свобода, демократия, права человека, право-

порядок, равенство, солидарность, устойчивое развитие и эффективное управление. Данные нормы стали неотъемлемой составляющей европейской идентичности, а их распространение в мире рассматривается Евросоюзом в качестве одного из ключевых направлений внешней политики.

Внешнеполитическая миссия ЕС нацелена на расширение зоны общечеловеческих ценностей через осуществление идейной трансформации третьих стран по примеру ЕС. Она направлена на создание таких обществ, которые признают европейские нормы и живут в согласии с ними. Лидеры ЕС надеются на то, что нормы и модель, экспортируемая Брюсселем, будут способствовать укреплению стабильности и верховенству права на периферии Евросоюза. Другими словами, стремление «воспроизвести себя», сформировать окружающий мир по своему подобию можно считать главной внешнеполитической целью Евросоюза [13. С. 249]. Тем самым ЕС «цивилизует» и «организовывает» свою периферию. Выступая в таком качестве, Брюссель видит себя просветителем, защитником прав и свобод и стабилизатором политической и экономической ситуации в мире. Зачастую европейская внешняя политика рассматривается в альтруистическом ключе, как политика, которая определяется чувством долга и ответственности и развивается под влиянием благородных целей достижения благополучия для других. Официальные лица ЕС, а также представители стран-членов активно пропагандируют имидж Европейского союза в качестве «силы во благо» в международных отношениях. При этом многие эксперты, включая И. Маннерса, критикуют определение ЕС как «цивилизаторской силы» за ярко выраженный европоцентризм [14. С. 70].

В любом случае экспорт норм стал одним из главных критериев, позволяющих говорить о Европейском союзе как об империи. ЕС легитимизирует свою политику через демонстрацию универсальности своих ценностей, эффективности своей модели и через собственную привлекательность.

Представления России о своей особой цивилизаторской миссии основываются на целом комплексе разнообразных концепций, как и в случае с ЕС, тесно связанных с дискурсом идентичности. Ключевое значение в сложившемся мировоззрении имеют идеи, обосновывающие независимость, самостоятельность, силу и мощь России как великой державы. Россия видится влиятельным центром многополярного мира. Ее имперская миссия направлена на утверждение особой роли и места страны на мировой арене, а также ее особых прав.

Российский имперский проект по «оцивилизации» внешней среды акцентирует роль Москвы в достижении стабильности и порядка в ближнем зарубежье. Его важной составляющей стала националистическая риторика о необходимости восстановления влияния России на постсоветском пространстве. Проект

предполагает «собираание земель», «искусственно» разделенных в связи с коллапсом СССР. Сегодняшняя политика Москвы в ближнем зарубежье рассматривается многими экспертами как воплощение сложившейся в стране масштабной имперской философии [10, 12].

Российская цивилизаторская миссия призвана убедить окружающих в том, что политика Москвы движима добродетельными мотивами и благородными намерениями. Военные действия на территории России рассматриваются как борьба с терроризмом и мусульманским экстремизмом, интервенции за ее пределами – как миротворческие миссии, необходимые для восстановления порядка и защиты этнических русских [3. С. 286]. Россия позиционируется в качестве стабилизирующего центра силы [Там же. С. 286; 15], который стремится к обеспечению безопасности и оказывает позитивное влияние на соседние государства, Европу и мир в целом. В этом аспекте российская цивилизаторская миссия схожа с американской, хотя, в отличие от США, Россия, в силу ограниченности ее ресурсов, менее амбициозна [Там же. С. 286].

В последнее время Москва предпринимает попытки выработать свой собственный нормативный дискурс. Ценности российского общества определяются главным образом стремлением к национальному величию. Одновременно нормативный дискурс России апеллирует к морали и строится на защите «особых», «консервативных», «традиционных» ценностей. Россия изображается в качестве бастиона нравственности, морали и важного форпоста христианства. Идея особой этической миссии страны обосновывается ее мнимым духовным превосходством над другими.

Инструменты имперской политики ЕС и России.

Для распространения своих ценностей, установления контроля над периферией и осуществления идейной трансформации нестабильной внешней среды Брюссель применяет разнообразные механизмы и инструменты, преимущественно невоенные, гражданские, экономические, политические, правовые и бюрократические. Их спектр довольно широк и включает «силу примера», «убеждение», «формирование дискурсов о норме», информационную, процедурную и открытую диффузию, «передачу».

Внешнеполитический метод «сила примера» [16] (или «инфицирование» [14]) означает, что единая Европа играет значимую роль в мире в качестве примера и образца для подражания. Под этим методом подразумевается непреднамеренная, спонтанная передача идей ЕС, вызванная лишь фактом существования Союза и желанием других акторов копировать европейскую модель. Механизм «убеждение» [16] (или «информационная диффузия» [14]) направлен на то, чтобы убедить критическую массу потенциальных реципиентов в позитивных аспектах европейских норм. Европейская стратегия распространения ценностей во многом связана с умением формировать дискурсы [16]. ЕС с успехом формирует международный дискурс в отношении

прав человека, эффективного управления, устойчивого развития и прочих универсальных ценностей.

Продвижение норм осуществляется через институционализацию взаимоотношений ЕС с третьими сторонами, например через политику расширения и соседства («процедурная диффузия» [14]). Политика расширения относится к числу особых, наиболее эффективных стратегий диффузии. Европейский способ распространения норм через интеграцию довольно уникален и отличает ЕС от США и американского варианта экспорта демократии. Продвижение норм может также являться следствием физического присутствия ЕС, его институтов или государств-членов в третьих странах или международных организациях («открытая диффузия» [Там же]).

Представляя собой внушительную экономическую силу, способную формировать глобальную торговую политику и финансы, ЕС эффективно использует экономические рычаги для достижения своих целей. Распространение европейских норм происходит вследствие развития торговли, обмена товарами, в ходе оказания Евросоюзом различных видов помощи, через материальные и финансовые средства (механизм «передачи» [Там же]).

Механизмы ЕС обладают большим трансформационным потенциалом и способны достаточно эффективно менять поведение и практики третьих стран. Некоторые из вышеперечисленных механизмов представляют собой не прямые формы воздействия на реципиентов («сила примера», способность формировать дискурсы). Другие предполагают, что Брюссель играет активную роль в продвижении своих ценностей. Чтобы заставить третьи страны жить в соответствии с европейскими нормами, ЕС побуждает или принуждает к их исполнению через различные механизмы поощрения и наказания. Главным образом стратегия ЕС состоит не в том, чтобы сдерживать беспокойных соседей или отгораживаться от них, а в том, чтобы сблизиться с ними, создать общую зону процветания, установить дружественные и долгосрочные правовые, экономические и дипломатические отношения.

ЕС имеет в своем арсенале и военные инструменты. Ограниченные военные контингенты Союза участвовали в нескольких операциях. Военные инструменты были, в частности, применены в Косово. ЕС, однако, испытывает недостаток эффективных средств принуждения и не обладает ресурсами для проецирования своей мощи за рубежом в стратегической манере [3. С. 289]. Полицентричность Евросоюза не позволяет Брюсселю иметь отчетливую международную стратегию, подобную американской или российской. Сложный межправительственный переговорный процесс ЕС лишает его возможности предпринимать быстрые, необдуманные и односторонние шаги на международной арене, особенно по вопросам вооруженного вторжения в другие страны. Одновременно политическая система ЕС способствует сотрудничеству и мирному разрешению

конфликтов. Не имея шансов реализовывать свою политику в духе Томаса Гоббса или Никколо Макиавелли, Брюссель действует в стиле Гуго Гроция и Иммануила Канта [Там же. С. 297]. Более того, преодоление силовой политики стало важной внешнеполитической миссией ЕС.

Если европейцы «с Венеры», то русские – несомненно, «с Марса». Россия является военной державой, обладающей значительным ядерным арсеналом. Россияне склонны искать быстрые и радикальные ответы на сложные вопросы, и эти ответы зачастую опираются на инструменты жесткой силы. В Кремле уверены, что международная среда формируется мощными военными державами, способными применить силу. Военный потенциал рассматривается в качестве необходимого условия для успешной интеграции России в современную систему международных отношений.

Существуют явные расхождения в российских официальных внешнеполитических документах в отношении роли и значения военной силы. С одной стороны, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации призывает к снижению роли силовых факторов в международных отношениях [17]. С другой стороны, Москва выражает намерение поднимать престиж военной службы, совершенствовать вооруженные силы и военную организацию государства, развивать оборонный потенциал и военную инфраструктуру, а также выделять на эти цели достаточный объем финансовых ресурсов [Там же]. В документе отмечается, что Россия стремится к сокращению ядерных вооружений в мире и намерена избегать конфронтации и гонки вооружений с Соединенными Штатами. При этом утверждается, что страна «должна обладать ядерными силами, способными гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору», и с этой целью Россия планирует сохранять свой стратегический ядерный потенциал [Там же]. Авторы стратегии рекомендуют не идти на сокращение ядерных боеголовок и поддерживать паритет с США в области стратегических наступательных сил. Официальные внешнеполитические документы России демонстрируют растущие амбиции Москвы и отражают довольно противоречивую роль страны в мировой политике. Антизападная риторика используется для оправдания возвращения России к силовым методам и подходам.

Москва опирается на жесткие инструменты в попытке отстоять стратегические интересы в зоне своей периферии. Помимо военных инструментов, это энергетические ресурсы. Чтобы удержать контроль над мятежными территориями внутренней периферии (Дагестан и Чечня), Москва неоднократно прибегала к помощи армии. Используя военную мощь и политику ценообразования на газ, она контролирует и государства ближнего зарубежья. Россия располагает военными объектами на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Армения, Беларусь, Киргизия, Казахстан, Таджикистан и Молдавия). Согласно Стратегии национальной без-

опасности, присутствие российских вооруженных сил в конфликтных регионах способствует «поддержанию стратегической стабильности и равноправному стратегическому партнерству» [Там же].

Большой акцент на военной составляющей оборачивается серьезным ущербом для экономического развития империи [18]. Империя зарекомендовала себя в качестве посредственной экономической силы, не способной к модернизации и существенному экономическому росту. Ее экономика никогда не могла обеспечить даже внутренние потребности населения. Примечательно то, что слабость экономической базы никогда не являлась сдерживающим фактором для России и не ограничивала ее имперские амбиции [18].

К сожалению, инструменты «мягкой мощи» не нашли широкого применения в России. Москва не имеет достаточного потенциала для формирования такой нормативной повестки, которая могла бы пользоваться большой поддержкой в мире и оказывать существенное влияние на международную среду. Признавая ограниченность экономических и культурных возможностей России, российский политолог Сергей Караганов считает, что стране удастся играть более значимую роль в мировой политике «благодаря ее воле и опыту» [15].

Так же как и в случае с ЕС, стиль российской имперской политики во многом предопределяется сложившейся в стране политической системой. Централизованная и иерархическая структура управления России позволяет ей выступать в роли «стратегического» актора и проецировать свою силу за рубежом. Централизация очевидна, в частности, в области внешней политики и обороны. Однако такая система далеко не всегда способствует принятию обдуманных и взвешенных внешнеполитических решений.

Инструменты, применяемые Россией, имеют существенные недостатки. Любые военные вмешательства, помимо финансовых затрат, влекут за собой человеческие страдания и зачастую не дают положительных политических результатов [3. С. 290]. Использование энергетических ресурсов как рычага политического давления подрывает доверие к России как к надежному экономическому партнеру. Реализация *гоббсовской модели* политики ведет к тому, что Россия все больше воспринимается как угроза для безопасности Европы.

ЕС и Россия: общее и особенное. Концепция империи предполагает, что Россия и Евросоюз разделяют общие имперские характеристики. Они обладают значительной территорией и, в то же время, имеют неопределенные, размытые границы. Проблема размытых границ вносит неясность в представления Брюсселя и Москвы о периферии и о том, какая территория и какие народы принадлежат к ядру империи. Это обстоятельство ведет к взаимозависимости центра и периферии и является причиной глубокой вовлеченности ЕС и России в дела своих ближайших соседей. Евросоюз и Россия вмешиваются в политику своих периферий, используя для этого значительные ресурсы. Они руковод-

ствуются имперскими миссиями по «оцивилизыванию» внешней среды. В попытке оправдать свою политику они убеждают окружающих в том, что их действия движимы моральными и благородными мотивами. В отличие от США, чьи стабильные границы позволяют Вашингтону иметь подлинно глобальный взгляд на международные отношения, для Брюсселя и Москвы характерна скорее региональная перспектива [4. С. 513]. Региональный фокус внешней политики не исключает того, что Россия и ЕС видят себя в качестве ключевых глобальных игроков, которые стремятся к миру, стабильности и многостороннему сотрудничеству и намерены участвовать в принятии важнейших решений общемирового значения.

С одной стороны, тезис об имперской идентичности Евросоюза позволяет оспаривать идею уникальности ЕС как международного актора и сравнивать Союз с другими современными империями [3. С. 281]. С другой стороны, очевидно, что империи не похожи друг на друга и практикуют различные виды имперской политики [4. С. 510]. Европейский союз и Россия представляют собой отличные имперские модели, противоположные друг другу во многих отношениях. Формы правления в России и ЕС, инструменты и механизмы, на которые они опираются в своей внешней политике, характер взаимоотношений центра и периферии имеют мало общего.

В европейской научной литературе ЕС характеризуется как «постмодернистская», «космополитичная», «нормативная», «неосредневековая» или даже «неимперская» империя [3, 5, 6, 19], для которой характерен особый стиль внешней политики. Современная европейская империя, в отличие от империй XIX в., основана не на «национальном размежевании и завоевании, а на преодолении национальных границ, принципе добровольности, консенсусе, транснациональной взаимозависимости и политических преимуществах, происходящих из сотрудничества», – считают авторы концепции космополитичной империи [6. С. 53].

Модель имперской политики Москвы контрастирует с политикой Брюсселя. Россия представляет собой пример авторитарного империализма. Она пытается играть роль традиционной великой державы и использует жесткие инструменты давления на периферию. Жесткий стиль имперской политики России противостоит мягкому европейскому, авторитарный империализм – нормативному империализму. Неудивительно, что Россия (наряду, впрочем, с другими имперскими акторами – США и Китаем) зачастую видится в качестве «другого» Европейского союза [3. С. 281], антиподом ЕС.

Возникает закономерный вопрос о столкновении имперских моделей, имперских интересов и ценностей России и Евросоюза. Эта проблема приобрела особую актуальность в последнее время. ЕС и Россия имеют общих соседей, а значит, разделяют общее пространство «внешней периферии». Конкуренция в рамках

одной и той же территории провоцирует серьезные конфликты. Россия негативно воспринимает программы развития интеграционных связей Евросоюза со странами бывшего СССР. Москва и Брюссель поддерживают противоположные стороны в ходе конфликтов в государствах постсоветского пространства. Проблема «столкновения империй» ярко проявилась в ходе текущего кризиса на Украине.

Противостояние цивилизаторских миссий ЕС и России коснулось сферы ценностей и норм. Взаимоотношения Брюсселя и Москвы в нормативной сфере являются наиболее проблемными и конфликтными. Европа и Запад в целом изображаются Москвой как силы, посягающие на ценности уникальной российской цивилизации. Россия усиленно противопоставляет собственные нормативные идеи европейской ценностной базе. Важной целью российского нормативного дискурса стала дискредитация европейских либеральных ценностей. Его ключевой составляющей является тезис об «упадке» и «вырождении» Европы, вызванных, помимо прочих причин, ее «моральной деградацией» [см. об этом: 20]. Резкая реакция Москвы вызвана не только намерением Союза приблизить Россию к европейским стандартам, но и усилиями ЕС по оказанию существенного нормативного влияния на соседние государства и мировую политику в целом.

Таким образом, самовосприятие Москвы и Брюсселя вступают в противоречие: европейская идея ЕС как «силы во благо», несущей универсальные ценности другим международным акторам, наталкивается на амбициозное самовосприятие России. В результате взаимное «отчуждение» ЕС и России стало частью процесса конструирования российской и европейской идентичностей [20. С. 21; 21. С. 32]. Существующие различия на уровне ценностей создают большой конфликтный потенциал между Брюсселем и Москвой и препятствуют развитию плодотворного сотрудничества. Остается открытым вопрос о возможных масштабах эскалации конфликта двух империй и о перспективах их мирного сосуществования.

Имперские перспективы ЕС и России. Согласно авторам и сторонникам концепции империи, современные империи, так же как и исторические, изменчивы. Они могут возникать и исчезать. Их ждет разное будущее – возрождение или закат [4. С. 512]. Интересно посмотреть на имперские перспективы Европейского союза и России.

Имперская модель ЕС является в целом довольно успешной. Брюссель обладает мощнейшими источниками влияния на окружающую среду. Его политика свидетельствует о развитии Европейским союзом нового вида силы – трансформационной силы [22]. Эта сила преследует долгосрочные цели перестройки мира по подобию ЕС, создания общих стандартов поведения, утверждения общих правил морали, этики и глобального управления. Благодаря реализации своей политики Евросоюзу удастся выступать в качестве ролевой мо-

дели, а также одной из наиболее значимых нормативных сил в мире, обладающих глобальным влиянием в идеологическом, институциональном и материальном плане. Роль Брюсселя возрастает благодаря экспорту норм, системы управления и административных практик. Европа вовлекает третьи страны в свою орбиту и, как только эти страны попадают под влияние европейских законов и обычаев, они изменяются навсегда [Там же. С. 34–37].

Внешняя политика ЕС представляется легитимной благодаря ее особому стилю, методам и инструментам. Брюссель не воспринимается другими странами как явная угроза. Они не стремятся к уравниванию или сдерживанию его мягкой мощи. Тот факт, что имперский стиль ЕС не вызывает резкого отторжения в мире, усиливает его возможности по формированию внешней среды [3. С. 291].

Необходимо обратить внимание и на слабости имперской политики ЕС. Приходится констатировать, что Евросоюзу не всегда удается достигнуть своих целей. Ряд европейских имперских стратегий применимы только в конкретных ситуациях. Так, политика расширения и соседства эффективны лишь в отношении ближайшей периферии, поэтому имеют свои очевидные территориальные ограничения. Более того, в настоящее время метод распространения норм через расширение теряет свое значение. Чем дальше на восток и юго-восток ЕС расширяется, тем с более бедными и нестабильными территориями ему приходится иметь дело, тем с большим количеством трудностей он встречается. Ирония также состоит в том, что, пытаясь экспортировать стабильность, ЕС сталкивается с риском импорта нестабильности [23. С. 62, 63].

Для успешной реализации своей политики Брюсселю необходимы определенные условия: 1) привлекательность европейской модели в глазах третьих стран – реципиентов; 2) заинтересованность реципиентов норм в развитии привилегированных отношений с ЕС; 3) наличие асимметрии во взаимоотношениях ЕС и реципиентов; 4) наличие возможности у ЕС предложить членство в Союзе. Трансформация третьих стран происходит тогда, когда ЕС обладает высокой степенью привлекательности и авторитетности, а реципиент открыт по отношению к новым идеям, готов встать на путь реформ и следовать за дистрибьютором норм. При таком сценарии европейские ценности воспринимаются реципиентом как возможность изменить свою идентичность к лучшему. Одновременно Европейский союз должен обладать существенными ресурсами для реализации принуждения. Сила и влияние ЕС должны неизмеримо превышать силы и ресурсы реципиентов. Вышеперечисленные условия имелись в странах Центральной и Восточной Европы, где имперская политика ЕС и стала наиболее успешной.

После масштабного расширения на Восточную Европу ЕС не смог также *преуспеть* в сфере своей новой

внешней периферии. Отсутствие асимметрии, глубокие культурные или идеологические различия между ЕС и потенциальными реципиентами лишают Брюссель эффективных рычагов влияния. В такой ситуации европейские внешнеполитические механизмы остаются малопродуктивными и имперская политика ЕС может терпеть неудачу. Проблематично идет процесс трансформации тех стран, которые не заинтересованы в членстве в ЕС или, на данный момент, не имеют такой перспективы.

Имперская политика Евросоюза малоэффективна в отношении стратегически значимых стран. ЕС не имеет в своем распоряжении действенных механизмов ограничения их суверенитета и не может навязывать им свои нормы. Этот факт очевиден на примере взаимоотношений Евросоюза с Россией и Китаем, которые жестко противостоят европейскому нормативному влиянию. Во многих сферах ЕС конкурирует с Соединенными Штатами. Выдвигать свои условия ЕС может относительно слабым и небольшим государствам.

Оппозицию ЕС представляют развивающиеся страны, к примеру Индия и Бразилия, которые выступают против внедрения ряда европейских стандартов в области труда и защиты окружающей среды. Достаточно низко в европейской научной литературе оцениваются результаты нормативной политики ЕС на постсоветском пространстве.

В итоге, можно говорить о лимитах имперской политики Брюсселя. Европейские ценности распространяются в мире неравномерно. Европейский союз не стал столь же успешен за пределами Европы. Сложно ожидать расширения европейской континентальной империи на глобальном уровне в ближайшее время [1. С. 482]. Брюсселю еще предстоит совершенствовать методы своей имперской политики. Задача Европы сегодня состоит в том, чтобы выработать эффективную стратегию распространения норм в неевропейском мире, не разделяющем ценности ЕС. Инструменты и механизмы Евросоюза в регионах, культурно отличающихся от Европы, должны быть скорректированы и усовершенствованы.

Российская имперская конструкция выглядит менее устойчивой. Ее перспективы представляются весьма туманными. Сегодня Россия развивается по сценарию, который уже продемонстрировал свою неэффективность и привел в свое время к развалу СССР. На примере России можно наблюдать, как имперская политика стала главной преградой на пути построения современного демократического государства с сильной экономикой и развитой социальной системой, способной эффективно решать свои внутренние проблемы. Один из весомых аргументов в пользу неустойчивости российской имперской модели состоит в нежизнеспособности авторитарных режимов в современном мире, а империя в России, по крайней мере до сих пор, была несовместима с демократией. Политическая система

страны ассоциируется с коррупцией, бюрократизмом, некомпетентностью и стагнацией.

Империя далеко не всегда достигает своих внешне-политических целей. Внешняя политика России представляется противоречивой и опасной. Ее имперские инструменты вызывают всеобщее неприятие. Крайне ограничен потенциал российской мягкой силы. Несмотря на апелляцию к моральным ценностям, Россия не способна генерировать универсальные парадигмы и предложить альтернативу европейскому нормативному проекту. Москва не смогла выстроить доверительные отношения со странами периферии. Негативно отразилась на перспективах имперской политики ситуация на Украине. Последние внешнеполитические акции Кремля возродили среди соседей России прежние страхи. Укрепился негативный образ России за рубежом. Изоляция страны и отсутствие у нее надежных союзников стали очевидными показателями низкого престижа государства в мире. Россия, будучи автократией, вряд ли сможет кардинально изменить сложившуюся ситуацию в ближайшей перспективе.

В конце 2013 г. Збигнев Бжезинский писал в *Financial Times*, что Россия не сможет возродить былую империю в силу своей слабости, отсталости и бедности [24]. Жесткая политика В. Путина в этом направлении, по мнению автора, имеет весьма ограниченные шансы на успех. Реальность опровергает и разрушает сложившуюся в стране мифологию о месте и роли России в мире [10, 12]. З. Бжезинский пишет о перспективе превращения России в застойный стагнирующий «империалистический реликт» [24].

Некоторые авторы склонны подчеркивать, что бедность и отсталость никогда не были препятствием для имперской политики России в прошлом и не являлись эффективным сдерживающим фактором для наращивания ее военного потенциала [25]. Тоталитарная/авторитарная система и вертикаль власти создавали большие мобилизационные возможности. Широкое международное осуждение внешней политики России, ее целей и инструментов также не останавливало Москву. В этом смысле авторитарный империализм в России имеет перспективы развития.

Возможность стать по-настоящему современным, демократическим и процветающим государством все же связывается многими экспертами с отказом России от идеи восстановления империи, угасанием ее имперских амбиций, становлением России в качестве пост-имперского актора [25–27]. Лишь в том случае, если россияне отвергнут империю, откажутся от глубоко укоренившихся представлений о своих особых правах на периферию и перестанут вторгаться в дела других, они смогут сконцентрироваться на решении многочисленных внутренних проблем, на своем самосохранении [25]. Для того чтобы это произошло, необходимы кардинальные изменения в национальном сознании. В этом смысле Россия «должна освободиться от самой себя» [Там же]. Такой сценарий развития событий оказал бы плодотворное влияние и на процессы демократизации на постсоветском пространстве.

Необходимо, при этом, учитывать, что отказ от империи и выбор европейского пути развития связаны с опасениями России превратиться в периферию Европы, что стало бы болезненным ударом по самолюбию россиян. До сих пор Россия, сталкиваясь перед выбором между созданием слаборазвитой империи, с одной стороны, и отказом от империи и построением современного государства, с другой – делала выбор в пользу первого.

В рамках концепции империи остается множество вопросов, требующих дальнейшего изучения и уточнения. В целом, мы разделяем точку зрения тех европейских исследователей, которые считают, что анализ политики империй может помочь нам понять природу некоторых современных акторов, а также пролить дополнительный свет на характер современных международных отношений. Концепция также дает широкие возможности для компаративного анализа империй, выявления их сходств и различий. Рассматриваемая исследовательская парадигма чрезвычайно ценна тем, что выходит за рамки какого-либо одного теоретического подхода. Комбинация различных теоретических подходов, на наш взгляд, способствует большей объективности и дает простор развитию более сбалансированной дискуссии о роли ведущих международных игроков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zielonka J. Europe as a Global Actor: Empire by Example? // *International Affairs*. 2008. Vol. 84:3. P. 471–484.
2. Zielonka J. America and Europe: Two Contrasting or Parallel Empires? // *Journal of Political Power*. 2011. Vol. 4:3. P. 337–354.
3. Zielonka J. The EU as International Actor: Unique or Ordinary? // *European Foreign Affairs Review*. 2011. Vol. 16:3. P. 281–301.
4. Zielonka J. Empires and the Modern International System. *Geopolitics*. 2012. Vol. 17:3. P. 502–525.
5. Laidi Z. The Normative Empire: The Unintended Consequences of European Power // *Carnet Policy Brief*. 2008. Vol. 6 (February). Paris : CERI.
6. Beck U., Grande E. *Cosmopolitan Europe*. Cambridge : Polity, 2007. 328 p.
7. Hettne B., Soderbaum F. Civilian Power or Soft Imperialism? The EU as a Global Actor and The Role of Interregionalism // *European Foreign Affairs Review*. 2005. Vol. 10:4. P. 535–552.
8. Nicolaidis K. The Power of the Superpowerless // *Beyond Paradise and Power: Europe, America, and the Future of a Troubled Partnership*. New York : Routledge, 2004. P. 93–120.
9. Duchene F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence // *A Nation Writ Large? Foreign-Policy Problems before the European Community*. London : Macmillan, 1973. P. 1–21.
10. Зевелёв И.А. Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новая внешнеполитическая доктрина России // *Россия в глобальной политике*. 2014. 27 апр.
11. *Обращение Президента Российской Федерации 18 марта 2014 г.* // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/news/20603>, свободный (дата обращения: 5.09.2014).

12. Brzezinski Z. Confronting Russian Chauvinism // *The American Interest*. 2014. June 27. URL: <http://www.the-american-interest.com/articles/2014/06/27/confronting-russian-chauvinism>, free (accessed: 10.09.2014).
13. Bretherton C., Vogler J. *The European Union as a Global Actor*. London: Routledge, 1999. 316 p.
14. Manners J. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40:2. P. 235–258.
15. Караганов С. Им очень хотелось утереть нос наглým русским // *Россия в глобальной политике*. 2014. 30 мая.
16. Forsberg T. Normative Power Europe (Once More): A Conceptual Clarification and Empirical Analysis // Paper Prepared for Presentation at the Annual Convention of the International Studies Association. New York, 15–18 February 2009. URL: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/3/1/1/2/8/pages311280/p_311280-1.php, free (accessed: 10.09.2014)
17. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Совет безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>, свободный (дата обращения: 5.08.2014).
18. Goodrich L. Russia: Rebuilding an Empire While It Can // *Stratfor* 31.10.2011. URL: <http://www.stratfor.com/weekly/20111031-russia-rebuilding-empire-while-it-can#axzz38xFguF00>, free (accessed: 10.09.2014).
19. Mahony H. Barroso Says EU is an 'Empire' // *Euobserver*. 11.07.2007. URL: <http://euobserver.com/institutional/24458>, free (accessed: 10.09.2014).
20. Makarychev A.S. Neighbours, Exceptions and the Political: A Vocabulary of EU-Russian Inter-Subjective (Dis)Connections // *The Elephant and the Bear Try Again*. Brussels, 2006. P. 15–40.
21. Медведев С. Дискурсы отчуждения: «суверенитет» и «европеизация» в отношениях России и ЕС // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 10. С. 23–33.
22. Leonard M. *How Europe will Run the 21st Century*. London: Fourth Estate, 2005. 176 p.
23. Le Gloannec A.M., Rupnik J. Democratization by Extension. Seeking Reinsurance // *EU Foreign Policy in a Globalized World. Normative Power and Social Preferences*. London: Routledge, 2008. P. 51–67.
24. Brzezinski Z. Russia, Like Ukraine, will Become a Real Democracy // *Financial Times*. 2013. December 10.
25. Karp P. Return of the Empire // *Open Democracy*. 31 January 2014. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/poel-karp/return-of-empire>, free (accessed: 1.09.2014).
26. Тренин Д. Post-imperium: евразийская история. М.: Рос. полит. энцикл. (РОСС ПЭН), 2012. 326 с.
27. Brzezinski Z. A Geostrategy for Eurasia // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76:5 (September/October).

Igumnova Lyudmila O. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: lyudmila_igum@mail.ru

IMPERIAL IDENTITY OF THE EUROPEAN UNION AND RUSSIA.

Key words: empire concept; imperial identity; European Union; Russia; Russian-European relations.

In keeping with the logic of empire concept promoted by a number of authoritative European experts, the author of the article undertakes comparative analysis of the European Union and Russia's imperial identity. Based on the criteria of empires suggested in the literature (fuzzy borders, center-periphery dependence, imperial civilizing missions), the article examines common and peculiar features of European and Russian imperial models. The EU and Russia meet the three criteria of empires mentioned above. They possess a sizable territory and at the same time have blurred and fuzzy borders. Both actors interfere in their peripheries and seek to establish control over them, using considerable recourses and applying a variety of instruments. Brussels and Moscow are guided by their imperial missions aimed to 'civilize' their external environment. Trying to justify their policy, they persuade others that their actions are motivated by moral and virtuous intentions. Along with a strong regional foreign policy focus, Russia and the European Union see themselves as key world players striving for peace, stability and multilateral cooperation and willing to make major decisions of global importance. Notwithstanding common imperial characteristics, the two empires also differ greatly and represent opposite imperial models. Forms of government in Russia and in the EU, instruments and mechanisms they apply in their foreign policy, nature of center-periphery relations etc. have little in common. Hard style of Russian imperial policy confronts soft European pattern, Russian authoritarian imperialism opposes European normative one. No wonder that Russia (like other imperial actors – the US and China) is often viewed as European 'other' and as the antipode of the EU. Clash of Russian and European imperial models occurs in the area of common 'external periphery'. Two empires compete within the same territory. Moreover, their civilizing missions confront each other in the sphere of values and norms. Imperial model of the EU is quite successful in general. The Union performs as one of the most significant transformative powers in the world. However, its policy has its limits as well: for several reasons European values are diffused in the world unevenly. Russian imperial construction appears to be less stable. Imperial policy has become a major obstacle to the development of a modern, democratic and economically strong state in Russia. Moscow failed to build trusting relationships with the countries of the periphery. Russia as the autocracy will hardly radically change the situation in the short term.

REFERENCES

1. Zielonka J. Europe as a global actor: Empire by Example? *International Affairs*, 2008, Vol. 84:3, pp. 471–484. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2008.00718.x
2. Zielonka J. America and Europe: Two contrasting or parallel empires? *Journal of Political Power*, 2011, Vol. 4:3, pp. 337–354. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2008.00718.x
3. Zielonka J. The EU as international actor: Unique or Ordinary? *European Foreign Affairs Review*, 2011, Vol. 16:3, 281–301.
4. Zielonka J. Empires and the modern international system. *Geopolitics*, 2012, Vol. 17:3, pp. 502–525. DOI: 10.1080/14650045.2011.595440
5. Laidi Z. The Normative Empire: The unintended consequences of European power. *Carnet Policy Brief*, 2008, Vol. 6 (February). Paris: CERI.
6. Beck U., Grande E. *Cosmopolitan Europe*. Cambridge: Polity, 2007. 328 p.
7. Hettne B., Soderbaum F. Civilian power or soft imperialism? The EU as a global actor and the role of interregionalism. *European Foreign Affairs Review*, 2005, vol. 10:4, pp. 535–552. DOI: 10.1080/07036330500190073
8. Nicolaidis K. *The Power of the superpowerless*. In: Lindeberg T. (ed.) *Beyond paradise and power: Europe, America, and the future of a troubled partnership*. New York: Routledge, 2004, p. 93–120.
9. Duchene F. *The European Community and the uncertainties of interdependence*. In: Kohnstamm M, Hager W. (eds.) *A Nation writ Large? Foreign-policy problems before the European Community*. London: Macmillan, 1973, pp. 1–21.
10. Zevelev I.A. The Russian world boundaries. *Rossiia v global'noy politike – Russia in Global Affairs*, 2014, 27 April. (In Russian).
11. Address by the President of the Russian Federation, March 18, 2014. Available at: <http://kremlin.ru/news/20603>. (Accessed: 5th September 2014). (In Russian).
12. Brzezinski Z. Confronting Russian Chauvinism. *The American Interest*, 2014, 27 June. Available at: <http://www.the-american-interest.com/articles/2014/06/27/confronting-russian-chauvinism>. (Accessed: 10th September 2014).
13. Bretherton C., Vogler J. *The European Union as a global actor*. London: Routledge, 1999. 316 p.

14. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*, 2002, vol. 40: 2, pp. 235-258.
15. Karaganov S. Im ochen' khotelos' uteret' nos naglym russkim [They wanted to outdo brazen Russian]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*, 2014, 30th May.
16. Forsberg T. *Normative Power Europe (Once More): A conceptual clarification and empirical analysis..* Available at: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/3/1/1/2/8/pages311280/p_311280-1.php. (Accessed: 10th September 2014)
17. *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda* [The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020]. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>. (Accessed: 5th April 2014).
18. Goodrich L. Russia: Rebuilding an Empire while it can. *Stratford* 2011, 31st October. Available at: <http://www.stratfor.com/weekly/20111031-russia-rebuilding-empire-while-it-can#axzz38xFguF00>. (Accessed: 10th September 2014).
19. Mahony H. Barroso Says EU is an 'Empire'. *Euobserver*, 2007, 11th July. URL: <http://euobserver.com/institutional/24458>. (Accessed: 10th September 2014).
20. Makarychev A.S. *Neighbours, exceptions and the political. A Vocabulary of EU-Russian inter-subjective (dis)connections*. In: Emerson M., Arbatova N. (eds.) *The Elephant and the Bear try again*. Brussels: CEPS, 2006, pp. 15-40.
21. Medvedev S. Diskursy otchuzhdeniya: "suverenitet" i "evropeizatsiya" v otnosheniyakh Rossii i ES [Discourses of alienation: "sovereignty" and "Europeanization" in relations between Russia and the EU]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2008, no. 10, pp. 23-33. (In Russian).
22. Leonard M. *How Europe will Run the 21st Century*. London: Fourth Estate, 2005. 176 p.
23. Le Gloannec A.M., Rupnik J. *Democratization by Extension. Seeking Reinsurance*. In: Zaki Laïdi (ed.) *EU Foreign Policy in a Globalized World. Normative Power and Social Preferences*. London: Routledge, 2008, pp. 51-67.
24. Brzezinski Z. Russia, Like Ukraine, will Become a Real Democracy. *Financial Times*, 2013, 10th December.
25. Karp P. *Return of the Empire*. Available at: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/poel-karp/return-of-empire>. (Accessed: 1st September 2014).
26. Trenin D. *Post-imperium: evraziyskaya istoriya* [Post-imperium: Eurasian history]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSS PEN) Publ., 2012. 326 p.
27. Brzezinski Z. *A Geostrategy for Eurasia*. *Foreign Affairs*, 1997, vol. 76:5

РАМОЧНЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Рассматриваются официальные позиции Европейского союза и России в сфере международного сотрудничества, а также обмена и продвижения передовых технологий, конструкторских решений и результатов научной деятельности. В частности, уделяется особенное внимание принятым программам, совместным проектам в рамках данных программ. Также выделены потенциальные направления перспектив сотрудничества двух сторон в области науки и технологий.

Ключевые слова: научно-технологическое сотрудничество; инновационная стратегия России; горизонт 2020; рамочная программа ЕС.

Научно-технологическое развитие и сотрудничество являются важным элементом международного развития, продвижения и обмена технологиями на мировом уровне между разными странами. Российская Федерация стремится к участию в международном обмене, и Европейский союз остается для российской стороны важным стратегическим партнером. ЕС оказывает значительную поддержку европейским странам и финансирует перспективные проекты в сфере биотехнологий, нанотехнологий, новых материалов и т.д. В качестве основного финансового механизма поддержки «третьих стран» ЕС использует так называемые рамочные программы. Целью настоящих программ является реализация европейских исследовательских проектов и программ путем вовлечения стран Европы. Совместная деятельность, проводимая участниками, позволяет не только расширить, улучшить результаты и качество исследований, но и дает возможность странам устанавливать долгосрочные отношения в различных областях.

С 1 января 2007 г. Европейский союз начал реализацию Седьмой рамочной программы (7FP – 7 Framework Programme) по научным исследованиям и технологическому развитию. Главной целью 7FP стало повышение конкурентоспособности европейской промышленности за счет поддержки передовых научных и конструкторских разработок, технологического развития и эффективного внедрения результатов работы в производство.

Международное сотрудничество играло важную роль в реализации Программы, и участниками проектов стали представители разных стран, в том числе стран, которые не являются членами ЕС. Так называемые третьи страны смогли принимать участие в Программе через проекты и специальные мероприятия международного сотрудничества (Specific International Cooperation Action).

Седьмая рамочная программа была рассчитана на период с 2007 по 2013 г. и включала три основных направления [1. С. 7]:

- 1) программа инноваций и предпринимательства;
- 2) программа поддержки информационной политики и политики информационных технологий;

3) европейская программа рационального использования энергии.

Программа базировалась на четырех составляющих, которые должны были обеспечить достижение стратегических целей: сотрудничество, идеи, люди, возможности [2].

В Седьмой рамочной программе большое внимание уделялось развитию сотрудничества между промышленностью и научно-исследовательскими организациями, а также стимулированию участия в проектной деятельности представителей среднего и малого бизнеса. Например, действующий сегодня проект Gate2RuBIN (Gateto Russian Business Innovation Networks) стал новым долгосрочным проектом участия российских организаций бизнес-инновационной инфраструктуры в новой и самой крупной Европейской сети поддержки предпринимательства (Enterprise European Network – EEN) [3]. Проект является первым примером широкомасштабного участия России в европейских деловых и инновационных сетях. Целью проекта Gate2RuBIN является содействие развитию сотрудничества малых и средних предприятий, научных организаций России и Европейского союза в сфере технологий и, в результате, повышение их конкурентоспособности на мировом рынке. Государственную поддержку проекту Gate2RuBIN оказывает Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

В плане международного сотрудничества ЕС разделил страны на категории и, исходя из этого, выстроил с ними соответствующую линию обмена информацией и технологиями (в частности, в документе выделяются четыре способа взаимодействия в рамках 7FP) [1. С. 61]:

- 1) сотрудничество с предприятиями стран-членов ЕС, а также ассоциированных членов;
- 2) сотрудничество с предприятиями третьих стран, входящих в Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСС) (в том числе вступающих стран, а также стран-кандидатов), и стран Западных Балкан;
- 3) сотрудничество со странами-участницами Европейского объединения с экономической целью;
- 4) сотрудничество с международными организациями.

В процессе реализации Программы по статистике участия научных организаций из третьих стран РФ заняла одну из ведущих позиций в проектной деятельности 7FP и выделенному финансированию среди государств, не являющихся членами Европейского союза.

Статистика участия научных организаций из третьих стран в Седьмой рамочной программе ЕС [4]:

Страна	Количество организаций	Количество проектов	Общее финансирование, млн евро
Россия	452	281	54,9
США	369	287	36,4
Индия	254	164	34,6
Китай	269	237	30,1
ЮАР	195	158	27,5
Бразилия	235	166	26,5

Наряду с участием в исследовательских и инновационных проектах российские организации также принимают активное участие в программе Marie Curie Actions – «Международный обмен научными кадрами» [5] по тематическим направлениям «Транспорт», «Здравоохранение», «Исследовательские инфраструктуры», «Нанотехнологии» и др.

Для координации участия и информационного обеспечения на национальном уровне по распоряжению Министерства образования и науки РФ созданы Национальные контактные точки (НКТ). Основной задачей НКТ является распространение информации о 7FP в России, а также оказание организационной, информационной, консультационной помощи в подготовке проектов российскими научными и научно-производственными коллективами, а также предприятиям малого и среднего бизнеса, для участия в конкурсах.

В 2014 г. Европейский союз выдвинул новую программу под названием «Горизонт 2020», которая не просто сменила предыдущую программу, но качественно изменила вовлеченность стран-участниц в процесс обмена технологиями, а также предоставила возможности финансирования проектов в большем объеме. Планируемый бюджет программы составляет 80 млрд евро [6]. Программа представлена как «средство, направленное на устранение барьеров в создании подлинного единого рынка знаний, исследований и инноваций» [7. С. 3; 8–10]. Достижение этой амбициозной цели планируется через развитие трех приоритетов: передовая наука, индустриальное лидерство и социальные вызовы.

Приоритет «Передовая наука» включает в себя поддержку выдающихся исследователей и их научных групп; финансирование совместных исследований, которые будут способствовать расширению областей исследований; проведение тренингов и программ по по-

вышению квалификации; предоставление доступа к исследовательским инфраструктурам.

Приоритета «Индустриальное лидерство» планируется достичь за счет поддержки разработки информационно-коммуникационных технологий, нанотехнологий, усовершенствованных материалов, перспективных технологий и глубокой переработки, биотехнологий, космических технологий, упрощения доступа к рисковому финансированию, внедрения инноваций на средних и малых предприятиях.

Приоритет «Социальные вызовы» – это здравоохранение, демографические изменения и благополучие; безопасность продовольствия, сельское хозяйство, морские исследования и биоэкономика; безопасная, чистая и эффективная энергетика; экологически безопасный транспорт; влияние на климат и рациональное использование ресурсов.

Страны международного сотрудничества в настоящей программе разделены на три группы:

- 1) развитые страны и страны с развивающейся экономикой (финансируются на определенных условиях);
- 2) страны-кандидаты для вступления в ЕС и соседние страны (подлежат автоматическому финансированию);
- 3) развивающиеся страны (подлежат автоматическому финансированию).

Задачей «Горизонта 2020» будет устранение ошибок и несоответствий, выявленных по итогам оценки рамочных научно-технологических программ конкурентоспособности и инноваций, а также проектов Европейского института инноваций и технологий. Основным недостатком признано отсутствие их согласованности с национальными финансовыми институтами стран-членов ЕС.

Программа «Горизонт 2020» неразрывно связана с Европейской стратегией 2020, которая, в свою очередь, выделяет роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в качестве ключевой для достижения ЕС намеченных лидирующих позиций в инновационной сфере в регионе. Таким образом, ИКТ, такие как Интернет, являются основным средством социальной и экономической активности и позволяют свободно работать, строить бизнес, общаться и презентовать себя. Соответственно, максимальное использование потенциала ИКТ позволит расширить границы международного и внутристранового обмена по многим показателям.

На сегодняшний день ИКТ не просто связывают людей, но позволяют решать проблемы в сфере здравоохранения и старения населения, энергосбережения, устойчивой мобильности населения, сохранения культурного наследия, повышения эффективности социальных и административных услуг. Новые технологии связи рассматриваются и в качестве дополнительной возможности привлечения высококвалифицированного персонала для работы в ЕС.

В 2008 г. Европейская комиссия разработала Европейскую рамочную стратегию международной научно-

технической кооперации с третьими странами для работы по стратегически важным для ЕС направлениям, в том числе по глобальным проблемам, таким как «изменение климата, бедность, инфекционные болезни, энергетические угрозы, обеспечение продуктами и водой, безопасность людей, безопасность сетей» [11. С. 2]. Рассматривая эти проблемы в качестве приоритетных, ЕС выстраивает не только двусторонние связи с третьими странами, но и формирует инструменты международного сотрудничества по разным направлениям, которое обладает большей эффективностью. В частности, для исполнения поставленной задачи были учреждены два новых института – Европейское партнерство в области международного сотрудничества и Стратегический форум по международному сотрудничеству в области науки и технологии. Главной задачей Форума является налаживание партнерских связей в области инноваций и науки между странами ЕС и третьими странами.

Позиция России в отношении инновационного развития представлена в документе «Стратегия инновационного развития РФ до 2020 г.» [12], принятом 8 декабря 2011 г., и направлена на повышение роли инноваций в экономике с опорой на рисковый бизнес. Цель Стратегии – перевод к 2020 г. экономики России на инновационный путь развития, что подтверждается намерениями повышения финансирования в НИОКР, модернизации сферы защиты интеллектуальной собственности на федеральном и международном уровнях, увеличения доли высокотехнологичных товаров и услуг на мировом рынке, повышения добавленной стоимости инновационной продукции, увеличения публикаций российских ученых в международных научных журналах, а также количества международных патентов.

Россия и Европейский союз всегда представляли собой важный стратегический союз в сфере развития научно-технологических разработок. Страны сотрудничали через взаимодействие в рамках международных организаций, двусторонних соглашений. Для интенсивного развития и расширения каналов связи Россия и ЕС рассматривали варианты включения российской стороны не только в официальные международные переговоры и конференции, но и менее формальные про-

граммы обмена, стажировки, бизнес-форумы по отраслям, выставки и др.

Рамочные программы стали важным механизмом взаимодействия Российской Федерации и Европейского союза, позволив российской стороне стать частью инновационного пространства Европы и получить финансирование для лучших проектов. Рамочные программы открывают для российской стороны следующие перспективы:

- 1) повышение квалификации кадров, а также получение уникального опыта в указанных сферах участниками российской стороны;
- 2) обмен знаниями и информацией в сфере инноваций;
- 3) стимулирование инновационных решений малого и среднего бизнеса России;
- 4) возможность развития дипломатического диалога ЕС и РФ в сфере политики, экономики, торговли, производства, культуры и др.

Однако на сегодняшний день, помимо сложного периода отношений РФ и ЕС, в Российской Федерации имеются очевидные проблемы, которые затрудняют как само научное и технологическое развитие внутри страны, так и продвижение и укрепление форм сотрудничества России с другими государствами, не только европейскими. В частности, к таким факторам можно отнести недостатки законодательной базы, слабую политику налогового стимулирования бизнеса, высокую ставку на поддержку сферы интеллектуальной собственности при отсутствии эффективной законодательной базы в сфере авторского права.

Несмотря на тесное взаимодействие, Россия и ЕС пока не нашли взаимовыгодных условий для заключения договора, по которому российская сторона сможет стать ассоциированным участником программ Европейского союза. И эта проблема остается основной проблемой взаимодействия России и Европейского союза в рамках реализации программ. Развитие механизмов совместной деятельности по линии научно-технологического обмена между Россией и ЕС на сегодняшний день не имеет комплексного решения и нуждается в регламентировании процесса сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Competitiveness and innovation framework programme*. URL: http://ec.europa.eu/digital-agenda/sites/digital-agenda/files/cip_ict_psp_wp2013_publication.pdf, свободный (дата обращения: 11.03.2014).
2. *Общие сведения о Седьмой рамочной программе ЕС*. Российский национальный контактный центр «Биотехнологии, сельское хозяйство и пища» URL: <http://fp7-bio.ru/7-framework-program/about/>, свободный (дата обращения: 18.08.2014).
3. *Проект Gate2RuBIN*. Бизнес и инновации – общий язык России и Европы. URL: <http://www.gate2rubin.ru>, свободный (дата обращения: 28.09.2014).
4. *НКТ «Биотехнологии»* Российский национальный контактный центр «Биотехнологии, сельское, лесное, рыбное хозяйство и пища». URL: http://bio-economy.ru/ramochnaya_programma_es/7_amochnaya_programma_es, свободный (дата обращения: 30.09.2014).
5. *Marie Skłodowska-Curie actions – Research Fellowship Programme*. URL: <http://ec.europa.eu/research/mariecurieactions>, свободный (дата обращения: 01.10.2014).
6. *EIT as part of Horizon 2020*. European Institute of Innovation and Technology. URL: <http://eit.europa.eu/eit-part-horizon2020>, свободный (дата обращения: 01.10.2014).
7. COMMISSION STAFF WORKING PAPER, IMPACT ASSESSMENT, Accompanying the Communication from the Commission 'Horizon 2020 – The Framework Programme for Research and Innovation'. URL: http://ec.europa.eu/research/horizon2020/pdf/proposals/horizon_2020_impact_assessment_report_executive_summary.pdf?view=fit&pagemode=none, свободный (дата обращения: 31.08.2014).

8. *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing Horizon 2020 – the Framework Programme for Research and Innovation (2014–2020)*. URL: http://ec.europa.eu/research/horizon2020/pdf/proposals/horizon_2020_impact_assessment_report_executive_summary.pdf#view=fit&pagemode=none, свободный (дата обращения: 31.08.2014).
9. *Proposal for a Council Decision establishing the Specific Programme implementing Horizon 2020 – The Framework Programme for Research and Innovation (2014–2020)*. URL: http://ec.europa.eu/research/horizon2020/pdf/proposals/horizon_2020_impact_assessment_report_executive_summary.pdf#view=fit&pagemode=none, свободный (дата обращения: 31.08.2014).
10. *Proposal for a Council Regulation on the Research and Training Programme of the European Atomic Energy Community (2014–2018) contributing to the Horizon 2020 –The Framework Programme for Research and Innovation*. URL: http://ec.europa.eu/research/horizon2020/pdf/proposals/horizon_2020_impact_assessment_report_executive_summary.pdf#view=fit&pagemode=none, свободный (дата обращения: 31.08.2014).
11. *A Strategic European Framework for International Science and Technology Cooperation*. URL: http://ec.europa.eu/research/press/2008/pdf/com_2008_588_en.pdf, свободный. (дата обращения: 03.03.2014).
12. *Инновационная Россия – 2020*. Минэкономразвития РФ. URL: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/5636/1238.pdf>, свободный (дата обращения: 01.09.2014).

Gromova Daria V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: putdarya@yandex.ru

FRAMEWORK PROGRAMS AS AN INSTRUMENT OF THE EUROPEAN UNION AND THE RUSSIAN FEDERATION COOPERATION IN THE SPHERE OF RESEARCH AND TECHNOLOGY COOPERATION.

Key words: scientific and technological cooperation; innovative strategy of Russia; Horizon 2020; Framework programme of the EU. International cooperation in the sphere of innovations is the overarching aim, which every state, wishing to keep and strengthen its position in the international area, sets. The more mechanisms of international exchange are there, the more possibilities to build close ties on the international level exist. Currently Russia and the European Union cooperate in many spheres, including research and technology exchange. Mechanisms and instruments of cooperation in the sphere of innovations, particularly, information and communication technologies (ICT), are fixed in the core documents, which determine the directions of innovation policy development and international cooperation forms. Framework programs by the EU are one of important and very effective forms of cooperation between Russia and the EU. The official documents (framework programs, innovation development strategies) are investigated in the research, and data and statistics of the EU framework programs national contact points web-sites are used. The official governmental positions in the sphere of research and technology cooperation are analyzed, the role of framework programs as an effective instrument of cooperation is developed. Moreover, the negative factors, which block qualitative development of the EU-RF relations, are reviewed. As a result there are conclusions on the role of framework programs role in the research and technology exchange between the EU and Russia: The most part of Russian participation in framework programs is as a “third country”; framework programs help Russia not only to get economic benefits, but also to exchange the experience with leading European researchers, and so promote the innovation development of Russia itself; framework programs are also the place for negotiations between the EU and the RF on politics, economy and other issues; today Russia is not a framework program associated member, and it does not allow Russia to participate comprehensively and deeply in the program projects; there are many problems in Russia which disrupt the development of relations in the sphere of research and technology exchange with other countries and regions (legislation problems, economic instability, geopolitical changes).

REFERENCES

1. *Competitiveness and innovation framework programme*. Available at: http://ec.europa.eu/digital-agenda/sites/digital-agenda/files/cip_ict_psp_wp2013_publication.pdf. (Accessed: 11th March).
2. *General information about the Seventh Framework Programme of the EU. Russian National Contact Point “Biotechnologies, agriculture and food”*. Available at: <http://fp7-bio.ru/7-framework-program/about/>. (Accessed: 18th August 2014). (In Russian).
3. *Projekt Gate2RuBIN. Biznes i innovatsii – obshchiy yazyk Rossii i Evropy* [Project Gate2RuBIN. Business and innovation - a common language between Russia and Europe]. Available at: <http://www.gate2rubin.ru>, свободный Accessed: 28th September 2014).
4. *NKT “Biotehnologii”. Rossiyskiy Natsional'nyy Kontaktnyy Tsentr “Biotehnologii, sel'skoe, lesnoe, rybnoe khozyaystvo i pishcha”* [The NCT “Biotechnology” The Russian National Contact Point “Biotechnology, agriculture, forestry, fisheries and food”]. Available at: http://bio-economy.ru/ramochnaya_programma_es/7_ramochnaya_programma_es. (Accessed: 30th September 2014).
5. *Marie Skłodowska-Curie actions - Research Fellowship Programme*. Available at: <http://ec.europa.eu/research/mariecurieactions>. (Accessed: 1st October 2014).
6. *EIT as part of Horizon2020. European Institute of Innovation and Technology*. Available at: <http://eit.europa.eu/eit-part-horizon2020>, свободный (Accessed: 1st October 2014).
7. COMMISSION STAFF WORKING PAPER, IMPACT ASSESSMENT, Accompanying the Communication from the Commission 'Horizon 2020 - The Framework Programme for Research and Innovation'
8. *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing Horizon 2020 – the Framework Programme for Research and Innovation (2014–2020)*
9. *Proposal for a Council Decision establishing the Specific Programme implementing Horizon 2020 – The Framework Programme for Research and Innovation (2014–2020)*
10. *Proposal for a Council Regulation on the Research and Training Programme of the European Atomic Energy Community (2014–2018) contributing to the Horizon 2020 –The Framework Programme for Research and Innovation*. Available at: http://ec.europa.eu/research/horizon2020/pdf/proposals/horizon_2020_impact_assessment_report_executive_summary.pdf#view=fit&pagemode=none. (Accessed: 31st August 2014).
11. *A Strategic European Framework for International Science and Technology Cooperation*. Available at: http://ec.europa.eu/research/press/2008/pdf/com_2008_588_en.pdf. (3rd March 2014).
12. *Innovatsionnaya Rossiya-2020. Minekonomrazvitiya RF* [Innovative Russia 2020. Ministry of Economic Development]. Available at: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/5636/1238.pdf>. (Accessed: 1st September 2014).

РЕЗУЛЬТАТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ В 1997–2014 гг.

Статья подготовлена в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009) и гранта имени Жана Моне.

Рассматриваются итоги деятельности институтов ЕС по формированию гражданской идентичности среди европейцев. По мнению некоторых исследователей, деятельность институтов ЕС разрушает условия эффективного функционирования гражданства как совокупности прав на национальном уровне и воплощает концепцию «минимального государства» на наднациональном уровне, что противоречит желаниям многих европейцев. Несмотря на постоянную критику со стороны европейцев в адрес институтов ЕС и широко распространенные критические оценки уровня европейского самосознания среди российских специалистов, опросы общественного мнения показывают, что больше половины европейцев ощущают себя гражданами ЕС. Регулярные опросы общественного мнения в ЕС, проводимые специальной аналитической службой Европейской комиссии «Евробарометр», позволяют увидеть динамику и факторы влияния на самоопределение европейцев. Внимательное прочтение результатов опросов показывает, что граждане ЕС хотели бы лучше знать и более эффективно пользоваться своими правами.

Ключевые слова: Европейский союз; гражданство ЕС; европейская идентичность.

Проект формирования гражданской идентичности и идея гражданства ЕС представляет собой интересную, хотя и не новую в Новейшей истории попытку создать наднациональную гражданскую идентичность жителей различных стран, объединенных в некий политический союз. Несомненно, к таким проектам можно отнести гражданство Содружества наций или Французского союза, пришедших на смену Британской и Французской империям соответственно, когда статус гражданина давал привилегии выходцам из бывших колоний, хотя это не распространялось на всю совокупность прав гражданина метрополии. Особенность проекта ЕС заключается в том, что национальное гражданство сосуществует с введенным Маастрихтским договором гражданством ЕС, однако страны ЕС сохраняют значительную долю обязанностей в отношении своих граждан.

Гражданство ЕС является проблемой, которой институты ЕС уделяют большое внимание, особенно после вступления в силу Маастрихтского и Лиссабонского договоров. Институты ЕС инициировали целый ряд программ для повышения чувства европейского гражданства в 2007–2013 гг., выделив на это бюджет более чем на 300 млн евро [1. Р. 21]. В 2010 г. был подготовлен специальный доклад по заказу Европейской комиссии, который рассматривал «барьеры», препятствующие реализации прав граждан ЕС [1]. 2013 г. был объявлен тематическим годом «Гражданин ЕС». В последние 2–3 года были опубликованы комплексные доклады, подготовленные по заказу Европейской комиссии, в которых представлены результаты формирования гражданской идентичности ЕС. Весной 2014 г. был опубликован ежегодный доклад под названием «Европейское гражданство», основывающийся на массовых опросах общественного мнения жителей стран ЕС [2]. Осенью 2014 г. был представлен еще один доклад под названием «Обещания Европейского союза», исследования проводились ка-

чественными методами: фокус-группы и интервью с экспертами, представляющими средства массовой информации, бизнес-сообщество и культуру в шести странах ЕС (Италия, Германия, Дания, Португалия, Финляндия и Польша). Выборка стран отражает, по мнению авторов исследования, «разные стадии развития ЕС и обеспечивает широкую географическую репрезентацию» [3. Р. 4].

Представленные в докладах данные и оценки можно сопоставить с другими исследованиями и статистическими данными и сделать выводы о закономерностях и степени успешности формирования гражданской идентичности ЕС в последние годы. Опросы общественного мнения демонстрируют разный уровень одобрения действия европейских институтов в разных странах ЕС, что обычно интерпретируется в исследованиях. Однако, что более важно, результаты опросов дают возможность посмотреть на существующие различия с точки зрения разного уровня наполнения прав на национальном уровне и связанных с этим ожиданиях жителей на действия наднациональных институтов. Не подвергая сомнению объективность и методологию проводимых опросов общественного мнения, важно выйти за те временные рамки, которые приводятся в недавних исследованиях, чтобы увидеть успешность концепции гражданства ЕС и ее реализации. Архив исследований на данную тему, размещенный на сайте Европейской комиссии, позволяет это сделать с достаточной ретроспекцией. Данная проблема была в центре внимания большого исследовательского проекта, реализованного в рамках Шестой рамочной программы ЕС «Интюн: интегрированные и объединенные: поиск гражданства в еще более близкой Европе» [4]. Результаты исследования были опубликованы в виде четырех монографий, представляющих четыре уровня изучения европейской идентичности: на уровне масс [5], элит [6], средств массовой информации [7] и вовлеченности

в европейскую политику стран, вошедших в ЕС после 2004 г. [8].

По поводу концепции, содержания и будущего гражданства ЕС ведутся споры как на уровне общества, так и среди политиков и экспертов. Суть споров можно коротко определить тремя дилеммами: 1) насколько гражданство ЕС является реальным воплощением прав граждан ЕС и обязанностей институтов ЕС по их обеспечению; 2) насколько возможна реализация и корректировка содержания прав граждан ЕС без существования адекватного механизма представительства и политического участия через партийную политику и выборы на наднациональном уровне; 3) насколько возможно на практике достичь одного уровня обеспечения прав граждан в условиях существенных различий в их наполнении в 28 странах ЕС [5–9]. В последнее время активно обсуждаются тема обязанностей граждан ЕС по отношению к наднациональным институтам и проблема совмещения прав и обязанностей гражданина ЕС, без чего не может существовать гражданство любого уровня [9. Р. 2; 10. Р. 47].

Прежде чем приступить к анализу результатов, представленных в докладах ЕС, коротко остановимся на содержании концепции гражданства в современном европейском обществе и его интерпретации в рамках права ЕС. Гражданство в развитых странах сегодня представляет собой особый тип отношений между жителями страны и государством, воплощающим политическую власть над территорией. Современная идея гражданства противостоит идее подданства как прямой субординации жителей существующей власти. Подданство традиционно подчеркивало обязанности человека: платить налоги, быть лояльным к представителям власти, быть готовым защищать и погибнуть во благо данной власти. Буржуазные революции в Европе и в Северной Америке «переформатировали» отношения между населением и властью, заменив идею подданства идеей гражданства с фиксацией прав, относящихся к политической сфере, когда граждане страны стали принимать участие в управлении страной через представительные и законодательные органы власти и в политическом выборном процессе. Вместе с тем концепция гражданства значительно расширилась во второй половине XX в., включив в себя государственные гарантии в сфере образования, медицинского обеспечения, социальной поддержки и обеспечения прав меньшинств. Все эти права, получившие название прав второго и третьего поколения, также «привязаны» к статусу гражданина. Гражданство стало трактоваться жителями развитых стран как совокупность индивидуальных прав в различных сферах публичной и частной жизни и государственных гарантий по их обеспечению. Наиболее яркой иллюстрацией современной европейской концепции гражданства является деятельность Совета Европы, который является более инклюзивной, чем Европейский союз, организацией и объединяет 47 стран Европы. Несмотря на то что деятельность Со-

вета Европы не предусматривает наднационального регулирования, обширная юридическая регламентация сферы прав человека и деятельность Европейского суда по правам человека делают его одним из самых популярных институтов среди европейцев.

Концепция гражданства ЕС воплощает сложность и недостаточную прозрачность установок, заложенных в договорах Союза. Равенство всех жителей стран-членов ЕС и принцип недискриминации для обеспечения мобильности «людей, товаров и услуг» является изначальной установкой интеграционного объединения. В практической плоскости гражданство ЕС обещает европейцам сохранение их прав при трансграничной мобильности в рамках ЕС, особенно прав, связанных с социальным обеспечением (доступ к социальным службам, образованию, медицинскому обслуживанию, социальным выплатам, связанным с работой или ее потерей или отсутствием, пенсионное обеспечение и т.д.). Однако исполнение данных положений на практике наталкивается на существующие различия в механизмах реализации прав граждан и в объеме этих прав в разных странах, что создает постоянное противоречие между ожиданиями и наполнением прав у граждан ЕС. Эти сложности осознаются как на уровне масс, так и на уровне элит. Лиссабонский договор основан на ряде компромиссов, в том числе и по вопросу о гражданстве и правах граждан ЕС. Так, в основной текст договора не вошла Хартия основных прав гражданина ЕС, однако, согласно ст. 6 договора, «Союз признает права, свободы и принципы», которые определены в Хартии, и указывает, что «Хартия будет иметь такую же юридическую силу как и Договоры Союза». Далее в статье договора сказано, что «положения Хартии ни в коем случае не будут продолжением компетенций Союза, как это определено в Договорах»¹ [11. Р. 306/13]. Это положение может трактоваться как подтверждение того, что реализация прав граждан будет оставаться ответственностью национальных правительств в соответствии со сложившейся практикой. Как отмечают комментаторы текста договора, ст. 6.2 «является политическим заявлением, но не имеет юридической силы» [12. Р. 307].

В то же время Лиссабонский договор, не отменяя и не заменяя национальные конституции, создал основу для толкования законов на основе права ЕС и создания прецедентов применения вторичного права ЕС вопреки положениям национального законодательства. По мнению Фритца Шарпфа, профессора Института социальных исследований имени Макса Планка в Кельне, «вертикальная интеграция через право», которую используют институты ЕС (Комиссия и Суд), посредством правоприменительных методов и регулирования, координации и сближения национального права имеет далеко идущие последствия для создания единообразного поля прав и их толкований, что пока не достаточно признано и оценено в рамках всего ЕС. Причем в отличие от национальной системы действия конституционных су-

дов и законодательных ветвей власти институты ЕС действуют в рамках совершенно другой логики, не опираясь на представительство граждан через политический процесс, что является основой сохранения баланса между различными ветвями власти на национальном уровне. Ф. Шарп полагает, что европейские институты подчиняются телеологической логике «партийности», целью которой является целенаправленная трансформация ранее существующего социального и институционального баланса без необходимого широкого политического согласия по этому поводу со стороны европейского общества [13. Р. 12, 17].

В конце 1996 г. Европейская комиссия, возглавляемая Жаком Сантером, инициировала кампанию под названием «Граждане в первую очередь» (Citizens first) в преддверии празднования 40-летия Римских договоров. Главной целью кампании было распространение информации о правах европейцев, которые «живут, работают или учатся» в стране ЕС, но вовне их страны происхождения. В 1998 г. было опубликован отчет, в котором приведены данные опросов, которые отражали знание европейцев об их правах как граждан ЕС. В целом доклад показал достаточно низкий уровень владения информацией о правах среди граждан ЕС. Согласно опросу 1997 г. только 17,6% респондентов отмечали, что они «хорошо информированы» о своих правах и почти 74% респондентов ответили, что они «не чувствуют себя хорошо информированными». Через год после начала кампании количество респондентов, которые чувствовали себя «хорошо или очень хорошо информированными» увеличилось до 22%, хотя количество тех, кто отрицательно ответил на этот вопрос, увеличилось совокупно до 75,6% (42,8% – «не очень хорошо информированы» и 32,8% – «совсем не информированы» о своих правах) [14. Р. 4].

В докладе 2014 г. «Европейское гражданство» даны оптимистические оценки динамики самоощущения европейцев как граждан ЕС. Исследование было проведено накануне и вскоре после первых прямых выборов в Европейский парламент в мае 2014 г., что также оценивается институтами ЕС как одно из проявлений общеевропейского гражданства. В исследовании были заданы три темы, которые, по мнению авторов методологии, позволяют проанализировать содержание темы европейского гражданства. «Чувствуют ли себя европейцы европейскими гражданами? Знают ли они свои права как европейских граждан? Есть ли у них ожидания в отношении информации по этому поводу и в каких конкретных сферах?». Второй блок вопросов был связан с оценкой «достижений ЕС». Нужно было назвать «наиболее позитивные результаты ЕС» и те достижения ЕС, от которых европейцы получают наибольшую пользу. Третий блок вопросов был обращен к «ценностям ЕС», которые европейцы должны были оценить как «наилучшим способом представляющим ЕС»² [1. Р. 3]. Важно заметить, что европейцам предлагают отвечать именно на вопрос о «европейском

гражданстве» и о «европейской идентичности», а не о гражданстве ЕС и соответствующей идентичности. Фактически можно отметить продолжающуюся тенденцию институтов ЕС использовать понятие «европейский» как синоним «принадлежащий /относящийся к Европейскому союзу».

Согласно приведенным в исследовании данным 65% ответивших чувствуют себя гражданами ЕС, что на 6% выше показателя осени 2013 г., 34% ответивших сказали, что они «не чувствуют себя гражданами ЕС», что на 6% ниже, чем в опросе, проведенном осенью 2013 г. Заключительный комментарий отчета гласит, что опрос показал самый высокий уровень чувства европейского гражданства за все время проведения подобных опросов с весны 2010 г. [1. Р. 5] Однако, если мы оценим данные за весь период проведения опросов, то увидим, что средний показатель составлял 61–62%, а самый низкий пришелся на осень 2013 г. (59%), что позволило в отчете отметить «небывалый рост» в 6%. Справедливости ради стоило бы отметить в комментариях предшествовавшее падение показателя и то, что «скачок» произошел именно на фоне предшествовавшего падения.

В 25 странах ЕС более 50% респондентов отметили чувство «европейского гражданства», и только в трех странах (Болгария, Греция и Италия) это показатель не превысил 50%. Наиболее высокие показатели самосознания «европейского гражданства» были отмечены в 8 из 28 стран: Мальта – 87%, Люксембург – 85%, Германия – 79%, Финляндия – 79%, Австрия – 77%, Польша – 77%, Швеция – 77% и Эстония – 76%. На Кипре и в Великобритании этот показатель едва превысил 50% (53 и 52% соответственно). Во всех странах с низким уровнем европейского самосознания характерен раскол мнений, когда полярных позиций придерживаются около половины респондентов. «Нет-результат» (разница между теми, кто чувствует себя «европейским гражданином», и теми, кто таким себя не ощущает) составляют для Болгарии – 7%, Греции – 2, Италии – 3, для Кипра и Великобритании – 6 [1. Р. 6].

Самым интересным в этом отчете является разбивка ответов респондентов по возрастному, профессиональному, образовательному уровням и уровню доходов, или социально-демографический анализ. Здесь мы можем увидеть, что политика, которую реализуют институты ЕС на протяжении последних 20 лет, дает ощутимые плоды. Данные опросов дают достаточно ясное представление о тех группах, для которых характерна большая или меньшая степень самосознания «европейского гражданина». Приведенные в докладе данные показывают, что *формула «европейского гражданина» объединяет тех, кто молод, образован, предприимчив и имеет достаточный уровень доходов.*

Уровень доходов, несомненно, оказывает влияние на тех, кто считает себя гражданами ЕС. Наименьший уровень самосознания был выявлен среди европейцев с низким уровнем доходов, которые были закодированы

в категорию «тех, кто испытывает сложности в покрытии своих расходов» – 44% в 2014 г. и 41% в 2013 г. Среди тех европейцев, кто «почти никогда не испытывал трудности с оплатой своих счетов», этот показатель составил 71% в 2014 г., что на 6% выше, чем в 2013 г. Также низкий уровень образования («прекратили обучение в возрасте 15 лет или ранее») отражается на относительно низком уровне европейского самосознания – 46% в 2013 г. и 51% в 2014 г. Однако среди тех, кто продолжает образование после 20 лет, 73% респондентов чувствуют себя «европейскими гражданами», т.е. это уровень законченного среднего и начального высшего образования [1. Р. 7].

Наиболее высокий уровень европейского самосознания испытывают молодые люди: в возрастной группе 15–24 года этот показатель составил 75%, что больше на 11% по сравнению с 2013 г. В возрастных группах 25–39 лет и 40–54 года показатель европейского самосознания собрал 65%. Высокий уровень европейского самосознания характерен для экономически активных граждан ЕС – «самозанятых» (self-employed) – 72%, менеджеров – 76% и управленцев (white-collar workers) – 66%. Для сравнения, среди безработных уровень европейского самосознания составляет 56% против 42% тех, кто не ощущает себя гражданином ЕС [1. Р. 7].

Особенно высокий уровень европейского самосознания отмечен среди студентов (78%), причем этот показатель является высоким и в тех странах, где общество разделено почти поровну по этому вопросу (Великобритания – 80%, Италия – 62% и Греция 63%) [1. Р. 8, 9]. Приведенные данные, несомненно, коррелируют с активной политикой ЕС по развитию европейской системы высшего образования и возможности студенческой мобильности за счет специальных программ. Несмотря на то что в целом транснациональная мобильность труда в ЕС составляет около 3,3% от общей численности населения [15], студенческая мобильность увеличилась почти в два раза за последние десять лет – 2,2% в 2003 г. и 4,1% в 2011 г. Интересно, что четыре страны, в которых приезжает учиться наибольшее количество студентов из других европейских стран, характерен высокий рост европейского самосознания для студентов: Франция – 72%, Великобритания – 80%, Германия – 95% и Италия – 62% [16]. Учитывая, что количество студентов на 2012 г. составляло в ЕС-28 почти 109 млн человек [17], или более 20% населения ЕС, этот ресурс, несомненно, привлекает особое внимание институтов ЕС для формирования активного поколения граждан ЕС.

Данные исследования также показывают, что ориентация институтов ЕС на «совмещение без замены» гражданства ЕС и национального гражданства отражает чувства европейцев, однако национальное гражданство стоит на первом месте у большинства европейцев. Почти 40% европейцев отметили, что они чувствуют себя только гражданами собственной страны, и только

2% ответивших «чувствовали себя только гражданами ЕС». Совмещение национального гражданства и гражданства ЕС отмечено у большинства респондентов, однако формулировка «чувствуют себя гражданами своей страны и ЕС» собрала 51%, в то время как на первое место гражданство ЕС поставили 6% респондентов. В целом по ЕС страны, где граждане в большей степени ощущают себя гражданами ЕС, достигло максимального значения в Люксембурге (11%) и Швеции (10%). В отчете отмечено, что «европейским самосознанием» обладают 59% респондентов, но важно подчеркнуть, что эти цифры складываются из тех, кто ставит на первое место национальное гражданство – 51%, европейское гражданство – 6% и только европейское гражданство – 2% [1. Р. 10, 11]. Социально-демографический анализ отражает отмеченные выше закономерности. Наиболее высокие показатели европейского самосознания, хотя национальное гражданство стоит на первом месте, отмечены для учащейся молодежи старше 20 лет (59–60%), «самозанятых» (61%), менеджеров (60%) и людей, которые никогда не имели проблем с оплатой своих счетов (54%) [1. Р. 13].

Отвечая на вопрос о знании своих прав как граждан ЕС, большинство респондентов ответили, что они не знают своих прав (50%), и только 48% указали, что они знают свои права, хотя показатель улучшился, по сравнению с 2010 г., и, несомненно, с концом 1990-х гг. Лучше всего свои права знают жители Финляндии (70%), Люксембурга (66%), Эстонии (64%), Германии (63%), Дании (62%) и Швеции (62%). Хуже всего знают свои права жители Италии (32%), Франции (37%) и Болгарии (39%). Большинство респондентов в 26 странах ЕС «хотели бы лучше знать свои права как граждан ЕС» – 75%. Самый высокий показатель «желания знать» был отмечен на Кипре (88%), Мальте (80%) и Швеции (75%), а также среди учащейся молодежи и студентов (72%) [1. Р. 20–23].

Наибольший интерес вызывали следующие права: право на труд в другой стране ЕС (36%), право на получение медицинской помощи в другой стране ЕС (35%), право на проживание в другой стране ЕС (31%) и право на получение консульской защиты во время нахождения вне территории ЕС. На первое место «желания знать свои права работать вне страны гражданства» отмечены в восточных и южных странах ЕС, уровень жизни в которых ниже общеевропейского [18. С. 119, 129, 132]: Болгария (50%), Словакия (50%), Хорватия (50%), Венгрия (49%), Румыния (49%), Литва (47%), Польша (46%), Эстония (42%) и т.д. [1. Р. 25–28]. Социально-демографический анализ ответов на данные вопросы выявил, что право на работу в другой стране ЕС стоит на первом месте у молодых людей в возрасте 15–24 лет (52%), у студентов (49%) и безработных (56%) [1. Р. 29].

Среди «достижений» ЕС респонденты отметили два основных – «свобода движения людей, товаров и услуг» (56%) и «мир между народами ЕС» (54%). При-

чем первое достижение наиболее высоко было оценено в странах с более низким уровнем жизни, где этот показатель превысил 70% (Болгария, Чехия, Хорватия, Литва, Латвия, Словакия) [1. Р. 30, 35]. Указывая на те ценности, которые наилучшим образом отражают ЕС, респонденты поставили на первое место «мир» (37%), «права человека» (34%) и «демократию» (30%). Среди других значимых ценностей были названы: «верховенство права» (18%), «свобода личности» (17%), «уважение человеческой жизни» (16%), «уважение других культур» (14%) и «солидарность, поддержка других» (13%) [1. Р. 47].

Сравнивая результаты массового опроса с опросом, основанным на качественных методах исследования, трудно найти существенные различия и противоречия в самосознании европейцев. Скорее исследование подтверждает ранее выявленные и устойчиво сохраняющиеся тенденции. Исследование также показывает, что респонденты наиболее высоко ценили достижения ЕС в сфере экономической интеграции и обеспечения свободы передвижения людей. Среди негативных аспектов ЕС были названы «слишком большое количество регламентаций со стороны ЕС, которые являются неэффективными и вмешиваются в компетенции национальных властей», «неспособность властей ЕС защитить внутренний рынок от импорта дешевых товаров, что ведет к падению качества продуктов», «обеспокоенность слабой защищенностью границ ЕС от массовой трудовой миграции, что приводит к дополнительной нагрузке на службы социального обеспечения без соответствующих вложений». В целом, большинство респондентов отметило, что выгоды от существования ЕС превышают негативные аспекты интеграции [3. Р. 4, 5].

ЕС, становясь все более разнообразным, пытается создать единую политическую общность, которая была бы адекватна объективным условиям и приемлема для всех граждан ЕС. Учитывая разнообразие и пестроту внутреннего пространства (28 стран, 24 официальных языка, десятки народов и народностей, религиозное разнообразие, разный уровень экономического развития, особенности политического устройства и

т.д.), ЕС должен делать упор на формирование гражданской нации как политической наднациональной общности. Целью институтов ЕС является создание единой политической общности и усиление легитимности наднациональных элементов ЕС. Это также стремление получить одобрение жителей стран ЕС и решить проблему так называемого демократического дефицита, т.е. разрыва между институтами ЕС и простыми гражданами европейских стран. Попытки ЕС создать общую наднациональную правовую базу взаимоотношений между гражданами стран-членов ЕС и институтами ЕС в рамках гражданства ЕС можно интерпретировать как действия, направленные на формирование гражданской нации и соответствующей ей идентичности ЕС.

Можно сделать вывод о том, что деятельность ЕС по обеспечению прав граждан ЕС и создания единого пространства для получения доступа к достижениям ЕС достаточно высоко оценивается европейцами, хотя уровень мобильности для постоянного места жительства или работы по-прежнему невысок. Согласно опросам, наибольшую заинтересованность и выгоду от европейской интеграции получают европейцы с высоким уровнем образования, молодежь, представители бизнес-сообщества и более обеспеченные европейцы. Однако те, кто не очень хорошо обеспечен, высоко ценят права, которые предоставляет ЕС на трудовую мобильность, они и хотели бы получать больше информации об этом. Таким образом, опросы отражают высокую заинтересованность европейцев в продолжении деятельности ЕС по обеспечению прав для тех, кто является потенциальными получателями выгоды от существования ЕС. Интересно, что по статистике именно новые страны ЕС наиболее высоко оценили это право. С одной стороны, данную тенденцию можно интерпретировать как высокий уровень популярности проекта ЕС среди тех, кто будет определять будущее активное поколение европейцев. С другой стороны, резко отрицательное отношение к достижениям ЕС среди менее успешных европейцев является постоянным фактором риска для стабильности общеевропейского проекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В оригинале это положение сформулировано следующим образом: «The Union recognises the rights, freedoms and principles set out in the Charter of Fundamental Rights of the European Union..., which shall have the same legal value as the Treaties. The provisions of the Charter shall not extend in any way the competences of the Union as defined in the Treaties» [11].

² В оригинале формулировка выглядит следующим образом:

1) «The concepts of citizenship and European identity: do Europeans feel like European citizens? Do they know their rights as European citizens? Do they have any expectations in terms of information on this subject? And if so, in what areas in particular?»

2) «Perceptions of the achievements of the European Union: what do Europeans feel are the most positive results of the European Union? What are the main achievements of the EU from which Europeans feel they have benefited?»

3) «EU values: in the eyes of Europeans, what values best represent the European Union?» [1. Р. 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *EU Citizenship Report 2010. Dismantling the obstacles to EU citizens' rights.* European Commission. URL: http://ec.europa.eu/justice/citizen/files/com_2010_603_en.pdf, free.
2. *European Citizenship. Standard Eurobarometer. № 81. Spring 2014 report.* URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb81/eb81_citizen_en.pdf, free.

3. *The promise of the EU*. Qualitative survey. Aggregate report. Sept. 2014. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/quali/ql_6437_en.pdf, free.
4. *INTUNE Project. Integrated and United: A Quest for Citizenship in an Ever Closer Europe*. URL: <http://ukcatalogue.oup.com/category/academic/series/politics/intune.do>, free.
5. *Citizens and the European Polity: Mass Attitudes Towards the European and National Politics* / ed. by David Sanders, Pedro Magalhaes, and Gabor Toka. Oxford: Oxford University Press, 2012.
6. *European Identity. What the Media Say* / ed. by Paul Bayley and Geoffrey Williams. Oxford: Oxford University Press, 2012.
7. *The Europe of Elites. A Study into the Europeaness of Europe's Political and Economic Elites* / ed. by Heinrich Best, György Lengyel, and Luca Verzichelli. Oxford: Oxford University Press, 2012.
8. *The Europeanization of National Politics? Citizenship and Support in a Post-Enlargement Union* / ed. by David Sanders, Paolo Bellucci, Gábor Tóka, and Mariano Torcal. Oxford: Oxford University Press, 2012.
9. *Hansen P., Hager S.B.* The Politics of European Citizenship: Deepening Contradictions in Social Rights and Migration Policy. NY, Oxford: Berghahn Books, 2010.
10. *Co-creating European Union Citizenship*. Policy review. URL: http://europa.eu/citizens-2013/sites/default/files/content/publication/RTD%20co-creating_eu_citizenship.pdf, free.
11. *Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community*, signed at Lisbon, 13 December 2007 // Official Journal of the European Union. Vol. 50. 17 December 2007. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2007:306:FULL&from=EN>, free.
12. *The Treaty on European Union (TEU): A Commentary* / ed. by Blanke, Hermann-Josef, Mangiameli, Stelio. Springer, 2013, XXXV. 1813 p.
13. *Scharpf F.W.* The Asymmetry of European Integration or why the EU cannot be a "Social Market Economy". KFG Working Paper Series. № 6. Sept. 2009. URL: http://www.polsoz.fu-berlin.de/en/v/transformeurope/publications/working_paper/WP_06_September_Scharpf1.pdf, free.
14. *Citizens First 5/98*. Final Report. Flash Eurobarometr, № 62. EOS. Gallup Europe. 15/06/1998. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_62_en.pdf, free.
15. *Crude rate of net migration plus adjustment*. EU. Eurostat. 07.10.2014. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tsdde230>, free.
16. *Mobility of students in Europe*. Eurostat. 07.10.2014. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=0&language=en&pcode=tps00064>, free.
17. *Number of students by level of education, orientation, sex and NUTS 2 regions*. Eurostat. 12.11.2014. URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/setupDownloads.do>, free.
18. *Дериглазова Л.В.* Социальная политика в условиях расширения ЕС на Восток // Восточное направление процесса расширения ЕС: проблемы и перспективы / отв. ред. Е.Ю. Лицарева. Томск: Изд-во ТГУ, 2014.

Deriglazova Larisa V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dlarisa@inbox.ru

RESULTS OF THE FORMATION OF EUROPEAN UNION CITIZENSHIP IDENTITY), 1997–2014.

Keywords: European Union; EU citizenship; European identity.

Article aims to evaluate the results of the formation of EU citizenship and related civic identity among Europeans. The EU institutions, specifically European Commission paid special attention towards EU identity formation since the Maastricht Treaty introduced the EU citizenship and established the European Union in 1992. Lisbon treaty enforced the concept of the EU citizenship although it did not provide additional powers to supranational institutions, neither it guaranteed application of the European Union Charter of Human Rights. Many critics in Europe argue that the EU develops the concept of 'minimal state' according to liberal tradition of low state involvement towards citizen's affairs and their wellbeing. The constant concerns of democratic deficit in the EU reflects two issues: 1) low citizen's involvement into the decision-making on the EU level and 2) deterioration of social state in the most developed EU countries under concept of competitive market economy. The European Commission allocated additional funds to promote knowledge regarding rights of EU citizens in 1990s and 2000s and initiated several campaigns. Main concerns from the EU institutions were that EU citizens don't know well their rights and thus could not effectively use them in everyday life. The EU research agencies performed regularly public opinion polls to monitor the issue of the EU citizenship and the related identity. It is possible to compare results presented in recently published reports on EU citizenship with research literature on this issue and with other statistical data. The analysis of available data demonstrates that for the majority of Europeans EU identity is connected with national identity, which comes first. The majority of Europeans value the benefits that the EU brought about: peace and freedom of movement for people, goods and services, still economic aspects of EU performance were higher appreciated. Citizens from less developed EU countries would like to know more about their rights and the right to work in another EU country. The EU was the mostly positively evaluated by young people who still continue their studies, self-employed, managers and those, "who never had difficulties paying their bills". Thus we could conclude that the majority of Europeans perceive the EU according to its original goals: to secure peace among European countries and close economic cooperation. According to public opinion polls, young, educated and entrepreneurs Europeans highly support the EU development, what could be viewed as good base for optimism. At the same time, the growing gap in income within Europe would not disappear at once and this issue needs to be addressed by the EU institutions and by European society at whole.

REFERENCES

1. *EU Citizenship Report 2010. Dismantling the obstacles to EU citizens' rights*. European Commission. Available at: http://ec.europa.eu/justice/citizen/files/com_2010_603_en.pdf.
2. *European Citizenship. Standard Eurobarometer*. 2014, no. 81. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb81/eb81_citizen_en.pdf.
3. *The promise of the EU*. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/quali/ql_6437_en.pdf.
4. *INTUNE Project. Integrated and United: A Quest for Citizenship in an Ever Closer Europe*. Available at: <http://ukcatalogue.oup.com/category/academic/series/politics/intune.do>.
5. Sanders D., Magalhaes P., Toka G. (eds.) *Citizens and the European Polity: Mass Attitudes Towards the European and National Politics*. Oxford: Oxford University Press Publ., 2012.
6. Bayley P., Williams G. (eds.) *European Identity. What the Media Say*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
7. Best H., Lengyel G., Verzichelli L. (eds.) *The Europe of Elites. A Study into the Europeaness of Europe's Political and Economic Elites*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
8. Sanders D., Bellucci P., Tóka G., Torcal M. (eds.) *The Europeanization of National Politics? Citizenship and Support in a Post-Enlargement Union*.

- Oxford: Oxford University Press, 2012.
9. Hansen P., Hager S.B. *The Politics of European Citizenship: Deepening Contradictions in Social Rights and Migration Policy*. NY, Oxford: Berghahn Books, 2010.
 10. *Co-creating European Union Citizenship*. Available at: http://europa.eu/citizens-2013/sites/default/files/content/publication/RTD%20co-creating_eu_citizenship.pdf.
 11. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. *Official Journal of the European Union*. 2007, vol. 50. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2007:306:FULL&from=EN>.
 12. Blanke H., Mangiameli S. (eds.) *The Treaty on European Union (TEU): A Commentary*. Springer, 2013, XXXV, 1813 p.
 13. Scharpf F.W. The Asymmetry of European Integration or why the EU cannot be a "Social Market Economy". *KFG Working Paper Series*. 2009, no. 6. Available at: http://www.polsoz.fu-berlin.de/en/v/transforeurope/publications/working_paper/WP_06_September_Scharpf1.pdf, free.
 14. Citizens First 5/98. Final Report. *Flash Eurobarometr*, no. 62. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_62_en.pdf.
 15. Crude rate of net migration plus adjustment. *EU Eurostat*, 2014, 7th October. Available at: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&plugin=1&language=en&pcode=tsdde230>.
 16. Mobility of students in Europe. *EU Eurostat*, 2014, 7th October. Available at: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=0&language=en&pcode=tps0006417>. Number of students by level of education, orientation, sex and NUTS 2 regions. *Eurostat*, 2014, 12th November. Available at: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/setupDownloads.do>.
 18. Deriglazova L.V. *Sotsial'naya politika v usloviyakh rasshireniya ES na Vostok* [Social policy under the EU expansion to the East]. In: Litsareva E.Yu. (ed.) *Vostochnoe napravlenie protsessa rasshireniya ES: problemy i perspektivy* [East direction the EU enlargement process: problems and prospects]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2014.

РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВВЕДЕНИЕ ПЛАТЫ ЗА ОБУЧЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1998–2010 гг.

Рассматриваются причины введения платы за высшее образование в Великобритании начиная с Закона об образовании 1998 г. и заканчивая реформами 2010 г. Исследование опирается на официальные документы, законы, доклады и аналитические статьи, которые помогают понять суть проблемы исследования. Использование статистики позволяет показать целостную картину системы высшего образования и выявить причины введения платы за высшее образование Великобритании. Также рассматриваются различные подходы партий по решению данного вопроса.

Ключевые слова: Великобритания; плата за обучение; высшее образование.

Высшее образование – это неотъемлемая составляющая социальной политики, которая гарантирует стабильность в обществе и затрагивает каждого его члена. С 1990-х гг. введение платы за высшее образование приобрело масштабный характер. Великобритания наряду с другими странами, такими как Австралия, Новая Зеландия, Кения, Венгрия, Китай, ввела плату за обучение. Несомненно, данная образовательная реформа имела общие тенденции: требования высших учебных заведений возрастали, а бюджет государства оставался ограниченным. Однако система образования каждой страны имела свои специфические особенности, которые влияли на формирование политики государства в данной сфере деятельности.

Высшее образование в Великобритании являлось бесплатным, но с принятием «Закона о школьном и высшем образовании» 1998 г. ситуация изменилась. Каковы были причины и последствия введения платы за высшее образование Великобритании и могло ли государство избежать введения платы за высшее образование? Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо рассмотреть сложившуюся ситуацию в сфере высшего образования накануне парламентских выборов 1997 г.; проанализировать статистические данные по высшему образованию Великобритании (число студентов, число иностранных студентов, доля государственного финансирования, размер оплаты за высшее образование); а также проанализировать суть образовательных реформ начиная с закона 1998 г. и заканчивая недавними изменениями 2010 г. Для ответа на поставленные вопросы были привлечены соответствующие документы, доклады и законы Великобритании¹. Доклад Диринга [1], «Закон о школьном и высшем образовании 1998 г.» (The Teaching and Higher Education Act of 1998) [2], Белая книга «Будущее высшего образования» (The White Paper, the Future of Higher Education) [3], «Закон о высшем образовании» 2004 г. (The Higher Education Act of 2004) [4], Доклад Брауна (Browne Review) [5]. Особое внимание хотелось бы уделить последнему документу, автором которого является Джон Браун, английский бизнесмен и член Палаты лордов. Этот доклад обосновал дальнейшее повышение платы за обучение и вызвал волну протестов

среди молодежи. Основным источником информации являлись официальный сайт парламента Великобритании, официальные сайты лейбористской и консервативной партий, а также сайт Министерства образования Великобритании, где представлены статистические данные, доклады, выступления и брифинги официальных лиц.

Также внимания заслуживают либеральная газета «The Guardian» и правоцентристская газета «The Daily Telegraph», в которых представлены разные мнения на одну и ту же проблему. Несколько аналитических статей, таких как «Политический форум: финансирование высшего образования. Уроки Англии» (Policy Forum: Financing Higher Education – Lessons from England) [6], «Доклад Диринга и ответ правительства: критика» (The Dearing Report and the government's response: a critique) [7], «Финансирование высшего образования в Великобритании: роль платы за обучение и займов» (Funding Higher Education in the UK: the Role of Fees and Loans) [8], были взяты из журнала «Journal of Common Market Studies». Данные статьи содержали аналитическую информацию и послужили опорой для написания работы. Статья «Влияние платы за обучение и поддержка по участию университетов в Великобритании», принадлежащей группе профессоров университетов Великобритании («The Impact of Tuition Fees and Support on University Participation in the UK» Lorraine Dearden L., Fitzsimons E., Wyness G.) [9], позволила систематизировать основные события, связанные с введением платы за образование в сфере высшего образования Великобритании.

Для анализа ситуации в высших учебных заведениях Великобритании до и после реформы 2010 г. была использована статистика, предоставленная Статистическим агентством по высшему образованию Великобритании (Higher Education Statistics Agency, HESA) [10]. Эта база данных предоставляет информацию о числе поступающих студентов в разные периоды времени и о финансовых аспектах высшего образования.

Закон о школьном и высшем образовании 1998 г. В 1997 г. в Великобритании лейбористская партия сформировала правительство, принципами которого являлись сильная роль государства в экономике, лик-

видация общественного неравенства, поддержка социальных программ в области образования и здравоохранения [11].

В своей предвыборной кампании лейбористская партия особое внимание уделяла вопросам образования, и особенно высшего. Программа партии критиковала консерваторов и выдвигала ряд предложений по высшему образованию, основой которых был доклад Диринга, канцлера из Университета Ноттингема. В докладе приведены ссылки на более ранние инициативы в этой области – обзор 1960 г., когда был создан комитет по высшему образованию под председательством лорда Роббинса. В главе 14, посвященной финансовым и экономическим аспектам высшего образования, говорилось о том, что государственные затраты на высшее образование увеличиваются с каждым годом и необходимо ответить на вопрос: сможет ли государство и дальше полностью финансировать высшее образование [12].

Доклад Диринга продолжил обсуждение этих вопросов и предложил конкретные меры для решения проблем. Закон был инициирован еще консервативной партией перед проведением парламентских выборов 1996 г. Согласно заключению Комитета, количество студентов возросло, высшее образование стало играть важную роль в жизни многих британцев в экономике и обществе, поэтому эта сфера деятельности должна быть предметом широкого обсуждения [1].

Доклад Диринга содержал 93 рекомендации, ключевыми являлись те, которые предлагали меры по проверке качества образования, обеспечению его доступности и финансирования. Необходимо было повысить уровень профессионализма университетского преподавания, внедрить технологии в повседневную образовательную жизнь, открыть дополнительные фонды для привлечения молодежи из неблагополучных семей, классифицировать студенческие долги, усовершенствовать систему займов.

Однако самой радикальной рекомендацией доклада являлось предложение о введении платы за высшее образование в размере 1 000 фунтов стерлингов в год [13]. Предлагалось создать специальный финансовый механизм к 1998/99 учебному году, который вводил оплату в зависимости от доходов студентов: систему платы за образование и систему займов. Также предусматривалась скидка на предоплату и умеренная процентная ставка для тех, кто не может оплатить обучение сразу [14]. В результате ответ на вопрос, который был поставлен в докладе Роббинса, получил «ответ» в докладе Диринга. Государство приняло решение финансировать высшее образование за счет платы за обучение.

Приведем статистические данные о числе студентов и объемах государственного финансирования в Великобритании в 1960–1990-е гг. Число студентов в это время выросло в 5 раз (рис. 1), а государственное финансирование оставалось на прежнем уровне (рис. 2).

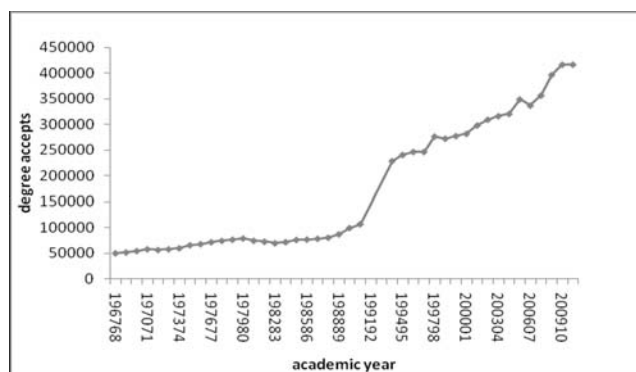

Рис. 1. Количество студентов в высших учебных заведениях в 1967–2010 гг. [39]

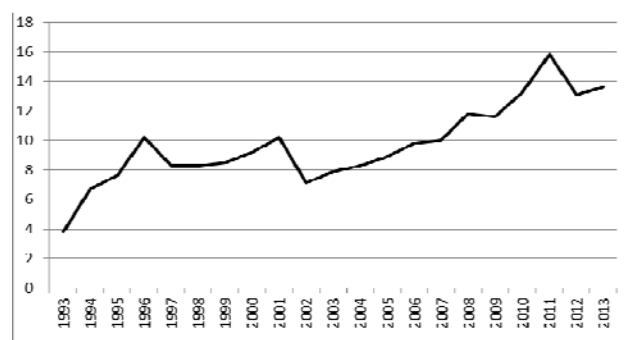

Рис. 2. Государственные расходы на высшее образование в 1993–2013 гг., млрд. фунтов стерлингов [40]

Стоит отметить, что 1996–1997 гг. были кризисными в высшем образовании Великобритании, и именно в это время шло сокращение финансирования университетов и научных исследований, а затраты государства на одного студента достигли самого низкого уровня за рассматриваемый период [13]. Проиллюстрируем эти тенденции, совместив графики на рис. 1 и 2 за 1993–2010 гг. (рис. 3).

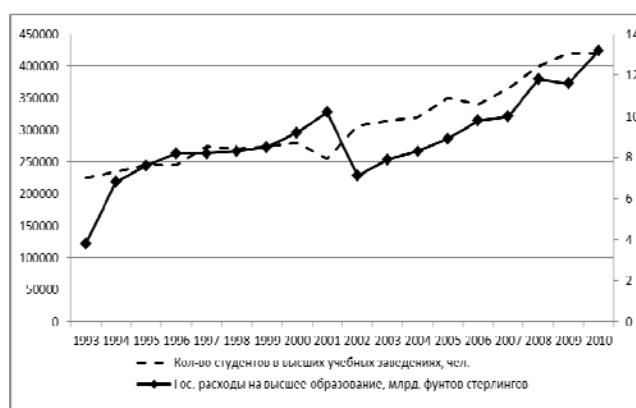

Рис. 3. Соотношение графиков на рис. 1 и 2 (с 1993 по 2010 г.)

Отмена принципа получения бесплатного образования вызвала волну недовольства не только среди молодежи, но и среди членов лейбористской партии. Бывший министр образования Тэд Шорт заявил, что «ему стыдно быть членом данной партии» [15]. Сложившаяся ситуация вызвала дискуссию в университетских

кругах, среди экономистов. Аргументы сторонников введения платы за образование можно суммировать следующим образом: 1) высшее образование не может быть массовым; 2) зарплата выпускников университетов выше, чем зарплата неквалифицированной рабочей силы, поэтому плату за образование можно считать инвестицией в свое будущее; 3) аспиранты, студенты вечернего отделения, а также иностранные студенты всегда платили за обучение, поэтому введение платы для студентов дневной формы обучения не являлось такой уж «радикальной» мерой [7. С. 9]. Доклад Диринга подчеркивал, что не только студенты, но и сами университеты нуждаются в увеличении финансирования из-за расширения круга исследований, требующих больших затрат [8. С. 164]. Среди отрицательных последствий введения платы за обучение назывались следующие: 1) опасения университетов за свой статус, так как плата за образование являлась одинаковой как для элитных университетов типа Оксфорда, так и для местных технических колледжей [7. С. 14]; 2) введение платы за обучение могло бы оттолкнуть молодежь из семей с низкими доходами.

Лейбористская партия учла рекомендации доклада Диринга и одобрила предложенный механизм введения платы за обучение. Согласно «Закону о преподавании и высшем образовании» 1998 г. была введена плата за обучение и отменена система грантов². Такое решение было обосновано тем, что многие студенты не имели возможности оплатить займы (беспроцентные ссуды для студентов), которые фактически превращались в гранты. Таким образом, лейбористская партия намеревалась усовершенствовать систему займов. Закон также распространялся на школьное образование: было увеличено число учителей и вспомогательного персонала, активизированы целевые фонды и инициативы, направленные на поддержание учащихся из неблагополучных семей [16].

Плата за обучение для студентов дневного отделения зависела от дохода семьи, которые были определены в три группы: 1) студенты из семей, где годовой доход был менее 23 тыс. фунтов стерлингов, освобождались от оплаты; 2) студенты из семей с годовым доходом 23–35 тыс. фунтов стерлингов платили по «плавающей» шкале; 3) студенты из семей с годовым доходом более 35 тыс. фунтов стерлингов платили в полном объеме с учетом инфляции, т.е. 1 000 фунтов стерлингов в год [17]. Согласно официальной статистике, в 1998/99 учебном году 41,6% бюджета университетов обеспечивалось за счет платы за обучение (standard fees) и 12,4% – за счет «плавающей» шкалы платы за обучение (non-standard fees) [18. С. 6]. Таким образом, почти половина студентов продолжала получать образование бесплатно, и такая система действовала до 2006 г.

В предвыборной кампании 2001 г. лейбористы заявили о том, что образование является приоритетным направлением, и обещали, что плата за обучение оста-

нется прежней [19]. Либерально-демократическая партия выступала также за сохранение существующей системы оплаты, но с восстановлением системы грантов. Консерваторы говорили о необходимости отмены платы за высшее образование. Однако после победы на выборах лейбористская партия вновь не сдержала свое обещание. Причиной этого было сильное давление университетов, особенно со стороны престижных институтов Великобритании (так называемая группа «Рассела»), которые требовали повышения платы за образование [20]. Британские университеты все еще испытывали недостаток финансирования, что ставило под угрозу качество образования и их конкурентоспособность [9. С. 10]. Согласно статистике, Великобритания имела один из самых низких показателей по уровню расходов от ВВП страны на высшее образование (около 1%) по сравнению с другими странами Организации экономического сотрудничества и развития, такими как Южная Корея (около 2,5%), США (около 2,3%), Австралия (около 1,6%) [8. С. 153].

В январе 2003 г. была опубликована Белая книга «Будущее высшего образования», в которой правительство изложило свои предложения по реформе высшего образования, его финансированию и модификации системы поддержки студентов. Университетам предлагалось увеличить плату до 3 000 фунтов стерлингов в год, вернуть систему грантов и стипендий, а также разработать специальный пакет мер по поддержке студентов из семей с низким доходом для того, чтобы высшее образование оставалось доступным. Справедливости ради стоит отметить, что университеты требовали повышения платы намного выше, чем было предложено правительством. Были предложены такие варианты, связанные с финансированием университетов, как, например, введение налога на выпускников (graduate tax) или увеличение единой ставки платы за образование (flat rate increase in fees). Введение налога на выпускников имело практические трудности, так как могла возникнуть ситуация, что зарплаты квалифицированного и неквалифицированного работника могли сравняться из-за того, что выпускник помимо основного налога должен был бы платить еще один дополнительный налог [21]. Второй вариант не был поддержан университетами Великобритании, которые посчитали, что данная реформа не принесет необходимых средств, хотя значительная часть парламента выступала за принятие данного законопроекта [3. С. 52].

После публикации Белой книги внутри лейбористской партии произошел раскол по вопросу студенческих долгов и доступности высшего образования. «Закон о высшем образовании» 2004 г. был принят минимальным большинством, так как он получил лишь на пять голосов больше, чем его противники [15]. Закон повысил плату за обучение до 3 000 фунтов стерлингов в год, кроме того, начиная с 2006/2007 учебного года, университеты могли сами устанавливать размер платы

за обучение независимо от достатка родителей студентов. Каждый студент мог претендовать на беспроцентную ссуду для того, чтобы покрыть расходы на обучение [22]. Таким образом, государство смогло увеличить свои расходы на образование за счет повышения платы на 15,7% в 2006/07 учебном году [23].

Приведем графики, которые показывают изменения в плате за обучение (fee), займах (loan) и грантах (grant) на получение высшего образования в 1992–2008 гг. Для семей с низким доходом образование до 2005/06 учебного года являлось бесплатным (рис. 4), для семей со средним доходом плата за образование на период с 1997/98 по 2005/06 учебные годы не превышала 1 000 фунтов стерлингов (рис. 5).

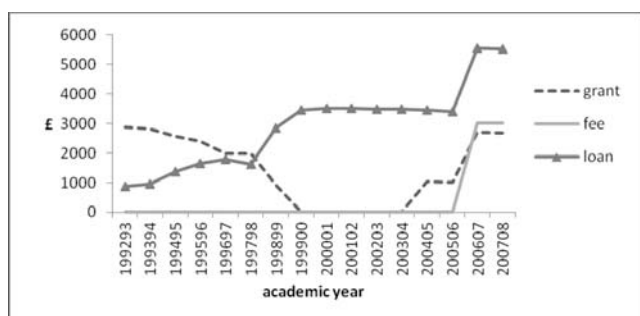

Рис. 4. Плата за обучение студентов из семей с низкими доходами

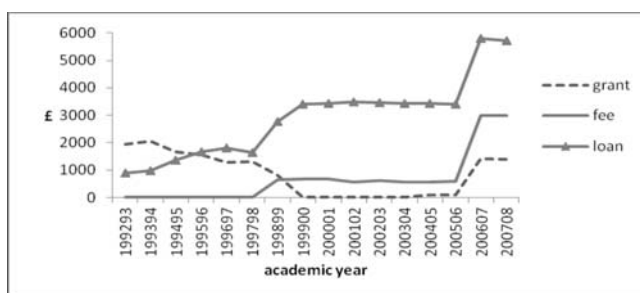

Рис. 5. Плата за обучение студентов из семей со средними доходами

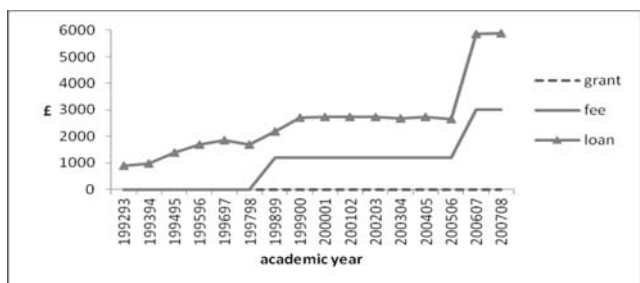

Рис. 6. Плата за обучение студентов из семей с высокими доходами [41]

Семьи с низким доходом имели больше возможностей использовать гранты, чем семьи со средним доходом, однако право на займы было почти равным у обеих категорий семей. Стоит обратить внимание, что после закона 2004 г. более активно стали давать зай-

мы и гранты для всех семей, так как плата за обучение стала составлять 3 000 фунтов стерлингов независимо от дохода родителей. Однако для студентов из семей с высокими доходами система грантов практически не доступна, что показано на рис. 6.

Образовательная реформа 2010 г. В 2010 г. было сформировано коалиционное правительство либералов и консерваторов во главе с премьер-министром Дэвидом Кэмероном. Новому правительству необходимо было решить проблему дефицита госбюджета. Осенью 2010 г. правительство запланировало следующие меры: 1) сократить расходы на высшее образование (за исключением расходов на научные исследования) с 7,1 до 4,2 млрд фунтов стерлингов к 2014 г. [24]; 2) повысить эффективность и качество высшего образования; 3) повысить участие студентов в управлении высшим образованием. Осенью 2010 г. был опубликован доклад Брауна «Обеспечение устойчивого будущего высшего образования» (Securing a Sustainable Future for Higher Education), в котором были предложены некоторые меры по решению проблем высшего образования. Главная рекомендация доклада сводилась к тому, чтобы убрать «потолок» платы за обучение. Предлагалось, что университеты должны будут сами назначать плату за обучение, а студенты будут погашать кредиты после завершения обучения и при условии, что их заработная плата будет превышать 21 тыс. фунтов стерлингов [5. С. 6]. Любой долг, не погашенный в течение 30 лет, предполагалось списать. Займы оставались также доступными для всех студентов. Предусматривалось, что финансирование грантов уменьшится как для семей с низким доходом, там и для семей со средним доходом.

Коалиционное правительство неоднозначно отнеслось к предложениям, высказанным в докладе. Либерально-демократическая партия заявила о необходимости отменить платы, в то время как консервативная и лейбористская партии придерживались другого мнения [25. С. 43]. 9 декабря 2010 г. в парламенте прошло голосование по максимальному размеру взимания оплаты за обучение, в итоге был принят закон, по которому максимальная плата составила 9 тыс. фунтов стерлингов за год. Как и ожидалось, консервативная и лейбористская партии поддержали законопроект, в либерально-демократической партии мнения разделились [26]. До голосования прошла крупная студенческая забастовка, в которой приняли участие десятки тысяч человек. Нападению подверглись университетские аудитории, автомобиль принца Чарльза и штаб-квартира консервативной партии. В забастовке участвовали не только студенты, но и преподаватели, которые считали, что образование все больше превращается в бизнес [27]. Согласно исследованиям молодежного парламента Великобритании, 95% опрошенных до 18 лет были против повышения платы [28. С. 1]. Неудивительно, что студенческие волнения прошли по всей стране.

Тем не менее все 123 высших учебных заведения Англии заявили о том, что они намерены установить плату за высшее образование в сумме не меньше 6 тыс. фунтов стерлингов. В 2012 г. около 60 университетов ввели максимальный потолок взимания платы за обучение в 9 тыс. фунтов стерлингов [29]. Такая реакция университетов вполне объяснима, так как законопроект предусматривал и то, что выпускники, зарабатывающие меньше 21 тыс. фунтов стерлингов (по закону 2004 г. менее 15 тыс. фунтов стерлингов), освобождаются от погашения займов [6. С. 618]. В эти годы правительство также продолжало сокращать финансирование научных исследований и инноваций. Согласно официальным данным, в 2010–2011 гг. расходы на науку и инновации составляли 2,056 млн фунтов стерлингов, в 2011–2012 гг. они уменьшились до 1,790 млн фунтов стерлингов [30. С. 12].

Образовательная реформа 2010 г. имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Согласно статистике в 2012–2013 гг. общее число студентов (бакалавров, магистров и аспирантов) составило 2 340 275 человек [31]. Плата за обучение покрывает потребности вузов, поскольку государственный сектор не способен полностью финансировать потребности университетов. В 2012–2013 гг. около 40% (11,7 млрд фунтов стерлингов) доходов вузов Великобритании шло за счет платы за обучение [32]. С другой стороны, повышение платы привело к уменьшению числа студентов на 6% с 2011–2012 по 2012–2013 гг. [33]. Кроме того, постоянно растет задолженность студентов перед государством.

Отвечая на вопрос о причинах введения платы за образование, хочется подчеркнуть, что у государства были основания для этого. В 1990-е гг. стало очевидно, что высшее образование нуждается в реформировании и дополнительных средствах для развития. Доклад Диринга был первым этапом обсуждения этих проблем при активном участии консервативной партии, однако фактически реформы были осуществлены при лейбористском правительстве, что показывает наличие согласия между партиями-конкурентами по данному вопросу. Во-вторых, стоит отметить, что университеты оказывали колоссальное влияние на содержание и реализацию реформ. Ни одна реформа не была проведена

без участия высших учебных заведений. Университеты являлись сторонниками введения платы за обучение, и государству приходилось искать «золотую середину» между интересами студентов и университетов. Кроме того, высшее образование Великобритании должно было выйти на мировой уровень, привлекать иностранных студентов качеством своего образования. Для того чтобы быть конкурентоспособными, университеты должны были иметь дополнительные источники финансирования для развития научных исследований, проектов и поддержания необходимой инфраструктуры. Число иностранных студентов, обучавшихся в Великобритании в 2012/13 академическом году, составило 425 265 человек [34]. Великобритания занимает второе место после США по числу иностранных студентов [35. С. 5].

В-третьих, введение платы за обучение нужно рассматривать одновременно с системой грантов и займов. Осуществляя реформы правительства, пытались создать сбалансированную систему, в которой плата за обучение не оказалась бы препятствием для получения образования, но обеспечивала бы необходимое финансирование университетам.

Отвечая на вопрос «Можно ли было избежать введения платы за образование?», хочется отметить, что ситуация в высшем образовании требовала модернизации. Несмотря на предвыборные обещания лейбористской партии, ей не удалось сдержать слова. Вероятнее всего, плата за обучение была бы введена и в случае победы консервативной партии. Однако лейбористская партия осознавала свою ответственность за эти перемены, многие депутаты ощущали чувство вины, а министр образования Дэвид Бланкетт вошел в историю как человек, отменивший бесплатное высшее образование в Великобритании. Реформирование высшего образования не закончилось, и обсуждение данного вопроса продолжается. Еще рано говорить об успешности образовательной реформы 2010 г. Теневой кабинет, сформированный лейбористской партией после парламентских выборов 2010 г., предлагает сокращение платы за высшее образование до 6 тыс. фунтов стерлингов [36]. Однако коалиционное правительство относится к данному заявлению скептически, видя в этом попытки заручиться поддержкой населения на выборах в 2015 г. [37].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стоит уточнить, что рассмотренные доклады и законы касаются всей системы высшего образования Великобритании, однако в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии образовательные реформы осуществлялись с учетом региональных особенностей. Данная работа сосредоточена, главным образом, на системе английских высших учебных заведений.

² Средства, которые безвозмездно выделяются органом государственной власти с целью оказания финансовой помощи студенту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dearing Report* // Palinurus. 2005. URL: <http://www.leeds.ac.uk/educol/ncihe/> (access date: 10.04.2014).
2. *The Teaching and Higher Education Act of 1998* // legislation.gov.uk. London, 1998. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/30/pdfs/ukpga_19980030_en.pdf (access date: 10.03.2014).
3. *The future of higher education* // GOV.UK. London, 1998. URL: http://www.bis.gov.uk/assets/BISCore/corporate/MigratedD/publications/F/future_of_he.pdf (access date: 30.05.2014).

4. *The Higher Education Act of 2004* // legislation.gov.uk. London, 1998. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/30/pdfs/ukpga_19980030_en.pdf (access date: 10.03.2014).
5. *Securing a Sustainable Future for Higher Education* // GOV.UK. London, 1998. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/31999/10-1208-securing-sustainable-higher-education-browne-report.pdf (access date: 11.03.2014).
6. Barr N. Policy Forum: Financing Higher Education – Lessons from England. // Canadian Tax Journal. 2012. P. 611–620.
7. Barr N. The Dearing Report and the government's response: a critique / N. Barr, I. Crawford // LSE Research Online. London, 2008. URL: http://eprints.lse.ac.uk/283/1/Barr_1998b_POLQTR3.PAP.pdf (access date: 30.05.2014).
8. Greenaway D. Funding Higher Education in the UK: the Role of Fees and Loans / D. Greenaway, M. Haynes // Electronics and Computer Science. Southampton, 2000. URL: <http://users.ecs.soton.ac.uk/nmg/1468-0297.00102.pdf> (access date: 30.05.2014).
9. Lorraine Dearden L. The Impact of Tuition Fees and Support on University Participation in the UK / L. Lorraine Dearden, E. Fitzsimons, G. Wyness // Institute of Fiscal Studies. London, 1999. URL: <http://www.ifs.org.uk/wps/wp1117.pdf> (access date: 13.03.2014).
10. Higher Education Statistics Agency. London, 1993. URL: <http://www.hesa.ac.uk/> (access date: 11.03.2014).
11. *Политпросвет*. London, 2012–2013. URL: <http://politprosvet.net/leiboristskaya-partia-velikobritanii.html> (дата обращения: 16.03.2014).
12. *Report of the Committee appointed by the Prime Minister under the Chairmanship of Lord Robbins* // Education in England. London, 1998. URL: <http://www.educationengland.org.uk/documents/robbins/robbins1963.html#14> (access date: 11.03.2014).
13. Crace J. The right prescription? / J. Crace, J. Shepherd // The Guardian. London, 1995. URL: <http://www.theguardian.com/education/2007/jul/24/highereducation.tuitionfees> (access date: 11.03.2014).
14. *The Dearing Report* // BBC. Politics 97. London, 1997. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/special/politics97/news/07/0723/dearbrief.shtml> (access date: 13.03.2014).
15. *Tuition fees: How it divided Labour* // BBC. News. London, 1997. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/education/7928436.stm (access date: 30.05.2014).
16. Lupton R. Labour's Record on Education: Policy, Spending and Outcomes 1997–2010 / R. Lupton, P. Obolenskaya // The London School of Economics and Political Science. London, 2005. URL: <http://sticerd.lse.ac.uk/dps/case/spcc/wp03.pdf> (access date: 30.05.2014).
17. *Student tuition fees: costly changes* // BBC. News. London, 1997. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/education/the_state_of_education/86754.stm (access date: 13.03.2014).
18. *Resources of Higher Education Institutions 1998/99* // Higher Education Statistics Agency. London, 1993. URL: http://www.hesa.ac.uk/dox/pubs_archive/resources_1998-99_introduction.pdf (access date: 13.03.2014).
19. 2001 Labour Party General Election Manifesto // The UK's Labour Party. London, 1999–2001. URL: <http://www.labour-party.org.uk/manifestos/2001/2001-labour-manifesto.shtml> (access date: 13.03.2014).
20. *Tuition fees* // politics.co.uk. London, 1998. URL: <http://www.politics.co.uk/reference/tuition-fees> (access date: 30.05.2014).
21. *Tuition fees in higher education* // UCU. London, 2006. URL: <http://www.ucu.org.uk/4626> (access date: 30.05.2014).
22. *All change* // The Guardian. London, 1995. URL: <http://www.theguardian.com/money/2005/aug/04/highereducation.politics> (access date: 15.03.2014).
23. *Resources of Higher Education Institutions 2007/08* // Higher Education Statistics Agency. London, 1993. URL: <http://www.hesa.ac.uk/content/view/3081/251/1/1/> (access date: 13.03.2014).
24. *Urgent reforms to higher education funding and student finance* // GOV.UK. London, 1998. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32410/10-1309-interim-impact-assessment-he-funding-and-student-finance.pdf (access date: 15.03.2014).
25. Hubble S. Paying for higher education. London, 1998. URL: http://www.parliament.uk/documents/commons/lib/research/key_issues/Key%20Issues%20Paying%20for%20higher%20education.pdf (access date: 11.03.2014).
26. *University Tuition Fee Cap – Raise Upper Limit to £9,000 Per Year* // The Public Whip. London, 2003. URL: <http://www.publicwhip.org.uk/division.php?date=2010-12-09&number=150> (access date: 15.03.2014).
27. Ерѣмина Д. Почем фунт знаний. Как английские вузы стали самыми дорогими в Европе // Lenta.ru. М., 1999. URL: <http://lenta.ru/articles/2014/02/06/britain>, свободный (дата обращения: 10.03.2014).
28. *Response to the Review of Higher Education and Student Finance in England* // Harry Carter, Sheffield MYP. London, 2009. URL: <http://harrymyp.files.wordpress.com/2011/03/response-to-the-review-of-higher-education-and-student-finance-in-england-october-2010.pdf> (access date: 15.03.2014).
29. *Tuition fees 2012: what are the universities charging?* // The Guardian. London, 1995. URL: <http://www.theguardian.com/news/datablog/2011/mar/25/higher-education-universityfunding> (access date: 14.04.2014).
30. *Higher education funding for 2011-12 and beyond* // GOV.UK. London, 1998. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32406/10-1359-hefce-grant-letter-20-dec-2010.pdf (access date: 15.03.2014).
31. *Students in 2012/13* // Higher Education Statistics Agency. London, 1993. URL: http://www.hesa.ac.uk/index.php?option=com_content&task=view&id=1897&Itemid=239 (access date: 15.03.2014).
32. *Sources of income 2012/13* // Higher Education Statistics Agency. London, 1993. URL: http://www.hesa.ac.uk/index.php?option=com_content&task=view&id=1900&Itemid=239 (access date: 15.03.2014).
33. *Higher education student enrolments and qualifications obtained at higher education institutions in the united kingdom for the academic year 2012/13* // Higher Education Statistics Agency. London, 1993. URL: http://www.hesa.ac.uk/index.php?option=com_content&task=view&id=3103&Itemid=161 (access date: 15.03.2014).
34. *UK Council for International Students Affairs* // UKCISA London, 2010. URL: [http://www.ukcisa.org.uk/Info-for-universities-colleges-schools/Policy-research--statistics/Research--statistics/International-students-in-UK-HE/#International-\(non-UK\)-students-in-UK-HE-in-2012-13](http://www.ukcisa.org.uk/Info-for-universities-colleges-schools/Policy-research--statistics/Research--statistics/International-students-in-UK-HE/#International-(non-UK)-students-in-UK-HE-in-2012-13) (access date: 15.03.2014).
35. *International Education – Global Growth and Prosperity: an Accompanying Analytical Narrative* // GOV.UK. London, 1998. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/229845/bis-13-1082-international-education-accompanying-analytical-narrative.pdf (access date 14.03.2014).
36. *Labour may cut students' tuition fees to £6,000 a year* // The Guardian. London, 1995. URL: <http://www.theguardian.com/education/2014/mar/30/labour-cut-student-tuition-fees-6000-a-year> (access date: 30.05.2014).
37. *Miliband's promise of a "radical offer" on tuition fees is a major policy hint* // Newstatesman. London, 1998. URL: <http://www.newstatesman.com/politics/2014/03/milibands-promise-radical-offer-tuition-fees-major-policy-hint> (access date: 30.05.2014).
38. *Public Spending in the United Kingdom*. London, 2009. URL: http://www.ukpublicspending.co.uk/year_spending_1990UKbn_13bc1n_232024#ukgs302 (access date: 11.03.2014).
39. *All UK-domiciled HE students* (Higher Education Statistics Agency – HESA). Lorraine Dearden L. The Impact of Tuition Fees and Support on University Participation in the UK // Institute of Fiscal Studies. London, 1999. URL: <http://www.ifs.org.uk/wps/wp1117.pdf> (access date: 13.03.2014).
40. *Public Spending Details*. Public Spending in the United Kingdom. London, 2009. URL: http://www.ukpublicspending.co.uk/year_spending_1990UKbn_13bc1n_232024#ukgs302 (access date: 11.03.2014).
41. *Fee liability and grant and loan eligibility* (Higher Education Statistics Agency – HESA). Lorraine Dearden L. The Impact of Tuition Fees and Support on University Participation in the UK // Institute of Fiscal Studies. London, 1999. URL: <http://www.ifs.org.uk/wps/wp1117.pdf> (access date: 13.03.2014).

Goncharova Daria S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: daru-ya93@mail.ru

INTRODUCTION OF TUITION FEES FOR HIGHER EDUCATION IN THE UNITED KINGDOM, 1998–2010.

Keywords: the United Kingdom; tuition fees; higher education.

This article examines the reasons for the introduction of tuition fees in the system of higher education in Great Britain, starting with the Teaching and Higher Education Act of 1998 and ending with the reforms of 2010. Relevance of the work lies in the fact that education is a sensitive sector of any state, it is also a guarantee of stability in society. I have chosen the UK education system because I tend to think this is a bright example of how the government is gradually shifting from free to paid education, making this process less painful. Education was free in the UK until 1998, logically the following questions arise: what were the causes and consequences of the introduction of tuition fees in the UK system of higher education? And could the government avoid the introduction of fees for higher education? To answer these questions it is necessary to review the situation in the field of higher education on the eve of the parliamentary election in 1997; to analyze statistical data on the UK higher education (the number of students, the number of foreign students, the proportion of public funding, the amount of payment for higher education); and to analyze the essence of educational reforms in the period from 1998 to 2010. Official documents, laws, and reports were used within the framework of this article. Furthermore, the official statistics were provided by the Higher Education Statistics Agency (HESA) in order to analyze the situation in the UK system of higher education institutions before and after the reform in 2010. In addition, newspapers and analytical articles of leading experts were used to study various points of view on this issue. They helped to organize major events associated with the introduction of tuition fees for higher education in the UK as well. It is worth highlighting that the official website of the Ministry of Education played an important role because it includes not only statistical data but also reports, speeches and briefings. The methodology was based on the principle of comparison and principle of analyzing documents. The work given is divided into three parts. The first chapter is devoted to analysis of election campaigns of Labour and Conservative parties, the Dearing report, the Teaching and Higher Education Act of 1998, the Higher Education Act of 2004. This part tries to describe the mechanisms of the balanced system of tuition fees which take into consideration the work of grants and loans as well. Moreover, this section contains graphs that illustrate the situation in the UK before and after the crisis in higher education. The second chapter focuses on the educational reform of 2010, as well as on Browne Review «Securing a Sustainable Future for Higher Education» which explain why the coalitional government of Great Britain increased tuition fees. And the third part concerns directly the conclusions of this work and answers to formulated questions.

REFERENCES

1. *Dearing Report*. Available at: <http://www.leeds.ac.uk/educol/ncihe/>. (Accessed : 10th October 2014).
2. *The Teaching and Higher Education Act of 1998*. Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/30/pdfs/ukpga_19980030_en.pdf. (Accessed 10th March, 2014).
3. *The future of higher education*. Available at: http://www.bis.gov.uk/assets/BISCore/corporate/MigratedD/publications/F/future_of_he.pdf. (Accessed 30th May, 2014).
4. *The Higher Education Act of 2004*. Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/30/pdfs/ukpga_19980030_en.pdf. (Accessed 10th March, 2014).
5. *Securing a Sustainable Future for Higher Education*. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/31999/10-1208-securing-sustainable-higher-education-browne-report.pdf. (Accessed 11th March, 2014).
6. Barr N. Policy Forum: Financing Higher Education — Lessons from England. *Canadian Tax Journal*, 2012, pp. 611-620.
7. Barr N. *The Dearing Report and the government's response: a critique*. Available at: http://eprints.lse.ac.uk/283/1/Barr_1998b_POLQTR3.PAP.pdf. (Accessed: 30th May 2014).
8. Greenaway D. *Funding Higher Education in the UK: the Role of Fees and Loans*, Available at: <http://users.ecs.soton.ac.uk/nmg/1468-0297.00102.pdf>. (Accessed: 30th May 2014).
9. Lorraine Dearden L. *The Impact of Tuition Fees and Support on University Participation in the UK*. Available at: <http://www.ifs.org.uk/wps/wp1117.pdf>. (Accessed: 13th May 2014).
10. *Higher Education Statistics Agency*. Available at: <http://www.hesa.ac.uk/>. (Accessed: 11th March 2014).
11. *Politprosvet*. Available at: <http://politprosvet.net/leiboristskaya-partia-velikobritanii.html>. (Accessed: 16th March 2014).
12. *Report of the Committee appointed by the Prime Minister under the Chairmanship of Lord Robbins*. Available at: <http://www.educationengland.org.uk/documents/robbins/robbins1963.html#14>. (Accessed: 11th March 2014).
13. Crace J. The right prescription? *The Guardian*, 1995. Available at: <http://www.theguardian.com/education/2007/jul/24/highereducation.tuitionfees>. (Accessed: 11th March 2014).
14. *The Dearing Report*. BBC. *Politics* 97. Available at: <http://www.bbc.co.uk/news/special/politics97/news/07/0723/dearbrief.shtml>. (Accessed: 13th March 2014).
15. *Tuition fees: How it divided Labour*. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/education/7928436.stm. (Accessed: 30th March 2014).
16. Lupton R. *Labour's Record on Education: Policy, Spending and Outcomes 1997-2010*. In: Lupton R., Obolenskaya P. *The London School of Economics and Political Science*. Available at: <http://sticerd.lse.ac.uk/dps/case/spcc/wp03.pdf>. (Accessed: 30th March 2014).
17. *Student tuition fees: costly changes*. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/education/the_state_of_education/86754.stm. (Accessed: 13th March 2014).
18. *Resources of Higher Education Institutions 1998/99*. Available at: http://www.hesa.ac.uk/dox/pubs_archive/resources_1998-99_introduction.pdf. (Accessed: 13th March 2014).
19. *2001 Labour Party General Election Manifesto*. Available at: <http://www.labour-party.org.uk/manifestos/2001/2001-labour-manifesto.shtml>. (Accessed: 13th March 2014).
20. *Tuition Fees*. Available at: <http://www.politics.co.uk/reference/tuition-fees>. (Accessed: 30th March 2014).
21. *Tuition fees in higher education*. Available at: <http://www.ucu.org.uk/4626>. (Accessed: 30th March 2014).
22. All change. *The Guardian*. Available at: <http://www.theguardian.com/money/2005/aug/04/highereducation.politics>. (Accessed: 15th March 2014).
23. *Resources of Higher Education Institutions 2007/0*. Available at: <http://www.hesa.ac.uk/content/view/3081/251/1/1/>. (Accessed: 13th March 2014).
24. *Urgent reforms to higher education funding and student finance*. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32410/10-1309-interim-impact-assessment-he-funding-and-student-finance.pdf. (Accessed: 15th March 2014).
25. Hubble S. *Paying for higher education*. Available at: http://www.parliament.uk/documents/commons/lib/research/key_issues/Key%20Issues%20Paying%20for%20higher%20education.pdf. (Accessed: 11th March 2014).
26. *University Tuition Fee Cap — Raise Upper Limit to £9,000 Per Year*. Available at: <http://www.publicwhip.org.uk/division.php?date=2010-12-09&number=150>. (Accessed: 15th March 2014).

27. Eremina D. *Pochem funt znaniy. Kak angliyskie vuzy stali samymi doringimi v Evrope* [How much is a pound of knowledge. How British universities have become the most expensive in Europe]. Available at: <http://lenta.ru/articles/2014/02/06/britain>. (Accessed: 10th March 2014).
28. *Response to the Review of Higher Education and Student Finance in England*. Available at: <http://harrymwp.files.wordpress.com/2011/03/response-to-the-review-of-higher-education-and-student-finance-in-england-october-2010.pdf>. (Accessed: 15th March 2014).
29. Tuition fees 2012: what are the universities charging? *The Guardian*. Available at: <http://www.theguardian.com/news/datablog/2011/mar/25/higher-education-universityfunding>. (Accessed: 14th March 2014).
30. *Higher education funding for 2011-12 and beyond*. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32406/10-1359-hefce-grant-letter-20-dec-2010.pdf. (Accessed: 15th March 2014).
31. *Students in 2012/13*. Available at: http://www.hesa.ac.uk/index.php?option=com_content&task=view&id=1897&Itemid=239. (Accessed: 15th March 2014).
32. *Sources of income 2012/13*. Available at: http://www.hesa.ac.uk/index.php?option=com_content&task=view&id=1900&Itemid=239. (Accessed: 15th March 2014).
33. *Higher education student enrolments and qualifications obtained at higher education institutions in the united kingdom for the academic year 2012/13*. Available at: http://www.hesa.ac.uk/index.php?option=com_content&task=view&id=3103&Itemid=161. (Accessed: 15th March 2014).
34. *UK Council for International Students*. Available at: [http://www.ukcisa.org.uk/Info-for-universities-colleges--schools/Policy-research--statistics/Research--statistics/International-students-in-UK-HE/#International-\(non-UK\)-students-in-UK-HE-in-2012-13](http://www.ukcisa.org.uk/Info-for-universities-colleges--schools/Policy-research--statistics/Research--statistics/International-students-in-UK-HE/#International-(non-UK)-students-in-UK-HE-in-2012-13). (Accessed: 15th March 2014).
35. *International Education – Global Growth and Prosperity: an Accompanying Analytical Narrative*. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/229845/bis-13-1082-international-education-accompanying-analytical-narrative.pdf. (Accessed: 14th March 2014).
36. Labour may cut students' tuition fees to £6,000 a year. *The Guardian*. Available at: <http://www.theguardian.com/education/2014/mar/30/labour-cut-student-tuition-fees-6000-a-year>. (Accessed: 30th March 2014).
37. *Miliband's promise of a "radical offer" on tuition fees is a major policy hint*. Available at: <http://www.newstatesman.com/politics/2014/03/milibands-promise-radical-offer-tuition-fees-major-policy-hint> (Accessed: 30th March 2014).
38. *Public Spending in the United Kingdom*. Available at: http://www.ukpublicspending.co.uk/year_spending_1990UKbn_13bc1n_232024#ukgs302. (Accessed: 11th March 2014).

ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО РЕФЕРЕНДУМА О ЧЛЕНСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Анализируется ситуация, в которой проходил референдум 1975 г. о членстве Великобритании в Европейском экономическом сообществе, и ситуация, которая сложилась к 2011–2013 гг., когда Д. Кэмерон стал призывать британцев пересмотреть положение страны в Европейском союзе. Отмечается, что одной из причин обращения к референдуму стало то, что как в середине 1970-х гг., так и в 2011–2013 гг. британская экономика находилась в кризисе, истоки которого лидеры правительства объясняли кризисом Еврозоны, а не внутренними проблемами Великобритании. Показано, что с точки зрения политической ситуации в указанные периоды британские политики своими популистскими призывами к референдуму пытались оказать давление на лидеров ЕЭС и ЕС, а также получить поддержку недовольных британских избирателей и избежать раскола внутри своих партий.

Ключевые слова: Великобритания; Европейское экономическое сообщество; Европейский союз.

Согласно договору о Европейском союзе (ст. 50), «Любое государство-участник может решить выйти из союза в соответствии с его конституционными требованиями» [1. Т. 2 С. 45–176]. Однако еще ни одно государство не воспользовалось упомянутым правом и не покинуло Евросоюз. Ни одно государство – член ЕС даже не ставило на национальный референдум вопрос о членстве в ЕС, хотя в 1975 г. правительство Г. Вильсона провело референдум о членстве Великобритании в Европейском экономическом сообществе, которое было предшественником Европейского союза.

Британский премьер-министр Дэвид Кэмерон пытался провести вопрос о референдуме по поводу членства в Европейском союзе через парламент в октябре 2011 г., но потерпел неудачу. Тогда 483 депутата проголосовали против и лишь 111 поддержали премьер-министра [2]. Однако Д. Кэмерон продолжает настаивать на проведении референдума и обещает организовать его, если партия консерваторов победит на следующих парламентских выборах в 2017 г. По словам Д. Кэмерона, призыв к нации дать консервативному правительству мандат на переговоры о пересмотре условий членства страны в ЕС будет включен в предвыборную программу тори. Именно вопрос о членстве в ЕС на новых принципах Д. Кэмерон намерен вынести на общенациональный референдум. Британская исследовательская организация – Институт экономических проблем (Institute of Economic Affairs) даже объявил конкурс (приз в размере € 100 тыс.) на лучший план выхода Соединенного Королевства из Евросоюза. Однако эксперты уверены, что получить приз будет не просто [3].

Сравним ситуацию, в которой проходил британский референдум о членстве в ЕЭС в 1970-х гг., с современной ситуацией, когда в Великобритании опять вернулись к вопросу о членстве, но уже в ЕС. Как известно, Великобритания трижды подавала заявку о членстве в ЕЭС, но первые две не получили одобрения президента Франции Ш. де Голля, который являлся лидером Сообщества и активно выступал против принятия Великобритании в члены ЕЭС. И только

после того, как Ш. де Голль ушел в отставку, третья заявка была одобрена президентом Ж. Помпиду. Переговоры по третьей заявке начались в июне 1970 г., а 22 января 1972 г. был подписан договор о вступлении Великобритании в ЕЭС и Европейское сообщество по атомной энергии, который вступил в силу 1 января 1973 г. [4. С. 288].

Каковы же были причины пересмотра требований условий членства в ЕЭС со стороны Великобритании? Одной из таких причин стало то, что в середине 1970-х гг. британская экономика находилась в кризисе. В 1970-е гг. уровень инфляции в Великобритании составлял 13% (например, в ФРГ – чуть более 5%), безработица составляла 4% (в ФРГ – 2%) [5], государственный долг равнялся 43,6% от ВВП, дефицит госбюджета – 4,1% [6].

В сегодняшней ситуации многие сравнивают Д. Кэмерона с Г. Вильсоном. 23 января 1973 г. британский премьер Г. Вильсон выступил в парламенте с речью, в которой заявил о том, что правительство считает необходимым пересмотреть условия участия страны в ЕЭС и предлагает провести референдум по этой проблеме. Г. Вильсон предложил «7 пунктов», которые были выдвинуты кабинетом министров. Эти пункты входили в программу партии 1973 г. и в оба её предвыборных манифеста 1974 г. В случае неудовлетворения их требований лейбористы угрожали выходом Британии из Сообщества. Вот эти 7 условий:

1. «Коренное изменение общей сельскохозяйственной политики таким образом, чтобы она перестала угрожать мировой торговле продовольствием и чтобы производители более дешевых продуктов сохранили доступ на британский продовольственный рынок».

2. «Введение новых и более справедливых методов финансирования бюджета Общего рынка так, чтобы вклад Соединенного Королевства был более справедливым в отношении того, что страна как член Сообщества платит и что они получают из бюджета».

3. «Отказ от любого международного соглашения, которое вынудило бы Соединенное Королевство согласиться на увеличение числа безработных ради поддержания финансового паритета, как, например, в связи с

предложениями о создании Европейского экономического и валютного союза».

4. «Сохранение за парламентом тех полномочий контроля за экономикой, которые необходимы для проведения эффективной региональной, промышленной и налоговой политики».

5. «Достижение такого соглашения о движении капиталов, которое защищало бы британский платёжный баланс и политику полной занятости».

6. «Введение более надёжной защиты экономических интересов стран Содружества, включая обеспечение их доступа на британские рынки, а также принятие Сообществом такой политики в области внешней торговли и помощи, которая приносила бы выгоду не только ассоциированным заморским территориям».

7. «Никакой гармонизации налога на добавленную стоимость, которая приведет к введению в Соединённом Королевстве налогов на товары первой необходимости» [7].

Иными словами, все требования лейбористов сводились к основным четырём проблемам: изменению Общей сельскохозяйственной политики, пересмотру методов финансирования ЕЭС в сторону уменьшения британского взноса, улучшению торгово-экономических отношений стран-членов ЕЭС со странами, в него не входящими (в первую очередь со странами Содружества наций), сохранению за Британией её государственного суверенитета.

Победив на выборах в октябре 1974 г., Г. Вильсон обратился к ЕЭС с предложением о пересмотре условий членства Британии в Сообществе, и 11 марта 1975 г. в Дублине Европейский совет обсудил этот вопрос. Выступая в парламенте, Г. Вильсон заявил: «...мы добились пересмотра вопроса об участии Великобритании в бюджете ЕЭС. Кабинет должен сопоставить то, что было достигнуто, с тем, что мы обещали в предвыборных манифестах Лейбористской партии в феврале и октябре 1974 г. Я надеюсь объявить решение правительства парламенту до пасхальных каникул. ...Мы будем с вами тесно сотрудничать, чтобы подготовить Билль о референдуме – свободном волеизъявлении британских граждан, как можно быстрее» [8]. 26 марта 1975 г. был опубликован Билль о референдуме, а 31 марта 1975 г. вышла Белая книга, в которой были приведены новые условия членства Великобритании в ЕЭС. 9 апреля 1975 г. Палата общин провела голосование, в ходе которого 396 членов парламента высказались за то, чтобы остаться в «Общем рынке» на новых условиях, а 170 – высказались против. 5 июня 1975 г. был проведен референдум, во время которого ставился вопрос: «Считаете ли Вы, что Великобритания должна остаться в Европейском сообществе («Общем рынке»)?» В ходе референдума при 65%-ной явке избирателей 67% британцев высказались «за» [9] и страна осталась в ЕЭС. Если говорить об обычных британских избирателях, то здесь нет и не было единства во мнениях. Считается, что одной из причин положительного

ответа на вопрос о членстве в ЕЭС в 1975 г. были правильно проведенные пропагандистские кампании [10].

Если сравнить ситуацию 1975 г. с ситуацией 2011–2014 гг., то в 2013 г. страна опять оказалась в одном из самых жесточайших кризисов со времен 1930-х гг. В 2010 г. ВВП Великобритании вырос на 1,8%, в 2011 г. – всего на 0,9%. В конце 2011 г. подъем вновь сменился рецессией, когда в течение трех кварталов (четвертый 2011 г., первый и второй 2012 г.) наблюдалось сокращение темпов роста экономики. Такой повторный спад отмечался в стране впервые с 1975 г. В третьем квартале 2012 г. рост ВВП на 1% был обеспечен действием временных факторов: празднованием юбилея королевы Елизаветы II и проведением Олимпийских игр. В четвертом квартале 2012 г. снова наблюдалось падение ВВП на 0,3%. И хотя в первом квартале 2013 г. рост ВВП составил 0,3%, в 2014 г. он все еще примерно на 2,6% ниже предкризисного пика, зафиксированного в январе 2008 г. По прогнозам независимого Управления по бюджетной ответственности Великобритании, к 2016–2017 гг. объем производства будет все еще на 18% меньше, чем если бы экономика развивалась теми же темпами, что в 1997–2007 гг. В результате, по расчетам британского Института фискальных исследований, в 2015 г. уровень жизни британцев (ВВП на душу населения, измеряемый в неизменных ценах) будет ниже, чем в 2002 г. [11].

Великобритания активно проводит жесткую финансовую политику, стараясь снизить дефицит государственного бюджета и государственного долга путём сокращения расходов государства. Предусматривается, что к 2016–2017 гг. дефицит бюджета уменьшится на 81% в результате сокращения расходов и только на 19% – за счет увеличения доходов [11]. По прогнозам Управления по бюджетной ответственности, до 2017 г. под сокращение попадут 710 тыс. госслужащих. Бюджеты министерств и ведомств будет урезаны на 19%. Зарплата большинства государственных служащих будет заморожена на два года. Не случайно Лондон так активно выступает против увеличения расходных статей бюджета ЕС. Согласно результатам исследования рынка труда в Великобритании, проведенного в 2012 г. Британским конгрессом тред-юнионов (Trades Union Congress (TUC)), за последние 12 лет уровень безработицы среди молодежи вырос на 874%. В 2011 г. рост числа безработных составил 264%. В 2012 г. общий уровень безработицы в Великобритании вырос на 50%, и в мае 2012 г. увеличение числа безработных составило 8,1 тыс. человек [12].

Е. Хесин считает: «Одним из последствий ухудшения экономической ситуации в Великобритании и в мире в целом стало изменение структуры внешнеэкономических связей этой страны в пользу крупных развивающихся государств. Значительное падение деловой активности в странах ЕС и особенно долговой кризис в еврозоне вызвали снижение темпов роста товарооборота Великобритании с партнерами по ЕС, а также способ-

ствовали эволюции их отношений. Осуществляемые в последнее время руководством Евросоюза меры по укреплению наднационального механизма объединения и углубление интеграции в бюджетно-финансовой сфере вызывают отторжение у Лондона, который не без основания опасается, что эти меры могут подорвать валютно-кредитную независимость Великобритании и позиции Сити как ведущего мирового финансового центра. Отсюда – действия британского правительства, направленные на предотвращение передачи полномочий национальному парламенту, правительства, Банка Англии центральным структурам сообщества» [11]. Учитывая новый всплеск негативного отношения к ЕС среди британцев, консерваторы приняли решение провести до конца 2017 г. референдум по вопросу о членстве Великобритании в ЕС на новых принципах в случае их победы на следующих парламентских выборах. Нужно сказать, что даже сейчас Великобритания участвует в ЕС с многочисленными оговорками. Например, она оставила за собой право сохранять паспортный контроль на своих внешних границах и проводить самостоятельную визовую политику, хотя формально присоединилась к Шенгенскому соглашению.

Г. Вильсона обвиняли в том, что он использует ситуацию, чтобы остаться у власти, другие говорили, что он использует ход с референдумом для преодоления раскола в своей партии. Конечно, попытки пересмотреть политику по отношению к ЕЭС предпринимались Великобританией неоднократно, особенно в тот период, когда та или иная партия находилась в оппозиции. Но после последнего мирового экономического кризиса они стали наиболее актуальны. Поэтому не удивительно, что через 38 лет уже другой британский премьер консерватор, Д. Кэмерон выступил с подобным предложением, правда речь шла теперь о Евросоюзе. М. Маттейс полагает: «Что же касается январского выступления 2013 г. Д. Кэмерона, то с помощью него он надеялся добиться четырех краткосрочных целей.

Во-первых, Д. Кэмерон жаждал ликвидации нарастающей на правом фланге консерваторов угрозы в лице Партии независимости Соединенного Королевства (UKIP), выступающей против ЕС и иммиграции. Ее лидер-популист Найджел Фарадж позиционирует себя выразителем здравого смысла британцев и защитником британского суверенитета от посягательств ЕС. Главная цель Н. Фараджа – сохранить суверенитет своей страны, от которого он, как и М. Тэтчер, не намерен отказываться ради федеральной Европы с единым банковским, фискальным, политическим и экономическим союзом. На его взгляд, Европейский союз и без того все больше напоминает Советский союз, превращаясь в “ЕССР”».

Во-вторых, Д. Кэмерон намеревался нейтрализовать все более неугомонных “заднескамеечников” из собственной партии, явных евроскептиков. Многие из них также выступают за выход Британии из Евросоюза.

В-третьих, он надеялся отложить в долгий ящик решение по проигрышному европейскому вопросу,

чтобы переложить это бремя на плечи парламента следующего созыва.

В-четвертых, премьер попытался возложить ответственность за экономические тяготы своей страны на кризис еврозоны, а не на болезненные меры по строжайшей экономии, введенные его же правительством.

Однако, судя по всему, Д. Кэмерон просчитался на всех четырех фронтах. Партия независимости на майских местных выборах немисливо превзошла все ожидаемые от нее результаты, в целом набрав едва ли не четверть голосов» [13].

Сегодня еще в период работы нынешнего парламента евроскептики из рядов консервативной партии продолжают настаивать на проведении референдума. Они вновь подчеркивают, что не намерены уступать по европейскому вопросу и не доверяют в этом премьер-министру.

Последняя инициатива с прицелом на сецессию исходила от депутатов тори, образующих фракцию «Фреш старт» («Начать заново»), которые разработали сценарий изменения статуса Британии в ЕС. Давление на главу правительства со стороны подобных лоббистских групп евроскептиков все нарастает. Андреа Лидсом, которая считается одним из идеологов «Фреш старт», уверена: «События в Европе показывают, что порядки в Евросоюзе изменятся, и притом существенно. В ближайшие годы для Соединенного Королевства открываются возможности вернуть себе полномочия, отданные в свое время Брюсселю». Действовать нужно решительно, – призывает Андреа Лидсом, – «не взирая на чувство остальных». Традиционные аргументы о том, что выход дорого обойдется для Британии, которая продает половину своих товаров и услуг в страны континентальной Европы, теряют свою убедительность. Джо Джонсон, брат Бориса Джонсона, мэра Лондона и весьма вероятного преемника Д. Камерона на посту лидера тори, заявляет: «Евросоюз без Великобритании уже рассматривается как реальная перспектива» [14]. «В один прекрасный день люди ворвутся в здание Европарламента и перевешают вас, жалких лживых чиновников! Правда восторжествует!», – выкрикивает депутат Европарламента Годфри Блум, член Партии независимости Соединенного Королевства, одной из ведущих евроскептических политических сил Европы [15].

По данным британской социологической службы ComRes, на следующих выборах в Европарламент в мае 2014 г. Партия независимости Соединенного Королевства наберет 27% – на 4% больше правящей ныне в Британии Консервативной партии во главе с премьер-министром Великобритании Д. Кэмероном. Лидер Партии независимости Соединенного Королевства Н. Фарадж предлагает срочно провести референдум о выходе Великобритании из ЕС, покинуть его и строить жизнь самостоятельно, подобно Норвегии и Швейцарии, не входящим в Евросоюз. Общественное мнение касательно выхода из ЕС разделилось, причем на дан-

ный момент ни одна из сторон не имеет перевеса: 39% против 39% [14].

Тем не менее, если референдум состоится, скорее всего, это будет референдум о новых условиях членства. Поэтому как альтернатива выходу Великобритании из ЕС активно обсуждался и обсуждается вопрос о пересмотре членства в ЕЭС, а затем в ЕС и в британском парламенте. Однако, как и в 1975 г., многие члены парламента склоняются просто к пересмотру условий договора о вступлении и проведению референдума. Так, например, М. Тэтчер, выступая в палате Общин, говорила: «Я, прежде всего, рассматриваю вариант о том, чтобы Великобритания была членом Сообщества, а не вопрос о том, оставаться ли ей в ЕЭС или другие альтернативы» [16]. Другие члены палаты считали Европейскую ассоциацию свободной торговли более подходящим вариантом, так как в ней не было таких обязательств, как в Сообществе.

Как и в 1970-х гг., представители бизнеса выступают в поддержку членства в ЕС. По результатам опроса YouGov, проведенного 1–8 февраля 2013 г. среди лидеров общественного мнения – влиятельных британцев из политической сферы, бизнеса, СМИ, науки, гражданского общества, госсектора, 79% опрошенных высказались за членство Великобритании в ЕС «на новых условиях» и только 12% – за выход из Союза [17]. Согласно опросу, проведенному британской промышленной палатой в ноябре–декабре 2013 г., 56% опрошенных представителей сферы бизнеса считают, что Британия должна остаться в ЕС, хотя если некоторые полномочия возвратят Вестминстеру, то экономика страны от этого только выиграет. Большинство британских фирм (62%) выступают в поддержку членства в ЕС, так как выход из организации может негативно сказаться на экономических перспективах страны [6].

Проводившиеся в Великобритании опросы общественного мнения еще в докризисный 2007 г. выявили рекордно низкую степень доверия национальному правительству и парламенту. О своем недоверии правительству заявили 59% опрошенных, национальному парламенту – 50%. На этом фоне 36% опрошенных британцев, склонных доверять Евросоюзу в целом, стали «хорошей новостью» для Брюсселя.

Тем не менее умонастроения британцев оказались гораздо более критичными, чем умонастроения граждан других государств ЕС. Так, средний уровень доверия для ЕС соответствовал 57%. В 2008–2012 гг. негативные тенденции усилились.

Сегодня однозначного мнения о том, будет ли проведен референдум о членстве в ЕС в Великобритании, нет. Нет и единого мнения о последствиях данного шага. Некоторые эксперты считают, что выход из ЕС станет катастрофой не только для Соединенного Королевства, но и для остальной Европы и США. И если Лондон действительно решится покинуть ЕС, этот поступок будет основан вовсе не на рациональных политических мотивах или трезвом экономическом расчете. Британский евроскептицизм, по сути, сводится к неприятию Брюсселя – места прописки ряда европейских институтов и формальной столицы ЕС – отчасти из-за крайне слабо информированного консервативного меньшинства, мертвой хваткой вцепившегося в отжившую концепцию национального суверенитета [13].

Представить выход Британии из ЕС на практике трудно. Скорее всего, сценарий выхода просто нужен как флаг современным сторонникам «блестящей изоляции». Такого мнения придерживается управляющий директор группы компаний «Алор» Сергей Хестанов. «Подобного рода проекты носят больше политический и пропагандистский характер, чем характер реальных предложений. Однако среди широких кругов граждан Великобритании эта идея популярна, вероятно, что данной идеей воспользуются политики для поднятия собственного рейтинга», – предполагает С. Хестанов [18].

Таким образом, при сравнении состояния экономики в стране во время референдума 1975 г. и в 2011–2013 гг., когда Д. Кэмерон стал вновь предлагать провести аналогичный референдум, можно отметить наличие аналогичных экономических причин, которые британские премьер-министры объясняют кризисом Еврозоны, а не внутренними проблемами Великобритании. При анализе политической ситуации 1970-х и 2011–2013 гг. можно сделать вывод о том, что британские политики прибегали к использованию популистских методов не только для оказания давления на лидеров ЕЭС и ЕС, но и одновременно пытались таким способом получить поддержку в стране со стороны недовольных избирателей, избежать раскола в рядах своих партий. Если Д. Кэмерон сможет организовать и провести пропагандистскую кампанию подобно той, которую провели лейбористы в 1974–1975 гг., возможно, мы станем свидетелями нового референдума. Однако, если новый референдум будет проведен, он будет, как и первый, посвящен скорее пересмотру условий членства Великобритании в ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Договор о Европейском союзе* // Единый Европейский акт. Договор о Европейском союзе. Малая библиотека Европейского союза на русском языке. Документы Европейского союза / под ред. Ю.А. Борко. М., 1994.
2. *Young G.* EU referendum: Rebels lose vote in Commons. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-15425256?print=true>, free (дата обращения: 29.08.2014).
3. *Booth P.* Why we've launched a prize to find a blueprint for Britain outside the EU. URL: <http://www.iea.org.uk/blog/why-weve-launched-a-prize-to-find-a-blueprint-for-britain-outside-the-eu>, free (дата обращения: 29.08.2014).
4. *Britain and European Integration 1945–1998: A Documentary History* / ed. by Gowland D. and Turner A. London and New York : Routledge, 2000.
5. *History of Inflation in UK.* URL: <http://www.economicshelp.org/blog/2647/economics/history-of-inflation-in-uk>, free (дата обращения: 29.08.2014).
6. *The history of Britain's national debt.* URL: <http://www.debtbombshell.com/history-of-national-debt.htm>, free (дата обращения: 29.08.2014).
7. *Wilson H.* Let us work together – Labour's way out of the crisis. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/lab74feb.htm>, free
8. HC (Hansard). Debates. Vol. 888. Cc 509–22. 12 March 1975.

9. Regulation of referendums. Standard Note: SN/PC/05142. Last updated: 20 October 2011. Author: Oonagh Gay. Section. Parliament and Constitution Centre. URL: www.parliament.uk/lib/.../snpc-05142.pdf, free (дата обращения: 29.08.2014).
10. Rollings N. British industry and European integration 1961–1973: from first application to final membership // *Business and economic history*. Winter 1998. Vol. 27, № 2.
11. Хесин Е. Экономика Великобритании: угроза рецессии сохраняется. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2360#top, free (дата обращения: 29.08.2014).
12. Уровень безработицы в Великобритании среди молодежи вырос на 900% за 12 лет. URL: <http://www.rhr.ru/index/news,29267,0.html>, free (дата обращения: 29.08.2014).
13. Маттейс М. Опасная игра Дэвида Кэмерона: выход из ЕС как безрассудное кокетство. URL: <http://2000.net.ua/2000/forum/evropa/93476>, free (дата обращения: 29.08.2014).
14. Великобритания: кризис не рассасывается. URL: <http://www.alieuropa.ru/velikobritaniya-krizis-ne-rassasyvaetsya>, free (дата обращения: 29.08.2014).
15. Троица, что норовит уничтожить Евросоюз. URL: <http://www.geopolitics.ru/2014/01/troica-cto-norovit-unichtozhit-evrosoyuz>, free (дата обращения: 29.08.2014).
16. Smith J. The 1975 referendum // *Journal of European integration history*. 1999. Vol. 5, № 1.
17. Громогласова Е. Британия в поисках нового видения Европы. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1918#top, free (дата обращения: 29.08.2014).
18. Представить выход Британии из ЕС на практике трудно. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2235611>, free (дата обращения: 29.08.2014).

Morozova Anna E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ann.morozo@yandex.ru

THE PROSPECTS OF NEW REFERENDUM ON BRITISH MEMBERSHIP IN THE EU.

Keywords: Great Britain; the United Kingdom; the European Economic Community; the European Union.

The article analyses the events accompanied British referendum on Europe in 1975 and today's situation, when in 2011–2013 D. Cameron called for a new referendum on the European Union (EU) membership. D. Cameron has promised an "in-out" vote by the end of 2017 if the Conservatives win the next election. It is mentioned in the article that in the middle of 1970 th. years, as well as in 2011–2013 British economy was in crisis. Leaders of the British government explained crises in economy as result of the Eurozone crisis, but not because of internal problems of the UK. If to speak about a political situation, during the specified period, the British politicians use their populist methods to put pressure upon leaders of the European Economic Community (EEC) and EU, because they wanted to change British role in the EEC and later in the EU. Besides, British leaders tried to receive support of the British dissatisfied voters. Wilson's main aim was to hold his feuding cabinets together. Because of that, he managed to organized and performed so well planned campaign, so that 67% of British voters said "yes" and country keep its membership in the EEC. As for D. Cameron, he had four main aims. Firstly, D. Cameron tried to avoid a threat from the United Kingdom Independence party (UKIP), opposing EU and immigrations. Its leader – Nigel Farage showed himself as a defender of the British sovereignty from EU encroachments. In his opinion, the European Union more and more reminds the Soviet Union, turning into the "ESSR". Secondly, D. Cameron intended to neutralize so-called "backbenchers" – Eurosceptics from his own party. The Prime minister has come under pressure from many backbench Tory MPs to hold a vote and has promised to do so after a thorough renegotiation of the country's relationship with Brussels. D. Cameron described the referendum pledge as a "cause of unity" within the Conservative Party. Thirdly, he hoped to leave such a difficult decision on the European question to the next parliament. Fourthly, the prime minister has tried to blame the Eurozone in the economic crisis, which took place in the UK instead of explaining it as a result, of the painful measures on the strict economy, taken by his government. If D. Cameron does his best and organizes so well propaganda campaign as it was made 1975, he will get a huge support of British voters. Taking all these facts into consideration author makes the conclusion that even if the referendum on Europe have place it will be devoted to relegations of British relationship with Brussels.

REFERENCES

1. Borko Yu.A. *Edinyy Evropeyskiy akt. Dogovor o Evropeyskom soyuze* [Common European Act. The treaty on the European Union]. Moscow, 1994.
2. Young G. *EU referendum: Rebels lose vote in Commons*. Available at: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-15425256?print=true>. (Accessed: 29th August 2014).
3. Booth P. *Why we've launched a prize to find a blueprint for Britain outside the EU*. Available at: <http://www.iea.org.uk/blog/why-weve-launched-a-prize-to-find-a-blueprint-for-britain-outside-the-eu>. (Accessed: 29th August 2014).
4. Gowland D., Turner A. (eds.) *Britain and European Integration 1945–1998: A Documentary History*. London and New York: Routledge, 2000.
5. *History of Inflation in UK*. Available at: <http://www.economicshelp.org/blog/2647/economics/history-of-inflation-in-uk>. (Accessed: 29th August 2014).
6. The history of Britain's national debt. Available at: <http://www.debtbombshell.com/history-of-national-debt.htm>. (Accessed: 29th August 2014).
7. Wilson H. *Let us work together - Labour's way out of the crisis*. URL: <http://www.politicsresources.net/area/uk/man/lab74feb.htm>.
8. HC (Hansard). *Debates*. Vol. 888. Cc 509–22. 12 March 1975.
9. Oonagh Gay. Regulation of referendums. Standard Note: SN/PC/05142. Last updated: 20 October 2011. Section. Parliament and Constitution Centre. Available at: www.parliament.uk/lib/.../snpc-05142.pdf. (Accessed: 29th August 2014).
10. Rollings N. British industry and European integration 1961–1973: from first application to final membership. *Business and economic history*, 1998, vol.27, no. 2.
11. Khesin E. *Ekonomika Velikobritanii: ugroza retsessii sokhranyaetsya* [UK economy: the threat of recession persists]. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2360#top. (Accessed: 29th August 2014).
12. *Uroven' bezrabotitsy v Velikobritanii sredi molodezhi vyros na 900% za 12 let* [The unemployment rate among young people in the UK has increased by 900% in 12 years.]. Available at: <http://www.rhr.ru/index/news,29267,0.html>. (Accessed: 29th August 2014).
13. Matteys M. *Opasnaya igra Devida Kemerona: vykhod iz ES kak bezrassudnoe koketstvo* [David Cameron's dangerous game. leaving the EU as a reckless flirtation]. Available at: <http://2000.net.ua/2000/forum/evropa/93476>. (Accessed: 29th August 2014).
14. *Velikobritaniya: krizis ne rassasyvaetsya* [United Kingdom: the crisis is not resolved]. Available at: <http://www.alieuropa.ru/velikobritaniya-krizis-ne-rassasyvaetsya>. (Accessed: 29th August 2014).
15. *Troitsa, chto norovit unichtozhit' Evrosoyuz* [The three that try to destroy the European Union.]. Available at: <http://www.geopolitics.ru/2014/01/troica-cto-norovit-unichtozhit-evrosoyuz>. (Accessed: 29th August 2014).
16. Smith J. The 1975 referendum. *Journal of European integration history*, 1999, vol. 5, no. 1.
17. Gromoglasova E. *Britaniya v poiskakh novogo videniya Evropy* [Britain in search of a new vision of Europe]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1918#top. (Accessed: 29th August 2014).
18. *Predstavil' vykhod Britanii iz ES na praktike trudno* [It is difficult to imagine that Great Britain leaves the EU]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2235611>. (Accessed: 29th August 2014).

ВОПРОСЫ СЕМЬИ В «СЕМЬЕ» ООН (20-ЛЕТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГОДА СЕМЬИ)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-07-00020.

Автор благодарит сотрудников МИД РФ (Департамент международных организаций и Департамент гуманитарного сотрудничества и прав человека) за консультации, а также сотрудницу Библиотеки ООН в Женеве И. Герасимову за помощь в сборе материалов.

Излагается краткая история действий органов и организаций системы ООН в вопросах семьи с конца 1980-х гг. по настоящее время. Особенности организационного строения ООН предопределяют невозможность выработки единого подхода к трактовке вопросов семьи и линии действий по вопросам семьи, поэтому ООН ограничиваются в основном изучением и обсуждением существующих вызовов и задач. В ООН сложились два блока государств. Первый блок объединяет страны, отстаивающие традиционную форму семьи, второй включает страны, придерживающиеся нетрадиционного статуса семьи. Российская Федерация сохранила влияние на выработку и принятие решений в ООН по вопросам семьи благодаря принципиальности своей внешней политики, высочайшей квалификации российских дипломатов. В 2014 г. органы и организации системы ООН отмечают двадцатилетие международного года семьи проведением комплекса мероприятий, включая сессию Совета по правам человека, а также вопроса о семье в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН.

Ключевые слова: ООН; семья; Генеральная Ассамблея ООН; Совет по правам человека ООН; Международный год семьи.

Среди многочисленных научных публикаций, посвященных Организации Объединенных Наций, почти нет специальных работ по истории ООН в целом, хотя отдельные аспекты ее деятельности изучены историками достаточно подробно. Являясь организацией, ООН поддерживает свое единство, имеет соответствующие атрибуты и во многих ситуациях действительно выступает как единый субъект. Вместе с тем она имеет сложнейшее строение. У каждой из ее крупных частей своя логика развития, своя особая история. Также «отдельные истории» имеют и нескольких десятков главных направлений деятельности ООН.

ООН нередко называют системой [1, 2], что в переводе с греческого означает «целое, состоящее из частей». Под системами в науке понимают объекты, включающие множество элементов, соподчиненных так, чтобы они группировались в подмножества, образующие системы второго, третьего и т.д. порядков – подсистемы. В западной литературе систему ООН часто называют семьей. Выражение «семья ООН» вводится в употребление и у нас [3. С. 49; 4. С. 119].

В 2014 г. на основе решений Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций [5, 6] (ГА ООН) проводится комплекс мероприятий, приуроченных к двадцатой годовщине Международного года семьи [7]. Празднование 20-летия международного года семьи является поводом для обращения к истории этого вопроса в органах и организациях системы ООН.

Международные памятные годы устанавливаются резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, первый из них прошел в 1959 г. Каждый международный год посвящен какой-либо теме, важной для всей планеты, например беженцы, женщины, языки, космос, туризм. Год семьи, отмечавшийся в 1994 г., стал двадцать вторым по счету международным годом [8]. Страны – члены ООН поставили перед собой цели повышения уровня информированности правительств и частного

сектора о проблемах семьи и укрепления национальных учреждений с тем, чтобы они могли вырабатывать и проводить в жизнь политику в отношении семей и осуществлять контроль за ней [7]. Достижение таких целей, по согласованному мнению членов ООН, способствовало бы решению наиболее важных вопросов, связанных с семьей.

Сложилась традиция широко отмечать каждое десятилетие международного года. «Юбилей» года семьи, как и он сам, представляет собой совокупность разнообразных мероприятий: конференции, публикации, информационные компании и т.п. Они проводятся и на международном уровне, и в отдельных странах при поддержке органов и организаций, входящих в систему ООН для привлечения внимания правительств, международных организаций, а также общественности к достижению целей, определенных при подготовке года семьи, сбора информации о том, как эти цели достигаются, подключения к обсуждению проблемы специалистов, изучения опыта друг друга и формирования общего видения семейной политики.

В различных органах и организациях ООН вырабатываются свои подходы к решению вопросов семьи. Наиболее общие мировые проблемы семьи находятся в поле внимания Генеральной Ассамблеи и ЭКОСОС. Более конкретную проблематику семьи поднимают, например, ЮНФПА и ЮНИСЕФ. Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА) способствует «безопасному материнству», охране репродуктивного здоровья, обеспечению потребностей подростков и молодежи, а также гендерному равенству и ликвидации последствий ВИЧ/СПИДа для семьи. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) содействуют выживанию, развитию и защите детей, гендерному равенству и смягчению последствий ВИЧ/СПИДа. Некоторые органы и организации ООН осуществляют поддержку семьи косвенно, среди них Продовольственная и сельскохозяйственная

организация (ФАО), Программа развития ООН (ПРООН), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), Постоянный форум по вопросам коренных народов, структура ООН-женщины и многие другие.

Особенности организационного строения ООН приводят к тому, что одной строго определенной позиции в отношении семьи в организации нет, и выработать ее крайне сложно. Действия системы ООН по вопросам семьи ограничиваются в основном изучением и обсуждением ее проблем, включением тех или иных формулировок в тексты документов, координацией сотрудничества государств, распространением и сбором информации.

Вопросы семьи стали включаться в повестку дня органов и организаций системы ООН в 1980-х гг. Постановка в ООН любого вопроса, включая и вопрос о семье, – это сигнал тревоги, знак того, что положение семьи приобрело характер международной проблемы, настолько глубокой и серьезной, что возникла угроза миру и безопасности планетарного размаха.

В 1983 г. ЭКОСОС по рекомендации своего вспомогательного органа – Комиссии социального развития – в резолюции о роли семьи в процессе развития попросил Генерального секретаря ООН «способствовать более глубокому пониманию лицами, ответственными за принятие решений, и общественностью проблем и нужд семьи, а также эффективных путей обеспечения этих потребностей» [9]. Через два года ЭКОСОС адресовал Генеральной Ассамблее ООН просьбу рассмотреть возможность включения в ее повестку дня пункта, озаглавленного «Семья в процессе развития», и она откликнулась на его обращение.

Ассамблея, в свою очередь, обратилась к Генеральному секретарю ООН с просьбой принять меры по расширению глобальной осведомленности по вопросам семьи. Еще через два года, в 1987 г., снова по рекомендации ЭКОСОС [10], она предложила всем государствам сообщить свое мнение о возможности провозглашения международного года семьи. Генерального секретаря на этот раз ГА попросила представить всеобъемлющий доклад о возможности провозглашения такого года, а также о возможных путях и средствах улучшения положения и благосостояния семьи, активизации международного сотрудничества в рамках глобальных усилий по содействию социальному прогрессу и развитию. Спустя еще два года, 8 декабря 1989 г., ГА провозгласила 1994 г. Международным годом семьи.

В формулировке тема года «Семья: ресурсы и ответственность в изменяющемся мире» Генеральная Ассамблея подчеркнула особое значение, придаваемое вопросам семьи в контексте диалога об устойчивом развитии, сочетающем три компонента: рост экономики, разрешение социальных проблем и бережное отношение к окружающей среде. Девизом междуна-

родного года выбрали «построение мельчайших демократий в сердце общества», что вполне соответствовало проблематике международного сотрудничества конца 1980-х гг.

Текст резолюции ГА ООН по году семьи – отражение концептуального видения вопроса, выработанное в результате столкновения мнений, идейной борьбы, компромиссов. Ведь в понимании того, что такое семья, среди членов ООН единства нет. Резолюция фиксирует, что семья является базовой единицей общества. Оговаривается, что существуют разные формы семьи и что она выполняет различные функции в различных обществах. Указано, что семье необходимы защита и содействие – не безусловные, а в соответствии с ооновскими документами, из которых упоминались: Всеобщая декларация прав человека, Международные пакты о правах человека 1966 г., Декларация о социальном прогрессе и развитии, конвенция о предотвращении всех форм дискриминации в отношении женщин.

На подготовку к году отвели четырехлетний срок, принимая во внимание сложность вопроса, хотя для других «годов», обычно, требовалось в два раза меньше времени. В период подготовки стал выходить бюллетень «Семья», в составе Секретариата ООН был организован секретариат Международного года семьи, связанные с семьей мероприятия проводились многими органами системы ООН. ГА ввела ежегодное празднование Международного дня семей (15 мая) с целью более глубокого осознания проблем, связанных с семьей, и стимулирования соответствующих действий. Американская поэтесса и композитор Жаклин Райнах написала и безвозмездно предоставила песню, ставшую гимном года семьи.

Секретариат Международного года семьи привлек к работе группу экспертов, в основном из Канады, США, Великобритании и Австралии, подготовивших 19 рабочих тетрадей, содержащих, в порядке рекомендаций, концептуальную основу понимания семьи и всех ключевых аспектов года семьи. Идеи близки к тому, что необходимо развивать Институт Ваньеров (Канада). Определение семьи, предложенное его сотрудниками, воспроизведено в рабочей тетради № 5 «Семья как окружающая среда: экосистемные перспективы семейной жизни», автор Д. Бадир (D. Badir). Семья понимается как любое объединение двух или нескольких лиц, связанных друг с другом взаимным согласием, рождением или усыновлением или размещением, которые вместе берут на себя ответственность за выполнение одной или нескольких из перечисленных функций: физическая поддержка и уход за членами группы, добавление новых членов путем рождения или усыновления; социализация детей; социальный контроль над членами; производство, потребление и распределение товаров и услуг и эмоциональная забота [11].

В рабочих тетрадях изложены следующие темы: различные формы и функции семьи, способы предотвращения насилия в семье, формирование демократи-

ческих отношений внутри семьи, связь семьи с проблемами экологии, роль отца в семье, пожилые члены семьи. Судя по итоговым документам года, во многом эти разработки повлияли на его ход и результаты, хотя и не содержат оценок, не навязывают напрямую какую-то модель семьи. В частности, констатируется, что существуют разнообразные формы семьи, что в Дании признаны однополые союзы (в то время – единственная страна, юридически регулировавшая такую форму взаимоотношений).

Правительствам рекомендовалось оказывать поддержку семье в разных формах, регулировать рабочее время родителей, чтобы они могли заниматься детьми, развивать здравоохранение, учреждать ясли и детские сады и др. Прослеживается тенденция акцентировать внимание на тех подходах, которые приняты в странах авторов докладов.

Официальный старт году семьи был дан на сорок восьмой сессии ГА ООН 7 декабря 1993 г. Основные мероприятия прошли в 157 странах на местном, региональном и национальном уровнях, поскольку члены ООН посчитали, что действия в области семьи должны в основном осуществляться внутри суверенных государств. Каждая страна определила свои приоритеты в связи с проведением года. В частности, к ним были отнесены: обеспечение занятости членов семьи, воссоединение семей, здоровье, усыновление, права детей в семье и обществе, отношения между людьми различных поколений, грудное вскармливание, демократия и терпимость, неоплачиваемый домашний труд, модели потребления.

Для решения приоритетных проблем применялись различные подходы, список которых зафиксирован в итоговых документах года. К ним относятся, например, налоговые и кредитные льготы, посреднические услуги для улаживания семейных отношений, программы раннего реагирования в интересах охраны здоровья детей и пресечения насилия в семье, предоставления питания и других услуг для беспризорных и брошенных детей и др.

В нескольких странах в результате проведения года были подготовлены дискуссионные документы по вопросам политики и конкретные рекомендации, адресованные правительствам. В частности, проводилась оценка политики с точки зрения ее соответствия международно признанным стандартам и инициативам. Во многих странах проведение года было воспринято как возможность для обновления, уточнения или разработки норм права, касающихся семейного законодательства и широкого спектра вопросов, имеющих отношение к положению семьи. Проведение года повлияло на структуру и деятельность государственных учреждений, включая министерства, национальные центры по наблюдению за проведением политики в области семьи, исследовательские институты. Активизировалось международное сотрудничество. Прошло несколько региональных конференций по вопросам семьи.

Кульминацией стала международная конференция по вопросам семей 18 и 19 октября 1994 г. в Нью-Йорке в ходе четырех пленарных заседаний ГА. После председателя ГА и Генсека ООН с заявлениями выступили представители 45 делегаций, в том числе от имени Евросоюза, стран Северной Европы, стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Двадцать делегаций возглавлялись министрами или другими высокопоставленными лицами.

Итоги года отражены в докладе Генерального секретаря ООН [12]. Б. Бутрос-Гали напомнил, что год семьи стал элементом процесса отработки концепций и механизмов развития и социального прогресса.

К основным результатам года Генеральный секретарь отнес достижение непосредственной цели года – повышение осведомленности в отношении вопросов семьи, а также, в частности, интегрирование вопросов семьи в процесс развития, широкое признание важного значения поддержки семьи, признание того факта, что многие ключевые вопросы, несмотря на разнообразие форм и функций семьи, являются общими для различных стран и регионов. Генеральный секретарь отметил, что проведение года эффективно способствовало не только поощрению поддержки семьи как основной ячейки общества, но и процессу реализации на уровне семьи таких концепций, как права человека, равенство полов, равенство прав и обязанностей каждого из членов семьи, роль отца в семье, а также охрана интересов ребенка и воспитание детей.

Определились вопросы первостепенной важности, к которым отнесены поддержка социальной функции семьи, особенно в том, что касается воспитания и ухода за детьми, социализации, передачи ценностей и культуры, условий жизни; семья как единица в системе производства и потребления и как элемент защиты окружающей среды; помощь нуждающимся семьям и многие другие. Национальный опыт проведения Международного года семьи выявил многочисленные задачи, в число которых входят следующие: укрепление взаимосвязи между благосостоянием семьи и устойчивым развитием; содействие формированию в обществе условий, благоприятствующих семье, включая информирование общественности, предоставление более широких возможностей семьям, принятие законодательных норм, создание инфраструктуры для решения вопросов семьи; поощрение семей, основанных на принципах партнерства и демократии; укрепление сильных сторон семьи и удовлетворение ее потребностей.

Опыт проведения года позволил Генеральному секретарю сделать вывод о том, что эффективные национальные действия возможны и международное сотрудничество может сыграть важную роль в их активизации. Б. Бутрос-Гали предложил сосредоточить дальнейшие усилия на обмене информацией и опытом, мобилизации ресурсов и знаний, предоставлении технической помощи развивающимся странам.

В фонд добровольных взносов поступило 2 071 524 долл. США. Суммы от 500 до 298 347 долл. внесли 29 государств. Вложились также частные лица и организации. Свыше половины средств фонда поступило от группы руководителей деловых кругов и специалистов из Гонконга. Небольшие субсидии из средств фонда позволили начать осуществление 52 проектов, из них 34 – на национальном уровне, остальные – на уровне мировых регионов или всего мира. Примерами проектов являются тренинг по производству сельскохозяйственной продукции в Чаде, издание книги «Африканская семья» из пятитомника «Семьи мира», издание кулинарной книги «Любимые семейные блюда». Четыре проекта были реализованы в Восточной Европе, среди них – внедрение на Украине консультационных центров для семьи и образовательных программ по семейной жизни (из фонда поступило 35 000 долл. при общей стоимости проекта 416 000 долл.). Для Содружества независимых государств партнерские организации из США, Украины и Словакии реализовали проект по созданию и переводу на русский язык телепрограмм, общей продолжительностью 30 часов, по подготовке к семейной жизни. Программы безвозмездно передавались телекомпаниям стран СНГ, чтобы помочь гражданам перейти к демократии и рыночной экономике в период экономической, политической и социопсихологической трансформаций. Очень сложно дать объективную оценку тому, что принесли эти проекты миру и отдельным странам. Как и всё, что делается людьми, они несут явные и скрытые смыслы, приводят к противоречивым результатам, имеют краткосрочные и долговременные последствия.

ООН в начале 1980-гг. вынесла на обсуждение всего международного сообщества назревшие вопросы о семье и «подключила» к его обсуждению правительства и негосударственных акторов. Скромные результаты ее деятельности воплощены в текстах документов, до сих пор определяющих линию действий организации в этом вопросе, что и подтвердили мероприятия 20-летия. Возможно, что в более позднее время акценты ставились бы по-другому. В 1990-е гг. началось тотальное наступление на семью, даже с использованием механизмов государственной власти и международных институтов. В 2001 г. Нидерланды первая из стран узаконила однополые браки, в настоящее время они юридически допущены в 17 государствах Европы и Латин-

ской Америки. В нескольких десятках стран подобные союзы признаются де-факто или сожительствоующим предоставлены ограниченные права.

Проблематика семьи в ООН 2014 г. дополнена еще одним направлением. По инициативе группы стран, в которую входит и Российская Федерация, вопросы семьи обсуждались на 27-й сессии Совета по правам человека (СПЧ). Дискуссия отразила сложившуюся в ООН ситуацию по вопросам семьи. Как и следовало ожидать, столкнулись позиции двух достаточно четко выделяемых блоков. Первый блок составляют страны, отстаивающие традиционную форму семьи. К ним относятся, помимо России, ряд стран Южной и Восточной Европы, многие страны Африки и Азии. Второй блок образуют США, многие страны Западной Европы и Латинской Америки. На сессии СПЧ желание встать во главе нетрадиционного подхода продемонстрировала Эстония.

Тем не менее итоги заседания СПЧ дают основание утверждать, что тон в ООН задают страны традиционного понимания семьи, именно они инициируют включение вопросов семьи в резолюции органов ООН, в частности СПЧ, и определяют существо итоговых документов. Также подтвердилось, что Российская Федерация сохранила определенное влияние на выработку и принятие решений в ООН по вопросам семьи благодаря принципиальности своей внешней политики и высочайшей квалификации российских дипломатов.

ООН, словно коллективный разум человечества, выявила острую проблему и предложила осуществить несколько маленьких шагов в направлении ее изучения. При всей значимости этой организации она представляет собой всего лишь общий инструмент государств мира. Как на основе полученных данных дальше пойдет работа с семьей, как будут реализованы полученные рекомендации в конкретном месте, на определенном уровне, на практике – зависит не от ООН, а от государств мира и гражданского общества. ООН, созданная на волне победы над фашизмом, воплотившим мировое зло, несет на себе светлый отпечаток главной идеи ее создателей – идеи мира, частью которого, наряду с цивилизованными формами сотрудничества, являются нормально функционирующие социальные институты. И семье как ячейке общества нужен этот мир, и она может и должна участвовать в его построении и поддержании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alger C.* The United Nations System. A Reference Handbook. Santa Barbara etc. : ABC-CLIO, 2006.
2. *Barrata J.P.* United Nations System. Oxford : ABC-CLIO, 1995.
3. *Ябкин А.И.* Организация Объединенных Наций (ООН) – универсальная международная организация общей компетенции. СПб. : С.-Петербург. ин-т внешнеэконом. связей, экономики и права, 2008.
4. *Гришаева Л.Е.* Россия и ООН: История и современность. М. : Компания Спутник+, 2007.
5. *Доклад ООН A/RES/66/126.* Подготовка к празднованию и празднование двадцатой годовщины проведения Международного года семьи URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/466/40/PDF/N1146640.pdf?OpenElement>, свободный (дата обращения: 12.09.2014).
6. *Доклад ООН. A/RES/67/142.* Подготовка и проведение двадцатилетнего юбилея Международного года семьи. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/487/14/PDF/N1248714.pdf?OpenElement>, свободный (дата обращения: 12.09.2014).
7. *Доклад ООН. A/RES/44/82.* Международный год семьи. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/553/23/IMG/NR055323.pdf?OpenElement>, свободный (дата обращения: 12.09.2014).

8. Организация Объединенных Наций. Мероприятия и памятные даты. URL: <http://www.un.org/ru/events/observances/years.shtml>, свободный (дата обращения: 12.09.2014).
9. Доклад ООН. ЭКОСОС. 1985/29. Семья. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/664/79/IMG/NR066479.pdf?OpenElement>, свободный (дата обращения: 12.09.2014).
10. Доклад ООН. ЭКОСОС. 1987/42. Необходимость усиления международного сотрудничества в области защиты и помощи семье. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/675/30/IMG/NR067530.pdf?OpenElement>, свободный (дата обращения: 12.09.2014).
11. Badir D. Family as an environment: an ecosystem perspective on family life. Occasional papers series. № 5. Vienna: UN, 1993.
12. Доклад ООН. А/50/370. Observance of the International Year of the Family Report of the Secretary. URL: <http://www.un.org/documents/ga/docs/50/plenary/a50-370.htm>, свободный (дата обращения: 12.09.2014).

Kuteynikov Alexander E. St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: alex.kuteynikov.sociology@gmail.com

QUESTIONS ON FAMILY IN THE FAMILY OF UN (THE TWENTIETH ANNIVERSARY OF THE INTERNATIONAL YEAR OF THE FAMILY).

Keywords: United Nations; family; UN General Assembly; Human Rights Council; International Year of the Family.

The aim of the article is to set out a short history of the activities of the organs and the organizations of the UN system (or UN Family) in the field of family since 1980s to present. Family has become the object of increasing attention in the United Nations since the early 1980s. The UN General Assembly guided by the resolve of the peoples of the United Nations to promote social progress and better standards of life proclaimed 1994 as the International Year of the Family with the theme: "Family: resources and responsibilities in a changing world". Officially the Year was launched on December 7, 1993 at the 48th session of the UN GA. The major activities of the Year were concentrated at the local, regional and national levels. 157 member States as well as non-state actors assisted by the United Nations and its system of organizations realized a number of programmes and projects in the frameworks of the preparation period to the Year and the Year itself with a view to create among governments, policy-makers and the public a greater awareness of the family as the natural and fundamental unit of society. National priorities established for the Year included employment of family members; health, adoption; childrens' rights in the family and in society; democracy and tolerance, consumption practices, etc. The Year culminated in the Assembly General Sessions on 18 and 19 October 1994 held as an International Conference on Families. The report of the UN Secretary-General on the observance of the International Year of the Family contained a list of approaches which were used to address priority issues of family policies. As an outcome of the Year, policy discussion papers and recommendations for national Governments were elaborated in several countries. Structural features of the UN make it impossible to develop the common approach in the interpretation of the questions of family as well as a single line of action concerning family. Substantially, the UN is limited by the studying and discussing of existing issues, challenges and tasks. During the period after the Year of the Family two blocks of states have been formed in the UN. The first incorporates states which are maintaining the traditional form of family, the second includes states of the non-traditional approach to the status of family. Russian Federation retains influence on the decision-making in the field of family thanks to its adherence to principles and the high qualification of its diplomats. In 2014 the organs and organizations of the UN system celebrate the twentieth anniversary of the International Year of the Family by a number of special events, including the session of the Human Rights Council on September 15, 2015 and the discussion of family issues within the framework of the UN General Assembly agenda.

Key words: United Nations, family, UN General Assembly, Human Rights Council, International Year of the Family.

REFERENCES

1. Alger C. *The United Nations System*. A Reference Handbook. Santa Barbara etc.: ABC-CLIO, 2006. 375 p.
2. Barrata J.P. *United Nations System*. Oxford: ABC-CLIO, 1995.
3. Zyabkin A.I. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsiy (OON) – universal'naya mezhdunarodnaya organizatsiya obshchey kompetentsii* [The United Nations (UN) - a universal international organization of general competence]. St. Petersburg: St. Petersburg Institute for Foreign Relations, economy and law Publ., 2008.
4. Grishaeva L.E. *Rossiya i OON: Istoriya i sovremennost'* [Russia and the UNO. The history and modern times]. Moscow: Kompaniya Sputnik+ Publ., 2007.
5. *Report of the United Nations A / RES / 66/126. Preparation for the celebration and the celebration of the twentieth anniversary of the International Year of the Family*. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/466/40/PDF/N1146640.pdf?OpenElement>. (Accessed: 12th September 2014). (In Russian).
6. *Report of the United Nations. A / RES / 67/142. Preparation and conduct of the twentieth anniversary of the International Year of the Family*. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/487/14/PDF/N1248714.pdf?OpenElement>. (Accessed: 12th September 2014). (In Russian).
7. *Report of the United Nations. A / RES / 44/82. International Year of the Family*. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/553/23/IMG/NR055323.pdf?OpenElement>. (Accessed: 12th September 2014). (In Russian).
8. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsiy. Meropriyatiya i pamyatnye daty* [Organization of the United Nations. Events and Celebrations]. Available at: <http://www.un.org/ru/events/observances/years.shtml>. (Accessed: 12th September 2014).
9. *Report of the United Nations. ECOSOC. 1985/29. Family*. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/664/79/IMG/NR066479.pdf?OpenElement>. (Accessed: 12th September 2014). (In Russian).
10. *Report of the United Nations. ECOSOC. 1987/42 The need to strengthen international cooperation in the field of protection and assistance to the family*. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/675/30/IMG/NR067530.pdf?OpenElement>. (Accessed: 12th September 2014). (In Russian).
11. Badir D. *Family as an environment: an ecosystem perspective on family life*. Occasional papers series. No. 5. Vienna: UN, 1993.
12. *Report of the United Nations. A / 50/370. Observance of the International Year of the Family. Report of the Secretary-General*. Available at: <http://www.un.org/documents/ga/docs/50/plenary/a50-370.htm>. (Accessed: 12th September 2014). (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 902 «18–19»

Л.Б. Щавинская

КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается история формирования строительных инженерно-технических кадров Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Делается попытка классификации технического персонала в строительном производстве в изучаемый период. На основе данных специальной литературы по архитектурно-строительному делу анализируются профессиональные компетенции инженерно-технических специалистов и квалифицированных строительных работников. Выявляются должностные обязанности техников и десятников и причины несчастных случаев, влекущих за собой ответственность при строительстве зданий и сооружений. Внедрение новых способов работ в строительном производстве, усовершенствование технических средств труда вели к повышению компетентности техников и мастеров строительной отрасли.

Ключевые слова: строительные кадры; мастер; техник; обязанности десятника; техника безопасности.

Общий подъем экономики России во второй половине XIX – начале XX в. и активно развивающаяся строительная промышленность требовали большего числа строительных кадров разного уровня. Если история рабочего класса, инженеров и архитекторов изучена в нашей литературе достаточно хорошо, то строительные среднетехнические кадры требуют дальнейшего изучения. Внедрение новых способов работ в строительном производстве, усовершенствование технических средств труда вели к повышению компетентности техников и мастеров строительной отрасли. Экономические изменения затронули также Сибирский регион, вызвав бурный рост гражданского строительства и потребность в квалифицированных строительных кадрах. С середины XIX в. и до начала XX в. слой среднетехнических служащих находился в процессе активного формирования.

В это время складывается определенная система производства строительных работ и выстраивается цепочка исполнителей от заказчика, которым выступает частное лицо или государственное учреждение, до простых рабочих, непосредственных исполнителей заказанных работ. Организационная структура строек состояла из следующих звеньев: производитель работ, приказчик, подрядчик, поверенные подрядчика, техник, главный десятник, мастер и рабочие артели.

Весь строительный технический персонал можно подразделить на три уровня: высший, средний и низший. К первому относились архитекторы и инженеры, окончившие высшее учебное заведение. Все они состояли на службе в строительных комиссиях, губернских и городских управлениях и других общественных организациях. Техники среднего уровня, различных квалификаций чертежники, топографы, землемеры, техники и гидротехники были помощниками инженеров. Они могут быть поделены на канцелярских служащих и полевых работников. К низшему разряду технических

кадров мы отнесли мастеров и десятников, чьи умения были основаны на практическом освоении строительного мастерства.

Если в течение XIX в. происходил процесс дифференциации строительной деятельности на два профиля – архитектора и инженера-конструктора, то в конце XIX – начале XX в. инженер-конструктор, занимаясь своим конкретным делом, был вынужден решать множество самых разных проблем, так что объем необходимых для этого знаний снова стал выходить за рамки неписаных границ одной специальности [1. С. 486]. К кандидатам на должность инженера, должностные обязанности которого увеличивались из года в год, предъявлялись высокие требования. Это было связано с разрастающимся городским хозяйством, мощением улиц, постройкой и обслуживанием водопровода и канализации, введением электроосвещения. Инженер, соединяя современные методы строительства, точные расчеты и красоту, все же, в отличие от архитекторов, не стремился подражать формам, созданным в далекие от современности времена.

В наши дни профессия инженер-строитель относится к специальностям широкого профиля, но сегодня не существует универсального инженера, чьи знания охватывали бы абсолютно все стороны строительства.

Средние техники или техники второго разряда, по мнению инженеров Императорского русского технического общества, должны были обязательно уметь исполнить «всякого рода готовый проект», для чего достаточно было знакомства с элементарной математикой, механикой, графическими искусствами и практическими приемами производства работ. Известный инженер-строитель М.Н. Герсегонов так характеризовал технических специалистов среднего звена: «Тем ценнее средние техники, чем они обладают большей практической опытностью, и потому чем ранее они вступят на практическое поприще, тем профессиональный успех

их будет заметнее... Из этого следует, что чем раньше средние техники окончат свое учение, тем лучше и для них, и для самого дела, требующего, кроме того, большого физического труда, большого здоровья и, следовательно, более молодого возраста. Но при этом они должны быть со средним образованием, профессионально ответственны и знать делопроизводство» [2. С. 75].

Низшие техники, мастера и десятники, должны были осваивать, по большей части, свою профессию на практике: «Чем ниже учебное заведение, тем раньше надо его оканчивать, и скорее поступать на практику. Это еще больше относится к низшим техническим агентам, которые должны иметь продолжительную практику, прежде чем достигнуть степень мастера по какой-нибудь узкой специальности» [2. С. 76].

Еще одно мнение относительно низших техников было также высказано на съезде Русского технического общества: «На низших техниках установились два различных взгляда: первый, тот, что эти лица должны быть слепыми исполнителями приказаний строителя, обладать только полицейскими способностями, а следовательно, для них не надо никаких специальных знаний, и второй тот, что они должны осмысленно исполнять эти приказания, а потому обладать определенными специальными сведениями» [3. С. 67].

В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона дается определение «десятнику» как ближайшему руководителю партии рабочих большего или меньшего состава, смотря по роду работ; например, при производстве земляных работ один десятник может иметь в своем распоряжении до ста и более рабочих; при более сложных работах он ставится к малой артели» [4. Т. 16. С. 14]. Считалось, что успех строительных работ в значительной мере зависел от подбора хороших десятников, знающих дело и умеющих обращаться с рабочими. «Десятник, хорошо знакомый с порученным ему родом работ, должен был, кроме прочего, знать индивидуальные способности каждого из своих рабочих, так как на обязанности его лежит распределить рабочих наиболее выгодным образом для успеха работ и определить каждому из них “урок”, который он должен выполнить, различая рабочих первой и второй руки. Десятник большей частью выбирался из опытных рабочих, отличающихся знанием дела, хорошим поведением и сметливостью. В некоторых случаях он должен был знать какое-нибудь ремесло, например при бойке свай десятник, закоперщик, который обычно был из плотников. Важное условие – грамотность десятника, так как ему приходилось вести счет отработанным каждым рабочим дням (табель; на больших работах для этого бывают особые табельщики), а также рассчитываться с теми рабочими, которые работают на условиях «задельной» платы» [4. Т. 16. С. 14].

Изучение специальной литературы по архитектурно-строительному делу – практические руководства для техников, строителей, подрядчиков, десятников и

мастеров столярно-плотничного дела, каменщиков – дает возможность рассмотреть профессиональные компетенции инженерно-технических специалистов и квалифицированных строительных работников [5–8].

Низшие техники, мастера и десятники, исполнители приказаний, как говорилось выше, по мнению инженеров, должны были иметь достаточно широкие обязанности на строительных работах. Эти правила не были утверждены и представляют собой общий взгляд на профессиональные обязанности десятника. Первая обязанность десятника или старшего мастера – это замещение на постройке и работах самого инженера, подрядчика или другого руководителя работами, у которого десятник находился на службе. Десятник должен был принимать все меры к добросовестному исполнению работ, следить, чтобы работы производились без отступлений от плана и чертежа.

Кроме того, он нес ответственность за качество употребляемых строительных материалов и должен был препятствовать использованию некачественных материалов. Низшим техникам также подчинялись все рабочие, и они самостоятельно распоряжались устройством приспособлений для защиты рабочих от несчастных случаев, следили за исправностью приспособлений, «испрашивая указания от руководителя работами в затруднительных случаях» [9. С. 28]. При особенно опасных и сложных работах десятник обязан был лично следить за исполнением распоряжений своих и руководителя. Он имел право останавливать эти работы и доводить информацию об этом до сведения руководства, поскольку на десятнике также лежала ответственность перед судом за возникновение несчастных случаев. В обязанности вменялись и правила поведения низших техников: «Десятник должен вести себя чинно и благопристойно, подавая пример рабочим на рабочем месте. Должен забыть употребление скверных слов и грубое обращение с рабочими и лицами, посещающими постройку» [9. С. 29].

Ответственность за соблюдение техники безопасности строительных работ возлагалась, безусловно, на низшего техника. Это отражено в следующих пунктах правил: «Техники должны следить и внушать рабочим, чтобы леса не были чрезмерно нагружаемы, следить за состоянием этих сооружений, должны следить за хорошим освещением при производстве работ, в противном случае прекращать работы в тех местах. Во время гололедицы настилы и подмости должны быть посыпаны песком. Не допускать больных рабочих к работам, с головокружением, падучих и т.п.». Низшие техники имели самый тесный, непосредственный контакт с рабочими, и им как руководителям требовалось «вменять» рабочим все указанные выше правила. Правила безопасности требовали от строителей внимательности и понимания значимости соблюдения техники безопасности: «При работах на высоте рабочие должны привязывать себя веревками». «При снятии или поднятии предметов с лесов

работчие не должны ничего делать без особых сигналов, или, не убедившись, что сигнал услышан, начинать работы» [9. С. 29]. Низший техник был обязательно грамотным специалистом. В зависимости от условий его контракта на нем лежала обязанность составления отчетов, табелей по работам, донесений о ходе работ.

В руководствах для технических работников рассматриваются причины несчастных случаев, влекущих за собой ответственность. Очевидно, что в основном аварии при производстве работ происходили по причинам несоблюдения правил, лежащих в зоне ответственности низшего технического персонала. Например: отступление от утвержденного проекта; употребление негодных материалов или плохое исполнение работ; нарушение правил строительного искусства; непринятие мер предосторожности вообще или недостаточная, плохая организация их. При наступлении несчастного случая причины его определялись техником-экспертом или другим специалистом с высшим техническим образованием. Только при доказательстве, что несчастный случай наступил собственно по неосторожности пострадавшего, ответственности не наступало. Также причиной аварии могли являться неправильные конструкции и чертежи, сделанные средними и высшими техническими работниками.

Таким образом, строительные технические кадры, от десятника до среднего техника, несли юридическую

ответственность за правильность выполненных работ и безопасность на строительном производстве.

Модернизация экономики страны, последовавшие социальные перемены в российском обществе, а также хозяйственное освоение Сибирского региона вызвали бурный рост строительной отрасли, что увеличило размеры и число строительных рабочих и обострило спрос на профессионально подготовленные инженерно-технические кадры. Для строительства железнодорожного полотна, выполнение монтажных работ при возведении мостов и других сооружений требовалось не только огромное количество рабочих рук, но и умелое руководство рабочими и производственным процессом.

Результат профессиональной деятельности строительных инженерно-технических кадров в середине XIX – начала XX в. был в полной мере оценен нашими современниками про строительстве Байкало-Амурской магистрали. При лучшей технической оснащенности стройки, использовании более современных строительных материалов и машин все же требовалось огромное количество ручного труда, при этом стройка БАМ так и не достигла запланированных изначально объемов [10. С. 97].

Опыт строительства Транссибирской железной дороги показывает нам готовность инженерно-технического персонала выполнять сложные технические задачи на практике в суровых климатических условиях малонаселенных районов Сибирского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савелов И.Г. Очерки истории строительной науки и техники с древнейших времен до наших дней: время, события, люди. Бишкек, 2003. 516 с.
2. Герсегонов М.Н. О средних и низших технических училищах по строительной части // Записки Императорского русского технического общества и свод привилегий, выдаваемых по департаменту торговли и мануфактур. СПб., 1890. Вып. 6. С. 72–85 (Приложение).
3. Волков Е.С. О памятной книжке для низших техников // Записки Императорского русского технического общества и свод привилегий, выдаваемых по департаменту торговли и мануфактур. СПб., 1890. Вып. 11. С. 67–69 (Приложение).
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVI. СПб., 1895.
5. Клейн Э. Современное столярно-плотничное дело: практическое руководство для строителей, подрядчиков, техников, десятников и рабочих столярно-плотничного дела. СПб., 1914. 112 с.
6. Спутник техника-строителя: практическое руководство для техников, строителей, подрядчиков, десятников и вообще лиц, наблюдающих за постройками. СПб., 1904. 64 с.
7. Подробный указатель по отделам всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел XVII: Строительное и инженерное дело. М., 1896. 83 с.
8. Федоров П.А. Каменная кладка: практическое руководство тесовой, бутовой, булыжной и кирпичной кладки, для каменщиков, строительных рабочих, десятников и т.п. СПб., 1912. 28 с.
9. Сроковский К.И. Строительный мастер: справ. книжка и календарь для десятников, техников, подрядчиков, мастеров и рабочих по строит. делу. Киев, 1908. 141 с.
10. Бойко В.П. Очерки истории строительства сухопутных путей сообщения: (дороги и их строительство как средство хозяйственного и социального развития общества и государства) / В.П. Бойко, В.Н. Ефименко, А.П. Кадесников. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2010. 136 с.

Shchavinskaya Lyudmila B. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kononova@inbox.ru

CLASSIFICATION AND PROFESSIONAL COMPETENCE OF CONSTRUCTION ENGINEERING AND TECHNICAL PERSONNEL OF TOMSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY.

Key words: construction; construction site; foremen; construction technicians; responsibility engineering specialists; technical personnel classification.

The article discusses the history of the formation of construction engineering staff in Tomsk province in the second half of the XIXth – early XXth centuries. Economic changes in the country also affected the Siberian region, causing rapid growth of civil construction and the necessity for skilled construction personnel. We made an attempt to classify technical personnel in the construction industry during the studied period. All construction technical personnel can be divided into three levels: upper, middle and lower. The first group included architects and engineers who had graduated from a higher education institutions. All of them were members of the building commission, provincial and municipal government and other public organizations. Technicians of average level had different qualifications such as draftsmen, surveyors, land surveyors, hydraulic technicians; they were assistants to engineers. In their turn they could be

divided into clerical and field workers. To the lowest category of technical personnel we refer craftsmen and foremen, whose skills had been based on practical experience. On the basis of architectural and construction literature the professional competences of engineering specialists and skilled construction workers are analyzed. Here are identified the duties of technicians and foremen as well as causes of accidents entailing responsibility in building. Technicians were responsible for the devices protecting workers from accidents, maintenance of their tools and devices. The introduction of new ways of working in the construction industry, the improvement of equipment led to increased competence of technicians and craftsmen of the construction industry. Technical personnel, from foremen to average technicians, were legally responsible for the correct performance of work and safety in the construction sites. We investigate the role of engineering and technical personnel in the construction industry. The construction experience of the Trans-Siberian Railway showed the readiness of engineering personnel to perform complex technical tasks in severe climatic conditions of sparsely populated areas of the Siberian region.

REFERENCES

1. Savelov I.G. *Ocherki istorii stroitel'noy nauki i tekhniki s drevneyshikh vremen do nashikh dney vremya, sobytiya, lyudi* [Essays on the history of the construction of science and technology from ancient times to the present: time, events, people]. Bishkek, 2003. 516 p.
2. Gersevanov M.N. O srednikh i nizshikh tekhnicheskikh uchilishchakh po stroitel'noy chasti [On the middle and lower construction technical schools]. *Zapiski imperatorskogo russkogo tekhnicheskogo obshchestva i svod privilegiy vydavaemykh po departamentu trgovli i manufaktur*, 1890, vol. 6, pp. 72-85.
3. Volkov E.S. O pamyatnoy knizhke dlya nizshikh tekhnikov [On the memorial book for the lower technicians]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Tekhnicheskogo obshchestva i svod privilegiy vydavaemykh po departamentu trgovli i manufaktur*, 1890, vol. 11, pp. 67-69.
4. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1895. Vol. XXVI.
5. Klein E. *Sovremennoe stolyarno-plotnichnoe delo: prakticheskoe rukovodstvo dlya stroiteley, podryadchikov, tekhnikov, desyatnikov i rabochikh stol-yarno-plotnichnogo dela* [Modern woodwork and carpentry: a practical guide for builders, contractors, technicians, foremen and workers woodwork and carpentry business]. St. Petersburg, 1914. 112 p.
6. *Sputnik tekhnika-stroitel'ya: prakticheskoe rukovodstvo dlya tekhnikov, stroiteley, podryadchikov, desyatnikov i voobshche lits nablyudayushchikh za postroykami* [The book for the technician-builder: a practical guide for engineers, builders, contractors, foremen and general people watching buildings]. St. Petersburg, 1904. 64 p.
7. *Podrobnnyy ukazatel' po otdelam vse rossiyskoy promyshlennoy i khudozhestvennoy vystavki 1896 g. v Nizhnem Novgorode. Otdel XVII: Stroitel'noe i inzhenernoe delo* [A detailed index for all departments of the Russian Industrial and Art Exhibition of 1896 in Nizhny Novgorod. Division XVII: Construction and engineering]. Moscow, 1896. 83 p.
8. Fedorov P.A. *Kamennaya kladka: prakticheskoe rukovodstvo tesovoy, butovoy, bulyzhnoy i kirpichnoy kladki, dlya kamenshchikov, stroitel'nykh rabochikh desyatnikov i t.p.* [Masonry: A practical guide plank, rubble, cobblestone and brick, bricklayer, construction workers, foremen, etc.]. St. Petersburg, 1912. 28 p.
9. Srokovskiy K.I. *Stroitel'nyy master: sprav. knizhka i kalendar' dlya desyatnikov, tekhnikov, podryadchikov masterov i rabochikh po stroit. delu* [The building master: a guide and calendar for foremen, technicians, contractors, supervisors and workers]. Kiev, 1908. 141 p.
10. Boyko V. P. *Ocherki istorii stroitel'stva sukhoputnykh putey soobshcheniya: (dorogi i ikh stroitel'stvo kak sredstvo khozyaystvennogo i sotsiokul'turnogo razvitiya obshchestva i gosudarstva)* [Essays on the history of railways construction land (roads and their construction as a means of economic, social and cultural development of society and the state)]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building Publ., 2010. 136 p.

**ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕНИИ
ФАКУЛЬТЕТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК МГУ (1921–1925 гг.)**

Исследуются практики обучения студентов на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук (ОПО ФОН) Московского государственного университета в 1921–1925 гг. Показано, что дореволюционный университетский опыт был отвергнут. Новая система и практики образования на ОПО ФОН находились в стадии формирования и подчинялись сформулированной большевистской властью задаче – сформировать специалистов в различных областях советского строительства, идеологов, способных работать в прессе, сфере образования, культуре, науке. Отмечаются огромный приток неподготовленной молодежи на ОПО ФОН и массовое ее отчисление, а также сокращение преподавания профессиональных дисциплин в пользу идеологизированных. Показано, что к преподаванию привлекались бывшие деятели революции, которые вели более половины занятий. Требования к знаниям и подготовке студентов неуклонно снижались. Акцент в обучении был перенесен на самостоятельную работу. Учебные планы и требования обучения находились в процессе постоянного изменения.

Ключевые слова: общественно-педагогическое отделение; обучение; МГУ.

Общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук просуществовало в МГУ с 1921 по 1925 г. и было закрыто вместе с самим ФОНОм. История ФОНа, как и история ОПО, отражает извивы большевистской власти по поиску новых форм организации высшей школы в марксистском духе, поэтому нуждается в кратком предисловии.

В лапидарном виде предыстория ОПО ФОН выглядит так. Пришедшие к власти в результате революции 1917 г. большевики полагали, что в перестройке нуждается весь комплекс общественных отношений. Высшая школа не стала исключением и должна была, как тогда говорили, подвергнуться «пролетаризации», т.е. резко изменить социальный состав студентов [1]. 2 августа 1918 г. СНК РСФСР издал Декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» и Постановление СНК РСФСР «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства», которые разрешали становиться студентами вузов лицам, достигшим 16 лет без представления аттестата о среднем образовании [2. С. 56]. В октябре 1918 г. Декрет СНК РСФСР отменил ученые степени и звания [2. С. 72, 73]. 3 марта 1919 г. Народный комиссариат Просвещения (НКП) издал специальное Постановление, которым закрывались юридические факультеты и исторические отделения историко-филологических факультетов, а вместо них учреждались факультеты общественных наук. ФОНам предписывалось «распространять <...> идеи научного социализма и материалистического мировоззрения во всех областях общественно-педагогического и переработать учебные планы в соответствии с политическими переменами в обществе [3. С. 16].

В Московском университете ФОН был создан 14 апреля 1919 г. Первоначально на факультете было три отделения: экономическое (руководитель – проф. Я.Ф. Генин), юридико-политическое (руководитель – проф. А.М. Винавер), историческое (руководитель – проф. А.Д. Удальцов) [4. С. 299]. ФОН МГУ был призван подготовить специалистов в различных «обла-

стях советского строительства <...>, «создать идеологов советского строя», выдвинуть из «беспартийной массы студенчества <...> не только специалистов, но и сознательных, активных, преданных пролетарской идее работников <...>, слуг пролетарской революции», которые смогут работать «профессорами, преподавателями, журналистами, газетными работниками и т.д.» [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 93. Л. 9].

Осенью 1920 г. руководство НКП и ФОН МГУ приступили к пересмотру учебных планов. В.П. Волгин, декан ФОН (1921) и ректор МГУ (1921–1925), так определил приоритеты в деле подготовки историков: «Основным циклом исторического отделения должен быть историко-педагогический цикл» [4. С. 299]. Заместитель наркома НКП М.Н. Покровский говорил о необходимости «ограничить деятельность преподавателей высшей школы твердыми программами, потребовать от них знания марксистской литературы» [6. С. 192]. 19 ноября 1920 г. Декретом СНК «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» предписывалось создать при НКП комиссию для пересмотра и подготовки новых учебных планов и программ по общественным наукам, а также составить «списки лиц, коим может быть поручено преподавание общественных наук по новым планам и программам» [7]. 4 марта 1921 г. было издано Постановление СНК РСФСР «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов», в результате произошла реорганизация ФОНа МГУ: именно тогда отделение было преобразовано в общественно-педагогическое.

Всего, после реформаций и новообразований, на ФОНе стало 7 отделений (или секций): общественно-педагогическое, правовое, экономическое, внешних сношений, статистическое, литературно-художественное, этнолого-лингвистическое. В 1922 г. в связи с ликвидацией Московского археологического института к ним прибавилось археологическое отделение [4. С. 300, 301]. В 1923 г. литературно-художественное и этнолого-лингвистическое отделения были сведены в

единое отделение литературы и языка [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 93. Л. 6].

Демонстративная ликвидация всякого отбора привела к массовому притоку в ФОН неподготовленных студентов, чего, возможно, не было в силу специфики знания, на естественных факультетах. Одним следствием такой пролетаризации университета было последующее отчисление этих неподготовленных масс, которые, по видимому, никакой связи с ним не ощущали, необходимой образовательной базы не имели, были слабо мотивированы, не обладали привычкой к систематическому умственному труду. По официальным данным, на 1 января 1923 г. численность студентов ФОНа составляла 6 522 чел., за год окончило ФОН 340 чел., «выбыло до окончания за невыполнение академического минимума, за неявку на регистрацию и т.п. 2 519», вновь поступило 1 178. На 1 января 1924 г., по одним данным, числилось 4 770 студентов, по другим 4 764 [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 64. Л. 4; Д. 93. Л. 8]. Иначе говоря, за год было отчислено около 40% всех студентов. Ситуацию не спасало и то, что на ФОН поступали в подавляющем большинстве члены РКП(б) и РКСМ. Из 1178 вновь поступивших в 1924 г. студентов 72,5% были членами РКП и РКСМ [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 93. Л. 8].

В 1924 г. НКП провел аттестацию вузов, выявившую слабую подготовку студентов, которых вновь массово отчислили, а в 1925 г. начались закрытие и преобразование ФОНов [4. С. 303, 304]. ФОН МГУ, оцененный комиссией достаточно высоко в плане подготовки марксистских кадров обществоведов, намеренно подчеркнув его отличие от физико-математического и медицинского факультетов («от которых на пушечный выстрел несет Средневековьем»), был реорганизован [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 93. Л. 9].

Другим следствием стало массовое привлечение к преподавательской деятельности бывших участников революционного движения (не обязательно большевиков), разделяющих марксистскую идеологию, и изгнание старой профессуры «русской школы». 28 февраля 1924 г. комиссия по реорганизации ФОН констатировала, что на бывшем юридическом факультете и историческом отделении историко-филологического факультета первоначально преподавала «сплошь антисоветская профессура», а спустя 5 лет из 260 профессоров и преподавателей (за исключением отделений языка и литературы и археологии) «71% составляли коммунисты и марксисты (коммунистов – 100 человек) и 29% оставались беспартийными» [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 93. Л. 8].

Третьим следствием стали неразбериха и частые изменения учебных планов. Инициатором модификаций нередко выступало само пролетарское студенчество [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 93. Л. 13]. Сопоставление двух редакций учебных планов за 16 сентября и 22 октября 1924 г. показывает расхождения на 1/3 по перечням предметов и еще более значительные – по циклам [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 100. Л. 56 – 56 об.; Ф. 1609. Оп. 6. Д. 111. Л. 1 – 1 об.].

Президиум общественно-политического отделения сначала возглавлял известный англовед А.Н. Савин, а после его смерти в 1923 г. – педагог, профессор Г.О. Гордон [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 64. Л. 5].

Теперь остается выяснить, чему и как учили и что преподавали на ОПО ФОН МГУ. Документы – переходные требования с курса на курс, учебные планы и др. – показывают, что на ОПО, как преемнике исторического отделения, история сохранилась в редуцированном виде. Она была существенно потеснена в пользу различных марксистских обществоведческих и педагогических курсов. Из сохранившегося перечня переходных требований (к сожалению, без упоминания дисциплин) по ОПО за 1922/1923 учебный год видно, что для перевода с 1-го курса на 2-й следовало сдать 13 экзаменов и один семинарский зачет, для перевода со 2-го курса на 3-й требовалось сдать 9 экзаменов (3 – по предметам общефакультетского цикла, 4 – по основным историческим предметам, 1 – по предмету школьного цикла и 1 – по дополнительному историческому курсу) и получить 3 семинарских зачета (из которых 1 – по школьному циклу), за 3-й курс надлежало сдать 8 экзаменов (5 – по основным историческим предметам, 2 – по предметам из школьного цикла и 1 – по дополнительному историческому курсу) и 4 семинарских зачета (из них 1 – из школьного цикла предметов).

В мае 1923 г. переходные требования существенно сократились. Теперь, чтобы перейти с 1-го курса на 2-й, требовалось получить зачеты или экзамены (документ не указывает точно) по 6 дисциплинам: «Политической экономии», «Историческому материализму», одному историческому курсу по выбору и по одному из семинариев – либо историческому, либо по политической экономии, либо по историческому материализму. Две дисциплины – новый иностранный язык и один из предметов «естественно-научного минимума» – объявлялись факультативными, т.е. их достаточно было просто посещать. Первоначально к переходным требованиям относилась «Психология», но напротив этой дисциплины в скобках дописано: «исключить». Для того чтобы перейти со 2-го на 3-й курс, требовалось сдать 9 дисциплин: «История мировоззрения», «История развития общественных форм», «История социализма», «Политическая история России XIX в.», «История Запада XIX в.», «История народного образования в связи с историей педагогических учений», который, отмечено, ученому совету разрешалось заменять семинарием. Судя по последнему замечанию, 6 вышеперечисленных дисциплин были лекционными курсами. К ним добавлялась отчетность по 3 семинариям – по «Политической экономии», по «Всеобщей истории», по «Историческому материализму» [5. Ф. 1609. Оп. 6/16-1. Д. 63. Л. 1–4].

Документ содержит любопытную приписку: «Для лиц, переведенных на 2-й курс в текущем академическом году, переходные требования устанавливаются в

10 зачетов и 1 семинарий. Из них обязательны: 1) Политическая экономия, 2) Исторический материализм, 3) Конституция РСФСР (зачеркнуто карандашом. – Т.К.) 4), один исторический курс» [8, Ф. 1609. Оп. 6/16-1. Д. 63, 4], которая свидетельствует, что, во-первых, переход с курса на курс был возможен и в течение учебного года, во-вторых, только часть дисциплин, включенных в переходные требования, была обязательной, в-третьих, требования к студентам сильно минимизировались и свелись всего к трем дисциплинам.

Ориентация на упрощение образования реализовывалась в двух формах. Первая – сокращение преподавания специальных академических дисциплин, которые подменялись политизированным марксистским обществоведением. В осенний триместр 1923 г. на ФОН, констатировала комиссия НКП, «преподаватели коммунисты и марксисты дали в общей сложности 4 085 часов лекций и практических занятий, или 64,6% всей суммы часов за триместр, а немарксисты преподаватели – 2 235 часов, или 35,4%» [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 93. Л. 8]. Вторая – стремление отказаться от лекционных курсов в пользу самостоятельной работы студентов в семинариях и семинарских кружках. Только в 1923 г. на ФОН число семинарских групп увеличилось с 79 до 231, а на ОПО – с 22 до 58. Но та же комиссия НКП констатировала, что на ФОНе пока не удается ликвидировать лекционные курсы: «Лекционная система на факультете остается постольку, поскольку мы не в силах от нее отказаться по независящим от нас условиям, но только семинарские занятия являются основным методом преподавания» [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 93. Л. 8].

Судя по специально разработанному положению о семинарии, последний предполагал самостоятельную проработку курса студентами под контролем секретаря из трех студентов, главный из которых (секретарь) должен был поддерживать связь с преподавателем, руководителем семинария, докладывать ему о посещаемости, получать от него методические указания и списки литературы. Семинарии делились на кружки по 3–5 человек во главе со старостой. В кружках студенты коллективно прорабатывали отдельные темы, что фиксировалось в специальных дневниках. Старосты контактировали не с руководителем, а секретарем семинария. Время от времени вся семинарская группа должна была встречаться с преподавателем, руководителем семинария и обсуждать «возникающие вопросы». По окончании триместра протоколы и ведомости семинариев сдавались в деканат, а дневники кружков поступали туда же в конце академического года. Правила предусматривали исключение из семинария за непосещение его общих собраний в течение трех раз [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 93. Л. 1]. Думается, что отчислялись студенты за непосещение семинариев все-таки редко, поскольку сами общие собрания в течение триместра едва ли проходили более 3–6 раз.

Учебные планы за 1923/24 и 1924/25 гг., которые имеются в нашем распоряжении, показывают, что

учебный год делился на три триместра. Студенты 1-го курса ОПО ФОН в 1923–1924 гг. должны были посещать просеминарии (2 часа в неделю в течение 2 триместров), где для них проводилось начальное знакомство с предметом: по «Политической экономии», «Историческому материализму», «Истории общественных формаций», лекции по курсам «Общее учение о государстве и государственном строе советских республик» (который по желанию допускалось освоить просеминарским способом), «История социализма», «История материализма», «Политическая экономия» (все 2 часа в неделю, 2 триместра), «XIX и XX века в истории России и Запада (эпоха финансового капитализма)» (4 часа в неделю, 3 триместра), а также занятия по «одному из новых языков» (2 часа, три триместра) [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 85. Л. 1–2]. На 2-м курсе (к сожалению, в документе далее не указано число часов и триместров) студенты ОПО работали в семинариях по «Экспериментальной педагогике», «Историческому материализму повышенного типа», «Истории России XVII–XIX вв.» или «Истории Запада XVII–XIX вв.», слушали лекции по «Истории рабочего класса и рабочего движения», либо «Истории социализма», «Истории народного хозяйства», либо «Истории современного мирового хозяйства» (на момент составления плана названия курсов, видимо, не были еще до конца определены), «Психологии», «Современным педагогическим учениям», по курсу «Методы работы со взрослыми», могли посещать факультативные семинарии по «Истории Российской Коммунистической партии», «Исторической географии», «Истории религии», «Истории раннего христианства», «Истории социализма» [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 85. Л. 4]. На 3-м курсе студенты работали в семинариях по «Истории революционного движения в России» либо «Истории революций Запада», по «Методике обществоведения в школах и внешкольных учреждениях», и по выбору по «Истории средних веков» или «Древней истории», слушали лекции по «Истории хозяйственного развития России», «Просветительской политике РСФСР и организационным формам просвещения», «Школьной гигиене», «Гражданскому праву» (последние два курса помечены как «необязательные»), могли посещать факультативные семинары по «Истории интернационала», «Философии материализма», «Экскурсионному делу и краеведению», «Методологии истории», «Технике исторического исследования» [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 85. Л. 4–4 об.].

Вероятно, воспроизведенные учебные планы были неполны либо допускали большую, чем в них было отражено, вариативность. Об этом свидетельствует приведенное ниже «обозрение» курсов и семинариев. Из этого обозрения видно, что на ОПО читали курсы и вели занятия проф. С.В. Бахрушин («Московский период русской истории» – лекционный курс, 2 часа, «Начальная русская летопись» – семинарские занятия, 4 часа), проф. М.М. Богословский («История России в XVIII в. – лекц. курс, 2 часа, «Русская правда», «Исто-

рия России в XVIII в.» – сем. занятия, по 2 часа в неделю каждый), проф. В.А. Боголюбов («История крестьянства в России» – лекц. курс, 2 часа, сем. занятия по крестьянскому вопросу, 4 часа), проф. В.Н. Бочкарев («Основные течения в русской исторической науке» – лекц. курс, 2 часа либо в качестве альтернативы с тем же количеством часов 2 курса: «История народного хозяйства в России», «История торговли в России», а также «Школы экономического материализма в русской истории» – сем., 2 часа, либо, как альтернатива, сем. «Крестьянские движения в России в XIX–XX вв.»), проф. А.М. Васютинский («История утопического социализма» – лекц. курс, 2 часа, «Социальный роман-утопия конца XIX – начала XX в.» – сем., 2 часа, «История якобинского клуба» – сем., 2 часа), проф. Н.А. Гейнике «Экскурсионное дело и краеведение» – лекц. курс и сем. под тем же названием, по 2 часа каждый), проф. А.К. Дживелегов («История Реформации» – лекц. курс, 2 часа), проф. С.М. Дубровский («История эпохи первоначального накопления», «История июльской монархии и 48-й год во Франции», «Экономическая история Польши эпохи разделов», «Историография нового времени», «История колоний и колониальной политики западноевропейских стран» – все лекционные курсы, по 2 часа, «Происхождение и развитие капиталистических тенденций на западе Европы в XIV–XVI в.» – сем., 2 часа. Единственный курс, который присутствует одновременно в учебном плане и в «обозрении», – это курс «История материализма», лекц. 2 часа, читаемый проф. В.В. Адоратским, за которым аналогичные семинары вели Я.А. Берман и неидентифицированный нами преподаватель Галкин. Последний, кроме того, читал два лекционных курса «История социализма в России» и «История европейского социализма и социалистического движения за последние 50 лет», по 2 часа каждый [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 85. Л. 5–5 об.].

Сохранились переходные требования, необходимые для перевода с курса на курс. Они минимальны или даже аскетичны. Для перевода с 1-го на 2-й курс нужно было отчитаться всего по 2 лекционным курсам: «Политическая экономия» и «XIX и XX века в истории России или Запада (эпоха финансового капитала)», а также 3 семинариям – «Политическая экономия», «Исторический материализм», «История развития общественных форм». Для перевода со 2-го на 3-й курс требования оставались практически такими же: 3 семинария – «Педагогический», «Исторический семинарий по выбору», «По историческому материализму повышенного типа» и 4 лекц. курса – «История народного хозяйства», «История социализма», «История Западной Европы XIX в.», «Современные педагогические учения в связи с историей педагогических учений вообще». Но даже эти необременительные занятия можно было сократить, поскольку «Исторический семинарий» и курс «История социализма» можно было заменить одним семинарием «По истории социализма». Для того чтобы

закончить ОПО ФОН, достаточно было отчитаться по 3 семинариям – «Методика обществоведения в школьных и внешкольных учреждениях», «История революционного движения в России и на Западе», исторический семинарий по выбору, и 3 лекционным курсам – «История хозяйственного развития России», «История рабочего класса и рабочего движения», «Экономическая политика СССР» [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 111. Л. 5]. Заметим, что в названиях семинариев и лекционных курсов для 1-го и 2-го годов обучения встречаются минимальные расхождения, а в переходных требованиях для окончания ОПО ФОН появились дисциплины, которых не было в учебном плане за 1923/24 учебный год. Это еще раз подтверждает, что какие-то изменения в учебный план вносились уже в ходе его реализации.

Учебный план ОПО за 1924/25 гг. датирован 22 октября 1924 г., что говорит о том, что он, скорее всего, был подвергнут пересмотру по итогам аттестации. Кроме того, в плане отсутствует перечень дисциплин, предназначенных для первого курса, и не проставлено количество еженедельных часов. Около половины семинариев, факультативов и лекционных курсов отличаются от тех, что преподавались в 1923/24 учебном году, и можно отметить несколько большую их элективность. В плане напротив одних курсов и семинариев могли стоять фамилии ведущих их преподавателей, напротив других – нет. На 2-м курсе студент ОПО должен был работать в трех семинариях: первый из них – «Исторический материализм» (Б.И. Горев) – был обязательным, два других имели вариативность. Студенты могли, в одном случае, выбрать либо семинарий по «Политической экономии» (преподаватели Сокольский б/и, А.Д. Удальцов, М.В. Вольфсон), либо по «Октябрьской революции», либо по «Истории рабочего движения», в другом случае – один из трех педагогических семинариев: «Трудовая школа» (Н.В. Шульгин, А.П. Пинкевич), «Фазауч»¹ (записаны были В. Никитин и Р.И. Грубер, но фамилии обоих зачеркнуты), «Методы работы со взрослыми» (А. Петров). Кроме того, был факультативный семинарий «История социализма в России» (вел Б.И. Горев). Студентами читались 4 обязательных лекционных курса: три фиксированных – «История РКП в связи с ленинизмом» (читали В.В. Адоратский, С.И. Мицкевич), «Экономическая политика» (М.Г. Бронский), «Экономическая география» (Н.П. Огановский) и один вариативный. Студент мог выбрать один из исторических курсов: либо «Историю Франции» (В.С. Сергеев), либо «Историю колониальной политики» (Н.А. Дубровский), «Историю Запада эпохи торгового капитала» (Е.А. Косминский). Можно было посещать еще два факультативных курса: «История социализма на Западе» (В.П. Волгин) и «История народного хозяйства» (М.И. Спектатор) [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 111, 1].

На 3-м курсе студенты могли работать в семинариях по «Истории РКП и ленинизму» (вели С.С. Кривцов, В.В. Адоратский, Е.А. Мороховец), выбрать один се-

минарий по истории из семи предлагаемых – «История германской социал-демократии» (Н.М. Лукин), «История Французской революции» (Г.С. Фридлянд), «Аграрная программа политических партий 1905 г.» (Е.А. Мороховец), «Происхождение капитализма» (Н.А. Дубровский), «Промышленный переворот в Англии» (В.М. Лавровский), «История Октябрьской революции» (Н.А. Дубровский), «По домарксовскому социализму» (В.П. Волгин) и один из шести семинариев по педагогике – «Методика обществоведения» (Б.Н. Жаворонков, С.Н. Дзюбинский), «Изучение города и деревни в связи с программой ГУСа²» (Г.Г. Шенберг), «Проведение краеведческой экскурсии в связи с программой ГУСа» (Н.А. Гейнике), «Педагогика» (Н.В. Шульгин), «Пионерское и комсомольское движения» (Н.Л. Херсонская, М.В. Крупнина), «Методы работы со взрослыми» (А. Петров).

Кроме того, студенты могли посещать следующие факультативные семинарии: «Введение в диалектический материализм» (Л.А. Аксельрод), «Методы антирелигиозной пропаганды» (В.С. Рожицын, В.Н. Соробянов), «История материализма» (В.К. Сережников). Студент слушал 5 курсов: «История рабочего движения» (В.Я. Яроцкий), «Экономическая политика» (М.Г. Бронский), «Экономическая география» (Н.П. Огановский, М.И. Галицкий), «Основы советской системы воспитания» (Бэм, б/и), «История международных отношений» (П.Ф. Преображенский) и также дополнительно можно был прослушать еще 6 факультативных курсов: «Историческая география России» (М.К. Любавский), «Методы работы со взрослыми» (А. Петров), «Анатомия и физиология», «Рефлексология» (оба курса б/и авторов), «Научная организация труда» (И.Н. Шпильрейн), «История английского капитализма второй половины XIX и начала XX вв.» (В.М. Лавровский) [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 111. Л. 1–1 об.].

По окончании ФОНа студенты должны были сдавать государственные экзамены, а также писать и публично защищать под руководством профессоров «квалификационные работы» [5. Ф. 1609, Оп. 6. Д. 111. Л. 4–4 об.]. Для всех выпускников ФОН в 1925 г. обя-

зательными государственными экзаменами были «Политическая экономия» и «Исторический материализм», помимо них каждое отделение сдавало еще три собственных экзамена по специальности. Для ОПО такими дисциплинами стали: «Педагогическая тема», «История России XIX и XX вв.», «История Западной Европы XIX и XX вв.» [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 94. Л. 14, 38]. Экзамены по «истмату» и «политэкономии» сдавали в январе 1925 г. В списках успешно их сдавших фигурирует фамилия будущего известного историка Крестьянской войны в Германии Моисея Менделеевича Смирин, который, однако, «не выдержал» испытание по некоему, не названному, «специальному предмету». Поэтому, вероятно, его фамилия отсутствует среди тех, кто успешно сдал государственные экзамены в сессию декабря 1924 – января 1925 г. Зато там можно увидеть фамилии в будущем знаменитого археолога, открывателя новгородских берестяных грамот Арциховского Артемия Владимировича и известного психолога, соратника Л.С. Выготского Сахарова Леонида Соломоновича [5. Ф. 1609. Оп. 6. Д. 95. Л. 11 об., 12 об.; Д. 114. Л. 8, 10]. Окончательный выпуск на ФОНе, видимо, происходил в осенний триместр. Известно, что историк Б.Ф. Поршнев выпустился с ОПО ФОН в октябре 1925 г. [8. С. 549].

Из приведенного перечня преподавателей и предметов видно, что около половины педагогического коллектива были бывшими деятелями революционного движения, академическая карьера которых началась после Октябрьской революции; в учебном плане преобладали общественные, социальные, экономические и педагогические дисциплины. Хотя ОПО было преемником исторического отделения, специальные исторические дисциплины – палеография, дипломатика, сфрагистика и пр. – в учебном плане отсутствовали. Нет в нем и древних языков. Новый иностранный язык упомянут sporadически, и на нем планы не акцентируются. Трудно сказать, какие из ОПО выходили управленцы, но очевидно, что обществоведы должны были оканчиваться в массе своей начетниками примитивизированного марксизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фазавуч – школа фабрично-заводского ученичества.

² ГУС – Государственный ученый совет (1919–1933), орган при НКП, проводящий государственную политику в сфере образования и науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Д. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // Новое литературное обозрение. 2008. № 8.
2. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. М., 1918. Вып. 1.
3. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. М., 1919. Вып. 2.
4. Лагно А.Р. Факультет общественных наук Московского университета как школа подготовки специалистов для советского государственного аппарата // Ученые труды факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2009. Вып. 7.
5. Центральный государственный архив города Москвы.
6. Купайгородская А.П. Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // Власть и наука, ученые и власть, 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003.
7. Декрет Совета Народных Комиссаров «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р.» ГКД: www. http://istmat.info/node/42824, свободный.
8. Поршнев Е.Б. Реальность воображения (записки об отце) // Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2007.

Kondratieva Tatyana N. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ktamara1960@yandex.ru

TEACHING STUDENTS AT THE SOCIAL-PEDAGOGICAL DEPARTMENT OF THE SOCIAL SCIENCE FACULTY OF THE MOSCOW STATE UNIVERSITY (1921–1925).

Keywords: Social-Pedagogical Department; teaching; Moscow State University.

The Bolsheviks, who came to power after the 1917 Revolution, believed that they should restructure the whole complex of social relations. The higher school was not an exception and it had to be, as the rhetoric of the time went, “proletarized” which implied changing the social composition of students. In 1919, the Bolshevik power closed Law Faculties and Historical Departments of Historical-Philological Faculties at universities. Instead, they established so-called Social Science Faculties. The article considers teaching students at the Social-Pedagogical Department of the Social Science Faculty of the Moscow State University from 1921 to 1925. It describes the process of the Social Science Faculty and the Social-Pedagogical Department establishing as well as the history of their further reorganization. It also enumerates the aims pursued by the Bolsheviks in developing a new educational structure. The author highlights that the pre-revolutionary academic experience was rejected. Simultaneously, a new system and teaching practice were emerging. They were molded to correspond to the task set forth by the Bolsheviks: training specialists in different fields of the Soviet framework, ideologists able to work in the media, education, culture, and science. A huge number of young people were enrolled at the Social-Pedagogical Department. A lot of them were unprepared to acquire new knowledge and, consequently, were expelled. Besides, the author draws attention to the reduction of vocational courses in favor of ideological ones. She points out that the university administration employed ex-revolutionaries who taught social courses supplanting professional ones. Therefore, the academic requirements were lowered. The effort to simplify the curriculum resulted in two tendencies. The first one was reducing specialized academic courses which were substituted by the politically loaded Marxist social science. The second tendency was replacing lectures with practical student-self study in ‘seminaries’ and seminar small groups. Curricula and academic requirements had been constantly altered and transformed. Although the Social-Pedagogical Department was the successor of the pre-revolutionary Historical Department, its curricula did not provide specialized historical courses, such as paleography, diplomatics, sphragistics etc. Ancient languages were not taught either. Modern foreign languages were rarely included and not emphasized. It is hard to say whether or not the Social-Pedagogical Department trained effective executives, but, apparently, social scientists had to be but primitive Marxism doctrinarians.

REFERENCES

1. Andreev D. “Krasnyy student” i politika proletarizatsii vysshey shkoly [The “red” student and the politics of high school proletarianization]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2008, no. 8.
2. *Collection of decrees and regulations workers' and peasants government on public education*. Moscow, 1918. Issue 1. (In Russian).
3. *Collection of decrees and regulations workers' and peasants government on public education*. Moscow, 1919. Issue 2. (In Russian).
4. Lagno A.R. [The Faculty of Social Sciences of Moscow State University as a school of training for the Soviet state apparatus]. *Uchenye trudy fakul'teta gosudarstvennogo upravleniya MGU* [Scientific Proc. of the Faculty of Public Administration of Moscow State University], 2009. Issue 7. (In Russian).
5. The Central State Archive of the City of Moscow. (In Russian).
6. Kupaygorodskaya A.P. *Ob'edinenie nauchnykh i vysshikh uchebnykh zavedeniy Petrograda (1917 – 1922)* [Combining research and higher educational institutions of Petrograd (1917 - 1922)]. In: Smirnov N.N. (ed.) *Vlast' i nauka, uchenye i vlast', 1880-e – nachalo 1920-kh godov* [Power and science, scientists and power, 1880 – the beginning of the 1920]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2003. 528 p.
7. Decree of the Council of People's Commissars “On the reorganization of the teaching of social sciences in higher education of the RSFSR”. Available at: [www. http://istmat.info/node/42824](http://istmat.info/node/42824). (In Russian).
8. Porshneva E.B. *Real'nost' voobrazheniya (zapiski ob otse)* [The reality of the imagination (notes about father)]. In: Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsikhologii)* [On the beginning of human history (the problems of paleopsychology)]. St. Petersburg, 2007. 634 p.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» СОВЕТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА И ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ (1964–1985 гг.)

Рассматриваются проблемы межэтнических отношений в Казахстане в период действительного сближения советских народов. Автор считает, что в этот период действительно складывались отношения доверия и солидарности между представителями различных народов, населявших Казахстан. В то же время в этот период постепенно развиваются практики этнических преференций, влиявших на межэтнические отношения и отток славянского населения за пределы республики. Серьезной проблемой становятся отношения с крупнейшими национальными меньшинствами – немцами и уйгурами, выступавшими за создание своих национально-территориальных автономий. Попытки автономизации были пресечены, что вызвало впоследствии немецкую эмиграцию.

Ключевые слова: национальная политика; казахи; русские; немцы; уйгуры; межэтнические конфликты; автономизация; национализм.

Современные тенденции этнополитических процессов в Казахстане в значительной степени определяются предшествующим периодом истории Казахской ССР. Речь идет, прежде всего, о складывании определенных норм межэтнических отношений и формировании казахстанской идентичности. В советской историографии проблемы межэтнических отношений изучались в контексте дружбы и сближения социалистических наций. В казахстанской историографии доминирует критический дискурс по отношению к советской национальной политике [1, 2]. В западной советологии в 1970–1980-е гг. этнополитические процессы в СССР анализировались через призму потенциального цивилизационного конфликта европейских и мусульманских народов, вероятность которого повышается по мере усиления разрыва в социальном и демографическом развитии отдельных регионов страны и, соответственно, неравномерного естественного прироста численности европейского и мусульманского населения. З. Бжезинский в 1989 г. прогнозировал усиление конфликтности в советском обществе из-за существования множества вертикальных и горизонтальных «конфликтных черт». По вертикали, указывал американский политолог, развиваются конфликтные и конкурентные отношения между русскими и титульными нациями, по горизонтали – между титульными нациями и нерусскими этническими меньшинствами или соседними титульными нациями, проживающими на территории друг друга (например, армяне и азербайджанцы) (цит. по: [3. С. 35, 36]).

На наш взгляд, социально-демографические процессы оказали существенное влияние на этнополитические процессы в Центральной Азии и Казахстане, но не в такой жесткой детерминистской зависимости, как это представляется сейчас. Центробежные тенденции в союзных республиках Центральной Азии были слабы, народы региона были удовлетворены социальной и национальной политикой Советского государства. В развитии социальной структуры республик Центральной Азии возникли серьезные, но со временем преодолимые проблемы, связанные с неравномерностью модернизации и возникновением глубоких различий в

социокультурном и демографическом развитии «европейской» и «мусульманской» части населения.

В Казахстане этническая дифференциация главным показателем модернизации – урбанизации и социально-профессиональной стратификации – четко обозначилась между казахской и русской частью населения. Казахстанские русские преобладали в промышленности, транспорте, связи, энергетике, обслуживании информационно-вычислительной техники, банковско-кредитных учреждениях.

Преобладание русских в индустриальном секторе было обусловлено миграцией индустриальных кадров в предшествующий период, когда из соседних областей РСФСР на казахстанские промышленные стройки прибывали инженерно-технические работники и рабочие. По расчетам В.И. Переведенцева, в первой половине 1960-х гг. на 100 человек, выбывших из Казахстана, приходилось 158–170 прибывших сибиряков и уральцев в возрасте 16–30 лет, имевших высокий образовательный уровень [4. С. 132].

Тогда же, в 1960–1970-е гг., в Казахстане активно строились предприятия ВПК (ракетный завод в Петропавловске, биохимические предприятия в Степногорске, ядерные комбинаты Министерства среднего машиностроения в Усть-Каменогорске и Шевченко), в которых техперсонал также формировался за счет завоза специалистов из других республик. Завоз квалифицированных специалистов из европейской части страны был обусловлен тем, что Казахстан отставал в 1960-е гг. от других республик в подготовке специалистов с высшим и средним специальным техническим образованием [5. С. 140, 141]. Сказывался и ведомственный подход союзных министерств, предпочитавших набор уже подготовленных кадров из центральных вузов страны вложениям в высшее техническое образование в Казахстане. Приезжие специалисты получали лучшую жилплощадь, высокую заработную плату и социальные льготы. Республиканские власти также не могли регулировать кадровую политику могущественных предприятий военно-промышленного комплекса, космической отрасли,

Минсредмаша и топливно-энергетического комплекса. По «остаточному» принципу республиканские министерства могли курировать подготовку педагогических кадров, работников здравоохранения, культуры и торговли.

К середине 1980-х гг. в экономике обозначилось противоречие: наряду с острой нехваткой рабочих кадров в целом по республике, в ряде областей (Кызыл-Ординская, Чимкентская, Джамбульская и Мангышлакская) от 7 до 23% трудоспособного населения не были заняты постоянной трудовой деятельностью [6. Л. 20]. Причины появления скрытой безработицы были самые разнообразные – от непрестижности индустриального труда до позиции союзных ведомств и военных, управлявших Байконуром и Семипалатинским полигоном, привозивших специалистов и рабочих из европейской части, или, как в случае с нефтяными разработками Мангышлака, – завоза инженеров и рабочих из Азербайджана и северокавказских республик. Подобная практика вела к конфликтам казахской молодежи с приезжими с Кавказа в Гурьевской и Мангышлакской областях.

Целенаправленная подготовка рабочих кадров с 1979 по 1989 г. несколько снизила долю русских в машиностроении и металлообработке – с 64,4 до 59,6%, в других индустриальных секторах – с 59,6 до 52,5% [7. С. 113]. За 1977–1987 гг. основная часть прироста рабочих кадров (76,1%) формировалась за счет казахов [8. С. 134]. Но в целом казахскую молодежь мало привлекала возможность получения индустриальных специальностей. С 1981 по 1987 г. доля казахов, поступивших в профессионально-технические училища, снизилась с 39,9 до 14% [Там же. С. 135]. В казахстанских городах казахская молодежь редко шла на работу на заводы машиностроения и энергетические комплексы, устраиваясь в правоохранительные органы, на объекты строительства и автотранспортные предприятия. Казахское население было в основном занято в аграрном секторе, где была высокой доля малоквалифицированного труда. Среднее образование, полученное в сельской местности, не давало профессиональных навыков, поэтому молодые рабочие после прохождения службы в армии предпочитали оставаться в селе.

По расчетам казахстанских ученых, индексы участия казахов в промышленности были наименьшими в Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Семипалатинской, Целиноградской, Восточно-Казахстанской, Кустанайской и Тургайской областях. В южных, центральных и западных областях с конца 1960-х гг. развивались сырьевые отрасли промышленности, связанные с добычей нефти, газа, угля, цветных металлов. Здесь была востребована малоквалифицированная рабочая сила. Среди шахтеров Караганды семилетнее образование имели 28,4%, восьмилетнее – 26,4% казахских рабочих. Тяжелый шахтерский труд не требовал постоянного совершенствования трудовых навыков и повышения квалификации. Доля казахских ра-

бочих была достаточно высокой в Гурьевской, Уральской, Чимкентской, Талды-Курганской, Карагандинской и Кызыл-Ординской областях [9. С. 73].

На наш взгляд, слабая включенность казахов в современное промышленное производство, требовавшее высокого уровня квалификации, самодисциплины и постоянной готовности к самообучению, было результатом не столько целенаправленной политики союзных ведомств, сколько низкой престижности индустриального труда. Более престижным и доходным для молодежи было поступление на работу в правоохранительные органы. Советские ученые рекомендовали устранить подобные «перекосы» в структуре занятости в национальных республиках. Ю.В. Бромлей и О.И. Шкаратан предлагали размещать в национальных регионах производства, отвечающие «национально-трудовым навыкам» местных жителей [10. С. 43, 54].

В ходе «догоняющей» модели социальной модернизации титульные нации Центральной Азии успешно конкурировали в борьбе за наиболее «престижные» сферы трудовой деятельности, где главным «стратификатором» выступали местные партийные элиты, добившиеся к началу 1980-х гг. невмешательства союзных властей в подготовку специалистов с высшим образованием, развитие местной культуры и искусства. Разрешенный дефакто культурный национализм создал систему преференций при поступлении в вузы, карьерном росте специалистов. В 1970-е – первой половине 1980-х гг. казахи сумели потеснить русских и этнические меньшинства в системе здравоохранения, народного образования, кредитно-финансовых организациях, управленческого аппарата, культуры и искусства. В здравоохранении и народном образовании русские и казахи были представлены в равной степени, в учреждениях культуры и искусства доминировали казахи.

В 1970-е гг. участие казахов в составе административной интеллигенции составляло 288 человек на 10 000 человек занятого населения, у русских соответственно 269 человек; в составе массовой интеллигенции 762 и 640 человек соответственно. Казахи уступали русским в представительстве в рядах производственной (117 и 439 человек) и массовой интеллигенции [7. С. 124]. Ключевую роль играла во всех республиках практика этнизации профессорско-преподавательского состава и студенчества. Укрепление материально-технического обеспечения вузов и кадрового состава преподавателей, подготовленных в центральных вузах, повысило престиж системы высшего образования. Казахская молодежь стремилась получить педагогическое и медицинское образование, русская молодежь в значительной степени ориентировалась на получение инженерного образования. Значительная часть русской и русскоязычной молодежи обучалась в российских технических вузах соседних областей, возвращаясь затем на промышленные предприятия Казахстана. Наибольших успехов в получении высшего образования добились корейцы.

На фоне впечатляющего роста общеобразовательного уровня населения страны в казахстанских вузах в 1970-е – первой половине 1980-х гг. процветал протекционизм по этническому, земляческому и клановому признакам. В первую очередь, это коснулось вузов Алма-Аты и Чимкента, это выразилось в росте диспропорций в составе казахстанского студенчества и лиц, получивших высшее образование. Значительно труднее стало получить высшее образование представителям этнических меньшинств – немцам, туркам и уйгурам. Несомненно, казахская молодежь имела более благоприятные возможности для получения высшего образования. Лишь русские, татары и корейцы могли составить конкуренцию при поступлении в вузы.

В некоторых вузах южного региона в 1970-е гг. расцвели кумовство и этнические предпочтения. В феврале 1986 г. были преданы гласности факты: в КазГУ доля казахских студентов составляла 75,8%, в институте народного хозяйства – 73,7%, железнодорожном институте – 79% [11. Л. 117]. В престижные вузы Алма-Аты было трудно поступить не только представителям неказахского населения, но и самим казахам, не имевшим родственных связей. В середине 1980-х гг. широко расцвел клановый протекционизм. По данным на 1987 г. в КазГУ в родственных связях находилось 90 сотрудников, в политехническом институте – 46 сотрудников, в народнохозяйственном – 195 сотрудников и т.д. [12. Л. 37]. Клановый протекционизм был доведен до абсурда. Например, на факультете журналистики КазГУ было немало преподавателей, не имевших к журналистике никакого отношения [13. Л. 400].

Семейно-родственные связи создавали широкие возможности для распространения коррупции. За период 1980–1985 гг. в алма-атинских вузах за взятки было осуждено 78 человек. Аналогичная ситуация сложилась в вузах Караганды: на начало 1987 г. в кооперативном институте работали 54 родственника, в политехническом – 91, в медицинском – 120 [14. Л. 139]. Столь обширные родственные сети создавали возможности для приема на престижные специальности только близких родственников.

Расширенное воспроизводство кадров массовой интеллигенции способствовало успеху этнизации управленческого аппарата. В лице массовой интеллигенции национальная бюрократия получила мощного союзника и ближайший резерв. Кунаев был достаточно осторожен в проведении кадровой политики, постепенно добиваясь доминирования казахов в управлении. Дружба с Брежневым выводила его действия из-под контроля ЦК КПСС и КГБ СССР, тем не менее собиравшего материалы об этнических предпочтениях в кадровой политике. В анонимном письме, пришедшем в 1983 г. на имя Ю.В. Андропова, неизвестный автор жаловался на повсеместное засилье казахских кадров в сфере высшего образования и науки. Аноним подсчитал, что из 15 ректоров вузов Алма-Аты только три

были неказахской национальности, из 12 академиков – только два. При присуждении Государственной премии Казахской ССР в 1982 г. из 14 лауреатов 12 были казахами. Аноним сравнивал кадровую практику в Казахстане с действиями буржуазных «национал-уклонистов» в 1920-е гг. По его мнению, «мы живем в душной, уродливой обстановке местного казахского национализма, который расцвел в годы правления Кунаева» [15. Л. 6].

Этнизация управленческого аппарата проводилась казахстанским руководством с учетом интересов русской части партийно-государственного аппарата. В отличие от соседних республик Средней Азии давние традиции партнерства с казахами позволяли русским чувствовать себя уверенно, несмотря на доминирование казахских кадров. На начало 1986 г. из 166 членов ЦК Компартии Казахстана казахов было 92 человека (54%), из 18 первых секретарей обкомов партии – 11 (61%) [16. Л. 116]. Из тех тысяч председателей исполкомов всех уровней казахов было 1870 человек (61%), русских – 612 (20,4%), немцев – 135 (4,5%) [17. Л. 120]. Русские в основном преобладали в руководстве промышленными предприятиями союзного значения.

Партнерские и паритетные отношения между казахами и русскими не распространялись на этнические меньшинства, проживавшие в республике. Им предоставлялась возможность ассимиляции или закрытие в замкнутых общинах. В открытой форме свое недовольство выражали немцы и уйгуры.

Из статистических материалов видна неудовлетворенность своим социальным статусом немцев Казахстана. С середины 1950-х гг. открылся доступ к получению немецкой молодежью высшего педагогического образования. Немцы из-за различных негласных ограничений преимущественно получали педагогическое, аграрное и медицинское образование. С 1970 по 1979 г. численность немцев с высшим образованием выросло в два раза, со средним специальным образованием – в три раза, но по-прежнему показатели немцев были в 2,5–3 раза ниже показателей уровня образованности всего населения республики [18. С. 14, 15]. Немецкие родители предпочитали, чтобы их дети получали рабочие специальности. Позже, во время немецкой эмиграции в Германию, это облегчит интеграцию немцев в новое сообщество.

В 1970-е гг. немецкое национальное движение переходит к продвижению идеи создания национальной автономии на самом высоком уровне. Немецкие активисты были встревожены усиливающейся языковой и культурной ассимиляцией. По данным Всесоюзной переписи 1979 г., только 42,5% немцев Казахстана назвали родным немецкий язык. В 1957 и 1960 гг. были приняты постановления ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР о введении преподавания немецкого языка в качестве родного в курс обязательных программ для немецких школ. С 1959 по 1965 г. численность школьников, изучавших немецкий

язык в качестве родного языка, выросло с 24,9 тыс. до 37,8 тыс. человек [19. С. 72].

В Казахстане в Алма-Ате с 1958 г. начинается радиовещание на немецком языке. В 1964 г. Карагандинское телевидение проводит ежемесячное телевидение на немецком языке. В 1980 г. при содействии казахской и русской интеллигенции в Темиртау был открыт Немецкий драматический театр. В Казахстане, считает Л.Э. Рис, в 1980-е гг. «сложились очаги культуры советских немцев – единственный в стране немецкий драматический театр, редакция радиовещания и телевидения на немецком языке, газета, секция немецких писателей, получили развитие самодеятельные коллективы и фольклорные группы» [18. С. 22].

Скрытое недовольство немцев вызывали негласные ограничения при поступлении в вузы и на работу. В 1974/75 учебном году число немецких студентов, обучающихся в казахстанских вузах, составило 8 600 человек (4,3% от всего студенческого контингента), в 1984/85 учебном году численность немецких студентов сократилась до 8 223 человек (2,9%). За десятилетие, с 1974 по 1984 г., представительство немецких студентов в КазГУ снизилось со 140 до 61 человека (с 1,9 до 0,5%). В Карагандинском университете также произошло снижение доли немецких студентов с 5,2 до 3,5%, в то время как общая доля немецкого населения Карагандинской области составляла не менее 10%. Аналогичная ситуация была и у российских немцев. По Омской области на 10 000 человек занятого населения приходилось с высшим и неоконченным высшим образованием 98 человек, в то время как у немцев – 39 человек, по Алтайскому краю – 80 и 40 человек соответственно [20. С. 205].

Существенно ниже был политический статус немцев, не относившихся к «избранным» титульным нациям. Это наиболее наглядно отражено в данных по участию немцев в партийно-государственных и советских органах. В 1975 г. в Верховных Советах СССР и союзных республик 1,4 млн эстонцев представляли 222 депутатов; 1,4 млн киргизов – 200 депутатов; 2 400 тыс. молдаван – 217 депутатов; 2 млн советских немцев – 16 депутатов; 1,1 млн поляков – 26 депутатов [21. С. 119]. Ограничения существовали и при карьерном росте немцев. В 1978 г. по Казахстану из 193 секретарей райкомов и обкомов партии только 8 были немцами, в то время как 440 немцев были секретарями первичных парторганизаций. В ЦК Компартии Казахстана не было ни одного высокопоставленного представителя почти миллионного немецкого населения республики [22. Л. 1]. Участие немцев в низовом партийном и советском аппарате было в то же время достаточным. В 1978 г. в номенклатуру ЦК Компартии Казахстана и обкомов партии было включено 500 немцев, в номенклатуру горкомов и райкомов – 3 000 немцев. На уровне местных Советов было избрано 7 000 немецких депутатов [20. С. 192]. Из участия в верхнем и низовом звене партийного и советского ап-

парата видно, что продвижение по карьерной лестнице для немцев было затруднено. Среди немцев распространяется смена этнической принадлежности, что могло открыть более широкие возможности для карьерного роста.

Противоречия между официальной риторикой и дискриминационной практикой, опасения по поводу возможной ассимиляции послужили толчком к оживлению политической деятельности немецкого национального движения. С середины 1970-х гг. органы госбезопасности все чаще сигнализируют о росте недовольства среди советских немцев нерешенностью вопроса с восстановлением автономии на Волге. Немецкие активисты ставят вопрос о миграции в Западную Германию. В информационной записке, направленной 12 июня 1975 г. КГБ СССР в ЦК КПСС, отмечалось: «Группы немецких экстремистов, проживающих в Казахстане и в Молдавии, намерены инициировать среди граждан немецкой национальности, если их требования о выезде не будут положительно решены, групповые отказы от участия в выборах 15 июля 1975 г. в Верховные Советы союзных и автономных республик» [23. Л. 1]. Из текста письма видна осторожная позиция немецких активистов, не шедших, в отличие от крымских татар, на открытую конфронтацию с властью. Агентура КГБ осуществляла слежку за организаторами сбора подписей под обращениями в различные международные организации с просьбой оказать содействие их выезду в ФРГ. 7 июня 1975 г. на станции Джамбул был задержан гр-н Термер, направлявшийся в Москву с обращениями в ООН и канцлеру ФРГ, подписанными 6 тыс. немцев [Там же].

Проект создания немецкой автономии в Казахстане и крымско-татарской в Узбекистане появился по инициативе руководства КГБ СССР и проталкивался в высших эшелонах власти лично Председателем КГБ Ю.В. Андроповым. О заинтересованности могущественного шефа госбезопасности пишут в своих воспоминаниях Д.А. Кунаев и один из руководителей КГБ Ф.Д. Бобков. Не случайно именно Андропов в августе 1976 г. возглавил рабочую группу по созданию немецкой автономии в Казахстане. В августе 1978 г. рабочая группа рекомендовала создать Немецкую автономную область в составе Казахстана. Резоны создания национальной государственности члены комиссии объясняли политической и экономической целесообразностью. В Немецкую автономную область с центром в Ерментау планировалось включить пять районов Карагандинской, Кокчетавской, Павлодарской и Целиноградской областей площадью 46 тыс. кв. км, где проживали 202 тыс. человек, из них 30 тыс. – немцы (15% населения) [20. С. 190–192]. Руководителем областной партийной организации предполагалось назначить А. Брауна, вторым секретарем – А. Шабатова, председателем облисполкома – М. Сагдиева.

В начале 1979 г. руководители идеологических отделов ЦК Компартии Казахской ССР А. Плотников, С. Жандосов, М. Кабулбеков и М.И. Исиналиев были вызваны к секретарю ЦК по идеологии С. Имашеву,

где их ждали московские представители – заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Н. Перун, заместитель Председателя КГБ СССР Ф. Бобков и заведующий отделом Президиума Верховного Совета СССР Д. Никитин. Московские представители пытались выяснить реакцию местного руководства на планы образования немецкой автономии. Завотделом культуры ЦК Компартии Казахской ССР Исиналиев выступил против создания немецкой государственности в Казахстане, упрекнув Москву в паллиативном решении немецкой проблемы: «Созданием немецкой автономии в Казахстане мы все равно проблемы не решим, т.к. немецкие товарищи требуют политической реабилитации своего народа – путем восстановления прежней АССР именно в России» [24. С. 286]. Строптивый М.И. Исиналиев разъяснил, что он не против немцев, а против проекта создания автономии: «Нельзя же интересы одних решать за счет других, исконно живущих на этой земле» [Там же]. Остальные руководители республики поддержали московскую инициативу.

31 мая 1979 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято постановление об образовании Немецкой автономной области на территории Казахстана и Крымско-Татарского автономного округа в Узбекистане. В постановлении ЦК КПСС объявлялось: «В целях создания необходимых условий для развития национальной культуры немецкого населения и улучшения идейно-воспитательной работы среди него, а также для лучшего развития экономики и освоения природных богатств районов, входящих в область, считать целесообразным образовать Немецкую автономную область в составе Казахской ССР с непосредственным подчинением ее республиканским органам» образования [25. Л. 1–3]. В постановлении ЦК КПСС были намечены планы по созданию управленческого аппарата и избранию пяти депутатов в Верховный Совет СССР от нового национально-государственного образования [Там же].

Скрытое сопротивление оказало среднее звено партийно-государственного аппарата. Об этом говорится и в отчетной записке направленных в Казахстан ответственных ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и КГБ в ЦК КПСС «О негативных проявлениях, имевших место в Целиноградской области» от 28 июня 1979 г. Авторы признали спонтанность выступлений, отметив негативное отношение к планам автономизации казахских коммунистов: «...среди части актива, особенно казахской национальности, наблюдается отрицательное или сдержанное отношение к образованию немецкой автономии. В разговорах с людьми некоторые руководящие работники уходят от ответов на вопросы, не дают правильного толкования, занимают пассивную позицию... Высказывались и такие суждения, что образование автономии повлечет за собой усиление автономистских настроений среди уйгурского населения» [20. С. 196, 197].

Сразу же после известия о создании автономии для немцев в республике разворачивается антиавтономистское движение. Местные органы КГБ обнаруживают

анонимные листовки на казахском и русском языках, содержащие призывы к выступлениям с протестом против планов создания немецкой автономии в Казахстане. 16 и 19 июня 1979 г. прошли демонстрации казахского населения с участием представителей русской молодежи [2. С. 205, 206]. Во главе демонстрантов выступили ветераны войны, что склонило симпатии русских солдат и офицеров, переброшенных в Целиноград милицейских батальонов на сторону митингующих. Демонстранты выдвигали лозунги о неделимости Казахстана, единства советского народа и требовали отказаться от изменения территориальных границ союзных республик без согласия всеобщего референдума. Имели место избиения в студенческих общежитиях студентов немецкой национальности и выдвижение оскорбительных для советских немцев лозунги «Не отдадим землю отцов фашистам», «Выслать всех немцев в Сибирь», «Отобрать у них дома и машины», «Восстановить спецкомендатуру» [20. С. 196, 197].

На спешно созванном 28 июня 1979 г. республиканском собрании идеологического актива секретарь по идеологии С. Имашев, оставив без внимания антинемецкие выступления, призвал улучшать интернационалистскую работу среди немецкого населения. Об изменении позиции Кунаева пишет Ф.Д. Бобков. По его словам, после июньских выступлений казахского населения Кунаев обвинил руководство КГБ СССР в разжигании межнационального конфликта, заявив: «Сами немцы не хотят автономии, но вы навязываете ее» [26. С. 306]. Рост межэтнической напряженности вынудил союзные власти отказаться от проекта создания немецкой автономии в Казахстане. Того же желали сами казахстанские немцы, просившие рассмотреть возможность воссоздания немецкой автономии на Волге. Видный литератор Д. Госсман писал Суслову: «Мы... тоже против создания автономии на казахской земле, необоснованно высланные немцы еще раз просят с полной решимостью восстановить автономию на Волге» [19. С. 72]. А. Браун, выросший в казахской среде и ставший в 1986 г. первым секретарем Целиноградского обкома партии, заверил своих казахских коллег в нежелании немцев задевать интересы казахского населения, так как «ни немцам, ни казахам, проживавшим в области, неведомо было и непонятно, почему вдруг на землях Ерментау, где с древних времен жили казахи, на земле батыра Богенбая, необходимо было создать немецкую автономию» [27. Л. 66].

Провал планов создания немецкой автономии повлиял и на нежелание союзных властей рассматривать предложения о создании автономии для уйгуров. Уйгурские активисты рассматривали свой народ как автохтонов Семиречья, поселившихся в этом районе раньше казахов. Научный сотрудник Института уйгуроведения АН Казахской ССР М. Кибилов в своем исследовании «Уйгуры – автохтоны Семиречья» фактически обосновал историческое право уйгуров на создание своей национальной государственности. В сентябре 1977 г.

М. Кибиров направил в ЦК КПСС и ЦК Компартии Казахской ССР документы, в которых необходимость создания уйгурской автономии объяснялась тем, что «из-за отсутствия вузов с преподаванием на уйгурском языке, малочисленности органов печати и другим причинам представители уйгурского населения ограничены в своем интеллектуальном и творческом росте» [2. С. 194, 195]. По воспоминаниям Г. Бельгера, публикации М. Кибирова стали поводом к разбирательству претензий уйгуров в ЦК Компартии Казахской ССР с участием представителей уйгурской интеллигенции. Казахские представители интеллигенции удивлялись претензиям уйгурских активистов, предки которых в XIX в. бежали из Западного Китая. Г. Бельгер, выросший в казахской среде и знающий казахскую ментальность, использовал аргументацию Кибирова и предложил считать Семиречье исторической родиной немцев, чем вызвал смех и разрядил ситуацию [28. С. 6]. В отличие от хороших отношений немцев и казахов, снизивших «градус» межэтнической напряженности, претензии уйгуров на автономию могли стать причиной более жесткого межэтнического противостояния и масштабных этнических мобилизаций, так как казахско-уйгурские отношения характеризуются и в настоящее время определенными противоречиями в Алма-Атинской области.

Отказ от проектов автономизации в Казахстане и Узбекистане депортированных народов означал крушение планов органов госбезопасности на обуздание этнических элит союзных титульных наций через поддержку

этнических элит национальных меньшинств, ориентированных на Москву, как верховного гаранта и арбитра во взаимоотношениях с республиканскими властями. Очевидно, что союзное руководство и теоретики национальных отношений действовали в соответствии с идеологическими установками и схемами начала 1920-х гг., предполагавших развитие советских этнических наций только через создание национальной государственности. Возможности деэтнизации национально-государственного устройства СССР к началу 1980-х гг. были исчерпаны, политическому руководству страны пришлось смириться с существованием «нормативного этнонационализма» в союзных республиках.

Из последовавших событий ясно, что союзное руководство не брало во внимание втянутость значительной части русских в Казахстане и в других республиках в сложившиеся многообразные социальные и культурные связи с казахами и другими народами, вследствие чего они солидаризировались с оформившимися региональными тождествами (казахстанцы) и не были готовы поддерживать державные проекты центральной элиты.

Межэтническая толерантность и консенсус в Казахстане базировались на двух принципах, приемлемых для казахов и русских: на незыблемости территориальных границ для казахов, готовых на активное восприятие русской культурной традиции, и на сохранении сферы применения русского языка и культурного статуса для русских казахстанцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козыбаев М.К. Отечественная история XX века: мифы и реальность // Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски : в 2 т. Алматы : МОН РК, НАН РК, 2000. Кн. 1: Память народа. С. 194–221.
2. Кыдыралина Ж.У. Нация и история. Астана : Елорда, 2009. 304 с.
3. Сужиков М.К. Национальная идентификация и динамика этнических процессов в зарубежных центрально-азиатских исследованиях. Алматы : ИИЭ, 1997. 65 с.
4. Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск : Наука, 1966. 191 с.
5. Сужиков М.М., Демаков Г.А. Влияние подвижности населения на сближение наций. Алма-Ата : Наука, 1974. 200 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668.
7. Русские. Этносоциологические очерки / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М. : Наука, 1992. 464 с.
8. Совершенствование национальных отношений и интернациональное воспитание трудящихся: вопросы теории и практики : сб. ст. / под ред. Б.А. Тулепбаева. Алма-Ата : Наука, 1989. 285 с.
9. Аженов М.С. Изменения социально-классовой структуры Казахстана в процессе коммунистического строительства. Алма-Ата : Казахстан, 1973. 153 с.
10. Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. Национально-трудовые традиции – важный фактор интенсификации производства // Социологические исследования. 1983. № 2. С. 43–54.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 155. Д. 1835.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1671.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 155. Ед. хр. 1856.
15. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 89. Д. 10.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 158. Д. 1858.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 157. Д. 1647.
18. Рис Л.Э. Культурная жизнь немецкого населения Казахстана (1955–1985 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата : Ин-т истории, археологии и этнографии АН Казахстана, 1991. 24 с.
19. Советские немцы – история и современность : материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. Москва, 15–16 ноября 1989 г. М. : ИМЛ при ЦК КПСС, 1990. 383 с.
20. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М. : Междунар. ин-т гуманитар. программ, 1993. 448 с.
21. Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик 1975 г. : стат. сб. / Отдел по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета СССР / сост. Л.Г. Алешина, В.В. Столяров. М., 1975. 95 с.
22. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 3.
23. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 37. Д. 13.
24. Исиналиев М.И. Как немцам автономии создавали // Исиналиев М.И. Избранное. Алматы : Арыс, 2007. Т. 1. С. 284–287.
25. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 3.
26. Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М. : Ветеран МП, 1995. 381 с.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 157. Д. 1647.

28. Интервью с Герольдом Бельгером // Общественная позиция. Еженедельник «ДАТ». 4 октября 2013.

Kaziev Sattar S. North Kazakhstan State University named after M. Kozybaev (Petrovsk, the Republic of Kazakhstan). E-mail: sattarkaz@mail.ru

"GOLDEN AGE" OF SOVIET INTERNATIONALISM AND PROBLEMS OF INTERETHNIC RELATIONS IN KAZAKHSTAN (1964–1985).

Keywords: national policy; the Kazakhs; the Russians; the Germans; the Uyghurs; interethnic conflicts; autonomism; nationalism.

The Soviet national policy induced the development of contradictory tendencies in interethnic relations in the USSR. Real internationalism in national policy facilitated the solution of national problems and consolidation of Soviet people on the principles of confidence and solidarity. This unity vividly manifested itself during the Great Patriotic War. At the same time local forms of historical-cultural and political identities were gradually being established in Union Republics. Ethnic elites were coming to power. They had been submitting to the will of the Union authorities until the fundamentals of authentic Lenin's national policy, presupposing the inviolability of frontiers and state-forming status of the titular nations, were affected. In that period the local community of Kazakhstani citizens was taking shape, the core of which was formed by the local Russians and Kazakhs. The relationships between the largest ethnic groups were to a considerable degree those of partnership and solidarity. The model of power peculiar to Kazakhstan in that period was that of ethnic collaboration in promoting candidates to bodies of government, whereas in other Central Asian Republics non-title groups were virtually "squeezed out" from the highest governing bodies. The collaboration model of ethnic representation in the highest governing bodies existed till the collapse of the USSR. It could most likely be caused by the predominance of Russian population in the industrial sector of economy. The problems of interethnic relations were connected with German and Uyghur national movements. Unfair practices of ethnic preferences in access to higher education, personnel selection and language policy of Union and Republic's authorities affected the Germans and the Uyghurs most painfully. The Germans and the Uyghurs considered the option of establishing national-territorial autonomies regarding it as a possibility to block the threat of assimilation and to provide the survival of their ethnic groups. In Kazakhstan the project of autonomisation heightened the conflict potential between Kazakhs and ethnic minorities, Muslim nations in the first place: the Uyghurs and the Uzbeks, whose representatives declared themselves autochthonous. The German movement hoped to revive the German Autonomy on the Volga and, therefore, did not strive for confrontation with Kazakh population. The USSR State Security Committee was the initiator of the German Autonomy establishment in Kazakhstan. Autonomist projects were broken up by the resistance of Kazakh population and the middle management of party careerists. The frustration of the Union Authorities' plans demonstrated the potential power of ethnic mobilizations aimed at the protection of the Republic's territorial integrity and showed the limits of "possible" in national policy. It became apparent that the possibilities of de-ethnization of the USSR state system had been exhausted by the early 1980s and political leaders of the country had to put up with the existence of "standard ethnic nationalism" in the Soviet and Autonomous Republics.

REFERENCES

1. Kozybaev M.K. *Kazakhstan na rubezhe vekov: razmyshleniya i poiski*: v 2-kh t. [Kazakhstan at the turn of the century: reflections and search. In 2 vols.]. Almaty: MON RK, NAN RK Publ., 2000. Book 1, pp. 194–221.
2. Kydryalina Zh.U. *Natsiya i istoriya* [Nation and history]. Astana: Elorda Publ., 2009. 304 p.
3. Suzhikov M.K. *Natsional'naya identifikatsiya i dinamika etnicheskikh protsessov v zarubezhnykh tsentral'no-aziatskikh issledovaniyakh* [National identity and dynamics of ethnic processes in foreign Central Asian studies]. Almaty: IIE Publ., 1997. 65 p.
4. Perevedentsev V.I. *Migratsiya naseleniya i trudovye problemy Sibiri* [The population migration and labor issues of Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1966. 191 p.
5. Suzhikov M.M., Demakov G.A. *Vliyaniye podvizhnosti naseleniya na sblizhenie natsiy* [The impact of population mobility on the convergence of nations]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1974. 200 p.
6. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1668. (In Russian).
7. Arutyunyan Yu.V. (ed.) *Russkie. Etnosotsiologicheskie ocherki* [The Russians. Essays on ethnography]. Moscow: Nauka Publ., 1992. 464 p.
8. Tulepbaev B.A. (ed.) *Sovershenstvovanie natsional'nykh otnosheniy i internacional'noye vospitanie trudyashchikhsya: voprosy teorii i praktiki* [Improvement of ethnic relations and international education of the workers. Theory and Practice]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1989. 285 p.
9. Azhenov M.S. *Izmeneniya sotsial'no-klassovoy struktury Kazakhstana v protsesse kommunisticheskogo stroitel'stva* [Changes in the social class structure of Kazakhstan in the process of building communism]. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1973. 153 p.
10. Bromley Yu.V., Shkaratan O.I. *Natsional'no-trudovye traditsii – vazhnyy faktor intensifikatsii proizvodstva* [The National labour traditions as an important factor of industry intensification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1983, no. 2, pp. 43–54.
11. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 155. File 1835. (In Russian).
12. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1668. (In Russian).
13. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1671. (In Russian).
14. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1856. (In Russian).
15. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 89. File 10. (In Russian).
16. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 158. File 1858. (In Russian).
17. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 157. File 1647. (In Russian).
18. Ris L.E. *Kul'turnaya zhizn' nemetskogo naseleniya Kazakhstana (1955–1985 gg.)*: avtoref. dis. kand. ist. nauk [The cultural life of the German population of Kazakhstan (1955–1985). Abstract of History Cand. Diss.]. Alma-Ata: Institute of History, Archeology and Ethnography of Kazakhstan AS Publ., 1991. 24 p.
19. [The Soviet Germans – the history and the present]. *Materials of All-Union Scientific-practical conference* [Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow: IML pri TsK KPSS Publ., 1990. 383 p.
20. Auman V.A., Chebotareva V.G. (eds.) *Istoriya rossiyskikh nemtsev v dokumentakh (1763–1992 gg.)* [The history of Russian Germans in the documents (1763–1992 gg.)]. Moscow: International Institute for the Humanitarian Programs Publ., 1993. 448 p.
21. *Itogi vyborov i sostav deputatov Verkhovnykh Sovetov soyuznykh i avtonomnykh respublik 1975 g.* [The results of the elections and the Supreme Soviet deputies of union and autonomous republics: 1975 Statistical Yearbook]. Moscow, 1975. 95 p.
22. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 89. List 25. File 3. (In Russian).
23. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 89. List 37. File 13. (In Russian).
24. Isinbaev M.I. *Izbrannoe* [Selected works]. Almaty: Arys Publ., 2007, vol. 1, pp. 284–287.
25. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 89. List 25. File 3. (In Russian).
26. Bobkov F.D. *KGB i vlast'* [KGB and power]. Moscow: Veteran MP Publ., 1995. 381 p.
27. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 157. File 1647. (In Russian).
28. Interv'yu s Gerol'dom Bel'gerom [Interview with H. Belger]. *DAT*, 2013, 4th October.

ИСТОРИЯ УЧАСТИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДИАКОНИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ

Кратко показана этимология ключевого понятия «диакония». Представлена историческая характеристика современного экуменизма, предпосылки формирования ВСЦ. Приведены принципиальные отличия православного толкования от предлагаемого протестантством христианского единства, диаконии. Освещены наиболее значимые события в истории участия РПЦ в развитии поприща диаконии в ВСЦ в различные периоды, включая ее участие в IX Генеральной Ассамблее ВСЦ (2006 г., Порту-Алегри, Бразилия).

Ключевые слова: диакония; филантропия; современный экуменизм; Русская православная церковь; Всемирный совет церквей.

Русская православная церковь (РПЦ) имеет многовековую практику диаконии. Развивая ее новые формы, РПЦ использует и свой более чем полувековой опыт эффективного участия в работе Всемирного совета церквей (ВСЦ). За это время авторитет РПЦ среди членов ВСЦ значительно вырос. Однако диаконическая составляющая ее деятельности в этой международной экуменической организации до сих пор мало освещена. Данная статья в очередной раз напоминает мнение о том, что многочисленные злободневные проблемы современного социума, будучи результатом искажения духовной основы человеческой природы, имеют глубокие нравственные корни. Недостаток христианской любви внутри самого человека говорит об образовавшейся неполноценности образа Божия, заложенного в каждом из нас Творцом. Врачевание этого духовного недуга и есть диакония, трактуемая православной церковью как служение христианской любви к ближнему (к каждому человеку).

Напомним этимологию понятия «диакония». Слово имеет античные корни. В переводе с древнегреческого (διακονία) означает «служение». Производные от него слова – «служитель», или «диакон» (διάκονος), и «служительница» (от греч. διάκονος, употребляемого «с артиклем или иным показателем женского рода»). Первое употребление этих терминов связано с культовым служением в языческих храмах за трапезой привилегированных персон [1. С. 571]. Грекоязычный синоним последнего из названных понятий – «филантропия» (т.е. *philen ton anthropon* – любить человека), которая начиналась как «теоцентрическая концепция». Аристотель и Пифагор придавали важное значение духовной составляющей побудительных факторов поведения для справедливой жизни социума. Заслугой древнегреческой философии и литературы было создание и исполнение в качестве жизненных принципов высоких нравственных идеалов поведения в социуме, среди которых обычной нормой была филантропия, гостеприимство.

Пример высокодуховного служения к ближнему показан в Новом Завете примером Иисуса Христа. В книгах Нового Завета «диакония» понимается как многогранное понятие. Оно включает в себя служение делу

искупления, евангелию, слову [2. С. 230]. Христос – искупитель грехов рода человеческого, показывает Его подвиг Любви. Первая Его заповедь повелевает возлюбить Господа Бога всем сердцем и ближнего, как самого себя (см. Лк. 10: 27). Это служение любви, которое творится не собственной корысти ради, становится жизненным кредо, путем ко спасению бессмертной души.

В апостольские времена, период становления Единой апостольской христианской церкви, принявшие христианство изменили отношение к труду как служению ради другого человека, направленному на оказание помощи немощному и нуждающемуся в поддержке. Новорожденный ребенок, жена по крещении становились чадами Божьими, получали в церковных таинствах благодатные дары Святого Духа. Равноправное с господином положение раба, забота о сиротах, прощение долгов и соборное решение актуальных вопросов жизни христианской общины – примеры преимуществ, дарованных принявшим Христианскую Истину.

В святоотеческой традиции, в значительной части современной библейской науки христианство понимается как исполнение, а не полное вытеснение сознания и опыта древнего мира – исполнение иудейских мессианских ожиданий и исполнение эллинских поисков богоявления. Корни милосердия – в христианском духе любви. Святой Иоанн Лествичник говорил о филантропии как о «крыльях молитвы», помогающих ей быть услышанной Свыше [3]. Святитель Иоанн Златоуст, который составил чинопоследование евхаристической литургии, обычно совершаемой православными, подчеркивал значение филантропии и служения. Христиане должны находить для них время вне рамок богослужения, в общественных местах, на алтаре сердца своего ближнего. Святитель обращает внимание на фундаментальное единство веры, богослужения, повседневной жизни и служения ближнему. Таким образом, приношение на «втором алтаре» дополняет богослужение, совершаемое на Святой Трапезе [4].

Современный западный экуменизм зародился в недрах протестантских деноминаций в результате либерализации церкви и свободного толкования

Священного Писания, отрицания Церковного Предания, образования многочисленных деноминаций. Именно недостаток церковности, объединяющей Истины стал главной причиной зарождения современного экуменизма на Западе. Протестантские миссионеры ставили перед собой задачу евангелизации всего мира, скорее принимавшую форму прозелитизма и вместо создания молитвенной христианской среды приводило, по свидетельству историков западного экуменизма, к провалу миссии, секуляризации общества и упадку веры [5. С. 1].

Попытки, предпринятые в XIX в., организации христианских союзов, как узкоденоминационных, так и межденоминационных, а в XX в. создание транс-конфессиональных объединений не дали желаемого церковного единства. Первые реальные тенденции истинного объединения лишь наметились в 1911 г. на Всемирной молодежной конференции в Константинополе, явившейся встречей церковных лидеров Запада с участием представителей восточных православных церквей. Благодаря православному экуменизму, базирующемуся на преданности христианским истинам Единой Древней Апостольской и Соборной церкви, Священному Писанию и Преданию, неустанной соборной молитве о возрождении христианского единства и активной межцерковной деятельности, сохранилась возможность такого единения. Военные 1914–1918 гг. поставили на повестку дня поиск путей церковного единения ради выживания на основе соблюдения христианского свидетельства. Многочисленные международные конференции, зарождающиеся на них экуменические движения искали пути сближения.

В июле 1937 г. в Лондоне на встрече лидеров ведущих западных экуменических движений «Вера и церковное устройство» и «Жизнь и деятельность» было принято решение «объединиться во всемирную межхристианскую ассамблею» [6. С. 663], названную «Всемирным Советом Церквей». К этому времени разобщенность социальной жизни и религиозных кредо привела к восприятию экуменического движения как непоследовательного и неправомерного. Богословские запросы не всеми воспринимались. Кроме того, главные направления экуменизма – единство и обновление, миссионерское поприще, социальное и политическое свидетельство протестантских общин – были признаны «далекими от полноты своих возможных свершений» [5. С. 594]. Поэтому создание Всемирного Совета Церквей стало спасительной мерой для существования западного экуменизма, переживавшего кризис своего развития в 30-е гг. XX в. [Там же. С. 712].

Несмотря на существование вселенской Православной Церкви, являющейся продолжением Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви и хранительницей Истины Священного Писания и Предания, сторонники протестантского экуменизма призывали всех христиан к сотрудничеству в поиске путей к новому единению.

Напомним, что по лютеранскому учению каждый крещеный может свободно толковать Священное Писание, проповедовать, совершать Таинства, которые, за исключением Таинства Крещения, – только знаки, служащие для поддержания веры. Отсюда отказ лютеран от церковной иерархии, введение принципа всеобщности священства (возможного для каждого крещенного). С этой позиции рукоположение считается обрядом, а не Таинством, церковнослужители являются делегатами сообществ верующих, а их главная задача – сообщать о спасении посредством проповеди Слова Божия. Такие удобные либеральные принципы способствовали росту числа новых деноминаций со своими идеологическими основами, возглавляемыми харизматическими лидерами.

В XX в. миссионерской деятельностью занималось уже несколько тысяч сообществ, и каждая из конфессий вела собственную миссионерскую деятельность, каждый проповедник исходил из принципов вероучений своей деноминации. Многообразие организационно разобщенных протестантских течений и модернистских деноминаций, часто претендующих на исключительность своей роли, идейных установок и принципов, только осложняли миссионерство. При попадании на твердую почву устойчивых этнических и религиозных традиций нередко отмечались провал деятельности миссии, секуляризация общества [7. С. 1].

С целью оправдания существования многочисленных деноминаций в XIX в. Оксфордским движением создается так называемая «теория ветвей», в соответствии с которой многообразие протестантских течений отражает полноту христианской жизни. В протестантизме отсутствует единый центральный руководящий орган. Отдельные деноминации построены как сетевые структуры. С целью оправдания существования многочисленных деноминаций в XIX в. Оксфордским движением создается так называемая «теория ветвей», в соответствии с которой многообразие протестантских течений отражает полноту христианской жизни. В протестантизме отсутствует единый центральный руководящий орган. Отдельные деноминации построены как сетевые структуры.

Возможность их единения идеологи современного западного экуменизма пытались найти в решении социальных проблем. По их мнению, такая деятельность могла стать нейтральной точкой приложения совместных усилий самых разных деноминаций и протестантских образований.

О протестантском понимании термина «диакона». (Ввиду того, что Католическая церковь не является членом Всемирного совета церквей, ее позиция по данному вопросу в статье не рассматривается.) Как известно, социальная деятельность занимает главенствующую позицию в жизни их общин. Напомним наставления основоположника немецкого протестантизма Мартина Лютера в его сочинении «О свободе христианина» (1520), призывавшего воспринимать вся-

кого рода нуждающихся как потребности собственных детей. Эпоха развитого капитализма не уменьшила числа обездоленных и страждущих. В XIX в. в Западной Европе ввиду возросшего числа социальных проблем протестанты открывают так называемую домашнюю миссию, занимавшуюся подготовкой диаконов, диаконисс, которые должны были, во-первых, исполнять обязанности по уходу за престарелыми и больными, в том числе эпилептиками, людьми с ограниченными возможностями, а во-вторых, осуществлять учительские функции в своих приходах [8. Р. 277]. В это же время развитие общественной благотворительности приводит к созданию нерелигиозной организации Красный Крест. Одновременно возникает идея подготовки новой категории социальных работников. Выдающийся немецкий социолог М. Вебер говорит о секуляризации американской жизни в XX в. Он отмечает явное превосходство протестантов над другими предпринимателями, чему способствовали рационализм, в разной степени характерный для различных протестантских общин, и свободное понимание вероучения и его законов [7. С. 89].

Уже начиная с XVIII в. шло «превращение церковной жизни и проповеди в придаток социальной деятельности, связанной с задачами и функциями благотворительными», «придаток, сохранивший церковную форму, но совершенно лишенный по существу всякого религиозного содержания» [9. С. 340]. В результате протестантская идеология приводит к целому ряду отрицательных явлений и процессов, наблюдаемых в обществе: 1) потере духовности и обмирщению, т.е. развитию секуляризации; 2) прозелитизму; 3) росту в математической прогрессии числа новых общин и сект с различными принципами и идеологическими установками, что явно не способствует христианскому единству; 4) появлению в соответствии со вселенскими планами протестантского миссионерства идеи создания сначала новой еkkлeзиологии и затем на ее основе церковного единения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на рубеже XIX–XX вв. социальная деятельность становится центром жизни религиозных протестантских общин ценою потери духовности. Отсюда позднее придет упрощенное понимание диаконии – не как высокодуховной деятельности, непрекращающейся литургии, а как просто партнерской взаимопомощи.

Примером екуменического содружества диаконического профиля деятельности являлось Европейское центральное бюро по оказанию межцерковной помощи. Бюро было создано в 1922 г. В то время это был скорее инструментальный (директор бюро – профессор Адольф Келлер).

Известно, что ВСЦ создавался как институт христианского милосердия, который должен был обладать разработанными принципами скоординированных и надежных действий по оказанию необходимой помощи. Развитие его уже на стадии формирования имело

диаконическую направленность, проявленную как в ведущей роли Департамента межцерковной помощи и восстановления в структуре Совета, так и в главенствующих задачах, стоящих перед Всемирным советом церквей.

Под оказанием помощи в ВСЦ подразумевалось направление от одной или нескольких церквей любой христианской традиции в одной части мира в адрес церкви в любом другом уголке мира, любой удаленности от помогающих сторон независимо от конфессиональной принадлежности. При этом координационная роль принадлежала Совету в программах и проектах такой межцерковной поддержки. Христианское служение здесь понималось как оказание партнерской помощи нуждающимся. Таков был разработанный и принятый образец межцерковной помощи, являвший собой деятельность диаконического профиля.

Православные церкви дали свое определение екуменической роли ВСЦ, который должен быть «платформой для продолжения богословского диалога о христианском единстве, возможностью для межцерковной помощи и сотрудничества в трудах для мира и справедливости» [10. С. 17].

Православная церковь является продолжением Единой, Святой, Соборной и Апостольской церкви. Имея вселенский характер, Церковь существует в виде поместных православных церквей. В решении III Всеправославного предсоборного совещания (1986 г., Шамбе-зи, Швейцария) сказано: «Миссией и долгом Православной церкви является преподавание во всей полноте содержащейся в Святом Писании и Святом Предании Истины, которая и сообщает Церкви ее универсальный характер» [11. С. 357]. Поэтому социальное служение миру РПЦ могла вести лишь при условии сохранения верности такой позиции. Святоотеческое понимание диаконии как непрекращающейся литургии, являющейся источником и вершиной всей социальной деятельности. Такое понимание этого поприща сохранила и сегодня несет РПЦ.

Кратко об истории вступления РПЦ в состав ВСЦ. Лидеры западного екуменизма ради выполнения своих планов стремились к внешнему церковному объединению христианских конфессий. Целый комплекс причин препятствовал православным вступать в контакты с екуменическим движением: отсутствие догматической основы единения, поиск компромиссов для формального единения – предпочтение земного ускорения небесному спасению [12. С. 67–73].

ВСЦ в середине 50-х гг. активно оказывал поддержку претворению в жизнь мирных инициатив, принимал постановления с призывами прекратить гонку вооружений, испытаний ядерного оружия, о полном запрещении атомного оружия. В ответ на предложение участников II Ассамблеи ВСЦ в Эванстоне (США) в 1954 г., адресованное РПЦ, войти в состав екуменического движения министром иностранных дел А.А. Громыко было принято решение «в целях оказа-

ния влияния на характер деятельности ВСЦ» рассмотреть вопрос участия РПЦ в этом Совете. Таким образом, решение о вступлении в ВСЦ «было обусловлено давлением государственной власти». В исторических условиях и обстановке того времени не было возможности Соборного обсуждения вопроса членства в ВСЦ. И сегодня оппоненты такого решения выражают свое мнение, созвучно словам выдающегося русского философа Николая Бердяева: «...соединение христиан следует начинать с соединения христианских душ. Менее всего это достигается переговорами и соглашениями христианских правительств» [9. С. 524].

Благодаря диалогу с религиозными организациями западных христиан атеистическая государственная власть СССР не могла запретить существование Русской Церкви, что обернулось бы падением политического признания Советского Союза. Принять решение о таком участии Московский Патриархат считал возможным только после согласия автокефальных церквей. Начинаются более интенсивные контакты РПЦ с представителями западного экуменизма. Значимыми оказались и последующие встречи: состоявшиеся в августе 1958 г. в Утрехте делегации РПЦ во главе с митр. Николаем (Ярушевичем) с представителями ВСЦ и в августе 1959 г. во время пребывания в СССР делегации Всемирного совета под руководством доктора Виссера Хуфта. В ходе переговоров по инициативе РПЦ был сформулирован на основе тринитарных принципов проект нового «Базиса» ВСЦ. В конце 50-х гг. произошел обмен приветственными посланиями Святейшего патриарха Алексия и ЦК ВСЦ.

Решением Священного синода РПЦ от 30 марта 1961 г. было принято решение о вступлении РПЦ в состав ВСЦ. Наконец, 18 июля 1961 г. Архиерейский собор РПЦ, собравшийся в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, одобрил решение Священного синода о вступлении в ВСЦ Русской православной церкви [6. С. 655, 666].

Другим фактором, повлиявшим на это событие, стало принятие в июле 1950 г. на сессии ЦК ВСЦ в Торонто декларации (получившей неофициальное название «Торонтской декларации»): «Церковь, Церкви и Всемирный Совет Церквей», в котором было указано, что ВСЦ не является и никогда не будет церковью [6. С. 666].

Таким образом, 20 ноября 1961 г. на III Ассамблее в Нью-Дели делегация РПЦ в составе 17 человек, возглавляемая архиепископом Никодимом (Ротовым), приняла участие в качестве ее официального члена. Вслед за РПЦ в это содружество церквей вступили Румынская, Болгарская, Польская, а затем и другие поместные православные церкви.

Укрепление позиций Русской православной церкви по диаконии во Всемирном совете церквей. С самого начала представители РПЦ активно участвовали во всех мероприятиях ВСЦ, в заседаниях ЦК ВСЦ, в проводимых в его рамках встречах представи-

телей поместных православных и древних восточных (нехалкидонских) церквей. Общение представителей разных культур дает возможность сотрудничества в служении. В то же время христианство не тождественно никакой светской идеологии и не допускает слияние разнородных религиозных воззрений и практик – того, на чем базируется религиозный синкретизм. Проявление тенденций синкретизма не смогло остаться незамеченным для православных его членов. Опасность таких тенденций обсуждалась на IV Всеправославном совещании (1968 г., Женева, Швейцария), на котором делегация РПЦ высказала свое несогласие с принципами синкретизма, появившимися в экуменическом движении в среде некоторых протестантских общин. В Послании Святейшего Патриарха Пимена и Священного синода архиепископу Эдварду Скотту, председателю ЦК ВСЦ и генеральному секретарю ВСЦ д-ру Филипу Поттеру было подчеркнуто, что «Священное Писание и опыт Церкви исключают возможность конвергенции христианства с секулярными идеологиями». На тех же принципах, по мнению РПЦ, следует вести диалог с представителями нехристианских религий, категорически исключая возможность скатывания к синкретизму.

С 1970 г. на заседаниях ЦК ВСЦ ставился вопрос о необходимости предоставления православным церквям возможности более активно участвовать в деятельности ВСЦ, в том числе в диаконии. С этой целью была проведена консультация руководителей ВСЦ с участием представителей поместных православных церквей. В ходе консультации было высказано предложение об изменении структуры ВСЦ и процедурных правил, так как православные по причине их меньшинства в ВСЦ были фактически лишены возможности влиять на процессы принятия решений. В этом же году была создана Комиссия ВСЦ по вопросам участия церквей в развитии различных направлений его деятельности. Ряд заседаний этой комиссии, по предложению РПЦ, был проведен в СССР. Так, например, в апреле 1975 г. встреча, посвященная подготовке к V Генеральной Ассамблее ВСЦ, проходила в Ленинградской духовной академии и семинарии. В итоговом коммюнике участники этой встречи подтвердили, что «служение ближнему рассматривается как заповедь Христова, как существенный элемент в миссии Церкви и как путь к сотрудничеству с иными религиями и идеологиями» [13. С. 5, 6].

При участии представителей РПЦ, известных православных богословов принимались важные документы и обращения ВСЦ. В качестве примера можно привести 29-е заседание ЦК ВСЦ (1976 г., Женева, Швейцария). В ходе совещания был принят документ «Современные обязанности церквей по отношению к беженцам», относящийся к одному из важных аспектов диаконического поприща. Была одобрена Программа по борьбе с расизмом. На этом заседании выступили авторитетные православные богословы: проф. Н. Заболоцкий прочитал доклад «Общинный дух и со-

борность», проф. А. Осипов выступил с сообщением на тему «Экуменизм православия», протоиерей проф. Н. Гундяев представил комментарий к докладу «Литургия и духовность», сделанному иеромонахом Афанасием Евтичем, представителем Сербской православной школы [14. С. 5–7].

На Межправославной консультации по диаконии на Новом Валааме в сентябре 1977 г. в контексте общего экуменического свидетельства православия было заявлено, что в каждой культуре евхаристическая динамика ведет к «литургии после литургии», т.е. к литургическому использованию материального мира, преобразованию человеческих объединений в социуме в кинонии (общение, сопричастие и полноту жизни в Боге).

Заслугой православных богословов стало расширение семантического ряда понятиями, ставшими ключевыми для современного функционирования поприща диаконии. Речь идет о концептах: «макро- и микродиакония». В материалах консультации, посвященной церковному служению, проведенной в 1978 г. в Православной академии на Крите, приведены их формулировки. Микродиаконией названы «конкретные меры, предпринятые Церквями, как средство против критических ситуаций, в которых оказались отдельные люди или группы людей» [15. С. 20]. Макродиакония объединила деятельность миссии диаколической направленности с функциями Комитета по социальной справедливости и свободе, включая контакты и взаимодействие с представителями руководящих органов правительственной власти.

Результаты 29-го заседания ЦК ВСЦ, межправославных консультаций и семинаров стали предпосылкой принятия на VI Ассамблее в Ванкувере (1983 г.) определения диаконии как «литургии после литургии». Итоги VI Ассамблеи широко обсуждались на экуменическом семинаре, который РПЦ организовала 5–6 сентября 1983 г. в Москве. Неоднократно на встречах различного уровня, проводимых ВСЦ, активно обсуждалась тема современного понимания диаконии. Речь шла о диаконии разных уровней: реабилитационной, превентивной и чрезвычайной. В планах на будущее акцентировались такие ее направления, как установление единого межконфессионального понимания справедливости и мира, обновление филантропической деятельности, борьба за мир между народами, справедливость и соблюдение прав человека [16. С. 6–8].

Патриархи РПЦ многократно обращались к Генеральному секретарю ВСЦ, к главам различных церквей с воззванием о содействии остановке гонки вооружений, сохранению мира. При активном участии представителей РПЦ Исполком ВСЦ призвал церкви разных стран оказать влияние на правительство США с целью прекращения военной и экономической интервенции в Никарагуа, а также привлечь правительства своих стран оказать помощь народу Никарагуа, в том числе дотациями. Представители РПЦ выступали с инициативами поддержать справедливость между народами,

следуя по богоизбранному пути мира. Такая направленность участия РПЦ в диаконии ВСЦ соответствовала православной позиции служения ближнему.

Вклад РПЦ в диаколическую деятельность ВСЦ не раз получал высокую оценку. Так, в 1985 г. в Женеве состоялось заседание круглого стола по вопросам межцерковной помощи эфиопскому народу, пострадавшему от засухи, в налаживании нормальной жизни. Представитель Эфиопской церкви выразил благодарность РПЦ за оказанную помощь народу Эфиопии [17. С. 25]. Подобные факты свидетельствуют о плодотворности практики диаконии со стороны РПЦ.

Заметим, что для сохранения истинно христианского понимания термина «диакония» требовалось отстаивание православных экклезиологических позиций. В ноябре 1986 г. в Ларнаке (Кипр) проходила консультация по межцерковной помощи, помощи беженцам и служению миру. Среди 300 ее участников были также делегаты от церквей Советского Союза и представители экуменического актива этих церквей. Была выражена надежда на активизацию борьбы с расизмом, гонкой вооружений, милитаризацией. Выступающие на этой встрече отмечали важность Торонтской декларации 1950 г., в которой было четко определено, что ВСЦ не является церковью и никогда не станет сверхцерковью. В коммюнике была подчеркнута важность для ВСЦ служения миру и справедливости, решения экономических проблем. Была показана вопиющая непропорциональность ежедневных мировых расходов. Так, в частности, в условиях длительного и углубляющегося экономического кризиса в США почти 2 млрд долл. тратится на вооружение. РПЦ активно участвовала в работе I Всемирной конференции ВСЦ «Справедливость, мир и целостность творения» (1986 г., Глион, Швейцария), на которой обсуждались вопросы принятия церквями взаимных обязательств по обеспечению справедливости и существования в мире на основе христианских заповедей. На конференции был принят ряд важных документов, среди которых Заявление о задолженности стран «третьего мира», в котором ставилась задача разработки конкретных мер по решению названной проблемы [18. С. 27].

К последнему десятилетию XX в. получили развитие сети или объединения, занимающиеся определенной диаколической деятельностью. Прибегали к использованию политических мер. Новшеством в системе оказания оперативной помощи в чрезвычайных обстоятельствах стало создание глобальной экуменической сети Action by Churches Together (ACT). Все эти новые экуменические организации тесно сотрудничали между собой в решении задач своей деятельности. Ключевые структуры (ACT International, ECLOF) получили независимый от ВСЦ статус.

Только предварительное обсуждение приоритетных получателей спонсорской помощи специалисты донорских организаций, в том числе Экуменического кредитного фонда, проводили при участии сотрудников

ВСЦ. Решающий выбор оставался за спонсирующими независимыми от Совета организациями. Таким образом, в начале XXI в. финансирование программ по диаконии перешло в ведение «ключевых структур»: региональных групп, круглых столов, Экуменического фонда церковных займов, Службы беженцев и мигрантов, Службы реагирования на чрезвычайные ситуации, а также других сетевых объединений и национальных правительственных организаций.

Одна из причин отмеченного в профильном отделе снижения показателей бюджетного роста кроется в произошедших изменениях финансовой политики ВСЦ – были прекращены регулярные финансовые отчисления между структурными единицами Совета» [19. С. 73]. Например, со стороны отдела не поступала помощь на выполнение образовательных и молодежных программ. Другими причинами стали финансовый дефицит в результате ухудшения мировой экономики (начало 1990-х гг.), рост инфляции (новая волна в 1995 г.), снижение финансовых ресурсов некоторых религиозных организаций, как членов Всемирного Совета, так и взаимодействующих с ним. «Рост конкуренции за средства, поступающие от других экуменических организаций», осложнили ситуацию [19. С. 4]. «Была произведена новая корректировка структуры и сокращение штата» (до 237 человек) [20. С. 23].

По инициативе нынешнего Патриарха Кирилла (в 1990-е гг. – митрополита) произошел пересмотр взаимоотношений между РПЦ и ВСЦ, вызванных крайне либеральными проявлениями, ставшими характерными для протестантского мира. «В совместных социальных проектах могут участвовать и баптисты, и пятидесятники, а также представители иных религий». Диалог с представителями лютеран следует вести «социально-ориентированным»: возможно сотрудничество в социальной и благотворительной сферах, христианской общественной мысли, в области религиозного просвещения, в совершенствовании законодательства об организациях религиозного толка, патриотической работе с молодежью. По словам Патриарха Кирилла, «такая деятельность и будет нашим (с лютеранами) совместным вкладом в евангелизацию всех россиян. В том числе детей и молодежи» [21. С. 427].

Специальная комиссия, созданная по инициативе РПЦ в 1998 г., предназначалась для рассмотрения ряда вопросов: 1) применение метода консенсуса в принятии решений, 2) отказ от инклюзивного (феминистского) языка в пользу использования традиционной библейской терминологии на заседаниях и в документах; 3) принятие правила, согласно которому для вступления в члены ВСЦ необходимо исповедовать веру в Троицу Бога, как она выражена в Священном Писании и Никео-Цареградском Символе Веры. Еще раз была подтверждена позиция всех поместных православных церквей о необходимости единства в вере для евхаристического общения; 4) также РПЦ выступала за установление раздельного порядка совершения кон-

фессиональных молитв. «Появилась возможность лучше знакомить западных христиан с православным богослужением и литургическим благочестием во всей их целостности» [22. С. 6].

Принятые в итоге работы специальной комиссии положения позволили делегации Русской православной церкви в составе 21 человека, возглавляемой архиереем, принять деятельное участие в работе IX ассамблеи (14–23 февраля 2006 г., Порту-Алегри, Бразилия). В состав делегации РПЦ, возглавляемой епископом Венским и Австрийским Илларионом, вошли 21 человек – клирики и миряне из России, а также из епархий и приходов Московского патриархата в дальнем зарубежье. Пленарное заседание IX Ассамблеи было посвящено обсуждению вопросов экономической справедливости. Представитель РПЦ протоиерей В. Чаплин рассказал собравшимся о «нравственных принципах и правилах хозяйствования», принятых в 2004 г. Всемирным русским народным собором. Он передал мнение РПЦ о необходимости создания новых международных экономических структур под управлением представителей разных народов [23. С. 67].

Напомним, что на ассамблее в Хараре (1998 г.) ВСЦ был признан «содружеством церквей» [6. С. 665]. Следовательно, институционализация не состоялась. Не получилась устойчивая структура объединительного характера. Глобальные проекты ставят задачу освоения перемен, создания эффективных институтов для преодоления негативных факторов и сохранения всего ценного из наследия прошлого. Институциональная структура необходима для создания механизмов, обеспечивающих соблюдение основополагающих правил. Такие характеристики не соответствуют приведенным по диаконической деятельности ВСЦ данным. Как засвидетельствовано в материалах ВСЦ, «сократились признаки существования института» – структуры с центральным управлением [20. С. 76, 78]. Координирующая роль, исполнительные функции, финансирование программ вышли за пределы организационной структуры ВСЦ и сконцентрировались в получивших независимый статус ключевых организациях. Более весомы стали личностное участие, сетевые организации [Там же. С. 88. С. 428].

ВСЦ остается удобной площадкой для организации встреч межконфессионального и конфессионального толка, проведения обсуждений и выработке политики, в том числе в сфере диаконии.

Таким образом, поприще диаконии прошло интенсивный путь становления и развития в рамках ВСЦ. Пройденный путь говорит, с одной стороны, о росте значения диаконии в развитии человеческого сообщества, а с другой – о необходимости включения в реализацию диаконических идей всего комплекса политических, экономических, физиологических и культурных факторов.

Сегодня положительные результаты деятельности православных церквей как членов ВСЦ и их роль в

экуменическом движении вполне очевидны. Этот вывод подтверждается и в итоговых материалах Специальной комиссии по вопросу об участии православных церквей в работе ВСЦ: «Позиция православных церк-

вей будет иметь решающее значение в процессе принятия различных документов» [21. С. 138]. В документах ВСЦ отмечено: «Православные теологи обогатили понимание Веры для всех христиан» [24. С. 125].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Диакон Желтов М.* Диакон. М.: Церковно-научный центр Русской православной церкви «Православная энциклопедия», 2006. Т. XII. 722 с.
2. *Прот. Н. Малиновский.* Очерк православного догматического богословия. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2003. 350 с.
3. *Александр Белопонский.* Православная диакона. URL: <http://www.rondtb.msk.ru/info/ru/Belopopsky ru.htm>, свободный.
4. *Ион Бриа.* Литургия после литургии. URL: <http://www.rondtb.msk.ru/info/ru/Bria ru.htm>, свободный.
5. *A History of the Ecumenical Movement. 1517–1948* / ed. by Ruth Rouse and Stephen Charles Neill. Third edition. WCC, Geneva, 2004. 838 p.
6. *Спиранская Е.С.* Всемирный совет церквей. Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М., 2005. Т. IX. 752 с.
7. *Вебер М.* Избранные сочинения. М.: Прогресс, 1990. 797 с.
8. *Dictionary of the ecumenical movement* / ed N. Lossky. Geneva: WCC publications, 1991. 1196 p.
9. *Протоиерей Максим Козлов, Огицкий Д.П.* Западное христианство: взгляд с Востока. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 395 с.
10. *Консультация* представителей православных церквей с руководящими сотрудниками ВСЦ. Информационный бюллетень № 8 от 19 июня 1981 г. Московский Патриархат. Отдел Внешних Церковных сношений. 28 с.
11. *Православная Церковь и экуменическое движение.* Решение Третьего Предсоборного всеправославного совещания. Православие и экуменизм: док. и матер., 1902–1998. М.: Изд-во МФТИ, 1999. 496 с.
12. *Православие и современность.* Речь митрополита Крутицкого и Коломенского Николая на торжественном акте в Московской духовной академии. 13 мая 1958 г. // Журнал Московской Патриархии. 1958. № 6.
13. *Коммюнике* представителей Всемирного совета церквей и делегатов от церквей-членов ВСЦ из СССР на встрече в Ленинграде по подготовке Пятой Ассамблеи ВСЦ. Информационный бюллетень № 5 от 19 мая 1975 г. Московский Патриархат. Отдел Внешних Церковных сношений. 23 с.
14. *Заседание* Центрального комитета и Исполнительного комитета Всемирного совета церквей. Информационный бюллетень № 9 от 22 сентября 1976 г. Московский Патриархат. Отдел Внешних Церковных сношений. 15 с.
15. *An Orthodox Approach to Diakonia: Consultation on Church and Service*, Orthodox Academy of Crete, November 20–25, 1978. Geneva: World Council of Churches, 1980. 24 p.
16. *Экуменический семинар* по темам VI Ассамблеи ВСЦ. Информационный бюллетень № 5 от 12 апреля 1983 г. Московский Патриархат. Отдел Внешних Церковных сношений. 16 с.
17. *Заседания* в ВСЦ по вопросам помощи Эфиопии. Информационный бюллетень № 1 от 14 января 1986 г. Московский Патриархат. Отдел Внешних Церковных сношений. 39 с.
18. *Консультация* по программе «Справедливость, мир и целостность творения» ВСЦ. Информационный бюллетень № 11 от 26 декабря 1986 г. Московский Патриархат. Отдел Внешних Церковных сношений. 44 с.
19. *Vancouver to Canberra, 1983–1990.* Report of the Central Committee to the Seventh Assembly of the World Council of Churches / ed. by Thomas F. Best. World Council of Churches, Geneva, 1990. P. 275.
20. *Assembly Workbook.* Harare, 1998. World Council of Churches Publications, 1998. P. 155.
21. *Иларион (Алфеев).* Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. М.: Эксмо, 2009. 560 с.
22. *Назначение* проф. Н.А. Заболоцкого в штат аппарата ВСЦ. Информационный бюллетень № 2 от 14 февраля 1977 г. Московский Патриархат. Отдел Внешних Церковных сношений. 11 с.
23. *Состоялась IX Генеральная ассамблея* Всемирного совета церквей. Информационный бюллетень № 2, февраль 2006 г. Московский Патриархат. Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата. 134 с.
24. *New Delhi to Uppsala, 1961–1968.* Report of the Central Committee to the Fourth Assembly of the World Council of Churches. World Council of Churches, Geneva, 1968. 220 p.

Usacheva Olga T. Courses named after Holy and Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius (Moscow, Russian Federation). E-mail: lektorij@mail.ru

THE HISTORY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH'S PARTICIPATION IN DIAKONIA OF THE WORLD COUNCIL OF CHURCHES.

Keywords: diakonia; philanthropy; modern ecumenism; the Russian Orthodox Church; the World Council of Churches.

The article briefly shows the etymology of the key concept of "diakonia," presents a historical characteristic of the modern ecumenism, prerequisites for the formation of the WCC. It shows the fundamental differences between orthodox and protestant interpretation of the key expression "Christian unity", the concept "diakonia." This essay highlights the most significant events in the history of the participation of the Russian Orthodox Church in the development of "diakonia" in the WCC in different periods, including its participation in the IX General Assembly of the WCC (2006, Porto Alegre, Brazil). It is known that the WCC was created as an institution of Christian charity which was supposed to work out the principles of coordinated and credible actions to provide necessary assistance. WCC assistance meant providing partner support from one or more churches of any Christian tradition in one part of the world to the Church in any other part of the world, any distance from the helping partners, regardless of religious affiliation. It is important to mention that the coordination role belonged to the Council. Christian ministry is understood as the provision of assistance to the partner's needs. This was developed and adopted as a sample of Inter-Church Aid, as an activity of diaconal profile. The Orthodox Church is a continuation of the One, Holy, Catholic and Apostolic Church. It has a universal character, although it exists as local Orthodox Churches. The resolution of the third Pan-Orthodox Pre-Council Conference (1986, Shambezi, Switzerland) says that the mission and duty of the Orthodox Church is to offer the fullness contained in the Holy Scriptures and the Holy Tradition of the Truth, thus giving the universal character to the Church. So the ROC can fulfill the world social service only while maintaining the fidelity of this position. Patristic understanding of diakonia as continuing the liturgy is the source and summit of all social activity. Today the ROC keeps such understanding of diakonia. From the outset, representatives of the Russian Orthodox Church participated in all activities of the WCC, in the meetings of the Central Committee of the WCC held in the framework of its meetings of representatives of the Local Orthodox and ancient Eastern (noehalki-donskih) Churches. The WCC was recognized as a fellowship of Churches at the assembly in Harare (1998). Consequently, the institu-

tionalization failed. The WCC is a convenient platform for the organization of meetings of interfaith and religious persuasion, debate and policy-making, including in the field of diakonia. Today, the positive results of the Orthodox Churches' activities, as members of the WCC, and their roles in the ecumenical movement are quite obvious. The documents of the WCC noted that the orthodox theologians had enriched the understanding of the faith for all Christians.

REFERENCES

1. Zheltov M. *Diakon* [The Deacon]. Moscow: The Orthodox Church Research Centre "Pravoslavnyaya entsiklopediya", 2006. Vol. XII, 722 p.
2. Malinovskiy N. *Oчерк pravoslavnogo dogmaticheskogo bogosloviya* [An essay on Orthodox dogmatic theology]. Moscow: Orthodox Svyato-Tikhonovskiy Theological Institute Publ., 2003. 350 p.
3. Belopopskiy A. *Pravoslavnyaya diakoniya* [Orthodox diacons]. Available at: <http://www.rondtb.msk.ru/info/ru/Belopopsky ru.htm>.
4. Bria I. *Liturgiya posle liturgii* [Liturgy after the liturgy]. Available at: <http://www.rondtb.msk.ru/info/ru/Bria ru.htm>.
5. Rouse R., Neill S.Ch. (ed.) *The History of the Ecumenical Movement. 1517–1948*. WCC, Geneva, 2004. 838 p.
6. Spiranskaya E.C. *Vsemirnyy Sovet Tserkvey. Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The World Council of Churches. The Orthodox Encyclopedia]. Moscow: The Orthodox Church Research Centre "Pravoslavnyaya entsiklopediya", 2005. Vol. IX, 752 p.
7. Veber M. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Moscow: Progress Publ., 1990. 797 p.
8. Lossky N. (ed.) *Dictionary of the ecumenical movement*. Geneva: WCC publications, 1991. 1196 p.
9. Kozlov M., Ogitskiy D.P. *Zapadnoe khristianstvo: vzglyad s Vostoka* [Western Christianity: a view from the East]. Moscow: Sretensky Monastery Publ., 2009. 395 p.
10. *Consultation of representatives of the Orthodox Churches with senior staff of the WCC*. Newsletter number 8 on 19 June 1981. The Moscow Patriarchate. Department for External Church Relations. 28 p. (In Russian).
11. *Pravoslavnyaya Tserkov' i ekumenicheskoe dvizhenie. Reshenie Tret'ego Predsobornogo vsepravoslavnogo soveshchaniya. Pravoslavie i ekumenizm: dok. i mater., 1902–1998* [The Orthodox Church and the ecumenical movement. Third Pre-Conciliar Pan-Orthodox decision meeting. Orthodoxy and Ecumenism: doc. and proc., 1902–1998]. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology Publ., 1999. 496 p.
12. *Pravoslavie i sovremennost'. Rech' mitropolita Krutitskogo i Kolomenskogo Nikolaya na torzhestvennom akte v Moskovskoy Dukhovnoy Akademii. 13 maya 1958 g.* [Christianity and modernity. The speech of Metropolitan Nicholas at the solemn act of the Moscow Theological Academy. May 13, 1958]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii*, 1958, no. 6.
13. Kommyunike predstaviteley Vsemirnogo Soveta Tserkvey i delegatov ot tserkvey-chlenov VSTs iz SSSR na vstreche v Leningrade po podgotovke Pyatoy Assamblei VSTs [The communiqué of representatives of the World Council of Churches and delegates from member churches of the WCC from the USSR in Leningrad at the meeting on the preparation of the Fifth Assembly of the WCC]. *Informatsionnyy byulleten'*, 1975, no. 5. 23 p.
14. Zasedanie Tsentral'nogo Komiteta i ispolnitel'nogo Komiteta Vsemirnogo Soveta Tserkvey [The meeting of the Central Committee and the Executive Committee of the World Council of Churches]. *Informatsionnyy byulleten'*, 1976, no. 9. 15 p.
15. *An Orthodox Approach to Diakonia: Consultation on Church and Service, Orthodox Academy of Crete, November 20–25, 1978*. Geneva: World Council of Churches, 1980. 24 p.
16. *Ekumenicheskii seminar po temam VI Assamblei VSTs* [The Ecumenical Seminar on topics of the 6th Assembly of the WCC]. *Informatsionnyy byulleten'*, 1983, no. 5. 16 p.
17. *Zasedaniya v VSTs po voprosam pomoshchi Efiopii* [Meetings of the WCC on the aid to Ethiopia]. *Informatsionnyy byulleten'*, 1986, no.14. 39 p.
18. *Konsul'tatsiya po programme "Spravedlivost', mir i tselostnost' tvoreniya"* VSTs [Consultation on the program "Justice, peace and integrity of creation", WCC]. *Informatsionnyy byulleten'*, 1986, no. 1. 44 p.
19. Best T.F. (ed.) *Vancouver to Canberra, 1983–1990. Report of the Central Committee to the Seventh Assembly of the World Council of Churches*. Geneva, 1990, p. 275.
20. *Assembly Workbook. Harare, 1998*. World Council of Churches Publications, 1998. P. 155.
21. Ilarion (Alfeev). *Patriarkh Kirill: zhizn' i mirosozertsanie* [Patriarch Kirill: his life and world view]. Moscow: Eksmo Publ., 2009. 560 p.
22. *Naznachenie prof.N.A. Zabolotskogo v shtat apparata VSTs* [The appointment of Prof.N.A. Zabolotsky in the state apparatus of the WCC]. *Informatsionnyy byulleten'*, 1977, no. 2. 11 p.
23. *Sostoyalas' IX General'naya assambleya Vsemirnogo Soveta Tserkvey* [The IX General Assembly of the World Council of Churches]. *Informatsionnyy byulleten'*, 2006, no. 2. 134 p.
24. *New Delhi to Uppsala, 1961–1968. Report of the Central Committee to the Fourth Assembly of the World Council of Churches*. World Council of Churches, Geneva, 1968. 220 p.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 930 "15" =124

И.Е. Андронов

ВАЛЬДЕНСЫ В «КАТАЛОГЕ СВИДЕТЕЛЕЙ ИСТИНЫ» МАТИАСА ФЛАЦИЯ

«Каталог свидетелей истины» (1556) – историко-церковное сочинение, в оригинальной форме представляющее новую лютеранскую концепцию. Эта концепция будет реализована автором М. Флацием в «Магдебургских Центуриях» – крупнейшем труде по истории Церкви, вышедшем в XVI в. Движение вальденсов описано подробнее других ересей и прочих элементов концепции, ему придано особое концептуальное значение. Наряду с элементами, сближающими идеологию вальденсов и учение Лютера, Флаций отметил и различия, сделав акцент лишь на некоторых из них. При этом были продемонстрированы ранее не известные навыки поиска источников и их обработки. Анализ соответствующих страниц «Каталога» позволяет сделать вывод об особом значении, придававшемся движению вальденсов как предтече лютеранской идеологии.

Ключевые слова: история Церкви; Реформация; лютеранская историография; вальденсы.

В эволюции исторической мысли второй половины XVI в. особую роль сыграла церковная историография. Бурная дискуссия между протестантами и католиками стала полигоном, на котором историки формировали первые всемирно-исторические концепции, разрабатывали системный подход к источникам, углубляли познания в ряде вспомогательных исторических дисциплин. Старт дискуссии дал вышедший в 1559 г. первый том сочинения по истории церкви, написанного коллективом авторов в нескольких германских городах, – так называемых «Магдебургских Центурий» [1].

Важнейшим этапом подготовки этого труда стало написание организатором всего проекта, руководителем авторского коллектива Матиасом Флацием Иллириком [2–4] специального труда, формулировавшего некоторые основные элементы исторической концепции «Центурий» и называвшегося «Каталог свидетелей истины» [5]. Это крупное сочинение представляло собой перечень праведников, сторонников истинного христианства. Перечень начинается со св. Петра и завершается малознакомыми сегодняшним историкам церковными деятелями начала XVI в. Таким образом, выстроена прямая линия «свидетелей истины», т.е. не связанная преемственностью череда борцов, а массовая группа единомышленников из различных эпох. Эта группа своим существованием демонстрирует читателю, что во все века вокруг веры существовала пресловутая «Истина», т.е. представление о Церкви Христовой, не искажившееся вследствие различного рода злодеяний и узурпаций. В свою очередь, эти последние суть элементы единого дьявольского замысла.

Следует с сожалением отметить, что этот интересный текст ещё мало изучен историками. В то время как богословское наследие Флация неоднократно было исследовано и описано в специальной литературе, его исторические произведения менее известны. В работах по историографии Флаций предстаёт, главным образом, автором «Магдебургских центурий», а «Каталог свидетелей истины» оказывается объектом исследова-

ний гораздо реже. Определённая позитивная тенденция прослеживается лишь в последнее время. Профессор Мартина Хартманн (Мюнхенский университет им. Людвига Максимилиана) посвятила свою докторскую диссертацию методам работы Флация с источниками; последовавшая замечательная публикация [6] ответила на целый ряд вопросов, давно задававшихся историками. Исследовательница сосредоточила свои усилия на изучении источниковой базы Флация, причём проследила её изменение в изданиях «Каталога» 1556 и 1562 гг. Весьма любопытное посмертное издание 1597 г., к сожалению, было встречено молчанием. В дискуссии с оппонентами М. Хартманн, среди прочего, доказала, что тексты, из которых Флаций черпал свои знания о вальденсах, могут быть идентифицированы в некоторых манускриптах, хранящихся ныне в Библиотеке Герцога Августа в Вольфенбюттеле [6. Р. 182–190]. Хотя проф. Хартманн упомянула особую роль посвящённого вальденсам отрывка «Каталога», эта линия исследования не получила дальнейшего развития. Ирена Баккус (Институт истории Реформации, Женева) уделила некоторое внимание композиции и методу аргументации в «Каталоге свидетелей истины» [7. Р. 343–350]; её основной заслугой стало исследование подходов Флация к античным историкам, а также выделение издания 1597 г. как объекта для самостоятельного изучения.

Ряд оценок уважаемой коллеги, однако, вызывает несогласие; в частности, это касается сомнения в глубокой концептуальной взаимосвязи «Каталога» и «Центурий». Как мы видим, этому сочинению уделяется незаслуженно мало внимания специалистов. Например, признанный корифей изучения церковной историографии Энрико Норелли (Женевский университет) в своём, в целом очень фундированном, исследовании трактовки святоотеческого наследия в межконфессиональной полемике XVI в. [8] проигнорировал «Каталог». В российской научной литературе «Каталог свидетелей истины» пока не освещался.

Труд Флация был целиком посвящён доказательству истинности знаменитого ветхозаветного пророчества (3 Книга Царств, 19:18): «Впрочем, я оставил между Израильтянами семь тысяч *мужей*; всех их колени не преклонялись пред Ваалом, и всех сих уста не лобызали его» [9. S. 16f; 10. S. 210]. В поиске опоры в прошлом ранняя Реформация находит в этих праведниках своих предшественников. Теперь Флацию следовало обнаружить их и представить как непрерывную линию. Если Реформация стоит на тех же позициях, что и эти праведники, то она является продолжением этой линии, реализующейся как Промысел Божий (через слова Бога, сказанные Илие), а противники её логически неопровержимо оказываются в лагере Ваала [11. S. 136f].

Большинство отдельных статей, из которых состоит «Каталог», посвящено историческим личностям, отличившимся в борьбе за религиозную истину или против узурпаций римской церкви. Помимо личностей, в «свидетели» попали и некоторые тексты, группы людей или институты, даже некоторые курьёзные объекты вроде выловленного в Риме животного-уродца («монстра»). Отдельную категорию «Свидетелей Истины» составляют представители еретических течений – агапиты, бесериты (сочувствовавшие в VIII в. иконоборцу Бесеру), вальденсы и «болгары» (богомылы) [5. P. 36, 111, 704–761, 1067]. Излишне подчёркивать, что эти течения снискали высокую оценку Флация благодаря непризнанию авторитета римских пап. Описание движения вальденсов значительно превосходит другие ереси по объёму предлагаемой информации и глубине её обработки.

Славный муж и влиятельный гражданин Лиона Пётр Вальд (Вальдес) был избран Богом, чтобы противостоять «четырёх столпам Антихриста» XII в. – Грациану, Петру Ломбардскому, Франциску Ассизскому и Доминику. Выступления Вальдеса и возникновение движения – высокохудожественная вставка, преисполненная не характерного для гуманистической литературы драматизма и композиционного совершенства. Этот пассаж настолько отличается от основного текста «Каталога», настолько преисполнен эмоциональной силы, что выглядит вполне самостоятельным сочинением.

Описание судьбы ересиарха Петра Вальда преисполнено художественных достоинств. Проводятся прямые аналогии между Лютером и Вальдом; априорная сугубо положительная оценка действий первого переносится читателем и на второго. Таким образом, непропорционально большое место, уделяемое в «Каталоге» этому течению, получает простое объяснение: как в концептуальном, так и в жанровом отношении оно заменяет собой рассказ о Лютере и его последователях. Особенно подчёркивается то обстоятельство, что вальденсы критиковали римскую церковь часто за то же самое, за что впоследствии её критиковал Лютер. То обстоятельство, что изначально течение валь-

денсов не было направлено на конфронтацию с Римом, Флацию не нужно и поэтому не рассматривается: наоборот, вольно или невольно он видит в этом движении главным образом то, что сближает его с лютеранством как в идеологии, так и в практике.

В частности, это проявляется в тенденции Флация рассматривать дошедшие от вальденсов тексты, а также в особом внимании к истории конфликта. Интересно, что Флаций вполне осознаёт недостаточность источников, предоставляющих информацию о сюжете 400-летней давности. В своей реконструкции событий он делает предположения и допуски, которые не ослабляют, а напротив, усиливают убедительность делаемых им выводов. Флаций широко привлекает к исследованию источники противного лагеря, направленные, как правило, против вальденсов. Стремясь воссоздать богословское содержание этого движения, историк формулирует его в виде «статей», которые удивительным образом напоминают как выступления Лютера, так и содержащееся выше в «Каталоге» суммированное описание восточных (православных) церквей.

Статьи вальденсов.

1. Они твёрдо считают, что в том, что касается Спасения, следует верить только Священному Писанию, а кроме него – ни одному человеку или тексту.

2. Нисколько не сомневаясь, они веруют, что Священное Писание целиком содержит всё необходимое для Спасения; и в религии не следует принимать или допускать ничего сверх того, что Господь преподавал нам в Священном Писании.

3. Они утверждают, что существует лишь один посредник, и ни из каких соображений не следует призывать святых.

4. Они говорят, что Чистилища не существует, а все люди либо оправданы Христом к жизни вечной, либо – неверующие – обречены на вечную погибель, а никакого третьего или четвёртого места нет.

5. Они принимают и одобряют лишь два таинства – Крещение и Причащение.

6. Они утверждают, что все мессы, а в особенности те, что служатся в пользу покойников, не богоугодны, и их вообще следует отменить.

7. Все человеческие традиции следует отбросить или просто не считать ни в коей мере необходимыми или способствующими Спасению: следует отменить пение и чтение вслух службы, закреплённые за определёнными днями посты, излишние праздники, различия в питании, а также отменить различные степени и звания священнослужителей, монахов и монахинь, различные способы благословения или посвящения тварей, обеты, паломничества, а также массу других ритуалов и обрядов, изобретённых или выдуманных людьми.

8. Они совершенно отвергают первенство Папы над всеми церквями, а самое главное – его власть надо всеми государствами, или учение об обоих мечях; они также

считают, что не следует сохранять в Церкви других званий, кроме священников, диаконов и епископов.

9. Они говорят, что богоугодно и необходимо приращение обоими видами, поскольку это было приказано и заведено Христом.

10. Они настаивают, что римская церковь – это Вавилон, о котором идёт речь в Апокалипсисе, а папа – источник всех заблуждений и истинный Антихрист.

11. Индульгенции они полностью отвергают, поскольку 400 лет назад их не было, а точнее, они были изобретены 250 лет назад Бонифацием VIII.

12. Они учат, что брак священников является богоугодным и необходимым для церкви.

13. Внимающие слову Господа и правильно мыслящие люди составляют Его церковь, и ключи от церкви даны ей Христом для того, чтобы она могла и даже должна была укрыться от волков и призвать истинных и добрых пастырей Христовых слушать их голос и получать от них Таинства [5. Р. 709s].

Флаций последовательно стремился к установлению преемственности между противниками римской церковной доктрины из разных эпох, и его общеисторическая реконструкция была подчинена единому замыслу. Ссылка на Бонифация VIII (папу в 1294–1303 гг.), несмотря на свою неточность, позволяет заключить, что источники Флация описывали не изначальное, а современное ему содержание учения вальденсов. Характерно, что в описании «статей вальденсов» нет ни слова о Покаянии – понятии, очень важном для их учения и отвергавшемся как церковная практика лютеранами. Формированию концепции покаяния и отпущения грехов будут посвящены многие страницы «Магдебургских Центурий». Очевидно, Флаций обходит молчанием эту сторону учения вальденсов потому, что его собственные взгляды в данном пункте существенно с ним расходятся. Кроме того, мы должны также помнить о настроениях и мнениях адресатов издания – «князей мира сего», на которых в условиях подготовки «Магдебургских Центурий» делался особый расчёт. Светские властители (или их советники) не стали бы углубляться в доктринальные расхождения и охладели бы к проекту, если бы обнаружили, что симпатии автора снижали движение, не могущее считаться до конца праведным.

Исключительно подробно, буквально по месяцам и дням, описывал Флаций гонения на вальденсов во Франции, германских государствах, Швейцарии и Ломбардии. Историк не только подчёркнуто сохраняет свои симпатии за вальденсами, но и, что весьма неожиданно, подвергает осуждению действия светских властей, приведшие к возобновлению гонений во Франции в 1545 г. Выступление историка против законного монарха было крайне редким в историографии XVI в. явлением.

Вальденсы особенно привлекали Флация своей многочисленностью. Это позволило ему выделить их среди прочих персонажей «Каталога» как «Народ Божий»,

всей массой своей следующий к вечной жизни. Занимая центральное положение в череде «свидетелей истины», они одновременно являются и прямыми предтечами лютеран. «Я считаю, что вероисповедание таборитов, написанное в 1431 г., глубоко соответствует нашему учению и опирается на самые верные аргументы, как я ниже опишу. А Сильвий свидетельствует, что среди таборитов было принято учение вальденсов» [5. Р. 722].

Тем не менее между вальденсами и своими единомышленниками Флаций проводит строгую границу. Во избежание возможного полного отождествления он особо оговаривает, что при всех симпатиях движение вальденсов всё-таки остаётся ересью (ни одна другая ересь, которым симпатизировал Флаций, не была рассмотрена им под этим углом зрения). Проблема была очень деликатна: явные предтечи лютеран, вальденсы обнаруживали яркое доктринальное своеобразие, и автор «Каталога» был вынужден, избегая восхвалений, подчеркнуть недостатки этого учения и отмежеваться от них.

Почему же речь идёт именно о ереси? Причин несколько, и мы изложим их в том порядке, в котором это сделано в «Каталоге» [5. Р. 724ss]. Первой Флаций называет тенденцию вальденсов восхвалять Учителей церкви и претензию их лидеров на то же место в истории. Другая заключается в явном злоупотреблении практикой учения и изучения религии. «Все мужчины и женщины, от мала до велика, не прекращают учить и учиться ни днём, ни ночью. Даже работник, работающий днём, ночью учит и учится». Помимо того, что учение ведётся без книг, что к учению получают доступ совершенно неспособные к этому люди, у этой традиции есть и другое негативное последствие – постоянно занятые толкованием люди не имеют достаточно времени для молитвы! Следующая причина обвинения в ереси – это упрощённое толкование Писания. «Я видел и слышал деревенщину (*rusticam idiotam*), который декламировал от слова к слову Книгу Иова». Флаций приводит многочисленные примеры искажений Писания, ошибок в понимании слов и т.п. Чтобы показать неверные толкования, Флаций прибегает к немецким словам: очевидно, он слушал вальденсов именно на этом языке. Затем претензии на «апостольскую жизнь», т.е. следование идеалу бедности, слабо соответствовали упрекам, которые делались тем, кто жил иначе.

Флаций отмечал также непоследовательность в почитании текста Священного Писания: «что они не одобряют в тексте Нового Завета, они считают сказками». Далее осуждения заслужила практика непочтительного отношения к св. таинствам, разделявшимся лютеранским учением. Наконец, последним упреком Флация была «ненависть, которую питали вальденсы к Церкви». Очевидно, имелись в виду призывы к насилию, раздававшиеся в периоды гонений.

И всё же Флаций выступает в целом в защиту современных ему вальденсов: он подробно перечисляет

все обвинения, выдвинутые в их адрес римской Курией, и в лучших традициях богословского диспута отводит их одно за другим. В опровержении обвинений он следует лютеровской традиции и даже цитирует по большей части те же локусы Писания. На защиту ереси 400-летней давности мобилизуются все достижения современной Флацию теологии и логики: упорная оборона позиций вальденсов (совпадающих с собственными) составила основной объём данного раздела [5. Р. 735ss].

Отдельно описывает Флаций и «обычаи вальденсов». Любопытно, что поведение представителей того или иного течения может рассматриваться в качестве критерия истинности самого течения. Именно так Флаций и считает: «Еретиков можно опознать по нравам и речам» [5. Р. 754]. Строгие нравы вальденсов вызывают сочувствие и, в целом, одобрение автора «Каталога», хотя в некоторых выражениях заметен явный скепсис.

Нравом они строги и умеренны. Чванство в одеянии им несвойственно – они не пользуются ни богатствами, ни слишком потрёпанными одеяниями. Торговлю они не ведут, дабы избежать лжи, клятв и обманов; но живут только ручным трудом, как ремесленники, и их богословы – ткачи и сапожники. Богатств они не накапливают, но удовлетворяются необходимым. Лионские бедняки также богобоязненны. Они соблюдают умеренность в еде и питье – в таверны и на танцы, а также не прочие глупости не ходят. Гнев в себе подавляют. Даже за работой либо учатся, либо учат: поэтому мало молятся. В церковь они ходят для вида – делают пожертвования, и причащаются, и присутствуют на проповеди, чтобы поймать проповедника на слове. Женщины их также скромны. Они берегутся от злословия или шутовства, от легкомысленных речей, лжи и клятв. Они также редко отвечают на вопрос прямо. И если ты спросишь одного: «Ты знаешь Евангелия или Послания?», он может ответить «Кто бы меня им научил!», или что этому должен учить тот, кто обладает большим и глубоким пониманием, или что для этого надо найти незнающего и более подходящего человека. Они говорят в основном «да» и «нет», говоря, что это им можно» [5. Р. 756s].

Последние строки обнаруживают, бесспорно, какой-то личный опыт неудачного общения Флация с вальденсами, его попытку что-то у них разузнать. Из его рассказа мы знаем, в частности, что он лично общался с вальденсами Померании и Прусской марки. Тем не менее ссылается он в основном на найденные им тексты, причём по большей части – католического происхождения, направленные против учения вальденсов или на организацию истребления этой секты. Не

является ли это другим свидетельством неудачных попыток выведать что-то лично?

Наконец, Флаций цитирует без комментариев несколько текстов Инквизиции, характеризующих практику вальденсов. В частности, характеристика обычаев при вознесении молитвы [5. Р. 957ss] явно противоречит неоднократно сказанному Флацием выше о том, что молятся вальденсы явно недостаточно. Однако это противоречие осталось без комментариев. Почему? Мы склонны трактовать это как уважение Флация к источнику, желание дать богатую информацию, разнообразные толкования фактов прошлого.

Кроме того, описанные Флацием молитвы вызывают ощущение огромного времени, затрачиваемого на эту религиозную практику. Возможно, сами верующие считали, что молятся недостаточно, ибо описанные бесконечные череды молитв были, скорее всего, недостижимым идеалом, особенно если речь шла о ремесленниках и сельских тружениках. Повторялись эти длительные коленопреклонённые молитвы минимум пять раз в день, что плохо сочетается со светским бытом сторонников этого учения. Другой цитируемый текст, также от Инквизиции (он датирован 1391 г.), сообщает, что вальденсы молятся семь раз в день; многие другие детали также не соответствуют приведённому выше из других источников [5. Р. 759s]. Наконец, отрывок из «Истории Чехии» Энея Сильвио Пикколомини (папы Пия II) сообщает целый ряд мелких подробностей о чешских вальденсах, однако также остаётся без комментариев [5. Р. 760s].

Столкнувшись с серьёзной методологической проблемой, Флаций, на наш взгляд, весьма достойно из неё вышел. Нам неизвестны другие примеры из современной ему историографии, когда историк сталкивался с противоречиями в своих источниках и не стремился обойти эти противоречия молчанием или «замазать» их рассуждениями на отвлечённые темы, а честно выложил их в своём труде, насколько возможно чётко локализовал их во времени и пространстве, а окончательное суждение оставил за читателем. Мастерство Флация проявилось также в том, что, несмотря на некоторые очевидные расхождения в его источниках, они никоим образом не ставят под сомнение правомерность высказываемых им самим оценок и его общий весьма удовлетворительный контроль над текстом. Этот эпизод, наряду с рядом других, даёт нам право вести речь о «Каталоге свидетелей истины» независимо от «Магдебургских Центурий» как одном из наиболее значимых произведений ранней протестантской церковной историографии и, в более широком смысле, исторической науки XVI в. в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica. Basileae, Oporinus, 1559–1574.*

2. Preger W. *Mattias Flacius Illyricus und seine Zeit*. Bd. 1. Erlangen, 1859.
3. Olson O.K. *Mattias Flacius and the Survival of Luther's Reform*. Wiesbaden, 2002.
4. Доронин А.В. Флак // *Культура Возрождения : энцикл.* М., 2011. Т. 2. С. 440–441.
5. *Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem reclamarunt Papae. Opus varia rerum, hoc praesertim tempore scitu dignissimarum, cognitione refertum, ac lectu cum primis utile atque necessarium. Cum praefatione Mathiae Flacii Illyrici, qua Operis huius et ratio et usus exponitur.* Basileae, Oporinus, s. a. (1556).
6. Hartmann M. *Humanismus und Kirchenkritik: Matthias Flacius Illyricus als Erforscher des Mittelalters*. Stuttgart, 2001.
7. Backus I. *Historical method and confessional identity in the era of the Reformation (1378–1615)*. Leiden-Boston, 2003.
8. Norelli E. The authority attributed to the Early Church in the Centuries of Magdeburg and in the Ecclesiastical Annals of Caesar Baronius // *The reception of the Church Fathers in the West from the Carolingians to the Maurists* (ed. I. Backus). Leiden-Boston, 2001. Vol. 2. P. 745–774.
9. Scheible H. *Die Entstehung der Magdeburger Zenturien. Ein Beitrag zur Geschichte der historiographischen Methode*. Gütersloh, 1966.
10. Scheible H. *Der Plan der Magdeburger Zenturien und ihre ungedruckte Reformationsgeschichte*. Heidelberg, 1960.
11. Keute H. *Reformation und Geschichte. Kaspar Hedio als Historiograph*. Vandenhoeck und Ruprecht, Göttingen, 1980.

Andronov Ilya E. Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: orgizomenos@gmail.com

WALDENSIANS IN THE FLACIUS' CATALOGUS TESTIUM VERITATIS.

Keywords: Church history; Reformation; Lutheran historiography; Waldensians.

The *Catalogus testium veritatis* was edited by Matthias Flacius in 1556, during the preparatory works on the major Lutheran historical text of the XVIth century, the so-called Centuries of Magdeburg (1559–1574). In spite of the evident affinity of both conceptions, the *Catalogus* represents its own structure and model of exposition. Among almost 400 elements of the general historical view (the Witnesses of Truth, according to the terminology accepted by the author) a few were dedicated to some heresies. Although most of them are only briefly described, the Waldensian heresy obtained both a considerable space in the book's structure and an importance in the whole conception. The reason is simple: the Waldensian doctrine matches the Lutheran one in a series of crucial points. Such coincidences are analyzed in the article along with several not less important divergences. Flacius concentrates on the exposition of the Waldensian doctrine and fails to distinguish between the original word of Peter Waldo and the contemporary state of things. He makes extensive quotations and obviously enjoys any proximity with his own opinion. He refers to all Waldensian theses that coincide with Lutheran ones and rejects the papal accusations concerning them. To defeat the 400-year old papal attacks, Flacius has recourse to all achievements of contemporary Lutheran theology and to some statements from the inter-confessional polemics of his own times. In his analysis of the Waldensian doctrine, Flacius encounters an interesting issue in methodology regarding his sources. As we know from his account, his personal contacts with Waldensians were not particularly fruitful, but the written sources collected revealed sometimes different and even contradictory information. Flacius manages to deal with it and offers it in quotations. So the reader has to form his or her own opinion. So, we may conclude that the mastery in managing contradictory information and loyalty to the declared concept make the *Catalogus* a wholly independent historical research with its own historiographical value, even without reference to the Centuries of Magdeburg.

REFERENCES

1. Basileae Oporinus. *Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica*.
2. Preger W. *Mattias Flacius Illyricus und seine Zeit*. Bd. 1. Erlangen, 1859.
3. Olson O.K. *Mattias Flacius and the Survival of Luther's Reform*. Wiesbaden, 2002.
4. Doronin A.V. *Flacius*. In: Kudryavtsev O.F., Revyakina N.V. (eds.) *Kul'tura Vozrozhdeniya* [The culture of Renaissance]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. Vol. 2, pp. 44–441.
5. Basileae Oporinus. *Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem reclamarunt Papae. Opus varia rerum, hoc praesertim tempore scitu dignissimarum, cognitione refertum, ac lectu cum primis utile atque necessarium. Cum praefatione Mathiae Flacii Illyrici, qua Operis huius et ratio et usus exponitur*.
6. Hartmann M. *Humanismus und Kirchenkritik: Matthias Flacius Illyricus als Erforscher des Mittelalters*. Stuttgart, 2001.
7. Backus I. *Historical method and confessional identity in the era of the Reformation (1378–1615)*. Leiden-Boston, 2003.
8. Norelli E. The authority attributed to the Early Church in the Centuries of Magdeburg and in the Ecclesiastical Annals of Caesar Baronius. In: Backus I. (ed.) *The reception of the Church Fathers in the West from the Carolingians to the Maurists*. Leiden-Boston, 2001. Vol. 2, pp. 745–774.
9. Scheible H. *Die Entstehung der Magdeburger Zenturien. Ein Beitrag zur Geschichte der historiographischen Methode*. Gütersloh, 1966.
10. Scheible H. *Der Plan der Magdeburger Zenturien und ihre ungedruckte Reformationsgeschichte*. Heidelberg, 1960.
11. Keute H. *Reformation und Geschichte. Kaspar Hedio als Historiograph*. Vandenhoeck und Ruprecht, Göttingen, 1980.

ОБСУЖДЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ О ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ В АМЕРИКАНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1994–2014 гг.)

Анализируется отношение ЕС и США к проекту создания Трансатлантической зоны свободной торговли. Рассматриваются основные направления сотрудничества в рамках зоны свободной торговли и основные сложности, с которыми сталкиваются участники.

Ключевые слова: TAFTA; США; Германия; экономика; торговля.

Социологический опрос, проведённый Немецким Фондом Маршалла в 2007 г., показал, что 64% американцев и 69% европейцев выступают за развитие отношений ЕС и США [1]. Желание американцев и европейцев усилить взаимную экономическую кооперацию нашло формальное выражение в попытках создать Трансатлантическую зону свободной торговли (Transatlantic Free Trade Area – TAFTA).

Отправной точкой создания TAFTA можно считать 1994 г., когда по инициативе немецкого бизнес-сообщества правительство ФРГ подняло этот вопрос на саммите США – ЕС. Однако в силу сложности и масштабов такого проекта его согласование потребовало немало времени. Основным критиком TAFTA стала Франция, исторически со скепсисом относящаяся к усилению роли США в Европе как в сфере культуры, так и в области экономики. Германия, напротив, была основным лоббистом проекта Зоны свободной торговли, добившись включения этого вопроса в новую трансатлантическую повестку в 1995 г., затем канцлер А. Меркель предложила считать TAFTA заменой стагнирующему Дохийскому раунду ВТО, поскольку вместе со своими торговыми партнерами эта зона будет покрывать до 60% мировой торговли [2]. Также Берлин сделал вопрос подписания трансатлантического торгового соглашения ключевым во время своего председательствования в ЕС в 2007 г. По иронии судьбы, когда президент Б. Обама, выступая с обращением к нации, особо отметил хорошие перспективы создания TAFTA [3] и подписания всеобъемлющего соглашения к концу 2014 г. [4], скандал с прослушиванием немецкого канцлера американскими разведслужбами отложил это событие на неопределённый срок.

Несмотря на разногласия на политическом уровне, отношение населения Германии и США к углублению трансатлантической экономической интеграции через создание TAFTA остаётся на высоком уровне. В ФРГ 55% против 25%, а в США 53% против 20% населения высказались за создание TAFTA. Очень важно, что в обеих странах нет партийных противоречий по этому вопросу, однако в США демократы (60%) более склонны поддерживать трансатлантическую торговлю, нежели представители республиканцев (44%). Кроме того, среди американцев более молодого возраста под-

держка TAFTA больше – 67% американцев в возрасте 18–29 лет и только 45% старше 50 лет. При этом, поддерживая идею развития трансатлантической торговли в целом, когда речь заходит о более частных вопросах таких как устранение тарифных ограничений, число поддерживающих такое решение в Германии и США заметно падает. Только 38% немцев и 41% американцев выступают за ключевое решение TAFTA об отмене тарифных ограничений [5].

Основой зоны свободной торговли должен стать именно процесс устранения пошлин и тарифов во взаимной торговле. В целом выше средних тарифы остаются в сельскохозяйственном секторе и ниже среднего – в секторе промышленных товаров [6]. Хотя тарифы и пошлины сейчас не являются самым серьёзным препятствием в трансатлантических отношениях и остаются в пределах 5–7%, их окончательное устранение важно по целому ряду причин. Трансатлантические торговые отношения характеризуются очень большой долей внутрисекторальной торговли, когда одна и та же компания продаёт свои идентичные товары и услуги по обе стороны Атлантики [6. Р. 75]. В такой ситуации даже самые незначительные пошлины и тарифы дают серьёзное демпинговое преимущество местным конкурентам. Другим фактором является серьёзное переплетение цепочки поставщиков большинства трансграничных корпораций. К примеру, немецкие автомобильные гиганты часть компонентов для производства покупают в США и при ввозе их на территорию ЕС вынуждены платить пошлины и закладывать эти издержки в стоимость товара, продаваемого на территории ЕС, другими словами, Германия создаёт налог для собственных граждан [7].

При этом именно по устранению тарифных ограничений проще всего договориться. С политической точки зрения эти инициативы улучшат экономики ЕС и США, создадут конструктивную и позитивную атмосферу во взаимных отношениях, что может помочь приступить к более серьёзным и сложным преобразованиям [8].

Исследования показывают, что с учётом абсолютных оборотов во взаимной торговле устранение барьеров может принести экономике ЕС рост на 0,3–0,5% от ВВП, а для экономики США – до 1% ВВП [9]. Ещё

одним пунктом за устранение тарифов и пошлин во взаимной торговле является тот международный эффект, который он может дать. Торгующие с США и ЕС страны (а это абсолютное большинство стран мира), если они не хотят потерять эти рынки, должны будут сами включиться в процесс детарификации. Результатом такой политики может быть серьёзная либерализация торговли в рамках всего мира, что даст дополнительный импульс экономикам стран Европы и США.

Другой важный элемент экономических трансатлантических отношений – нетарифные ограничения. Устранение или уменьшение подобного рода ограничений приводят к росту взаимной торговли, созданию рабочих мест, повышению экономической активности населения. Исследование, проведенное в 2009 г., показывает, что 50%-ное уменьшение нетарифных ограничений добавит европейской экономике 0,7% ВВП, а американской – 0,3% ВВП [10]. Необязательное или излишнее регулирование правил, стандартов сложнее устранить, чем тарифные ограничения, поскольку тарифы регулируются относительно централизованно. В нетарифном регулировании, напротив, задействовано немало саморегулирующихся неправительственных организаций, стандартизационных контор, частных компаний и т.д. Другими словами, количество участников процесса уменьшения нетарифных барьеров заметно выше, чем тарифных, что замедляет, а порой и сводит на нет все инициативы.

Ярким примером нетарифных ограничений между США и Европой можно считать отношение к географии происхождения продукции. Европейские регулирующие органы защищают продукт согласно его географическому происхождению, в то время как власти США считают торговую марку важнее. Например, ЕС признаёт шампанским только продукт, сделанный во Франции в провинции Шампань. Соединённые Штаты, напротив, считают шампанским все напитки соответствующей рецептуры и из других регионов, в частности очень популярных в США калифорнийских производителей. В итоге производители игристого вина из США не могут выйти на рынки Европы из-за ограничений импорта. Кроме того, ЕС принуждает всех своих торговых партнёров следовать единым правилам защиты интеллектуальных прав, что грозит осложнить импорт американской продукции в третьи страны, имеющие с Европой сильные экономические связи.

Ограничения на импорт в страны ЕС могут постигнуть и сельскохозяйственную продукцию из США. Основной причиной этому может быть разное отношение к генномодифицированным продуктам в Европе и США. В ЕС в этом отношении действуют строгие ограничения, а в США использование гормонов роста при выращивании продуктов считается нормой. Известными также стали случаи серьёзных исковых заявлений со стороны ЕС по отношению к технологическим гигантам из США. Причина кроется в том, что техническое регулирование в ЕС отличается от американского. Поэтому все компании из Америки, даже такие крупные, как Майкрософт или Эппл, вынуждены подстраиваться к этим нормам или выплачивать многомиллиардные штрафы за нарушение правил.

Стоит признать, что попытки устранить или уменьшить нетарифные преграды при взаимодействии Германии и США осуществлялись относительно давно и с разным успехом. Наиболее эффективным себя зарекомендовал метод, при котором участники не пытались создать сложный всеобъемлющий договор, устраивающий все стороны, а производили реформы в рамках какой-либо одной взятой отрасли: химическая промышленность, машиностроение, программное обеспечение и т.д. [11]. Другим эффективным методом стала поддержка локальных инициатив – соглашений об устранении барьеров по какой-либо отрасли между определёнными территориями (штатами, округами, городами, областями и т.д.), а не странами в целом.

Несмотря на сложности, с которыми сталкиваются Европа и США при создании зоны свободной торговли, её потенциальное положительное влияние на экономику стран-партнёров во время того, как они испытывают серьёзные трудности, должно побудить руководителей в Европе и США активизировать работу над соглашением и согласовать компромиссный вариант. Примером для руководства ЕС и Соединённых Штатов в этом вопросе могут стать отношения Австралии и Новой Зеландии, где существуют чётко прописанные ограничения, всё остальное же подпадает под дерегулирование. Европейцам и американцам стоит учесть подобный опыт, хотя и очевидно, что объёмы торговли и их диверсифицированность делают маловероятным принятие опыта Австралии и Новой Зеландии без соответствующей глубокой адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *A Survey of Public Opinion: Perspectives on Trade and Poverty Reduction*. Wash.: GMF, 2007. P. 6 // German Marshal Fund. URL: <http://www.gmfus.org/economics/tpsuryey/2007TPSurvey-FINAL.pdf>
2. *Trans-Atlantic Free Trade? Merkel for EY Agreement with US* // Spiegel online international. URL: <http://www.spiegel.de/international/trans-atlantic-free-trade-merkel-for-eu-agreement-with-us-a-440335.html>
3. *Remarks by President in the State of the Union Address*. Wash. 2013. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/12/remarks-president-state-union-address>
4. *EU trade chief hopes to clinch US trade deal by late 2014*. Brussels 2013. URL: <http://uk.reuters.com/article/2013/02/27/us-euro-summit-trade-idUKBRE91Q0QM20130227>
5. *Support in Principle for US-EU Trade Pact*. 2014 // Pew Research. URL: <http://www.pewglobal.org/2014/04/09/support-in-principle-for-u-s-eu-trade-pact>

6. *Study on EU-US High Level Working Group*. ECORYS. Rotterdam. 22 Oct. 2012. P. 19, 31–34 // ECORYS. URL: http://www.ecorys.nl/contents/uploads/factsheets/350_1.pdf
7. *Hearing Before the Subcommittee on Aviation of the Committee on Transportation and Infrastructure House of Representatives. The US Jet Transport Industry: Global Market Factors Affecting US Producers*. First Session. Serial No. 109–120. May 25, 2005. P. 9.
8. *Hearing Before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Relations United States Senate. US-EU Cooperation on regulatory Affairs*. Serial No. 108–330. First Session. October 16, 2003.
9. *An Economic Analysis: Non-Tariff Measures in EU-US Trade and Investment*. European Commission, Directorate-General for Trade, 2009. 197 p. // European Commission web site. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2009/december/tradoc_145613.pdf
10. *An Economic Analysis: Non-Tariff Measures in EU-US Trade and Investment*. European Commission, Directorate-General for Trade, 2009. 197 p. // European Commission web site. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2009/december/tradoc_145613.pdf
11. *Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate. US Relations with a Changing Europe: Differing Views on Technology Issues*. First Session. S. Hrg. 108–188. June 24, 2003.

Gaevoy Gleb E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gaevoyg@mail.ru

DISCUSSION OF THE TRANSATLANTIC FREE TRADE ZONE AGREEMENT IN THE US – GERMAN RELATIONS (1994–2014).

Key words: TAFTA; US; Germany; economy; trade.

A survey conducted by the German Marshall Fund in 2007 revealed that 64% of Americans and 69% of Europeans are in favor of the relations between the EU and the United States development. [1] The desire of Americans and Europeans to strengthen mutual economic cooperation found formal expression in an attempt to create a transatlantic free trade area (Transatlantic Free Trade Area – TAFTA). The starting point for the TAFTA can be considered as 1994 year when the Government of Germany has raised such issue at the US-EU summit. However, due to the complexity of such a project it took a long time to accomplish it. The main criticism of this project was from France, historically skeptical relating to strengthening the role of the United States in Europe, both in culture and in the field of economics. Germany, by contrast, was the main lobbyist for the Free Trade Area. Berlin has backed the inclusion of this issue in the New Transatlantic Agenda in 1995, then Chancellor Merkel invited to consider TAFTA as an answer to the stagnating WTO Doha round since together with its trading partners, this area will cover up to 60% of world trade. [2] Berlin also made the issue of signing a key transatlantic trade agreement during its presidency of the EU in 2007. Ironically, in 2013, when President Obama's speech to the nation, highlighted the good prospects for the creation of TAFTA [3] and the signing of a comprehensive agreement by the end of 2014 [4], the scandal with listening German Chancellor by the US intelligence has postponed the event. Despite the disagreements on the political level, the ratio of the Germans and the population in the United States to deepen transatlantic economic integration through the creation of TAFTA remains at a high level. In Germany, 55% to 25%, and 53% in the United States to 20% of the population were in favor of the creation of TAFTA. It is very important that in both countries there is no partisan differences on this issue, but the "democrats" (60%) are more likely to support the transatlantic trade, rather than the "Republicans" (44%). Furthermore, among young Americans support of TAFTA is bigger- 67% of Americans aged 18-29 years and only 45% over 50 years. While maintaining the idea of trans-Atlantic trade, in general, when it comes to more specific issues, such as the elimination of tariff barriers, the number of TAFTA supporters in Germany and the United States drops significantly. Only 38% of Germans and 41% of Americans favor core TAFTA decision to abolish tariff barriers. [5] We have to admit that attempts to eliminate or reduce non-tariff barriers in the interaction of Germany and the United States carried out a relatively long time and with varying degrees of success. The most effective-proven method is when participants are not trying to create a complex comprehensive agreement that suits all parties, and make reforms in the framework of any one particular industry: chemical industry, machinery, software, etc. [11] Another effective method is to support local initiatives – agreements on removing barriers for any industry between certain areas (states, counties, cities, regions, etc.), rather than countries as a whole.

REFERENCES

1. *A survey of public opinion. Perspectives on trade and poverty reduction*. Washington: GMF, 2007, p. 6. Available at: <http://www.gmfus.org/economics/tps survey/2007TPSurvey-FINAL.pdf>.
2. *Trans-Atlantic Free Trade? Merkel for EY Agreement with US*. Available at: <http://www.spiegel.de/international/trans-atlantic-free-trade-merkel-for-eu-agreement-with-us-a-440335.html>
3. *Remarks by President in the State of the Union Address*. Washington, 2013. Available at: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/12/remarks-president-state-union-address>.
4. *EU trade chief hopes to clinch US trade deal by late 2014*. Available at: <http://uk.reuters.com/article/2013/02/27/us-euro-summit-trade-idUKBRE91Q0QM20130227>.
5. *Support in Principle for US-EU Trade Pact*. 2014. Available at: <http://www.pewglobal.org/2014/04/09/support-in-principle-for-u-s-eu-trade-pact>.
6. *Study on EU-US High Level Working Group*. Available at: http://www.ecorys.nl/contents/uploads/factsheets/350_1.pdf.
7. *Hearing before the Subcommittee on Aviation of the Committee on Transportation and Infrastructure House of Representatives. The US Jet Transport Industry. Global Market factors affecting US Producers*. First Session. Serial No. 109-120. 25th May, 2005, p. 9.
8. *Hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Relations United States Senate. US-EU Cooperation on regulatory Affairs*. Serial No. 108-330. First Session. 16th October, 2003.
9. *An Economic Analysis: Non-Tariff Measures in EU-US Trade and Investment*. European Commission, Directorate-General for Trade, 2009. Available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2009/december/tradoc_145613.pdf.
10. *An Economic Analysis: Non-Tariff Measures in EU-US Trade and Investment*. European Commission, Directorate-General for Trade, 2009. Available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2009/december/tradoc_145613.pdf.
11. *Hearing before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate. US Relations with a Changing Europe: Differing Views on Technology Issues*. First Session. 24th 2003.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 39

В.М. Кулемзин, С.Ю. Колесникова

УСТОЙЧИВОСТЬ, ИЗМЕНЧИВОСТЬ И ПРОЧИЕ ФАКТОРЫ ДЕФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Ставится вопрос о необходимости совершенствования методики этнографических исследований вообще и полевых в частности. Авторы полагают, что общая методология гуманитарной науки длительное время абсолютизировала так называемый экономический фактор. Остальные факторы, якобы, являлись следствием экономического. На основе полевых исследований, проведенных автором в культурной среде хантов, манси, селькупов, ненцев и других народов, автор ставит вопрос как о самостоятельном влиянии каждого фактора в отдельности, так и о их сложном переплетении. Таковыми факторами являются следующие: мировоззренческий, экологический, демографический, научный и школьного образования, психологический, энергоёмкости (мускульной энергии), а также, возможно, другие (автор здесь оставляет вопрос открытым).

Ключевые слова: культура; традиция; изменчивость; устойчивость; обычай; обряд.

На протяжении довольно длительного времени этнографы-полевики и теоретики определяющим фактором изменчивости культурных традиций считали и продолжают считать фактор экономический. Чаще всего он есть следствие влияния чужой культуры. Все остальные факторы, якобы, не являются сколь-нибудь существенными. В последние десятилетия ведущим признается фактор экологический, но он также является связанным с экономическим. Между тем вопросники и программы сбора этнографического материала не могут не включать многие другие факторы, которые находятся в тесном переплетении, определяя вектор изменчивости культурных традиций. Это, в частности, фактор мировоззренческий, вызванный отсутствием общего в понимании действительности людей разных поколений; демографический; научных знаний и школьного образования; политики государства; психологический. Все большее значение приобретают разные понимание и отношение к средствам массовой информации. Заметно колеблется роль этнографических знаний в мировоззрении носителей культуры.

При более внимательном подходе обнаруживается, что экономический фактор не всегда является ведущим. Он часто бывает в тесном переплетении с другими, иногда – следствием этих «других». Какие же факторы могут вызывать деформацию традиций?

Современная методика не столь совершенна, чтобы безошибочно дифференцировать ведущие и второстепенные факторы (причины) деформации культуры. Однако некоторые из них очевидны. В частности, следующие:

- экологический;
- мировоззренческий;
- демографический;
- научные знания (школьное образование);
- экзогенный (влияние чуждых культур);
- эндогенный (внутреннее развитие культуры);

– политика государства;

– энергоёмкость (использование физической силы).

Рассмотрим некоторые показательные примеры.

В охотничьем стойбище «Озерное», расположенном на берегу озера «Тух-Эмтор», издавна существует обычай рыболовный запор делать с таким расчетом, чтобы сквозь него проходила рыба молодь. В 1970 г. этот запрет был нарушен и несколько центнеров мелкой рыбы стали добычей Петра Милимова. Он ее собирался сдать на звероферму как корм песцам. Свои действия Петр объяснил тем, что ему нужны деньги для приобретения телевизора, бензопилы и прочего привозного.

Другой охотник, самовольно продлив срок охоты на соболя, продал соболей русским скупщикам пушнины. Кстати, несколькими годами позднее он устроился на буровую установку, подсчитав, что это экономически более выгодно, поскольку зарплата идет круглогодично.

В этих же юртах в это же время существовал строгий запрет на всякое вмешательство в природу, в том числе охоту и рыбную ловлю вокруг озера Весэмтор (Мамонтово озеро). Дело в том, что со дна этого озера всплывали огромные куски торфа. Считалось, что их выбрасывает наверх бивнями мамонт, обитающий в воде. Это озеро и прилегающая к нему местность являлись своего рода заповедником: здесь не было никаких нарушений.

С берега можно было рассматривать рыб, гусей, лебедей, а в хвойном прибрежном лесу порхали непуганые рябчики и глухари.

Экономический фактор здесь уступал мировоззренческому, силе традиций. На всех реках без исключения, включая самые северные, в конце 1960 – начале 1970-х гг. появились подвесные лодочные моторы, а через год-два – металлические лодки. Пока их не было, или они являлись дефицитом, ханты устанавливали моторы на корме долбленых лодок, для чего последние делали

шире и длиннее, чем обычные весельные. Так, мускульная энергия уступила место силе мотора. Снегоход «Буран» на Югане, Вахе, Казыме вытеснил оленей, которые прежде тянули нарты. С одной стороны, этому есть объяснение, но не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Например, применение любых механических средств, новых технологий при копании мерзлой земли для могилы умершего недопустимо: нельзя нарушать покой умерших. Энергоемкость здесь уступает традиционному мировоззрению.

Ханты, особенно пожилого возраста, всякий раз удивлялись, когда их знакомили с новым постановлением, запрещающим вылов рыбы ценных пород (осетр, стерлядь, нельма). Дело в том, что традиционная пища включала как раз эти породы, но никак не щуку, окуня, язя, налима. Из многочисленных объяснений, возмущений понятно было одно: закон выполняет регулирующую функцию только тогда, когда он является продолжением, юридическим оформлением традиции. То же самое можно сказать относительно квот на отстрел лося. Из сухожилий этого животного делали нитки, из рогов – клей, из шкуры, снятой с передней части передних ног, – обшивку для лыж. Квота на одного лося для семьи не покрывала потребностей. За нарушения предусматривалась уголовная ответственность.

Нам приходилось быть неоднократно свидетелями того, как дети убегали из школы-интерната пос. Корлики на Вахе к своим родителям на стойбище. С большим трудом их собирали и на вертолете отправляли обратно. Свой поступок дети объясняли тем, что надо бросать любую работу, если появляется много белки. В то же время дети старших классов или окончившие школу убеждали шаманов-провидцев, предсказателей, лекарей в наличии безграничного космического пространства. Шаманы так же тщетно доказывали существование бога-творца и что некоторым из них удавалось подняться до места обитания бога и увидеть золотую юрту, подвешенную на золотых цепях к Полярной звезде.

В конце 1980-х гг. обнаружилась ситуация, которая не стала неожиданностью: закончившие или обучающиеся в школе и проводившие все время на стойбище дети – это были разные люди. Первые не могли решать задачи, которые ставила перед ними жизнь, т.е. воспроизводить традиционную культуру. Вторые не имели возможности поступать в средние и высшие учебные заведения. Однако эта сложность не являлась главной, непреодолимой. Главной сложностью, к которой общество не было готово, являлось следующее.

В результате больших демографических, культурных, мировоззренческих изменений опыт, приобретенный родителями, оказался не востребуемым.

Сложилась так называемая патовая ситуация, когда трансляция культуры не есть сознательное творчество, но в то же время не бессознательно. Ситуация и последовавшие затем события развивались стремительнее, чем одно поколение сменяет следующее. Мне лично приходилось многократно быть свидетелем того, как дети обучают своих родителей: «Не доверяйте дом, детей, деньги, меха незнакомым людям, не оставляйте детей без присмотра, не отправляйте детей в лес без взрослых». Ясно, что дети обменивались новостями в школе и приносили эти новости домой.

Часто экономическим фактором объясняют смену традиционного типа жилища на современный, благоустроенный. При этом упускают из вида то обстоятельство, что радикально изменилась экологическая ситуация: проведены дороги, нефте- и газопроводы, вырублены леса, уничтожены ягодники, перегорожены реки, сокращены оленные пастбища. Лесоперерабатывающие предприятия поставляют брус как основной строительный материал. В связи с удаленностью доступного бытового строительного материала и установленного местной администрацией порядка строить типовые дома население практически не имеет иного выхода, как подчиниться местной администрации.

Надо иметь в виду еще одно очень важное обстоятельство. По нашим наблюдениям, ханты, селькупы, ненцы русскую культуру в сравнении со своей рассматривают как престижную. Русские же, напротив, только лишь охотничий опыт, умение ориентироваться в пространстве рассматривают как недосягаемый. Во всем остальном традиционный образ жизни аборигенов не достоин внимания, подражания, изучения, описания.

Как видно из всей обширной научной, художественной и научно-популярной литературы, разница между двумя типами культур слишком велика, чтобы говорить о каком-то компромиссном, обобщающем типе культуры. В свое время Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин, по нашему мнению, явно преувеличили моменты сходства.

Совершенно неслучайно разного рода движения в защиту национальных культур начинаются именно с противопоставления и требований экологического порядка.

Kulemzin Vladislav M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shmakovaa@yahoo.com; *Kolesnikova Svetlana Ju.* Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shmakovaa@yahoo.com

STABILITY, VARIABILITY AND OTHER FACTORS OF DEFORMATION OF TRADITIONAL CULTURE (TO STATEMENT OF THE QUESTION).

Keywords: culture; tradition; variability; stability; social practices; rituals.

In this article, the authors bring attention to the question of the necessity to improve the methodology of ethnographic investigations in general and of field-work in particular. The authors believe that for the long time the general methodology of hu-

manities had been overemphasizing the economic factor. Other factors, supposedly, were considered to be the result of economic factor. Based on field research conducted by the authors in the cultural environment of Khants, Mansi, Selkup, Nenets and other peoples, they raise the question of not only an independent effect of each factor separately, but also of their complex intertwining. These factors include the following: ideological, ecological, demographic, scientific and school education, psychological, energy intensity (muscle energy) and possibly others (here the authors leave the question open). Deformation, translation and transformation of traditional culture can be exogenous and endogenous. Thus, changes can be of conscious and unconscious nature. This depends on the necessity of making a choice or its absence. In each case, any single factor can become determinant. For example, the Khants living on the Vasyugan river or on the Wah river believed that some places were sacred and forbidden not only for economic activities, but also for any human intervention. Such places were "inhabited" by fantastic or supernatural beings. Another category of forest kingdom or water space was less sacred: there fishery took place. However, fisher was not an owner and did not feel like owner: he had to ask permission from the owner's spirit to be there. The factor of saving physical strength allowed a painless passing from the paddle to the use of outboard motors, all-terrain vehicles. Nevertheless, it was impossible to use the hardware for making burial pits, since such actions would violate the rest of the ancestors. The authors draw the reader's attention to the fact that the replacement of the old and traditional with something new is not a simple linear process and cannot be reduced only to the economy. Sometimes the new force has to step back due to the stability of ideological or any other factor.

СЕРЬГИ САКСКОЙ ЭПОХИ

Анализируются серьги, найденные в памятниках раннего железного века Казахстана. Часть рассматриваемых серег вводится в научный оборот впервые. Изделия выполнены из золота с применением высоких для своего времени технологий, художественных приемов и маркируют погребения людей с престижным социальным статусом. В сакскую эпоху бытовали различные типы серег, в выделении которых целесообразным является обратить первоочередное внимание на технические приемы выполнения, что, в свою очередь, связано с датировкой комплексов. Серьги с нижним, перпендикулярно припаянным, малым кольцом следует отличать от более простых в изготовлении восьмерковидных. Предлагается уточнение даты ряда памятников Казахстана, традиционно относимых к концу I тыс. до н.э.

Ключевые слова: Центральный Казахстан; тасмолинская культура; раннесакский период; серьги; погребения.

В результате археологических раскопок, проводившихся в последние годы на курганах раннего железного века Центрального Казахстана, были найдены серьги, основная часть которых относится к раннесакскому периоду. В предлагаемом сообщении впервые в научный оборот вводятся новые материалы с некоторым освещением вопросов их предполагаемой даты, поиска аналогий.

Общеизвестно, что серьги являются важным археологическим источником и содержат в себе различную информацию о дате памятника, социальном положении умершего, а также способствуют исследованию разных аспектов изучаемой культуры, этнокультурных контактов ее носителей. Серьги относятся к типу довольно широко распространенных находок в культурах раннего железного века степной Евразии. Большое разнообразие данной категории предметов известно по материалам восточного ареала, куда относятся и ареалы сакских культур Казахстана. Тем не менее уровень публикаций, посвященный серьгам, всегда остается невысоким, что уже отмечалось исследователями. Серьги саков Казахстана близки аналогичным предметам из синхронных памятников Саяно-Алтая, Западной Сибири, а также Южного Урала [1]. В науке бытует мнение о влиянии саков Казахстана, будь то племена Восточного Приаралья, Центрального или Восточного Казахстана, на формирование культур Саяно-Алтая, хотя это, будучи задачей многоплановой, требует специального исследования совершенно другого рода. С более уверенных позиций исследователи отмечают существование различных связей и взаимных этнокультурных контактов, так сказать, второго уровня.

Для раннесакского периода (VIII – первая половина VI вв. до н.э.) Центрального Казахстана характерными являются серьги с припаянным конусом (рис. 1, 2). Особенностью их является покрытие поверхности конуса зернью. Долгое время единственным памятником, давшим одну конусовидную серьгу, был ограбленный в древности курган № 2 в могильнике Жиланды (рис. 1, 1), раскопанный М.К. Кадырбаевым в 1972 г. [2. Рис. 12].

В настоящее время автором найдены такие серьги еще в четырех памятниках: Карашоки, Бектауата, Бакыбулак и Талды-2 (рис. 1, 2, 3; 2, 1, 2) Центрального Казахстана.

Одна серьга крупная, выполнена с особым тщанием и мастерством (рис. 1, 2), происходит из кургана № 8 могильника Карашоки. К кольцу диаметром около 3,5 см с помощью полосы зерни прикреплен конус высотой 1,22 см, диаметром основания 1,35 см. Довольно толстый для этих предметов стержень дужки украшен сканью – покрыт тонкой проволокой, чередующейся плетеной полосой. На основании конуса имеются четыре отверстия. Предмет найден в сильно ограбленной могиле с дромосом.

Другая серьга (рис. 1, 3) происходит из могильной ямы кургана № 1 могильника Бектауата. Она имеет конус, украшенный вертикальными рядами зерни. На основании конуса пробито восемь отверстий.

У третьей серьги, происходящей из кургана № 5 могильника Талды-2, зернь покрывает всю поверхность конуса, имеющего на основании четыре припаянных петельки (рис. 2, 1).

Четвертая серьга, происходящая из кургана № 15 могильника Бакыбулак, представлена фрагментом в виде конуса (рис. 2, 2), также покрытым зернью. На основании конуса имеются восемь отверстий.

Раннесакские конусовидные серьги в значительном количестве распространены на Саяно-Алтае и рассмотрены в работах К.В. Чугунова, А.А. Тишкина, Вл.А. Семенова [1, 3, 4]. На Саяно-Алтае они появились, возможно, посредством контактов с саками Казахстана. На данном основании, видимо, следует считать, что серьги описываемого типа из могильника Бесоба в Актюбинской области (рис. 2, 4) также представляют собой результат коммуникаций населения савроматского времени запада Казахстана с сакским миром.

Раннесакским периодом датируется пара серег с полым продолговатым конусом, имеющим бирюзовую вставку. На этих изделиях зернь отсутствует. Предметы (рис. 2, 3) были найдены в кургане № 7 могильника Акбеит в непогребенном погребении девочки (антропологические определения выполнены канд. ист. наук Е.П. Китовым) и встречены в одном комплексе с золотой гривной, бронзовым зеркалом с бортиком и петелькой на обороте. Комплекс датируется периодом VII–VI вв. до н.э.

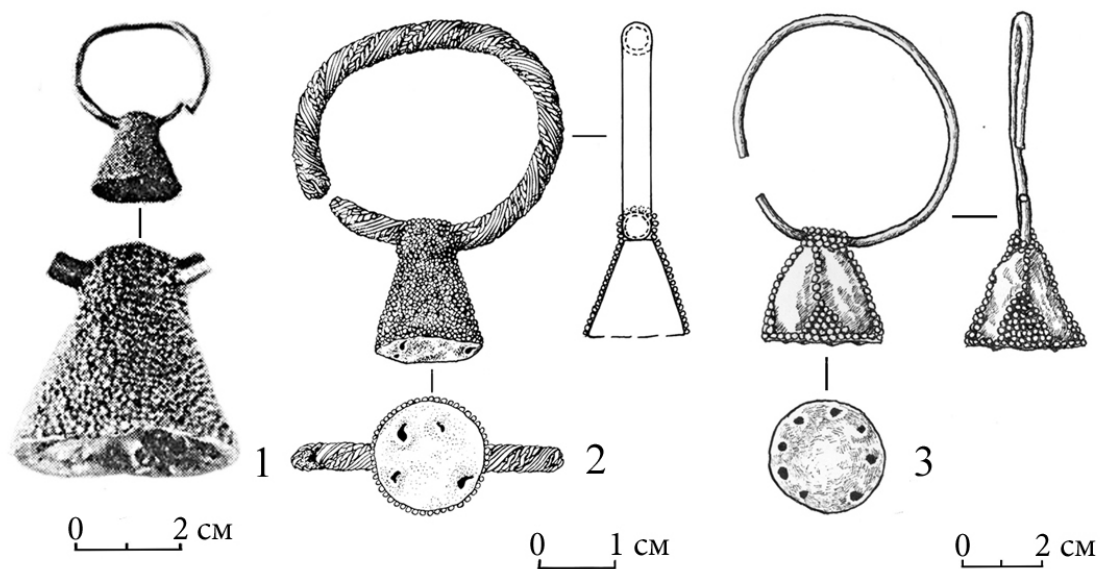

Рис. 1. Раннесакские серьги Центрального Казахстана:
1 – Жиланды, к. № 2 (по: [2]); 2 – Карашоки, к. № 8; 3 – Бектаута, к. № 1

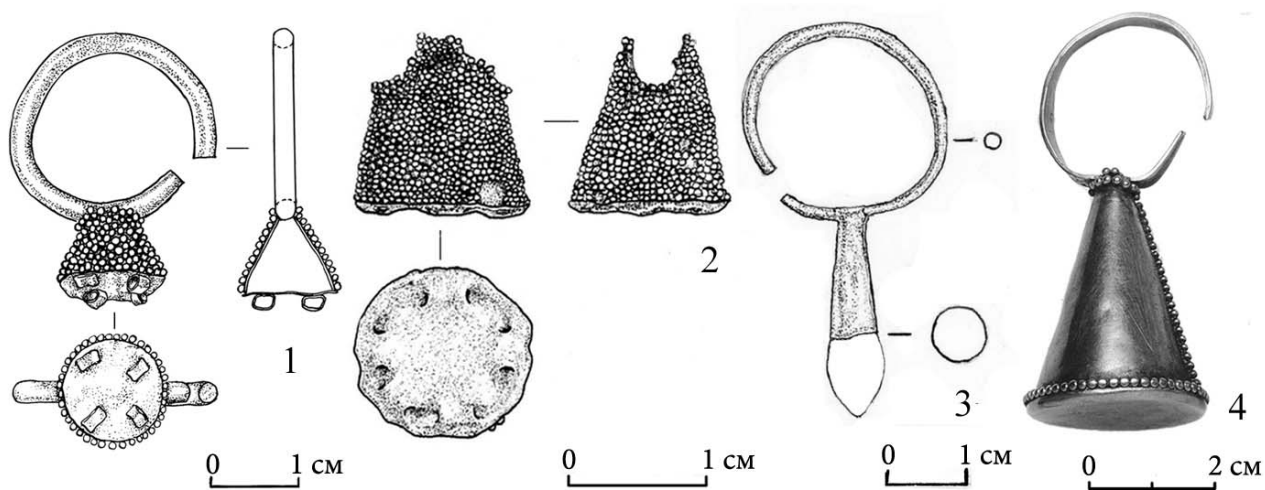

Рис. 2. Серьги Центрального и Западного Казахстана:
1 – Талды-2, к. № 5; 2 – Бакибулак, к. № 15; 3 – Акбеит, к. № 7; 4 – Бесоба, Актыубинская обл., фонд Музея археологии РГП «Гылым ордасы»

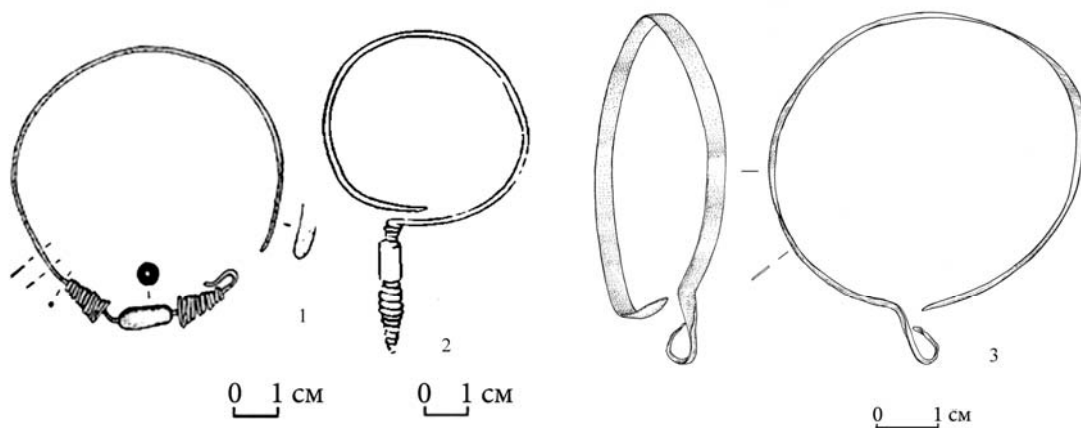

Рис. 3. Серьги из Центрального Казахстана; 1 – Сабындыколь, к. № 1; 2 – Большое Чебачье (по: [5]); Каратал-2, к. № 1

К этому же периоду относятся серьги в виде больших колец из пластины или проволоки, один конец которых украшен конусами из спирали и каменными бусами или же имеет простой крючок. В том числе две круглые пластинчатые серьги (см. рис. 3, 1) происходят из ограбленного кургана № 1 могильника Сабындыколь (Центральный Казахстан). Один конец золотой пластины, имеющей ширину около 4,5 мм, прокован и вытянут в округлый в сечении стержень, загнутый в конце крючком. В стержневую часть серьги продеты две конусовидных спирали с продолговатой и округлой в сечении бирюзовой бусиной посередине. Типологически близки к этим экземплярам две серьги с изумрудной бусиной (см. рис. 3, 2) из содержавшего женское захоронение кургана Большое Чебачье (Улкен Шабакты) близ Кокшетау, описанного в работе М.П. Грязнова [5. Рис. 2, 1, 3]. Здесь украшенный конец проволоочной серьги загнут вниз под прямым углом. Серьга из могильника Каратал (Центральный Казахстан) тоже выполнена из пластины, один конец которой небрежно прокован и имеет загнутый под тупым углом короткий крючок (см. рис. 3, 3).

Две кольчатые серьги (рис. 4, 1, 2), близкие рассмотренным, найдены в женском погребении в кургане № 1 могильника Жиланды. Одна из них описывается М.К. Кадырбаевым так: «Слева от черепа найдена золотая серьга из массивной круглой в сечении проволоки с бирюзовой бусиной, грубо закрепленной на тонкой откованной золотой проволочке, припаянной к концу серьги» [1. С. 41]. На фотоснимке, приведенном в работе исследователя, бусина вдета, похоже, в загнутый вниз конец одной серьги, вторая, без бусины, имеет припаянную нижнюю часть, по толщине заметно отличающуюся от кольца [1. Рис. 10]. Данный экземпляр с припаянным нижним крючком в достаточной степени примечателен. Возможно, перед нами ранний пример соединения дужки и нижней части серьги путем прямой пайки, без зерни.

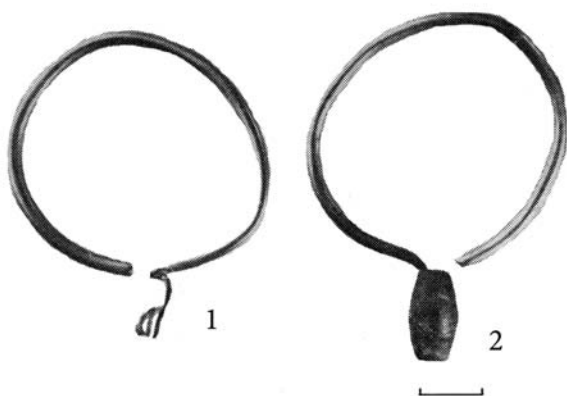

Рис. 4. Серьги, Жиланды, к. № 1 (по: [2])

Следующие экземпляры раннесакских серег Центрального Казахстана представлены двумя находками в могильнике Талды-2. В сильно ограбленном кургане № 4 найдена золотая подвеска от серьги, на ее конце

имеется круглый шарик (рис. 5, 2). Цепочку образуют сложенные вдвое и продетые друг в друга кольца семечковидной формы, дужка серьги не сохранилась. Здесь о типе серьги судить невозможно, но момент интересен достоверным фактом появления серег с подвесками в виде плетеной цепочки на финале раннесакской эпохи. Могильник Талды-2 датируется, в том числе, и по радиоуглеродному анализу по образцам из курганов № 2 и 5 [6], VII–VI вв. до н.э. Предположительно, курган № 2, наиболее ранний, отнесен к VII в. до н.э., а курган № 5 – к концу VII – первой половине VI вв. до н.э. [7. С. 29]. Дата кургана № 4, где не уцелели датирующие предметы, определяется в рамках VII–VI вв. до н.э. Отсюда видно, что интересующие нас серьги с подвесками в виде плетеных цепочек появляются еще в раннесакское время и затем довольно быстро распространяются буквально повсеместно, на востоке и западе (Южное Приуралье). В том числе они известны в ряде могильников на Саяно-Алтае, нижняя дата которых определяется не позже V и IV вв. до н.э. [8. С. 114, рис. 13, 1, 5–9, 19; 9. Рис. 10, 2].

Находку золотой серьги с подобной подвеской в кургане 3 могильника Урбюн-3 Д.Г. Савинов связывал с культурными контактами с западными по отношению к Тыве областями, в том числе (сравнивая с серьгой из Баба-Аты на юге Казахстана) с саками Казахстана и, в контексте остального инвентаря могильника, с савроматами. Исследователь датировал памятник V–IV вв. до н.э. [10. С. 113, 116, рис. 6, 3]. Связи в древнюю эпоху существовали повсюду, выявление их в культурах древних кочевников, несомненно, – одно из актуальных направлений в науке. Вместе с тем, не выходя за рамки настоящего сообщения, следует отметить, что одной из причин поиска связей с савроматским миром для Саяно-Алтая, возможно, является недостаточная для современного этапа изученность двух крупных и близкородственных культурных образований саков Казахстана – маймерской и тасмолинской. По обоим культурам давно уже наметился информационный перерыв, растут вопросы как аналитического, так и источниковедческого характера. Материалы этих двух культурных образований, распространенных на громадной территории степей и предгорий Казахстана, имеют большое значение для изучения культур востока степной Евразии. Сейчас накопился большой объем данных, позволяющих начать разработку специальной темы о характере связей Саяно-Алтая с сакским миром Казахстана (как и с савроматским) даже по старым материалам, не говоря о не введенных в научный оборот источниках.

В кургане 1 могильника Талды-2 найден сильно корродированный и сломанный предмет, который реконструируется как серьга из тонкой изогнутой золотой проволоки с припаянным на нижнем конце бронзовым щитком (рис. 5, 1). В ближайшем окружении аналогий этой серьге, напоминающей ранние типы таких украшений, отсутствуют.

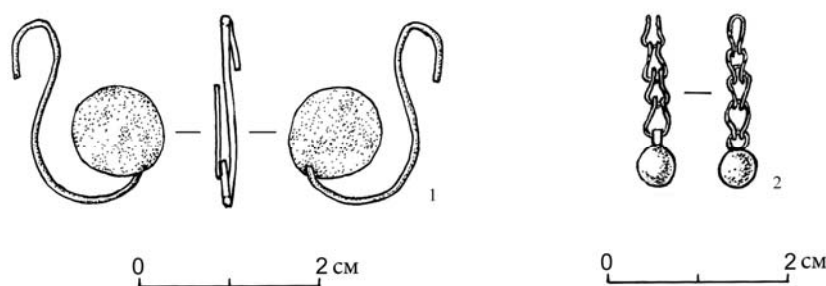

Рис. 5. Серьги из могильника Талды-2. 1 – курган №1; 2 – курган №4

Имея дело с такой вариабельной категорией находок, как серьги, и, конечно же, опираясь на подручный материал, для раннесакского времени Центрального Казахстана можно отметить в качестве ведущих типов конусовидные и кольчатые формы. Происхождение конусовидных раннесакских серег от серег с раструбом и конической спиралью эпохи бронзы убедительно показано в работе К.В. Чугунова [1]. Впрочем, наряду с андроновской эпохой, золотые серьги с раструбом бытуют вплоть до переходного этапа от эпохи бронзы к раннему железному веку [11. Рис. 7, 14]. Это же положение, а именно происхождение от украшений эпохи бронзы, следует отметить и для кольчатых серег ранних саков, в том числе и для экземпляров с загнутым вниз концом. Кольчатые серьги и височные украшения, как известно, широко распространены в памятниках эпохи бронзы на огромной территории.

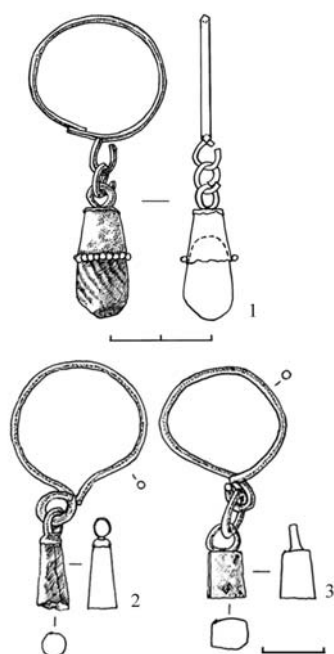

Рис. 6. Серьги из Центрального Казахстана:
1 – Тасарал-3, к. № 2; 2 – Карамола, к. № 5; 3 – Карамола, к. № 6

По отношению к рассмотренным 7 серьгам раннесакского периода Центрального Казахстана, найденным в ходе исследований автора, пол умершего опре-

делен в четырех случаях. В кургане 1 могильника Бектаута (найдена конусовидная серьга с зернью), в курганах 4 (найдена плетеная подвеска от серьги) и 5 (конусовидная серьга с зернью) могильника Талды-2 погребены мужчины в возрасте 35–45 лет (Все определения А.О. Исмагуловой и Е.П. Китова). Во всех трех случаях на черепах умерших в затылочной части имеются трепанационные отверстия: два отверстия на черепе из Бектаута, шесть – на черепе из кургана 4 и одно отверстие – на черепе в кургане 5 могильника Талды-2. В кургане 7 могильника Акбеит (пара серег с гладким конусом с бирюзовой вставкой) захоронена девочка 9–12 лет. Это единственная нетронутая могила для указанной серии.

По полученным археологическим данным, все памятники, откуда происходят 7 серег, датируются в рамках раннесакского периода – VIII – середины VI вв. до н.э. Этому, в целом, не противоречат две радиоуглеродные даты, полученные из двух курганов (табл. 1), с одной оговоркой – естественнонаучные анализы указывают на относительно ранний возраст.

В лаборатории радиоуглеродного датирования в Королевском Университете г. Белфаст, Северная Ирландия, Великобритания; куратор проекта С. Святко) в 2013 г. по костным образцам были получены калиброванные даты кургана 8 могильника Карашоки и кургана 15 могильника Бакибулак, определяемые периодом около конца IX – первой половины VIII в. до н.э.

AMS ^{14}C даты проанализированных образцов
из могильной ямы кургана 8 могильника Карашоки
и кургана 15 могильника Бакибулак

Лабораторный номер	Памятник	^{14}C ВР	Калиброванная дата (1 σ , 68.3)	Калиброванная дата (2 σ , 95.4)
UBA-23671	Курган № 8, могильник Карашоки	2649 $\pm$ 3 1	Cal BC 826–799 (1.000)	Cal BC 894–869 (0.062) 850–790 (0.938)
UBA-23666	Курган № 15, могильник Бакибулак	2567 $\pm$ 3 0	Cal BC 801–763 (1.000)	Cal BC 807–748 (0.785) 684–667 (0.059) 640–588 (0.125) 580–558 (0.031)

Как известно, в настоящее время на основании комплекса новых материалов и новейших методов в науке осуществляется удревление начального этапа раннескифских культур – вплоть до времени второй половины – конца IX в. до н.э. Поэтому ранняя дата указан-

ных двух курганов из Центрального Казахстана не должна нас удивлять. Работа по анализу полученной серии радиоуглеродных дат из более чем 20 памятников тасмолинской культуры сейчас выполняется и основные выводы еще предстоит сделать.

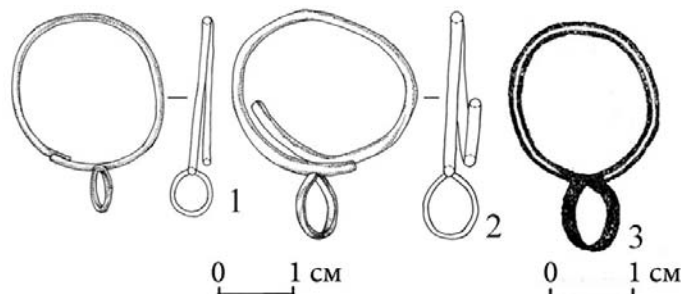

Рис. 7. Серьги из Жетысу: 1 – Нижнекаменский, к. № 5; 2 – Нижнекаменский, к. № 4 (по: [16]); 3 – Караша I, к. № 5 6, погр. 2. (по: [17])

По материалам Саяно-Алтая, в VI–V вв. до н.э. – в конце раннесакского периода или же чуть позже – появляются серьги с перпендикулярно припаянным нижним кольцом меньшего диаметра, которые затем распространяются широко и повсеместно. По-видимому, в хронологическом отношении чуть позже их появления получают распространение и бытуют первоначально параллельно с ними на каком-то отрезке времени так называемые «восьмерковидные» серьги.

Рис. 8. Серьги из Жетысу: 1 – Кызылауыз-1, к. № 11; 2 – Унгуркора-1, к. № 28 (по: [18])

В кургане № 2 могильника Тасарал (Прибалхашье, Центральный Казахстан), исследованного недавно экспедицией Карагандинского областного историко-краеведческого музея под руководством Е.Н. Нурмаганбетова, в ограбленной грунтовой могиле найдена

золотая серьга с перпендикулярно припаянным нижним кольцом и подвеской (см. рис. 6, 1). Дужка серьги с заходящими концами. Подвеска в виде полого конуса с продолговатой цветной вставкой, предположительно из яшмы, с помощью припаянного к его верху петельки соединен с серьгой через подвижное звено в форме овального кольца. Нижний край конуса украшен рядом золотой зерни. Тасаральскую серьгу по материалам скифского времени Саяно-Алтая можно отнести к периоду VI–V вв. до н.э., беря во внимание и особенности подвески. Новые материалы должны пролить свет на уточнение времени ее бытования.

С этого периода, как было сказано, распространяются серьги данного типа на большой территории, причем во множестве вариантов подвески. Если учесть стремление некоторых исследователей классифицировать серьги по подвескам, то типологического разнообразия, как правило, не избежать. Действительно, если игнорировать важный принцип оформления нижнего малого кольца, к тому же напрямую указывающего на вопросы датировки [12. С. 60], на просторах степей Евразии можно «найти» немалое количество разновидностей подвесок.

На могильнике Карамола в Центральном Казахстане автором обнаружены три восьмерковидные серьги в двух курганах. В детском захоронении в кургане № 5 с обеих сторон черепа находились две восьмерковидные серьги (см. рис. 6, 2) из бронзовой проволоки с золотой конусовидной подвеской на петельке. Тонкая проволока из бронзы сохранилась фрагментарно, но форму колец обеих серег удалось установить. В кургане № 6, содержащем ограбленное погребение женщины 20–25 лет, найдена одна золотая восьмерковидная серьга с цилиндроконической золотой подвеской на петельке (см. рис. 6, 3). Из других вещей могильника Карамола примечательны бронзовые шпильки, золотое шаровидное навершие, уникальное украшение в виде подвески с тремя отростками, на одном из которых сохранился

подвешенный на петельку цилиндрик. Высказано мнение о выделении курганов данного могильника в особый карамолинский тип памятников позднесакского времени Центрального Казахстана, отличный от памятников тасмолинской культуры и погребений коргантасского типа. На основании аналогий шпилькам и серьгам, а также по результату радиоуглеродных дат, полученных из двух курганов, для указанного типа памятников предложена дата в рамках IV–III вв. до н.э. с оговоркой возможного удревнения их в перспективе до V в. до н.э. (материал в печати).

В памятниках саков Казахстана найдено значительное количество серег с припаянным малым кольцом и восьмерковидных. В основном это регион Жетысу (Семиречье), а также некоторые пункты Восточного Казахстана. Данный вопрос, в особенности касательно памятников Жетысу, раскопанных в 1950–1960-х гг., требует специального широкого исследования, возможно, полного источниковедческого анализа данных, здесь же коснемся его сути.

Золотые восьмерковидные серьги с разными подвесками, а также серьги с припаянными нижними кольцами найдены в Жетысу могильниках позднесакского времени, для которых в свое время были указаны следующие даты: Иссык (IV–III вв. до н.э.), Коктума (IV–I вв. до н.э.), Чилик IV–III вв. до н.э.), Сарыбулак (IV–I вв. до н.э.) [13. С. 45; 14. С. 132, 137, 139–141]. Помимо этого есть большое количество памятников в составе разных могильников, отнесенных тогда же к раннему этапу (III–I или III–II вв. до н.э.) усуньской эпохи. Для этих памятников, позднесакских и раннеусуньских, вопросом, требующим корректировки в современном русле археологической науки, является, в частности, нахождение в них серег с малым припаянным кольцом, выполненных из золота, бронзы.

Отметим, что и ныне исследователи иногда эти два типа серег датируют одним временем. Они, как показывают материалы Саяно-Алтая, на каком-то этапе сосуществовали. Вместе с тем серьги с припаянным нижним (малым) кольцом должны датироваться более ранним временем, чем собственно восьмерковидные. Как известно, П.И. Шульга еще ранее отмечал необходимость передатировки некоторых комплексов из Жетысу с серьгами с припаянным малым кольцом [12. С. 60–61; 15. С. 70].

Нижекаменский могильник на окраине г. Алматы ранее был отнесен исследователями ко II в. до н.э. – II в. н.э. Материалы данного памятника полностью еще не опубликованы. Помимо других архаичных предметов сакского облика здесь найдены золотые серьги (см. рис. 7, 1, 2) с припаянным малым кольцом. Недавно А.К. Акишевым курганы могильника были передатированы IV–III вв. до н.э. [16. С. 362]. Могильник Кара-

ша-1, исследованный А.Г. Максимовой в Жамбылской области, датирован I–III вв. н. э. [17]. Между тем пара серебряных бус с припаянным малым кольцом (см. рис. 7, 3), найденные в погребении 2 кургана № 56, очень близки серьгам из Нижекаменского могильника. К.А. Акишевым на основании комплекса находок могильник Кызылауыз-1 в Алматинской области, состоящий из 17 курганов, был отнесен к позднесакскому времени с датой V–IV вв. до н.э. [18. С. 91–101, Табл. I, 5, 9, 11]. Примечательна бронзовая серьга с заходящимися концами с припаянным малым кольцом и подвеской в виде конуса с каменной вставкой (рис. 8, 1). Но находящийся неподалеку могильник Унгуркора-1, где в кургане № 22 обнаружена идентичная серьга (см. рис. 8, 2), но без подвески, отнесен Г.А. Кушевым к усуньской эпохе.

Таким образом, назрел пересмотр даты указанной группы памятников Жетысу. В настоящее время кулажургинские памятники Восточного Казахстана должны быть рассмотрены с иных позиций, отличных от устаревших стереотипных подходов. Это снова касается неразработанности даты целого ряда памятников позднесакского времени Казахстана, в том числе Жетысу, отнесенных в свое время к значительно позднему этапу. Заслуживает пристального внимания недавнее замечание З. Самашева по поводу кулажургинских памятников. Он, далеко не без основания, предлагает связать Кулажургу с памятниками пазырыкского круга [19. С. 200]. Речь идет о той части памятников Кулажурги, для которых характерны восточная ориентировка погребенных, каменные ящики. Но тут в качестве второго компонента Кулажурги (или отдельной группы, синхронной ей) в настоящий момент, по-видимому, следует предположить наличие какого-то, пока невыясненного массива позднесакского населения. Этот этнический массив, в целом отличный от Тасмолы, Маймеера, пока не выявлен, но он может быть представлен теми памятниками, часть которых традиционно завышается по дате. В этом отношении актуальны были бы дальнейшие исследования памятников карамолинского типа Восточной Сарыарки.

Рассмотренные материалы не исчерпывают все разновидности серег сакской эпохи Казахстана, особенно если учесть многочисленные типы их подвесок. Обращается внимание на необходимость уточнения даты ряда погребальных комплексов Казахстана с серьгами. Главным образом это касается вопроса удревнения ряда погребений Жетысу, ранее отнесенных к последним векам I тыс. до н.э. или к началу I тыс. н. э. Возможно, это окажется отправной точкой для более широкого освещения и решения актуальных вопросов изучения памятников позднесакского времени Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чугунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири : сб. науч. тр. Барнаул : АлтГУ, 2003. Кн. 1. С. 386–395.

2. Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нура // В глубь веков : археол. сб. Алма-Ата : Наука, 1974. С. 25–45.
3. Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий : сб. науч. ст. Барнаул : АлтГУ, 1999. С. 184–190.
4. Семенов В.А. Синхронизация и хронология памятников Алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий : сб. науч. ст. Барнаул : АлтГУ, 1999. С. 165–169.
5. Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. Вып. 61. С. 8–16.
6. Бейсенов А.З. Элитные курганы раннесакского времени могильника Талды-2 в Центральном Казахстане // История оружия. Альманах. Киев : Привоз Принт, 2014. С. 152–169.
7. Бейсенов А.З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации. Алма-Ата, 2011. 32 с.
8. Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : АлтГУ, 1996. С. 88–114.
9. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : АлтГУ, 1996. С. 115–134.
10. Савинов Д.Г. Могильник Урбюн-3 и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири. Кемерово : КемГУ, 1980. С. 107–119.
11. Шапшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : АлтГУ, 1996. С. 69–88.
12. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : АГУ, 2003. 204 с.
13. Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство, 1978. 130 с.
14. Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата : Онер, 1983. 264 с.
15. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : АГУ, 2007. 282 с.
16. Культура ранних кочевников Казахстана. Археологические коллекции. Центральный государственный музей РК. Алматы : ЦГМ РК, 2009. 430 с.
17. Максимова А.Г. Курганные могильники Караша I и II // Прошлое Казахстана по археологическим источникам : сб. ст. Алма-Ата : Наука, 1976. С. 163–182.
18. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата : Наука, 1963. 298 с.
19. Самашев З. Берел. Алматы : Таймас, 2011. 236 с.

Beisenov Arman Z. Institute of Archaeology after A.H. Margulan of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan). E-mail: azbeisenov@mail.ru

EARRINGS OF THE SAK EPOCH.

Key words: earrings; Central Kazakhstan; Tasmola culture; the early Sak period; burials.

The article analyzes the earrings dated from the early Iron Age which were found in the monuments of Kazakhstan. All the products are made of gold with the use of high technology and artistic techniques common for that time. They were used in ancient times as prestigious and expensive products, therefore, mark the burials of people with high social status. The main part of the discussed subjects was discovered by the author during excavations of the burial mounds in Central Kazakhstan relating to monuments of Tasmola culture. Earrings are important archaeological sources and contain a variety of information about the date of the monument, the social status of the deceased, as well as contribute to the study of various aspects of culture, ethnic and cultural contacts of their owner. Earrings are a type of quite common findings in the early Iron Age cultures of the East Eurasian steppe. Nevertheless, the level of publications in this category of objects always remains low, as is noted by many researchers. Earrings of the Saks from Kazakhstan are close to the items from synchronized monuments of Sayan-Altai, Western Siberia and South Urals. For the early Sak period (VIII – the first half of VI century BC) of Central Kazakhstan earrings in the form of a ring, made of the gold wire to the bottom of which a cone is attached by soldering, are common. The specific feature of these earrings is the covering of the cone surface by miniature gold balls. For a long time the only monument that gave a pair of conical earrings was the burial mound Zhylandy excavated by M.K. Kadyrbaev in 1972. By now, the author has found the same type of earrings in four monuments. The early Sak conical earrings are also common for the Sayan-Altai, where they appeared, possibly, through contacts with the Saks of Kazakhstan. On the basis of our analysis, earrings of this type from the burial Besoba of Savromat time in Western Kazakhstan are likely to show a connection with the same world of the Saks. A pair of earrings with a hollow cone and turquoise is dated to the early Sak period. Beading is missing on these products. Earrings in the form of large rings made of wire or plate, one end of which is decorated with spirals of cones and stone inlays belong to this period. The following types are represented by earrings with hanging chains and with welded brass plate. Probably, at the final stage of the early Sak period or at the next chronological stage earrings welded by a lower ring of smaller diameter had appeared, which then were distributed widely and universally. Later, the so-called earrings in the form of digit ‘eight’ gained popularity. The considered materials do not exhaust all the varieties of earrings, especially when you consider various types of pendants. This article draws attention to the necessity to clarify the dates of a number of funerary complexes of Kazakhstan with earrings. Mainly, it is the question of ascribing a number of Zhetyssu burials previously identified as belonging to Usun era to more ancient times.

REFERENCES

1. Chugunov K.V. *Ser'gi ranneskifskogo vremeni Sayano-Altaya (proiskhozhdenie traditsii i tipologicheskoe razvitiye)* [Earrings of the early Scythian time in Sayano-Altai. (The origin of the tradition and typological development)]. In: Kiryushin Yu.F. (ed.) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* [Historical experience of economic development in Western Siberia]. Barnaul: Altai State University Publ., 2003. Book 1, pp. 386–395.
2. Kadyrbaev M.K. *Mogil'nik Zhilandy na reke Nura* [The burial Zhilandy on the river Nura]. In: Akiyev A. (ed.) *V glub' vekov* [In ancient times]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1974, pp. 25–45.
3. Tishkin A.A. [Jewellery of the early Scythian time in Gorny Altai]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy. Mat. konferentsii.* [The results of the study of the Scythian period in Altai and adjacent territories Proc. of the conference]. Barnaul: Altai State University Publ., 1999, pp. 184–190. (In Russian).
4. Semenov V.I.A. [Synchronization and history monuments Aldy Bielsko-type in Tuva]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy. Mat. konferentsii.* [The results of the study of the Scythian period in Altai and adjacent territories Proc. of the conference]. Barnaul: Altai State University Publ., 1999, pp. 165–169. (In Russian).

5. Gryaznov M.P. Severnyy Kazakhstan v epokhu rannikh kochevnikov [Northern Kazakhstan in the era of early nomads]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*, 1956, no. 61, pp. 8-16.
6. Beysenov A.Z. *Elitnye kurgany rannesakskogo vremeni mogil'nika Tal'dy-2 v Tsentral'nom Kazakhstane* [Elite burial mounds of the early Saxon time Tal'dy-2 in Central Kazakhstan]. In: *Istoriya oruzhiya* [History of weapons]. Kiev: Privoz Print Publ., 2014, pp. 152-169.
7. Beysenov A.Z. *Saryarka – kolybel' stepnoy tsivilizatsii* [Sary-Arka – the cradle of the steppe civilization]. Alma-Ata, 2011. 32 p.
8. Vedyanin S.D., Kungurov A.L. *Gruntovyy mogil'nik staroaleyskoy kul'tury Obskie Plesy-2. Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya* [The ground burial of Staroaleysk culture of the Ob Plessis-2. Burial rites of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Altai State University Publ., 1996, pp. 88-114.
9. Kiryushin Yu.F., Kungurov A.L. *Mogil'nik rannego zheleznogo veka Staroaleyka-2. Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya* [Ground burial staroaleyskoy culture Ob Plessis-2. Burial rites of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: AltGU, 1996. S. 115-134.
10. Savinov D.G. *Mogil'nik Urbyun-3 i nekotorye voprosy arkheologii Tuvy skifskogo vremeni* [The burial Urbyun-3 and some questions of archeology of Tuva Scythian time]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 1980, pp. 107-119.
11. Shamshin A.B., Frolov Ya.V., Mednikova E.M. *Bobrovskiy gruntovyy mogil'nik. Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya* [Bobrovsk ground burial. Burial rites of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Altai State University Publ., 1996, pp. 69-88.
12. Shul'ga P.I. *Mogil'nik sifskogo vremeni Lokot'-4a* [The Scythian burial Lokot'-4a]. Barnaul: Altai State University Publ., 2003. 204 p.
13. Akishev K.A. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana* [Issyk Mound. The art of the Saks of Kazakhstan]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1978. 130 p.
14. Akishev K.A. *Drevnee zoloto Kazakhstana* [The ancient gold of Kazakhstan]. Alma-Ata: Oner Publ., 1983. 264 p.
15. Kubarev V.D., Shul'ga P.I. *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [The Pazyryk culture (the mounds Chewie and Ursula)]. Barnaul: Altai State University Publ., 2007. 282 p.
16. *Kul'tura rannikh kochevnikov Kazakhstana. Arkheologicheskie kollektsii. Tsentral'nyy Gosudarstvennyy muzey RK* [The culture of the early nomads of Kazakhstan. Archaeological collections. The Central State Museum of Kazakhstan]. Almaty: TsGM RK Publ., 2009. 430 p.
17. Maksimova A.G. *Kurganny mogil'niki Karasha I i II* [The Burial mounds of Karasha 1 and 2]. In: Akishev K.A. (ed.) *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam* [Past Kazakhstan archaeological sources]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1976. S. 163–182.
18. Akishev K.A., Kushaev G.A. *Drevnyaya kul'tura sakov i usuney doliny r. Ili* [The ancient culture of Saks and Usuns in the valley of the river Ili]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1963. 298 p.
19. Samashev Z. *Berel* [Berel]. Almaty: Taymas Publ., 2011. 236 p.

РАЗВИТИЕ МУЗЕЯ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ

Социальные трансформации, происходящие в процессе развития общества, способствуют формированию новых культурных потребностей, удовлетворение которых ведёт к порождению новых культурных форм. Становление музея как культурной формы, начавшееся в эпоху Античности, завершилось в XIX в. К началу XX в. музей достиг уровня культурной нормы. Развитие музея как культурной формы и институции шло параллельно с раскрытием его образовательного потенциала, востребованность в котором определила его статус образовательной формы культуры.

Ключевые слова: культурная форма; музей; образовательная форма культуры; образовательная деятельность.

История развития человеческой цивилизации, подверженная различным социальным трансформациям, достаточно противоречива. Своеобразным критерием уровня развития общества является культура, под которой понимаются не только духовные и материальные ценности, но и различные формы и их институции. На каждом последующем этапе развития общество формирует установку на новые культурные потребности, обусловленные социально-экономическими, политическими, образовательными и другими процессами. После возникновения потребности начинается период осознания и соответственно поиска оптимальных путей (форм) её удовлетворения. В результате на определенных исторических этапах социум порождает новые культурные формы.

Понятие «культурная форма» было введено в научный оборот М.С. Каганом [1], который опирался на работы П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина. Выделяя бытие природы, общества и человека, Каган обосновал новую, четвертую форму бытия – культуру, появившуюся в результате деятельности человека. Учёный трактовал культуру как саморазвивающуюся систему, в структуре которой присутствуют материальная, духовная и художественная компоненты. Под культурной формой исследователь понимал модель культуры, повторяющуюся в каждой конкретной культурной ситуации, и представлял её в виде своеобразной оболочки, «опредмечивающей» и «распредмечивающей» деятельность человека. Итогом рассуждений М.С. Кагана стало доказательство подобности культурной формы структуре самой культуры, поскольку деятельность человека проявляется в материально-практической, духовно-теоретической и практически-духовной (художественной) формах [2. С. 22, 23]. Факторами жизнеспособности культурной формы выступают деятельностный потенциал человека, способы его предметной деятельности, творчества и общения, материальные, духовные и художественные плоды культуры (артефакты). Таким образом, культурная форма есть матрица, содержание которой наполняется с учётом конкретной социально-исторической ситуации, и из множества культурных форм складывается культура во всём своём разнообразии.

Известные современные исследователи в области теоретической музеологии, такие как А.А. Сундиева,

Т.П. Калугина, О.С. Сапанжа, продолжили исследование «культурной формы», расширили её трактовку и ввели в понятийно-терминологический аппарат музеологии. В настоящее время отечественными культурологами и музеологами определены и описаны этапы генезиса культурной формы: осознание потребности – возникновение различных форм её удовлетворения – отбор лучшей формы и её закрепление в социальной практике. При отборе обществом той культурной формы, которая в наибольшей степени отвечает его запросам, происходит её приспособление под меняющиеся во времени социально-политические, экономические и культурные условия. Это обуславливает дальнейшее её развитие и как «абстрактного конструкта», и как институции. Например, потребность общества в высшем идеале, базовых ценностях, познании сущностных основ бытия, форме самоконтроля, защищённости привели к возникновению такой культурной формы, как религия. Для отдельных социумов характерны различные формы религии (анимизм, фетишизм, тотемизм, политеизм, монотеизм), обусловленные историческими, культурогенетическими, политическими и прочими факторами. Поскольку одним из показателей закрепления культурной формы является наличие артефактов (материальных, духовных), то доказательством важности и значимости религии в жизни того или иного социума является наличие сложившейся обрядовой традиции и культовых учреждений.

С нашей точки зрения, периодизация процесса становления культурной формы применительно к музею может быть расширена и выглядеть следующим образом: *изменение социокультурной ситуации – появление новой культурной потребности – осознание обществом ее необходимости и формирование системы социальных экспектаций – актуализация потребности посредством поиска оптимальной формы её удовлетворения – появление, адаптация и развитие культурной формы*. Развернём обоснование постулата.

Потребность общества в передаче социального опыта является одной из основных, поскольку обеспечивает преемственность поколений и, следовательно, развитие цивилизации. В ходе социальной эволюции была выработана оптимальная культурная форма, каче-

ственно решающая задачи документирования и трансляции коллективного опыта – музей. А.А. Сундиева акцентировала своё внимание на становлении и развитии музейной науки и в контексте этого рассматривала музейное дело как «концепцию и метод», «самостоятельную форму культурной деятельности». Она отмечала, что эволюция музея как культурной формы связана с его превращением сначала в национальную культурную форму, затем в «культурную норму», осуществляющую «связь времён и поколений» и являющуюся наиболее эффективной для решения задач сохранения и трансляции культурного наследия [3. С. 34; 4. С. 144].

Т.П. Калугина определила культурную форму как «некий абстрактный конструкт», который включает в себя «определённый модус отношения человека к миру», «определённые способы и механизмы культурогенной деятельности», «продукты деятельности», «отношения самого разного рода» и «определённые культурные институции» [5]. Она также отметила идентичность структуры всех культурных форм и объяснила это общностью их базовых функций, отвечающих за «интегративное включение человека в культуру», и нацеленностью на «порождение, накопление, хранение и трансляцию человеческого культурного опыта внегенетическим путём». Значимыми являются рассуждения автора о том, что отдельные культурные формы следует рассматривать в «синхронном срезе... применительно к разным культурно-историческим периодам». Современный этап развития культуры вносит корректировку в этот процесс и предлагает обществу уже не теоретические понятия, а институционально оформленные учреждения, которые «заслоняют» собой «тело культурной формы» и вследствие этого, при диахроническом анализе, рассматривается уже не форма, а культурное учреждение. Т.П. Калугина отмечает, что «культурная форма не является идентичной социально-культурному учреждению, которое выступает лишь способом её институализации», но вместе с тем является «исторически вызревающим ядром одноимённой культурной формы» [5. С. 8–10].

Дальнейшее направление трактовки понятия было определено О.С. Сапанжой, которая предложила изучение музейной формы культуры и «как абстрактного конструкта», и как институционального образования [6. С. 14–17]. В своей работе «Основы музейной коммуникации» она отмечает, что появление музея как культурной формы исторически было связано «со свойством человека, выраженным в стремлении аккумулировать идеальные смыслы в виде материальных вещей, делая смыслы этих вещей соразмерными телесной модальности бытия» [6. С. 15]. Попытки удержать бесконечное богатство и разнообразие мира, по мнению Т.П. Калугиной, порождают музей как «выражение самого музейного отношения к действительности» [5. С. 14, 15].

Наглядной иллюстрацией указанного процесса является история музея как культурной формы от пер-

вых протомузейных собраний до становления как социальной институции. Так, возникшая в античный период форма передачи социального опыта, известная нам как «музей», «под которой подразумевалось философское учреждение», была местом проведения дискуссий и накопления свидетельств их успешности – наград [7. С. 11]. К IV в. до н.э. она трансформировалась и стала трактоваться более широко – как особое помещение, в котором ведётся обучение, хранятся коллекции и проводятся научные исследования, например афинский Ликей при Феофрасте; Александрийский Музейон. Но, как и в предыдущий период, протомузей имел достаточно узкую и специфичную аудиторию – интеллектуальную элиту. Пройдя протомузейный период, форма окончательно модифицировалась и в эпоху Возрождения приобрела современную семантику. Именно тогда было положено начало рефлексии о социальных функциях и задачах, обусловившее становление и развитие музея как социального института в последующие эпохи.

Изменения музея как культурной формы происходят не только по вертикали, но и по горизонтали, поскольку в определённые исторические периоды бытовали различные типы музеев. Так, в Европе в XVI–XVII вв. среди прочих музейных форм были такие, как «гардароба», «анатомический театр», «кабинет», «галерея», из которых институциональным статусом в настоящее время обладает только последняя, а две первых утрачены в процессе изменения социокультурной ситуации.

Период активного развития музея как культурной формы пришелся на XVIII–XIX вв. Актуализированный в музейных собраниях XVII–XVIII вв. ценностный и образовательный потенциал стал наиболее востребованным в XIX в. Первоначально это достигалось посредством реализации идеи доступности (публичности) музейных коллекций, принципа историзма в проектах национальных музеев, музеев местного края и пр. Процессы демократизации музея как культурной формы обусловили формирование просветительской модели, нацеленной на обеспечение взаимосвязи «музей – посетитель». В результате музей был признан «высшим образовательным учреждением» [8. С. 19, 20].

На рубеже XIX–XX вв., для которого характерно «философское осмысление музея как специфического объекта культурного пространства» [9], была сформирована концептуальная модель отечественного музея, включённая в «обобщающую космогоническую систему» [10. С. 50], социальные функции, задачи и миссия которого были уточнены и детализированы в ходе социальных дискуссий.

К началу XX в. музей как форма культуры достиг уровня культурной нормы. Т.П. Калугина связывает это с характерными для культуры музеефикационными процессами, согласно которым «культура сама себя музеефицирует, распространяя модель культурной формы “музей” на свои функциональные структуры»

[5. С. 44]. Социальные процессы второй половины XX – начала XXI в., связанные с глобализацией, виртуализацией и новым витком актуализации национальной истории, культуры в её не только материальных, но и нематериальных формах, с одной стороны, расширили, а с другой – укрепили понятие музея как культурной формы общества. Особо актуальными для музея стали задачи социализации, адаптации и инкультурации личности, решаемые посредством трансляции интерпретированных исторических, культурных, социальных и других смыслов сформированного собрания с целью освоения и приобщения аудитории к культурному коду конкретного социума. Это позволило актуализировать востребованный на данном этапе социальный опыт и адаптировать его для нужд социума в рамках его потребностей.

В ходе исследования процесса становления музея как культурной формы нами был обнаружен ряд фактов, свидетельствующих о том, что музей, начиная с античного периода, формировался и как образовательная форма культуры. В.П. Поршневу в своей монографии «Музей в культурном наследии Античности» отмечал, что «Музей в аристотелевском Ликее приобрёл качественно новое значение, став, в первую очередь, местом обучения и научных исследований» [11. С. 94]. Приведённые им фрагменты из завещания Феофраста свидетельствуют, что «именно помещения Мусея были местом преподавания». Мусеем руководили 10 учёных-жрецов, а педагогическую деятельность осуществляло большее количество. Аристотель занимался изучением жизни животных и создал коллекцию чучел – представителей отдельных видов, которая использовалась в процессе преподавания. Обучающую функцию выполняла и библиотека, в которой хранилось не только систематизированное собрание книг, но и «результаты наблюдений и экспериментов», альбомы с зарисовками животных и пр. Феофраст отдал распоряжение переоборудовать часть помещений под места для занятий. Например, в нижнем портике были развешаны картины с изображениями земли (подобие географической карты), необходимые для изучения географии [11. С. 99–101]. Таким способом Аристотель и Феофраст «включили мусейский агон в процесс обучения», с целью контроля ежемесячно устраивались «смотри успехом в науках и искусствах».

Концептуальное развитие музея как образовательной формы культуры Античности было продолжено в деятельности Александрийского Мусея, вобравшего в себя и развившего все «мусейные традиции», в том числе и модель Мусея Аристотеля. Александрийский мусей стал мировым научно-образовательным центром, сохраняя свой статус и в римскую эпоху [11. С. 137, 146].

Идеалы и концепции Средневековья актуализировали религиозное образование и просвещение. В храмах была воплощена «вся система христианских знаний». Ризницы и частные собрания стали центрами

сосредоточения тех памятников истории и культуры, которые соответствовали религиозной доктрине общества. Ризничные и храмовые коллекции икон, скульптуры, чтимых реликвий использовались «как инструмент воспитания христианского благочестия», т.е. их первичными функциями были идеологическая и дидактическая [12. С. 52, 53].

Эпоха Возрождения, в отличие от предшествующей, «подвергла актуализации» произведения искусства, трактуя их как «урок и для современников, и для потомства» [13. С. 107]. Их ценностно-смысловой потенциал был использован в интересах политики и культуры, в чём проявилась представительская функция музейных собраний; шло позиционирование отдельных территорий как культурных центров и пр. О приоритете образовательной миссии собраний свидетельствуют названия музейных форм, бытовавших в тот период: «студьоло» (от итал. studio – изучать, учиться), «этьюд» (от фр. estude – старание, занятие, изучение) [13. С. 107, 109]. Как отмечает в своих работах С.И. Сотникова, все они создавались с научно-практическими целями, подчинёнными изучению определённого аспекта действительности [7. С. 47]. Такие кабинеты позволяли их владельцам позиционировать себя как высокообразованных представителей общества, а зачастую и как учёных-исследователей.

Следующим этапом становления музея как образовательной формы культуры стало появление программы идеального музея, предложенной Самуэлем фон Квихельбергом в работе «Заголовки или заглавия обширного театра» (1565). Она была создана под влиянием работы Дж. Камилло, где под театром понимался «инструмент для познания и запоминания, в котором все проявления Вселенной настолько согласованы и скоординированы в космологическую схему, что изучающий её был способен восстановить в своей памяти по любому требованию всю систему её образов и размещение её элементов». Самуэль фон Квихельберг рассматривал теоретические и практические аспекты документирования и приёмы трансляции музейных собраний. Как отмечал известный исследователь в области истории музеологии В.П. Грицкевич, автор «предложил систему создания универсального музея» и его сочинение стало «первой известной попыткой построения теории музейного собирательства». Он обосновал новые методы обучения и исследования посредством изучения музейных предметов. Его идеи музея как энциклопедического собрания оказались актуальны в среде коллекционеров [13. С. 137].

Разновидностью таких собраний стали коллекции натуралий, формируемые с профессионально-образовательными целями и для проведения научных исследований. Наиболее известными были гербарий профессора медицины Улиссе Альдрованди из г. Болоньи; зоологические коллекции французского исследователя Пьера Белона; палеонтологическая коллекция французского художника-керамиста Бернара

Палисси; минералогические коллекции учёных-естествоиспытателей Парацельса, Георга Агриколлы, Конрада Гёснера. Особую значимость приобрели весьма специфические виды учреждений музейного типа, такие как ботанические (аптекарские) сады, зверинцы и анатомические театры. Являясь музеями-лабораториями, они осуществляли документирующую, презентующую, обучающую и научную функции. В.П. Грицкевич отмечал, что, несмотря на ограниченный характер деятельности, собрания и музеи эпохи Возрождения были средством познания мира, создаваемые преимущественно с научными, образовательными и эстетическими целями [13. С. 160].

Эпоха Просвещения, основными категориями которой стали «прогресс», «сила разума», «рациональное знание», в наибольшей степени повлияла на развитие музея как образовательной формы культуры. Подтверждением этому служат и состав, и структура коллекций, и ориентированность их деятельности на образовательные и научные потребности общества. Известные учёные-просветители, такие как Френсис Бекон, Готфрид Лейбниц, Дени Дидро и Жан д'Аламбер, относя музеи к институтам образования и воспитания, обосновывали их новое значение, первичной функцией которого являлась дидактика [7. С. 54, 55; 12. С. 126–128; 13. С. 161–165]. Именно в связи с этим значительная часть музеев Европы была ориентирована на процесс обучения, познания и популяризацию прогресса в этой области социальной деятельности и «удовлетворение потребности... в получении образования» [7. С. 54, 55]. Таковым могут считаться также и петровская Кунсткамера, создаваемая с целью «назидания взрослых и обучения юношей» [14. С. 13], и многочисленные собрания различных российских и европейских научных обществ, академий; и Эшмолианский музей, действовавший при Оксфордском университете и нацеленный на удовлетворение потребностей профессорского состава и студентов, особенно в области естествознания и пр.

Аналогичные процессы были характерны и для дворцовых собраний, фонды которых предоставлялись учёным для осуществления исследований, скульпторам и художникам – для совершенствования мастерства и т.д. Именно с XVIII в. музей начинает превращаться в своеобразный институт образования, ориентированный на педагогическую практику. В большей степени педагогический аспект деятельности музеев заинтересовал просветителей и выдающихся педагогов Германии и Польши. Среди них следует отметить Вольфганга Ратке и Яна Амоса Каменского, обосновавших необходимость визуализации процесса обучения за счёт демонстрации «подлинных предметов как исторических и природных источников»; Иоганна Иоахима Бехера, пропагандировавшего «включение в процесс обучения собрание предметов музейного значения и создание учебных музеев и лабораторий»; Андреаса Райгера, использовавшего при преподавании естествознания

специализированные музейные коллекции наглядных пособий [13. С. 166, 167].

Становление музея именно как образовательной формы культуры подтверждают и работы музеографического характера, составляющие историографию музейной науки. Так, в работе Вильгельма Моллера «О кунсткамерах и натуркамерах» (1704) указано, что музей нацелен на обучение социума и способен «легко, быстро и приятно побуждать его к исследованиям и самообразованию» [15. С. 47]. Превалирование в музейной деятельности учебных задач оговаривается в работах «Публичные кабинеты редкостей и естественных предметов» Леонарда Кристофа Штурма (1704) и «Музеография» Каспара Фридриха Енкеля (1727). В музеографических работах эпохи Просвещения красной нитью проходит мысль о необходимости использования музея как средства обучения и назидания. На практике эти идеи начинают воплощаться в жизнь только к концу XVIII в., когда представительская функция музея была постепенно модифицирована в образовательно-воспитательную, нацеленную на дидактические и просветительские задачи [13. С. 248].

XIX в. закрепил образовательную миссию музея в обществе. Значительное влияние на это оказали процессы демократизации, что превратило музей не только в обязательный элемент культурного пространства, но ещё больше усилило его обучающую функцию. Различные социальные процессы повлияли на возникновение новых музейных форм – промышленных, научно-технических, сельскохозяйственных. Общественное движение за народное образование и последующие школьно-образовательные реформы стали своеобразной кульминацией развития образовательной миссии музея, позволяющей позиционировать его как образовательную форму культуры. Начиная со второй половины XIX в. стали появляться педагогические, школьные, детские музеи, названные М.Ю. Юхневич «музеями категории образования» [8. С. 141]. Параллельно возникают естественно-научные собрания (музеи обществ, музеи местного края), для которых образовательное направление также было первичным.

В образовательной деятельности художественных музеев сложилось два направления – «профессиональное обучение и художественное воспитание (образование)» [16. С. 17]. Эти процессы были характерны для многих стран. Так, в Англии, на базе Южно-Кенсингтонского музея, осуществлялось сочетание музейных занятий, лекций и практической деятельности в рамках профессиональной подготовки ремесленников. Это оказало влияние на формирование концепции музея как образовательного института и обусловило направления его коммуникативной политики не только в странах Европы, но и в России и США. Подтверждением отношения к музею как к образовательной форме культуры являются слова директора музея Г. Колля: «Пока музеи и галереи не поставят перед собой образовательные цели, они представляют собой

скучные и бесполезные учреждения» [17. С. 57]. Американский последователь южно-кентонгтонской школы Дж. Гудд, считавший изучение музейной коллекции первоначальным вкладом в образование, отмечал, что основной целью музеев является «обучение идеям через предметы» [Там же. С. 33]. Его предложения были восприняты и реализованы в 20-х гг. XX в. в американских музеях, где была осуществлена систематизация образовательной деятельности музея.

Германия стала страной, в которой были сформулированы музейно-образовательные концепции, завершившие становление музея как образовательной формы культуры [19. С. 23]. Пионером нового направления стал А. Лихтварк. В своём выступлении 1913 г. на знаковой в аспекте рассматриваемого вопроса конференции «Музей как образовательное и воспитательное учреждение» он сказал: «К университетам, появление которых относится к Средним векам, и к академиям, появившимся в эпоху абсолютизма, XIX в. присоединил новое высшее образовательно-воспитательное учреждение – музей» [20. С. 3]. Он также обосновал необходимость использования метода музейных диалогов при работе с аудиторией, которая должна быть дифференцирована по возрастному и образовательному критериям. Деятельность Лихтварка способствовала «активизации образовательной деятельности», что сказалось на увеличении уровня посещаемости немецких музеев [19. С. 25]. Его идеи перекликались со взглядами Г. Кершенштейнера, занимавшегося вопросами «педагогики музейной экспозиции». Исследователь в области истории музейной педагогики Е.Б. Медведева отмечала, что программная работа Г. Кершенштейнера «Образовательные задачи Немецкого музея» имела «большое теоретическое и практическое значение как манифест музейно-педагогических взглядов» и частично вошла в опубликованную в 1926 г. «Теорию образования» [Там же. С. 26], обосновывавшую необходимость организации деятельности немецких музеев по педагогическому принципу. Согласно мнению исследователя, музей как образовательное учреждение должен быть подчинён «логике содержания образования, психологическому состоянию образующегося, цели образовательного процесса», поскольку «организация музея, желающего воспитывать и обучать детей посредством познания, является не чем иным, как учебным планом» [21. С. 287]. В этом же аспекте работали и другие музейные педагоги Германии, такие как Г. Фройденталь и А. Рейхвен.

В России музей как образовательная форма культуры также развивался в контексте сотрудничества с образовательными учреждениями, высшими и средними, и ориентации на соответствующие потребности общества. Первые научно-теоретические обоснования образовательной миссии музея были сделаны в работах выдающегося русского философа Н.Ф. Фёдорова, оценившего её как преобладающую. Учёный выделил три первостепенных функции: исследование, учительство и

деятельность [22. С. 12], реализация которых позволяет музею стать итогом образования и приступить к решению качественно новой задачи – воспитанию личности [Там же. С. 391].

В дальнейшем, в первой четверти XX в., разработкой российской музейно-образовательной парадигмы занимались Н.И. Романов, Ф.И. Шмит, А.В. Бакушинский, О.Ф. Вальдгауэр, Н.Д. Бартрам, Я.П. Мекесин, А.У. Зеленко. В последней четверти XX – начале XXI в. проблему разрабатывали А.М. Разгон, М.Б. Гнедовский, Е.Г. Ванслова, И.М. Коссова; М.Ю. Юхневич, Л.М. Шляхтина, Е.Н. Мастеница, Б.А. Столяров, О.С. Сапанжа. Так, на первую четверть XX в., для которой было характерно господство просветительной модели музея, пришлось разработка теоретических положений и осуществление экспериментов в области образовательной деятельности художественного музея (Н.И. Романов), концептуальных подходов к воспитанию и обучению средствами искусства и их интеграцию в школьную программу (А.В. Бакушинский, О.Ф. Вальдгауэр). Были созданы авторские детские музеи (Н.Д. Бартрам, Я.П. Мекесин) или их проекты (А.У. Зеленко) и апробированы авторские методики, в основе которых лежали игровые, познавательные и творческие технологии, нацеленные на развитие ребёнка музейными средствами. На рубеже 20–30-х гг. XX в. детские музеи были либо закрыты, либо была полностью изменена специфика их деятельности. Новый этап развития детских музеев и авторских музейно-педагогических методик интерактивного характера начался в конце XX в.

Во второй и третьей четвертях XX в. теоретиками и практиками музейного дела совместно с педагогической общественностью велась разработка форм и технологий культурно-образовательной деятельности отечественного музея, преимущественно ориентированной на нужды школьного образования и идеологического воспитания. Вместе с тем, несмотря на значимость этого направления, концептуальных теоретических положений сформулировано не было.

Последняя четверть XX – начало XXI в. были отмечены становлением коммуникационного подхода (А.М. Разгон, М.Б. Гнедовский, О.С. Сапанжа) и коммуникативной модели отечественного музея. В конце XX в. при Министерстве образования была создана проблемная научно-исследовательская группа «Музей и образование», главным достижением которой стало обоснование «педагогического суверенитета» музея как социокультурного института, который был признан «частью системы непрерывного образования» [18. С. 207, 208]. С наступлением нового века актуализировалась проблема разработки категориально-понятийного аппарата музейно-образовательной и музейно-воспитательной деятельности.

Реализация этого направления осуществлялась представителями различных музейных школ страны: московской, Санкт-Петербургской и Сибирской. В Москве

наибольший вклад внесли сотрудники Российского института культурологии (РИК) и Академии переподготовки работников культуры искусства и туризма (АПРИКТ). Е.Г. Вансловой был разработан и внедрён в музейную практику проект «Музейный всеобуч». И.М. Коссова занималась вопросами создания и популяризации образовательных программ для разных категорий музейной аудитории и совместно с А.М. Разгоном создала в АПРИКТ систему повышения квалификации для российских музейных специалистов. Т.Ю. Юренева осуществляла исследования в области музейной коммуникации с точки зрения моделей культурологического анализа. М.Ю. Юхневич была предложена классификация моделей отечественного музея, в основе которой лежит специфика коммуникативной деятельности в конкретный исторический период. Она выделила просветительную (конец XIX – середина 20-х гг. XX в.), политизированную (середина 20-х гг. XX в. – 50-е гг. XX в.), информативную (60-е гг. XX в. – первая половина 80-х гг. XX в.) и коммуникативную (вторая половина 80-х гг. XX в. – начало XXI в.) модели образовательной деятельности музея [8. С. 11–17].

Представители Санкт-Петербургской музейной школы занимались разработкой истории (Е.Н. Мастеница, Б.А. Стояров, Л.М. Шляхтина), теории (Е.Н. Мастеница, О.С. Сапанжа, Л.М. Шляхтина), методики (Б.А. Стояров, Л.М. Шляхтина) музейной коммуникации в целом и музейной педагогики в частности. Наиболее известными работами представителей этой школы являются «Педагогические аспекты образовательной деятельности музея» Б.А. Стоярова, «Основы музейной коммуникации» и «Методология теоретического музееведения» О.С. Сапанжи, «Основы музейного дела: теория и практика», «Проблемное поле музейной педагогики» Л.М. Шляхтиной и работы «Миссия музея в ракурсе проблем межкультурной коммуникации», «Образовательный потенциал музея» и «Культурологический вектор образовательной деятельности музея» Е.Н. Мастеницы.

Представители сибирской музейной школы, такие как О.А. Жмурко, А.П. Пластун, О.В. Сидорова в рамках музейно-образовательного направления ориентировались на внедрение в практику авторских арт-терапевтических и социально-адаптационных программ [23. С. 5].

Особую роль в развитии музея как образовательной формы культуры сыграла музейная педагогика. В стране появилось несколько музейно-педагогических центров, занимавшихся созданием музейно-образовательных программ и внедрением их в деятельность отечественных музеев («Здравствуй, музей», «Предметный мир культуры»). Таким образом, сформировавшийся к концу первого десятилетия XXI в. комплексный подход к коммуникативной деятельности позволил позиционировать музей как постоянно разви-

вающийся и совершенствующий свои педагогические методы и технологии центр образования.

Изучение и анализ публикаций, посвящённых различным аспектам образовательной деятельности отечественного музея, позволили нам выделить два непротиворечащих друг другу классификационных подхода, сложившихся в московской и Санкт-Петербургской научных школах. Представитель московского направления М.Ю. Юхневич¹ предложила объединить в отдельную группу музеи, для которых характерны «преимущественная ориентация на решение образовательных задач» и «обращённость к конкретной аудитории» – педагогам, учащимся. Главным критерием при формировании фондов таких музеев выступала не аутентичность источников, а их образовательный потенциал (учебные пособия, макеты, модели и пр.) [8. С. 105]. Исследовательница включила в эту группу музеи учебных заведений (вузовские и школьные), а также педагогические и детские.

Сходной является и позиция представителя Санкт-Петербургской научной школы Б.А. Стоярова², который подразделяет весь существующий массив музеев на две группы: «профессиональные и собственно образовательные» [18. С. 107, 108]. К первой группе им отнесены музеи различных профилей (художественные, технические, этнографические, естественнонаучные и пр.), а ко второй, так же как в предыдущем случае, – непрофессиональные музеи (образовательных учреждений, детские и педагогические) [Там же. С. 108].

Вышеизложенное позволяет констатировать отсутствие противоречий в выделении особой «образовательной группы» музеев в крупнейших научных музеелогических школах страны и обосновать правомерность трактовки музея как образовательной формы культуры.

Итак, музей является универсальной культурной формой документирования и трансляции социального опыта. Культурная форма есть матрица, содержание которой наполняется с учётом конкретной социально-исторической ситуации, и из множества культурных форм складывается культура во всём своём разнообразии. Факторами жизнеспособности музея как культурной формы выступают деятельностный потенциал человека, способы его предметной деятельности и творчества. Становление и развитие музея как культурной формы, его философское осмысление как социальной институции, осознание возможностей в сохранении и трансляции историко-культурного опыта способствовали раскрытию его образовательного потенциала и появлению специализированной группы музеев, ориентированной на решение образовательных задач. Позиционирование музея как образовательной институции привело к появлению у него педагогического суверенитета и закреплению за ним статуса образовательной формы культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М.Ю. Юхневич – известный исследователь образовательной деятельности отечественного музея, автор классификационного подхода, в основе которого лежат модели культурно-образовательной деятельности, представитель московской музейно-педагогической школы.

² Б.А. Столяров – известный теоретик и практик в сфере музейной педагогики, заведующий Российским центром музейной педагогики и детского творчества Государственного Русского музея, представитель санкт-петербургской музейно-педагогической школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кagan M.C. *Философия культуры*. СПб. : Петрополис, 1996. 416 с.
2. Кagan M.C. *Введение в историю мировой культуры*. 2-е изд. СПб. : Петрополис, 2003. 367 с. Кн. 1: Историографический очерк и проблемы современной методологии. Закономерности культурогенеза, этапы развития культуры.
3. Сундиева А.А. История музейного дела как составная часть музеологии // *Музейное дело России* / М.Е. Каулен. М. : ВК, 2003. С. 11–35.
4. Сундиева А.А. Культурная форма как категория истории музейного дела // *Триумф музея?* СПб. : Осипов, 2005. С. 104–111.
5. Калугина Т.П. *Художественный музей как феномен культуры*. СПб. : Петрополис, 2001. 224 с.
6. Сапанжа О.С. *Основы музейной коммуникации : учеб. пособие*. СПб. : НПИ-Принт, 2007. 143 с.
7. Сотникова С.И. *Музеология : пособие для вузов*. М. : Дрофа, 2004. 192 с.
8. Юхневич М.Ю. *Я поведу тебя в музей : учеб. пособие по музейной педагогике*. М. : Рос. ин-т культурологии, 2001. 223 с.
9. Пиеничная С.В. Концептуальная модель музея в современной отечественной музеологии // *Музеи России: Поиски, исследования, опыт работы*. 2007. Вып. 2. URL: <http://www.isaac.spb.ru/digest/num9/psphen>, свободный (дата обращения: 28.06.2010).
10. Анянцев В.Г., Майоров А.В. Историко-бытовые музеи как культурная форма (по архивным материалам) // *Вопросы музеологии*. 2010. № 1. С. 50–56.
11. Поршнев В.П. *Музей в культурном наследии Античности*. СПб. : СПбГУКИ, 2006. 296 с.
12. Юреньева Т.Ю. *Музей в мировой культуре*. М. : Рус. слово, 2003. 535 с.
13. Грицкевич В.П. *История музейного дела до конца XVIII века*. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : СПбГУКИ, 2004. 406 с.
14. *Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVII–XX) : сб. науч. тр.* НИИ культуры. М. : НИИ культуры, 1991. Ч. 1. С. 322.
15. Moller D.W. *Dissertatio de Techno-physiotameis, germanice von Kunst- und Naturalien-Kammern*. Altdorf, 1704.
16. Столяров Б.А. Об истории развития и определениях музейной педагогики // *Художественный музей в образовательном процессе*. СПб. : СпецЛит, 1998. С. 16–18.
17. *Museum education: History, Theory and Practice* / ed. N. Berry and S. Mayer. The National art education Association. Reston, Virginia, 1989. P. 57.
18. *Педагогические аспекты образовательной деятельности музея : учеб. пособие для музейных педагогов и студентов гуманитар.-худ. вузов / М-во культуры РФ, ФГБУК «Государственный русский музей», РЦМП ДТ, РАО*. СПб. : ГРМ, 2013. 313 с.
19. Медведева Е.Б. *Музейная педагогика в Германии и России: История и современность : учеб. пособие*. М. : АПРИКТ, 2003. 92 с.
20. Лихтварк А. Музеи как образовательные и воспитательные учреждения // *Образовательные и воспитательные задачи современного музея* / под ред. Л.Г. Оршанского. СПб., 1914. С. 3.
21. Кершенштейнер Г. *Избранные сочинения* / пер. Н.И. Рубинштейн, А.А. Пескин. М. : Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1915. 287 с.
22. Фёдоров Н.Ф. *Музей, его смысл и назначение : собр. соч. в 4 т.* М., 1995. Т. 2. 422 с.
23. Сидорова О.В. *Работа с семейной аудиторией в музеях Западной Сибири в конце XX – начале XXI века : автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Томск : Изд-во ТГУ, 2012. 27 с.

Poljakova Elena A. Barnaul Juridical Institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: elena2873@mail.ru

DEVELOPMENT OF MUSEUM AS AN EDUCATIONAL FORM OF CULTURE.

Keywords: cultural form; museum; educational form of culture; educational activities.

Social transformations taking place in the development of society contribute to the formation of new cultural needs that lead to the generation of new cultural forms. A cultural form is a matrix which is filled with a specific socio-historical situation. The need of society for the transfer of social experience, due to the need to ensure the continuity of generations and, therefore, the development of civilization has led to the emergence of a museum as an optimal cultural form that solves the problem of documentation and translation of collective experience. Formation of a museum as a cultural form, which began in Antiquity, was completed in the 19th century, and in the beginning of the 20th century a museum has reached a level of a cultural norm. The development of a museum as a cultural form paralleled with its conversion into an educational form of culture. The beginning of this process was initiated in the ancient period when the Agon of Muse Arts was included in the educational process. In the Middle Ages the religious education and awareness, including by means of temple meetings, was actualized. Despite the narrowness of the direction, it facilitated the accumulation of experience in the use of collections and educational purposes. The development of rational knowledge resulted in the prevalence of scientific and practical purposes at the meetings, subordinated to the study of certain aspects of reality that proved the priority of museums' educational mission in the Renaissance. The 18th century was marked with the emergence of a number of programmes and conceptual projects related to the use of museums in teaching and education. In practice these ideas were tested in the 19th century when the processes of democratization made a museum a mandatory element of the cultural space. This factor increased its educational function and cemented its educational mission. In the 20th century the theory and conceptual approaches to education and training through museum resources and their integration into school curricula were developed, the experiments in the field of museums' educational activities were carried out, the museums for kids were created and authors' techniques were approved. A special role in the development of a museum as an educational form of culture was played by museum pedagogy which advanced forms and technologies of cultural and educational activity. The formation and development of a museum as a cultural form, its philosophic understanding as a social institution, awareness of its opportunities in the preservation and transmission of historical and cultural experiences contributed to the disclosure of its educational potential. All these processes have led to the emergence of a museum's pedagogical sovereignty and fixation of its status of an educational form of culture.

REFERENCES

1. Kagan M.S. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of culture]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 1996. 416 p.
2. Kagan M.S. *Vvedenie v istoriyu mirovoy kul'tury* [Introduction into the history of world culture]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2003. 367 p.

3. Sundieva A.A. *Istoriya muzeynogo dela kak sostavnaya chast' muzeologii* [History of the museum work as part of museology]. In: Kaulen M.E. (ed.) *Muzeynoe delo Rossii* [Museology in Russia]. Moscow: VK Publ., 2003. pp. 11-35.
4. Sundieva A.A. *Kul'turnaya forma kak kategoriya istorii muzeynogo dela* [Cultural form as a category of history museology]. In: Piotrovsky M.B. (ed.) *Triumf muzeya?* [The triumph of the museum]. St. Petersburg: Osipov Publ., 2005. pp. 104-111.
5. Kalugina T.P. *Khudozhestvennyy muzey kak fenomen kul'tury* [Museums of Art as a cultural phenomenon]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2001. 224 p.
6. Sapanzha O.S. *Osnovy muzeynoy kommunikatsii* [The basics of museum communication]. St. Petersburg: NP-Print Publ., 2007. 143 p.
7. Sotnikova S.I. *Muzeologiya* [Museology]. Moscow: Drofa Publ., 2004. 192 p.
8. Yukhnevich M.Yu. *Ya povedu tebya v muzey* [I will take you to the museum]. Moscow: Russian Institute for Culturology, 2001. 223 p.
9. Pshenichnaya S.V. *Kontseptual'naya model' muzeya v sovremennoy otechestvennoy muzeologii* [The concept of the museum in modern domestic museology]. In: *Muzei Rossii: Poiski, issledovaniya, opyt raboty* [Museums of Russia: search, research and experience], 2007, Issue 2. Available at: <http://www.isaac.spb.ru/digest/num9/pshen>. Accessed: 28th June, 2010).
10. Ananiev V.G., Mayorov A.V. *Istoriko-bytovye muzei kak kul'turnaya forma (po arkhivnym materialam)* [Museums of history of everyday life]. *Vo-prosy muzeologii – The Problems of Museology*, 2010, no. 1, pp. 50-56.
11. Porshnev V.P. *Muзей v kul'turnom nasledii antichnosti* [Museum in the cultural heritage of antiquity]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Art Publ., 2006. 296 p.
12. Yureneva T.Yu. *Muзей v mirovoy kul'ture* [The museum in the world culture]. Moscow: Russkoe slovo Publ., 2003. 535 p.
13. Gritskovich V.P. *Istoriya muzeynogo dela do kontsa XVIII veka* [History of museology before the end of the 19th century]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Art Publ., 2004. 406 p.
14. *Muзей i vlast'. Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela (XVII–XX)* [The museum and power. The state policy of museology (the 17th – 20th century)]. Moscow: Research Institute of Culture Publ., 1991. Part 1, p. 322.
15. Moller D.W. *Dissertatio de Techno-physiotameis, germanice von Kunst- und Naturalien-Kammern*. Altdorf, 1704.
16. Stolyarov B.A. *Khudozhestvennyy muzey v obrazovatel'nom protsesse* [The Museum of Art in educational process]. St. Petersburg: SpetsLit Publ., 1998. pp. 16-18.
17. Berry N., Mayer S. (eds.) *Museum education: History, Theory and Practice*. The National art education Association. Reston, Virginia, 1989, p. 57.
18. *Pedagogicheskie aspekty obrazovatel'noy deyatel'nosti muzeya* [Pedagogical aspects of the educational activities of the museum]. St. Petersburg: State Russian Museum Publ., 2013. 313 p.
19. Medvedeva E.B. *Muzeynaya pedagogika v Germanii i Rossii: Istoriya i sovremennost'* [Museum education in Germany and Russia. The Past and Present]. Moscow: APRIKT Publ., 2003. 92 p.
20. Likhtvark A. *Muzei kak obrazovatel'nye i vospitatel'nye uchrezhdeniya* [Museums as educational and training institutions]. In: Orshanskiy L.G. (ed.) *Obrazovatel'nye i vospitatel'nye zadachi sovremennogo muzeya* [Educational problems of the modern museum]. St. Petersburg, 1914, p. 3.
21. Kershensteiner G. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Translated from German by N.I. Rubinshteyn, A.A. Peskin. Moscow: K.I. Tikhomirov Publ., 1915. 287 p.
22. Fedorov N.F. *Muзей, ego smysl i naznachenie: sobr. soch. v 4 t.* [Museum, its meaning and use. Collected works in 4 vols.]. Moscow, 1995, vol. 2, 422 p.
23. Sidorova O.V. *Rabota s semeynoy auditoriey v muzeyakh Zapadnoy Sibiri v kontse XX – nachale XXI veka: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Working with family audiences in museums in Western Siberia in the late 20th – early 21st century. Abstract of History Cand. Diss.]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2012. 27 p.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИЙ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ИММИГРАНТОВ ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В США (1880–1914 гг.)

Рассматриваются формы трансформации традиций вероисповедания иммигрантов еврейского происхождения в США на примере празднования Шаббата. Исследуется влияние американских норм жизни и поведения на традиционные религиозные ценности и практику богослужения еврейских иммигрантов сквозь призму отдельных ритуалов национальной культуры. Уделяется внимание конфликту поколений – родителей и американизированной молодежи, а также вопросу влияния изменений в традиционном образе жизни на еврейскую идентичность.

Ключевые слова: американизация; адаптация; традиция; Шаббат.

Проблемы адаптации иммигрантов в стране пребывания непосредственно отражаются и на традиционных формах богослужения и обрядовых практиках иммигрантов. Предоставляя гражданские права и свободы новым гражданам, возможность реализовать стремление к образованию и финансовому процветанию, США были вправе рассчитывать на американизацию иммигрантов, которая влекла за собой проблемы культурной и языковой ассимиляции евреев, утраты глубоких духовных связей с национальной религией. С особой остротой эти проблемы проявились на уровне семьи. Конфликт поколений, родителей и американизированной молодежи был характерен для многих иммигрантских семей. В данной работе планируется ответить на вопрос, каким образом традиционная религиозная практика восточно-европейской волны иммигрантов еврейского происхождения оказалась совместима с американскими нормами жизни и поведения. В центре внимания – обрядовая практика празднования Шаббата.

К 1880 г., знаменующему начало восточно-европейской еврейской иммиграции в США, американизированные и зажиточные потомки немецких евреев поддерживали в основном реформистский иудаизм. Новые иммигранты были приверженцами традиционного еврейского богослужения, в их среде сформировались два других течения американского иудаизма: ортодоксальный – поддерживался мелкобуржуазными слоями восточноевропейских евреев, и консервативный, вобравший в себя представителей интеллигенции и среднего слоя евреев восточноевропейского и немецкого происхождения. Эти течения иудаизма отличались как в теологическом плане, так и по социальной и этнической принадлежности своих приверженцев.

Несмотря на разнообразие конгрегаций в рассматриваемый период, истинное положение большинства евреев имело большее значение, чем расколы в конгрегациях по вопросам публичных церемоний, точности текстов литургий или узкой богословской проблематике. Большинство евреев рассматриваемого периода не принадлежало ни к одной конгрегации. Чем больше был город, тем меньше евреев участвовало в жизни

синагог. Среди иммигрантов из Восточной Европы, проживающих в Чикаго, Нью-Йорке, Филадельфии и других огромных анклавах, принадлежность к синагоге была редкостью. Мало кто платил взносы или следил за дебатами раввинов о богослужениях [1. С. 131]. Однако большинство чувствовали себя обязанными посещать службы во время святых праздников Рош Ха-Шана и Йом-Киппур. Эти «грозные дни» пробуждали в людях глубоко укоренившуюся убежденность в необходимости соблюдения еврейского календаря и чувство еврейского долга. В больших городах стали возникать «грибные синагоги». В арендованных залах, переполненных людьми, чувствующими себя призванными к участию в ежегодной церемонии, проходили импровизированные службы. Подобным образом евреев объединяли домашние ритуалы, например обильная пища в Шаббат, свечи на Хануку или празднование Песаха, независимо от их принадлежности к какой-либо конгрегации.

Представители старшего поколения были в наибольшей степени укоренены в традиционной еврейской культуре, им было сложнее отойти от прежних форм религиозной жизни. Они продолжали ощущать свою духовную связь с верой отцов, остро переживали то, что в их новой жизни отсутствует прежний идеал, и не ощущали Америку своей родиной. Трансформация образа жизни носила преимущественно поверхностный характер, связанный прежде всего с необходимостью адаптации к новым условиям существования. Данное положение хорошо прослеживается в мемуарной и художественной еврейской литературе начала XX в. Писатели иронично относятся к тем персонажам, кто был способен лишь на внешнюю американизацию. Так, Генендель, героиня романа Ш. Аша «Дядя Мозес», в недавнем прошлом богобоязненная мать семейства, в Америке «превратилась в «либералку»: вместо специальных религиозных книг, бывших ее духовной пищей на родине, – здесь она читала еврейские газеты, интересуясь всем... она любила одеваться в перешитые платья дочерей и их старую обувь; таким образом, она по мере возможности придерживалась моды, но только с некоторым опозданием. Ученость и набожность мужа, которыми она

гордилась на родине, здесь потеряли для нее ценность» [2. С. 21]. Многие представители старшего поколения иммигрантов не смогли пойти дальше этих внешних изменений, которые и так достались им с большим трудом, только молодому поколению было под силу естественно вписаться в окружающий мир. Усилия молодежи были направлены на интеллектуальное становление в Америке с целью трансформации своей жизни в воплощение «американской мечты». Возьмем, к примеру, автобиографию Мэри Энтин «The Promised Land» [3] и роман Абрама Кагана «The Rise of David Levinsky» [4], написанный автором в осмысление своего иммигрантского опыта. Если в России маленькая Маша получила религиозное воспитание, а главный герой романа А. Кагана Давид Левинский принадлежал к строго ортодоксальной общине и готовился стать раввином, то Америка стала серьезным испытанием для их прежней религиозности. Если в детстве их мечтательное и наивное воображение было глубоко погружено в мир религиозных переживаний, то в Америке они с не меньшей страстью обратились к изучению светских наук. Характерно, что Давид называет университет своим «храмом», а М. Энтин говорит о библиотеке как о «своем дворце». Согласно образу мысли Энтин, первым шагом к обретению успеха, а следовательно свободы, является образование, которое открывает для личности возможность самореализации. Таким образом, в процессе американизации, нарушая принятый порядок вещей, дети часто становились наставниками взрослых в непонятном им мире городской цивилизации.

Трансформация традиций вероисповедания происходила как на уровне семьи, где конфликт поколений обострялся как в процессе американизации молодежи, так и на уровне общества в целом.

Члены ортодоксальных приходов нарушали законы Шаббата и употребляли некошерную пищу вне своих кошерных домов. В то же время в 1870-х гг. реформистские конгрегации, объединившись с Союзом американских еврейских конгрегаций, поддерживали ритуальные купания и оплачивали услуги шойхета для ритуальной обработки мяса. Большинство евреев, однако, соблюдали определенные традиции и настаивали на их сохранении, включая зажигание свечей в Шаббат, мужское обрезание, поддержку еврейских общинных институтов как форму обязательной благотворительности. В течение рассматриваемого периода некоторые евреи воздерживались от работы в Шаббат, соблюдали обряды очищения, заботясь о наличии микве для того, чтобы замужние женщины могли омыться в бассейне с водой по завершении менструального цикла, и прилагали огромные усилия, чтобы придерживаться предписаний в питании. Хотя восточно-европейские раввины сетовали, что Америка – место, где невозможно придерживаться традиций, городские сообщества евреев по всей стране, особенно в Нью-Йорке, строили свои жизни вокруг соблюдения заповедей.

Американские евреи были очень избирательны в выборе обязательств. Многие из того, что они совершали, отражало обстоятельства, в которых они находились, а не глубокие идейные размышления. Соблюдение Шаббата является этому хорошим примером. На протяжении XIX и в начале XX в. значительное число американских евреев занималось мелким бизнесом. Большинство американцев совершали покупки по субботам, во многих штатах действовали законы, ограничивающие продажи по воскресеньям. Это прямо противопоставляло Шаббат самой цели еврейской миграции в Америку: заработать на жизнь. Но даже если магазины не закрывались, евреи все равно отмечали Шаббат. Типичная семья собиралась дома вечером в пятницу на праздничный ужин для встречи Шаббата. Они ели пищу, запахи которой напоминали об оставленном в Европе доме: куриный суп с лапшой, фаршированную рыбу, жареного цыпленка, кугель. Матери зажигали свечи. Отцы нараспев произносили благословения над чашей с вином.

Однако на следующий день эти люди открывали лавки. Так происходило в маленьких городах на Среднем Западе в 1860-х гг. и больших еврейских общинах в крупных городах в начале XX в., у немецких и русских евреев. Исследование быта восточно-европейской общины Нью-Йорка в Нижнем Ист-Сайде в 1913 г. выявило, что почти 60% магазинов в этом районе вели бойкую торговлю по субботам [5. С. 146, 147]. Некоторые авторы вспоминают, что те же мужчины, которые утром шли в синагогу, днем надевали рабочие фартуки и становились за прилавков. Те же люди, которые под давлением экономических обстоятельств вели торговлю в субботу в течение дня, вечером шли домой и совершали авдалу, церемонию, знаменующую конец Шаббата. По строгим еврейским правилам эти люди нарушали Шаббат, но они считали себя хорошими иудеями, по возможности соблюдающими традицию.

Женщины чаще брали выходные в субботу, работая в лавках в будние дни. С середины XIX в. американские синагоги по утрам в субботу были наводнены прихожанками, это было разительным отличием от ситуации в Европе, где синагоги были заполнены мужчинами, а женщины в них появлялись редко. Хотя раввины сетовали на феминизацию синагог, постепенно они смогли приспособиться к факту преобладающего женского присутствия [6].

Не только работа уводила евреев от соблюдения Шаббата. Американские города были наводнены площадками популярных развлечений, и евреи, как и остальные, ринулись за удовольствиями городской жизни. В общинах с ортодоксальными синагогами и маленькими штиблах – молельных домах – на первых этажах, билеты на вечерние пятничные и утренние субботние представления в еврейские театры в Нижнем Ист-Сайде часто раскупались полностью.

Один нееврейский обозреватель так описал сцену из жизни еврейского квартала Нью-Йорка: «Ортодоксаль-

ные евреи, которые идут в театр в пятницу, когда начинается Шаббат, обычно испытывают некоторый стыд и пытаются успокоить совесть, выкрикивая проклятия актерам на сцене. Часто актера, который по требованию роли должен в пятницу вечером появиться на сцене с сигарой, встречают шипение и энергичные крики лицемеров из зала: «Позор, позор, курение в Шаббат!» [7. С. 125, 126].

Конечно, многие евреи и не подумали бы пойти на представление в Шаббат. Но такие оказались в меньшинстве и относительно населения в целом, и относительно членов общины. Фактически те, кто считал, что соблюдение правил, в частности Шаббата, не является предметом обсуждения, отказывались от миграции в Америку. А те, кто считал, что их принадлежность к еврейству не будет скомпрометирована, если они будут работать в магазине по субботам, иногда есть некошерную пищу или не придерживаться семейных церемоний очищения, пополнили ряды иммигрантов.

В праздники и решающие моменты жизни – на свадьбе, при рождении сына, смерти – они настаивали на соблюдении ритуалов, которые в их понимании были частью традиционного и неменяющегося иудаизма, схожего с тем, который проповедовался в черте оседлости. В целом они выбирали отдельные элементы традиции, известной еще с детства, наспех соединяли их с американскими нововведениями и приспособляли к необходимости заработать себе на жизнь.

Важно отметить, что, несмотря на ослабление связей с традиционным иудаизмом, евреи активно сопротивлялись внешним попыткам склонить их к христианству. В год не более нескольких сотен человек попадало под влияние протестантского движения, которое в 1880-х гг. нацелилось на еврейских иммигрантов из Восточной Европы, став более тщательно продуманным и организованным. Небольшое число обращенных под влиянием предвзятых интерпретаций евангельских христиан было несоразмерно фанатичной деятельности миссионеров [8]. Провал протестантских миссионеров подтверждал наличие сильного чувства своей идентичности среди большинства американских евреев. Они могли и не принадлежать к конгрегациям, однако оставались верными в ощущении себя евреями.

Старшее поколение иммигрантов, продолжающее ощущать свою духовную связь с верой отцов, остро переживало то, что в его новой жизни отсутствовал прежний идеал строгого следования традициям и нормам национальной культуры. Новое поколение иначе формулировало проблему духовности. Внутренний рост молодежи был связан прежде всего с осмыслением своей принадлежности к миру американской цивилизации и поиском путей формирования собственной идентичности, способной соотнести два культурных опыта, национальный и американский.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Diner, Hasia R.* The Jews of the United States, 1654 to 2000. California : University of California Press, 2004.
2. *Ау III.* Дядя Мозес. Берлин, 1923.
3. *Antin M.* The Promised Land. Boston, N.Y., 1924.
4. *Cahan A.* The Rise of David Levinsky. A novel. N.Y., 1917.
5. *Moses Rischin.* The Promised City: New York's Jews, 1870–1914. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1962.
6. *Karla Goldman.* Beyond the Synagogue Gallery: Finding a Place for Women in American Judaism. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2000.
7. *Hutchins Hapgood.* Spirit of the Ghetto: Studies of the Jewish Quarter in New York. New York : Funk and Wagnalls, 1902.
8. *Yaakov Ariel.* Evangelizing the Chosen People: Missions to the Jews in America, 1880–1920. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2001.

Konovalova Lada V. Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: lada_77780@mail.ru

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL CONFESSIONS AMONG JEWISH IMMIGRANTS IN USA (1880–1914).

Keywords: Americanisation; adaptation; tradition; Sabbath.

Problems of immigrants' adaptation to the life in a new country had a direct impact on their traditional forms of worship and religious rituals. The USA offered full rights and freedoms to newly arrived citizens, as well as opportunities to satisfy their striving for excellent education and financial prosperity. In return, the state was counting on the Americanisation of immigrants, which led to a cultural and linguistic assimilation of the Jews and their loss of deep spiritual connections with their national religion. These problems were particularly apparent in family life. Many of the immigrant families experienced conflict of generations, i.e. parents vs Americanised youth. In this paper, we would like to address the following question. In what way was traditional religious practice of the Eastern-European immigrants of the Jewish descent compatible with American way of life and American social norms, with a particular focus on the religious traditions of celebrating Sabbath? In spite of a variety of congregations in this time, the everyday life attitude of the majority of Jewish people was of more consequence than disputes among congregations on matters of public ceremonies, exact texts of liturgies and narrowly specialised theological problems. Most of the Jewish immigrants of this period did not belong to any of the above mentioned congregations. American Jewish people were very selective about the responsibilities they took on. Much of what they did reflected their life circumstances rather than any idealistic musings. Celebration of Sabbath is a good example of this. Basically, those who considered breaking the rules, such as not following Sabbath, out of the question turned down the idea of migration to America while those who believed their Jewish identity would not be compromised by working in the shops on Saturdays, occasionally eating non-kosher food or skipping the ritual bath ceremony topped up the ranks of immigrants. They did insist on following the traditional rituals for holidays and significant moments in one's life: weddings, burials or birth of a son. In their minds, such rituals were part of the traditional and unchanging Judaism. By and large, they selected individual elements of the traditions they were familiar with since childhood and haphazardly combined these elements with the American reality and the need to make a living. The older generation of im-

migrants, who were still in touch with the religion of their fathers, were painfully aware of the changes to traditional forms of national culture. The new generation had a different take on spirituality. The inner growth of the young generation had more to do with realizing that they now belonged to American culture and searching for new ways of finding their own identity capable of reconciling both of their cultural experiences.

REFERENCES

1. Diner H.R. *The Jews of the United States, 1654 to 2000*. California: University of California Press, 2004.
2. Asch Sh. *Dyadya Moses* [Uncle Moses]. Berlin: I.P. Ladyzhnikov Publ., 1923.
3. Antin M. *The Promised Land*. Boston, N.Y., 1924.
4. Cahan A. *The Rise of David Levinsky*. A novel. N.Y., 1917. 409 p.
5. Rischin M. *The Promised City: New York's Jews, 1870-1914*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.
6. Goldman K. *Beyond the synagogue gallery: Finding a place for women in American Judaism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000.
7. Hapgood H. *Spirit of the Ghetto: Studies of the Jewish Quarter in New York*. New York: Funk and Wagnalls, 1902.
8. Yaakov Ariel. *Evangelizing the Chosen People: Missions to the Jews in America, 1880-1920*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001.

РЕЦЕНЗИИ

Р.И. Демина, Г.И. Петрова

**РЕЦЕНЗИЯ: СЛАВЬСЯ, УНИВЕРСИТЕТ! ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
ТГУ / СОСТ. Н.М. ДМИТРИЕНКО; НАУЧ. РЕД. Э.И. ЧЕРНЯК.
ТОМСК : ИЗД-ВО ТОМ. УН-ТА, 2014. 320 с. : ИЛ.**

Публикация подготовлена в рамках проекта 14-13-70004 РГНФ.

Книга «Славься, университет!» представляет собой запечатленную в фотографиях и документах историю Томского университета в его классическое (дореволюционный и советский периоды) и неклассическое время. Что побуждает писать об университете при просмотре и чтении данной монографии, так это удивительное совпадение настроений авторов, создавших труд, и читателей. В резонансе настроений отразились резонанс веков и сохраненная в нем общность университетской культуры.

Испытываешь восторг от одной лишь идеи такого издания. История университета – в иллюстрациях! Это украшает и делает очень живой историю Alma Mater. Вспоминаешь дорогих сердцу людей – преподавателей и студентов того поколения, с которыми когда-то общался.

Книга, обнимающая жизнь университета от рождения до сегодняшних дней, – результат слаженной работы большого авторского коллектива (около 20 преподавателей и сотрудников ТГУ) и редакционного совета в составе профессоров Э.В. Галажинского (ректор ТГУ, председатель), Э.И. Черняка (заместитель председателя), Н.М. Дмитриенко (руководитель авторского коллектива), В.П. Зиновьева, Г.В. Майера и А.С. Ревушкина. Оригинальный дизайн издания разработан художником О.Е. Нечаевой. Монография становится событием не только университетского и российского значения, но и жизни общекультурной и явления глобального масштаба. В мире глобализационных «пространственных потоков» – динамичных, сцепляющих в единой коммуникации все народы и страны, – вопросы, эмоционально и красочно затронутые авторами, помогают понять, что происходит с современным университетом. Существуют разные позиции и разные ответы: негативно свидетельствующие о будущем университета вплоть до его исчезновения и, напротив, оптимистично предвещающие его развитие как классического. Но, пожалуй, наиболее распространенным и не кажущимся неубедительным является настроение ностальгии по классическому университету, который в новых условиях может уже потерять свои критерии, идею

и миссию. Как следствие, в ностальгии слышится призыв «вернуться к классике!»

Каков ответ авторов рецензируемой монографии? Возможно ли возвращение к классике? Оправдано ли? Если возможно, то как? Если невозможно, то почему? Эти и подобные вопросы встают у сторонних и частных к университетскому делу читателей. И те и другие приглашаются к их обсуждению. Авторская гипотеза, понятная и возможная для принятия, состоит в том, что современный Томский университет – национальный исследовательский – есть продолжение классического университета, каким всю собственную историю он и был. Присоединяешься к гипотезе и переводишь ее в теоретическое утверждение прежде всего потому, что работа выполнена с величайшей любовью к университету. Даже то ностальгическое настроение, о котором только что упоминалось, становится теплым, а грустинка – радостной. Читая, вспоминаешь: да, это было. И это. И это. Но оно было тогда – в классическое время. А как бы оно в наше, другое – неклассическое – время выглядело? И понимаешь: наивно. Желание познать абсолютную истину, вершить совершенство и создавать единство канонов как эстетических, моральных, так и идеологических и политико-экономических – все это в современном мире неопределенности, «мелькания» информации, господства «точной логики» – по меньшей мере, действительно, наивно. Но самоощущение тех времен достойно не только того, чтобы его понять, оно говорило о состоявшейся миссии классического университета – возведение человека к высокому, к рациональной мечте и грезе о красивом и совершенном будущем.

Боясь выдать собственную наивность, которая в наше время выглядит противоестественно и к которой суровая современность может отнестись иронично, все-таки хочется поделиться некоторыми воспоминаниями. Вот штрихи к портретам дорогих учителей. Профессор Константин Петрович Ярошевский. Не так давно он вернулся из лагерей. Запомнился рассказ о его не жизни, но выживания в лагере. Большое значение он придавал тому, что выживали те, кто оставался честным, не выдавал на допросах других, кому удавалось не подписывать себе приговор, признавая ту «правду»,

которой не было. (Позже ему приходилось присутствовать, кажется, в качестве переводчика, при допросах плененного Паулюса.) Энциклопедически развитый, он мог подолгу наизусть читать стихи и классическую прозу. Многие из студентов тогда впервые на его лекции услышали об Омаре Хайяме и, по просьбе одного из студентов, профессор читал рубаи Омара Хайяма на персидском языке. Просторная аудитория, в которой проходили занятия, «ломилась» от студентов с других факультетов.

Элиза Федоровна Молина вела факультатив по латинскому языку. Занятия проходили у нее дома за большим круглым столом. Знание языка, интерес и любовь к нему она вложила такой, что многие из выпускников тогдашних лет преподавали и (преподают до сих пор) латинский в вузах. И еще пример, который говорит о высокой наивности классики университетского образования. Каждое занятие по латыни у Галины Александровны Чупиной начиналось пением студенческого гимна «Gaudeamus». Пели все, даже совсем безголосые. Впоследствии знание гимна оборачивалось имиджевым, как сказали бы сегодня, явлением, которое создавало репутацию Томского государственного университета.

Сегодня нет этого университета, нет его единой модели. Вокруг классического университета – разнообразные университетские формы и институциональные образования. Означает ли это, что нет университетской классики? Классический означало особый, гуманитарно и эстетически насыщенный дух служения. Университет – место, где и в советское время продолжал сохраняться дух высокого аристократизма с присущими ему характеристиками нравственного императива и служения. Служения по законам сердца. Фраза из студенческого гимна «Славься, университет!» после выхода из его стен воспринималась как «Славься, высокий и ответственный труд во имя людей, славься, работа, которая приносит удовлетворение “мне” и благо “другому”!». В этом контексте читаются страницы книги, посвященные Алексею Кулябко, который «после окончания Томского университета поступил в физиологическую лабораторию при Императорской Академии наук в Петербурге. Летом 1902 года приступил к опытам по оживлению человеческого сердца и добился успеха...» (С. 18); устройтелю Томского университета профессору В.М. Флоринскому, который в числе первых неотложных задач ставил создание библиотеки, полагая, что «библиотека составляет необходимейшее пособие – источник духовной силы, без которого немислима ученая жизнь» (С. 28).

Авторы книги упомянули о выпускнике Томского университета Михаиле Шатилове, который вошел в инициативную группу по организации Томского краевого музея, более десяти лет руководил музеем, изучал этнографию Томского края, но был арестован и расстрелян как «враг народа». Ныне Томский областной краеведческий музей носит его имя (С. 66). Названы

первые в ТГУ женщины-исследователи, физики Н.А. Прилежаева, В.М. Кудрявцева, М.А. Большанина; замечено, что «награды, почетные звания и преподавательский труд не мешали трем женщинам дружить, наслаждаться музыкой, любить природу...» (С. 88). «...Из поколения “шестидесятников” вышли ведущие специалисты многих научно-исследовательских институтов, преподаватели вузов, техникумов, школ, архивные и библиотечные работники, журналисты... Нужно признать, что из этого поколения вышло больше всего организаторов науки, руководителей системы образования» (С. 148).

Миссия классического университета сохранялась в содержании, которое сформулировал В. фон Гумбольдт – хранить и преумножать «дух народа». Студент классического университета – романтик, который грезил о будущем. Можно сегодня говорить, что так определенная миссия использовалась в идеологических целях, но это не было виной университета. Духовная атмосфера благородства и заботы, постоянная неудовлетворенность и стремление к совершенству, университетская культура – вот что сохранялось. В одном из своих выступлений ректор, ныне президент ТГУ, Г.В. Майер привел слова из письма профессора С.И. Коржинского, лекцией которого «Что такое жизнь?» начались в 1888 г. занятия в Томском университете: «...Нам придется здесь быть Kultur tragerami, и если наша деятельность станет плодотворной, то не доставит ли это высшее наслаждение в жизни – сознание плодотворности и полезности этой жизни» [1]. Служение. Наивно? Безграничная вера в безграничный прогресс давала основание называть университет храмом науки.

Нет этого университета. Ушла и безграничная вера в гуманистическую настроенность науки после того, как она обнаружила себя в милитаристских воплощениях, в ненадежных АЭС, в невозможности «усмирить» мирный атом. Изменился мир. Межкультурные коммуникации связали все народы и страны в глобализационное, противоречивое, напряженное, но единое пространство. Может ли в этих условиях университет оставаться классическим, т.е. в своей идее стоять на прошлой рациональной логике и вере в единственную научную истину, грезить о прогрессе и совершенном будущем? Может ли он возводить человека только к своей национальной идее и духу только своего народа, как полагал В. фон Гумбольдт?

В глобализованном, мировом, образовательном пространстве, где сегодня обнаруживает себя университет, – другие законы. Законы конкуренции, законы выживания. Классический университет вынужден принимать их. Ему необходимо быть конкурентоспособным. Исследовательский университет – эмблематичное название, которое принял Томский университет, – это мировой университет. И если идея классического университета настаивала на его некоммерческой природе, ибо образование, как солнце и воздух, не продается, но

принадлежит всем, то современный университет, оставаясь некоммерческим по сущности, принимает, однако, возможности коммерциализации. Поэтому авторы монографии признают, что «включение в конкурентную борьбу за лидерство в глобальном научно-образовательном пространстве дает ТГУ возможности для обновления, для исполнения его исторической миссии» (С. 306).

Исчезает и единственный царивший в университете этос – этос фундаментальной научной истины, на основах которой проектировалось (грезилось) будущее. Греза рассматривалась привилегией только университета, все прочие вузы связывали себя с чисто утилитарными функциями.

Однако верен ли этот вывод? Исчезает ли? Монография заставляет думать по поводу этого вопроса. Ну, например, думать в том смысле, чтобы присмотреться к самому понятию научной фундаментальности. В самом деле, это понятие в разных социокультурных и эпистемологических условиях не может не изменять своего смысла. Фундаментальность науки, на которой стоял классический университет, была основана на парадигмальном представлении, которое определилось еще в XVII в. и предполагало ее аналитически строгое дисциплинарное разделение. Фундаментальные и прикладные науки оказались разделенными именно на этом основании. А сегодня? Что такое сегодня, например, нанотехнология? Это фундаментальная или прикладная наука? Могут ли науки, относящиеся к Hi-Tech, существовать отдельно от Hi-Hume? Может ли физика иметь значение вне ее единения с химией, биологией, эстетикой, этикой и др.? Междисциплинарность – вот форма фундаментальности современной науки. И она входит в университет, обязывая его на «технологический трансфер», на связи с «местным сообществом» и пр. Поэтому научные исследования, которые выполняет исследовательский университет и Томский государственный университет в том числе, остаются фундаментальными. И университет сохраняет критерий классичности – фундаментальность научных исследований, хотя и в другой, релевантной современности, форме.

Вот примеры из книги: «В 1992 году для реализации научных разработок в ТГУ было создано научно-производственное общество «Мипор», которое производит десятки тонн субмикронных порошков с размером частиц менее 100 нанометров. Создаются также установки для изготовления нанопорошков. Продукция используется в машиностроении, химической и медицинской промышленности, поставляется на завод подшипников в Самаре, Магнитогорский металлургический комбинат, Сибирский химический комбинат в г. Северске, в промышленные компании Италии, Германии, США и Канады» (С. 288). «В биологическом институте исследуются ресурсы биосферы, изучаются вопросы сельского хозяйства, биотехнологии, экологии... ведутся наблюдения за птицами, собираются све-

дения об орнитологической обстановке в зоне деятельности Томского аэропорта и на авиалиниях Томской области. На кафедре ихтиологии и гидробиологии... продолжают... исследования рыб и рыбоводства. Результаты исследований находят применение в рыбной отрасли Томской области. Все большее значение приобретает сотрудничество кафедры физиологии человека и животных с томскими НИИ в совместной разработке новых лекарственных препаратов и приборов для лечения онкологических и других тяжелых заболеваний» (С. 212).

Новая форма фундаментальности науки обнаруживает себя и в том когитарном повороте, который сегодня она осуществляет. Трансформация знания в информацию, его быстрое и непрогнозируемое изменение, равноценность формализованного в законах знания и неформализованного неявного мнения (догадки хранящейся в подсознании традиции и пр.) заставляют профессионала обращать внимание не столько на добытый результат, сколько на процесс его открытия и рождения. Процессуальное знание предъявляет требования к скорости работы мысли, неалгоритмическому мышлению, к его креативности, поискам вероятностных решений и постоянному бдению: быть начеку. Новые технологии (в том числе новые гуманитарные технологии), которые сегодня разрабатываются в университете, имея это в виду, направлены на развитие когнитивной компетентности – компетентности мышления творческого, нешаблонного, готового к порождению нового знания.

Не может оставаться прошлой по форме и миссия классического университета – миссия служения. Не может, потому что понятие служения изменилось. В наше время служить обществу означает умение отказываться от груза накопленного опыта и знания, от прочного «усвоения» культуры, ибо этот груз в эпоху быстрых изменений и мобильности профессионального и социального миров грозит быть обузой. Исследователи современного университета говорят о необходимости замены парадигмы усвоения знания на парадигму его порождения [2, 3]. Оставаться «человеком знающим», усвоившим статичную сумму знаний сегодня, означает выпадение и из профессионального мира, и из мира социокультурного. В мобильности информации, в коммуникации различных культур каждый обречен на постоянную «заботу о себе» как заботу о самоизменении и непрерывной работе по рождению себя как нового – нового профессионала, новой личности. Жить сегодня – это все равно, что бежать по тонкому льду: нельзя остановиться.

Какова же в этих условиях миссия исследовательского университета? Научить изменять себя, быть свободным в самоизменениях, научить добывать знания самостоятельно, ориентироваться в информационных потоках. «Быть начеку» для современного профессионала означает овладеть когнитивной компетентностью. Все изменилось. Изменился университет. Однако клас-

сика потому и классика, что она не меняется в своем содержании. Форма в разное время может быть разной, но содержание – нет.

Об этом говорит новая книга «Славься, университет!». Остается восторг от иллюстрированной истории университета, а в душе – добрая память об Alma Mater.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майер Г.В. Истоки, традиции и итоги. URL: <http://www.tsu.ru/content/tsu/tsutoday/trad.php>, свободный.
2. От классического университета к неклассическому. URL: <http://charko.narod.ru/tekst/monogr/zakl.htm>, свободный.
3. Джерджен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика. URL: <http://www.edc.bsu.by/tekst/alm4/dg.html>, свободный.

Demina Rosa I. pensioner (Dubna, Russian Federation) E-mail: k_rozaivanovna@mail.ru; *Petrova Galina I.* Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: seminar_2008@mail.ru

REVIEW. GLORY TO THE UNIVERSITY! ILLUSTRATED PAGES OF TSU' HISTORY / COMP. N.M. DMITRIENKO; SCIENCE ED. E.I. CHERNYAK. TOMSK : PUBLISHING HOUSE OF TOMSK UNIVERSITY, 2014. 320 P.: IL.

REFERENCES

1. Mayer G.V. *Istoki, traditsii i itogi* [Origins, traditions and outcomes]. Available at: <http://www.tsu.ru/content/tsu/tsutoday/trad.php>.
2. *Ot klassicheskogo universiteta k neklassicheskomu* [From the classical to the nonclassical University]. Available at: <http://charko.narod.ru/tekst/monogr/zakl.htm>.
3. Gergen K.J. *Sotsial'noe konstruirovaniye i pedagogicheskaya praktika* [Social construction and educational practice]. Translated from English by A.M. Korbut. Available at: <http://www.edc.bsu.by/tekst/alm4/dg.html>.

В.М. Кулемзин, С.Ю. Колесникова

РЕЦЕНЗИЯ: ОРЛОВ Д.С. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х – НАЧАЛЕ 1980-х гг.: ОТ МАРТОВСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС 1965 г. К ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЕ 1982 г. БИЙСК : АЛТАЙСКАЯ ГОС. АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ИМ. В.М. ШУКШИНА, 2014. 279 с. (ВУЗУ – 75 ЛЕТ). 500 ЭКЗ.

Подготовленная Д.С. Орловым книга состоит из двух частей. В первой части анализируются организационно-производственные и экономические механизмы функционирования сельского хозяйства Томской области. Во второй части представлены архивные документы, отражающие особенности реализации аграрной политики в регионе. Автор акцентирует внимание на задачах, поставленных партией и правительством, отраженных в документах партийных съездов, партконференций, в документах Томского обкома КПСС, бюро обкома КПСС, райкомов и горкомов партии, облисполкомов и хозяйственных органов, разного рода информации Томского обкома ВЛКСМ Томскому обкому КПСС, выступлениях трудящихся.

Если учесть современные научные требования к излагаемому материалу, то ключевые слова постановлений самого высокого уровня будут следующими: пятилетний план, решения съезда, забота о трудящихся, партийный контроль, продовольственный фонд страны, эффективность производства, исполнение решений, повышение ответственности, стимулирование труда, укрепление дисциплины, повышение плодородия почв.

В решениях и постановлениях местных органов власти, в том числе и партийных, часть приведенных ключевых слов останется как показатель стремления неукоснительно следовать решениям партии, но добавятся и другие: текучесть кадров, неустроенность быта, пьянство, административный нажим, плохое содержание техники, убыточное хозяйство, недопоставки государству, низкая квалификация кадров (С. 28, 29, 42, 57, 61).

Беглый просмотр работы или пристальный взгляд убеждает нас, что начало периода почти в двадцать лет и его конец мало чем различаются: одни и те же задачи, постановления, решения, результат. Совершенно не случайно весь период, связанный с именем Л.И. Брежнева, получил название застойного.

Многие историки, экономисты, социологи занимались и сейчас занимаются в силу актуальности проблемы продовольственной обеспеченности выяснением причин кризисного или близкого к нему состояния сельского хозяйства, его зависимостью и связью с генеральной линией партии, в целом с политикой государства, однако одному Д.С. Орлову удалось поднять решение этой задачи на уровень предельного заострения проблемы. Это сделать чрезвычайно сложно, особенно если учесть, что автор не отягощен теориями рыночных отношений.

Д.С. Орлов неслучайно свое исследование начинает с мысли о несовместимости двух подходов – централизма и децентрализма, характерных для постсталинской системы аграрно-экономических отношений. Ясно, что задача не может быть решена, если для нее существуют два взаимоисключающих метода решения. Дискуссии по этому вопросу, как известно, ни к чему не привели. Фактор отсутствия паритета на промышленную и аграрную продукцию сыграл отрицательную роль, как и усиление централизации и ослабление региональной власти.

Многие материалы свидетельствуют о действенной, а не мнимой силе командно-административного метода правления, направленного на подавление инициативы личного хозяйства. Из информации первому секретарю обкома КПСС Е.К. Лигачеву «О состоянии и использовании трудовых ресурсов и развитии личных подсобных хозяйств в селе Уртам» (датировано 17 декабря 1981 г.) комиссия осуждает практику многих семей держать несколько голов крупного рогатого скота, свиней, овец. Осуждается и содержание лошадей, тем более без разрешения облисполкома. Учетные данные сельского совета и фактические не совпадают (С. 159). Подобная картина отмечена в деревне Каштаново, где многие семьи держат большое количество гусей, свиней, овец. Такое положение дел, отмечается в записке обкома ВЛКСМ обкому КПСС, ведет к тому, что нарушаются принципы правильного сочетания личного и общественного, способствует развитию частных настроений (С. 97). Отмечается также, что на почве пьянства в селе в 1980 г. потеряно 823 человеко-дня (С. 158).

В Постановлении бюро Томского обкома КПСС от 5 июня 1981 г. «О ходе выполнения Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 декабря 1978 г. «О подсобных сельских хозяйствах предприятий, организаций и учреждений» 5 июня 1981 г. пункт под номером 4 гласит: «Обязать Томский горком, райкомы КПСС, отраслевые отделы обкома КПСС, райгорисполкомы, облсовпроф установить действенный контроль за работой подсобных сельских хозяйств».

В отчетных докладах определенное место занимает торговля, поскольку именно она осуществляет доставку до потребителя. Здесь говорится о воспитательной работе среди работников торговли, о необходимости партийного контроля (С. 123).

Из доклада первому секретарю Томского обкома КПСС Е.К. Лигачеву на XV областной партийной

конференции 21 февраля 1974 г. следует, что «Советские люди под руководством Коммунистической партии добились больших успехов в коммунистическом строительстве (С. 106). Однако далее в его же докладе от 18 июня 1981 г. речь идет о текучести кадров, отсутствии бытовых условий, вентиляции, освещения, как это имеет место на Асиновском молочном заводе (С. 147). Д.С. Орлов старается фонды подать объективно, понимая, что теории меняются, а факты остаются прежними. Здесь же Е.К. Лигачев говорит, что в первом квартале текущего года 18 совхозов и колхозов области не выполнили план по сдаче молока и мяса государству, а рыбозавод и кондитерская фабрика – по реализации продукции (С. 146). В одиннадцатой пятилетке, говорит докладчик, в 1,5 раза необходимо увеличить ввод жилья, объектов соцкультбыта, дорог, провести работу по закреплению кадров на селе (С. 145), своевременном ремонте технологических линий, которые часто простаивают (С. 141), низкой культуре земледелия (С. 138). Докладчик дает и положительные примеры – это подсобные хозяйства промышленных предприятий, которые за десятую пятилетку произвели 12,7 тыс. тонн мяса, 53 тыс. тонн молока, как это сделал, например, Сибирский химкомбинат. Приводятся и иные цифры других предприятий, однако читателя не покидает ощущение, что разница между «хорошими» и «плохими» предприятиями невелика.

Из отчета А.Е. Высоцкого секретарю Томского обкома КПСС на VI Пленуме Томского обкома КПСС «О мероприятиях по выполнению постановлений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС» следует: «Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР Совета Министров РСФСР с колхозов нашей области списано 7 миллионов рублей долгосрочных и 4,1 миллиона краткосрочных ссуд. Полностью списана задолженность за технику, здания и оборудование, приобретенные колхозами» (С. 68).

Как говорится, комментарии излишни. Это живо напоминает случай из «Двенадцати стульев», когда известный персонаж со всей строгостью проверил входные билеты, а у кого их не было, пускал и так.

Большой помощью являлся труд сезонных и временных работников, в том числе студентов вузов. В 1971 г. в совхозах СССР использовался труд 767,1 тыс. человек, в июле – августе работали 1,43 млн человек. При этом численность постоянных работников составила 7,989 млн человек (С. 55).

На заседании II Пленума Томского обкома КПСС 15 марта 1966 г. рассматривался вопрос о шефской помощи.

Довольно детально Д.С. Орлов рассматривает практику нецелевого использования средств, когда они тратились на нужды, не связанные с сельским хозяйством. Не вдаваясь в дискуссионные моменты, Д.С. Орлов делает собственные выводы из анализируемых материалов. Основная масса совхозов Томской

области была создана путем преобразования кооперативных хозяйств и строительства новых птицефабрик, свинокомплексов и т.д. Производственной основой аграрного строя стали крупные сельхозпредприятия. Эффективными мерами восьмой пятилетки стали внедрение элементов хозяйственной самостоятельности. Во второй половине 1960-х гг. среднегодовые темпы прироста сельхозпродукции заметно выросли. Позднее, с начала 1970-х гг., отказ от продолжения экономических реформ, абсолютизация плана как механизма регулирования развития аграрного сектора стали причиной господства командно-директивных методов правления аграрным сектором. Развитие аграрного сектора предполагалось без учета экологических условий, биотехнологий и пр. Характерным явлением стала слабая заинтересованность работников в результатах труда, творческом подходе. В связи с этим не было высокой отдачи от средств, направленных в аграрный сектор. В результате происходило списание долгов.

Самостоятельность колхозов и совхозов с начала 1970-х гг. стала быстро падать под прессом командно-административной системы. Девятая и десятая пятилетки стали убыточными в аграрном секторе. Особенность Томской области, несмотря на общую ситуацию в других регионах, состояла в известном положительном сдвиге за период одиннадцатой пятилетки. В 1981–1985 гг. все хозяйства за год в среднем произвели на 65% больше, чем в седьмой пятилетке (другие регионы Западной Сибири – 51%).

Политика расширения масштабов специализации и создания межхозяйственных сельхозпредприятий имела противоречивый характер в связи с отсутствием экономической теории. Многие предприятия так и оставались малорентабельными. Между кооперациями и властью возникли разногласия. Слова В.И. Ленина о том, что «все искусство управления и политики состоит в том, чтобы своевременно учесть и знать, где сосредоточить свои главные силы и внимание», воспринимались теперь не более как пустой раковинной, в которую можно вставить все, что угодно. Они не являлись практическим руководством в анализируемое время.

Положительная динамика все-таки была. Автор отмечает снижение числа убыточных колхозов и совхозов в 1985 г. по сравнению с 1980 г. Ощутимый результат как компенсационный механизм – шефство промышленных предприятий, хотя и здесь прослеживался административно-принудительный характер. Другой формой преодоления кризисных явлений стало развитие подсобных хозяйств.

Д.С. Орлов скрупулезно из общих преобразований в Томской области вычленяет положительное, давшее заметный сдвиг в аграрном секторе 1963–1965 гг.: увеличение капиталовложений, повышение закупочных цен, материальное стимулирование тружеников села и т.д.

Замедление темпов развития сельского хозяйства девятой и застой в десятой пятилетке поставили вопрос о корректировке аграрного курса. Принятая на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС продовольственная программа практически не явилась развитием мартовского 1965 г. Пленума.

Итак, Д.С. Орлов не делает единственного, на мой взгляд, вывода: в нежизнеспособной общей системе не может быть жизнеспособного аграрного сектора. По мнению автора, что-то помешало: возникшая в Центре и на местах оппозиция, отсутствие общего согласия, неверное понимание и неполное выполнение на местах решений съезда, дефицит кадров и т.д. В целом Д.С. Орлов исполнен оптимизма, как и народ в советский период истории.

В любом научном поиске сложно отличить истину от заблуждения. Здесь, кстати, было бы уместно

вспомнить марксистско-ленинский принцип о том, что критерием истины является практика. Она-то и показала, что лучшим путем для преодоления кризиса было введение многообразия форм собственности и рыночных отношений. Но это был бы неоНЭП, чего боялось руководство страны.

Дмитрий Сергеевич, как и секретарь Томского обкома КПСС Е.К. Лигачев, не хочет признать, что пьянство и текучесть кадров – это следствие, а не причина всех неудач.

Однако хватит злословить. Простим автору некоторые упущения. Это компенсируется тем, что он исполнен чувства оптимизма, которое, кстати, спасает и всех нас в настоящее время. Закрывая последнюю страницу, мы ловим себя на мысли, что книга своевременная и вызовет не одну дискуссию.

Kulemzin Vladislav M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shmakovaa@yahoo.com; *Kolesnikova Svetlana Ju.* Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shmakovaa@yahoo.com

REVIEW. D.S. ORLOV. AGRICULTURE OF THE TOMSK REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1960TH – THE BEGINNING OF THE 1980TH: FROM MARCH PLENUM OF THE CENTRAL COMMITTEE OF CPSU OF 1965 TO THE FOOD PROGRAMME OF 1982. BIYSK, 2014. 279 P.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРОНОВ Илья Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: orgizomenos@gmail.com

БАЕВ Олег Валериевич, кандидат исторических наук, доцент Кемеровского государственного университета, Институт экологии человека СО РАН. E-mail: baev-ov@rambler.ru

БЕЙСЕНОВ Арман Зияденович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и образования Республики Казахстан. E-mail: azbeisenov@mail.ru

ГАЕВОЙ Глеб Евгеньевич, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: gaevoyg@mail.ru

ГОНЧАРОВА Дарья Станиславовна, студентка 4-го курса исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: daru-ya93@mail.ru

ГРОМОВА Дарья Владимировна, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: putdarya@yandex.ru

ДЕМИНА Роза Ивановна, пенсионер (г. Дубна Московской обл.). E-mail: k_rozaivanovna@mail.ru

ДЕРИГЛАЗОВА Лариса Валериевна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: dlarisa@inbox.ru

ИГУМНОВА Людмила Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. E-mail: lyudmila_igum@mail.ru

КАЗИЕВ Саттар Шарниязович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева. E-mail: sattarkaz@mail.ru

КОЛЕСНИКОВА Светлана Юрьевна, кандидат исторических наук, доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Сибирского медицинского университета (г. Томск). E-mail: shmakovaa@yahoo.com

КОНДРАТЬЕВА Тамара Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского государственного университета. E-mail: ktamara1960@yandex.ru

КОНОВАЛОВА Лада Васильевна, аспирант кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета. E-mail: lada_77780@mail.ru

КОРНЕЕВ Олег Владимирович, старший научный сотрудник факультета политологии Университета Шеффилда, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: o.korneev@sheffield.ac.uk

КОСТРОМИНА Надежда Георгиевна, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: Klio73@mail.ru

КУЛЕМЗИН Владислав Михайлович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: shmakovaa@yahoo.com

КУТЕЙНИКОВ Александр Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: alex.kuteynikov.sociology@gmail.com

ЛЕОНОВ Андрей Сергеевич, старший преподаватель кафедры европейского и международного права Нижегородского государственного университета. E-mail: andrei_leonov@yahoo.fr

МИРОШНИКОВ Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: Smiroshnikov64@mail.ru

МИХАЙЛЕНКО Валерий Иванович, доктор исторических наук, декан департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: valermik@gmail.com

МОРОЗОВА Анна Евгеньевна, старший преподаватель исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: ann.morozo@yandex.ru

ПЕТРОВА Галина Ивановна, доктор философских наук, профессор института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: seminar_2008@mail.ru

ПОЛЯКОВА Елена Александровна, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры истории и философии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: elena2873@mail.ru

УСАЧЕВА Ольга Трофимовна, директор по внешнеэкономическим связям ООО «Диагностика М», соискатель по кафедре внешнецерковных связей Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. (г. Москва). E-mail: lektorij@mail.ru

ФОМИНЫХ Алексей Евгеньевич, кандидат политических наук, начальник отдела международных программ и проектов Поволжского государственного технологического университета (г. Йошкар-Ола). E-mail: alexfom@volgatech.net

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

ЩАВИНСКАЯ Людмила Борисовна, преподаватель кафедры иностранных языков общеобразовательного факультета Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: kononova@inbox.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2014. № 6 (32)

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редактор-переводчик Е.Ф. Троицкий
Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати 12.12.2014 г. Формат 60x84¹/₈.

Гарнитура Times.

Печ. л. 19; усл. печ. л. 17,6.

Тираж 60 экз. Заказ № 735.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28